

ISSN 2072-8522

В

ЕСТНИК

Московского
Государственного
Областного
Университета

Русская филология

№4/2009

Вестник

***Московского государственного
областного университета***

**СЕРИЯ
«РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»**

№ 4

**Москва
Издательство МГОУ
2009**

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. – председатель ред. совета, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. – зам. председателя ред. совета, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. – доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. – директор издательства, доктор философских наук, доцент
Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор
Трайтак С.Д. – кандидат физико-математических наук, доцент

Редакционная коллегия серии «Русская филология»:

Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор (ответственный редактор)
Шаповалова Т.Е. – доктор филологических наук, профессор (зам. ответственного редактора)
Алексеева Л.Ф. – доктор филологических наук, профессор
Аношкина В.Н. – доктор филологических наук, профессор
Копосов Л.Ф. – доктор филологических наук, профессор
Леденёва В.В. – доктор филологических наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – № 4. – 2009. – М.: Изд-во МГОУ. – 226 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., С.5 и решение Президиума ВАК России 6.07.2007 г. См.: Список журналов на сайте ВАК, 12.07.2007 г. и в редакции апреля 2008 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и требованиях к публикациям для авторов статей находится постоянно, обновляясь с внесением необходимых изменений.

© МГОУ, 2009

© Издательство МГОУ, 2009

С О Д Е Р Ж А Н И Е

РУССКИЙ ЯЗЫК

АСТАХИНА Л.Ю. К вопросу об эволюции в тематической группе лексики	7
ДЕВЯТОВА Н.М. Синтаксическое поле сравнения: к проблеме прототипической конструкции ..12	
НИКУЛЬЦЕВА В.В. Лексические неологизмы Вячеслава Иванова: диахронический и синхронный аспекты изучения	16
ОЗЕРОВА Е.Г. Когнитивное пространство апперцептивной номинации в поэтической прозе	24
ПАПУША И.С. Формальные показатели структуры сложного синтаксического целого	29
ПОЛЯКОВА С.В. Экспериментальное изучение активных процессов в области склонения имён числительных	33
ПОПОВА Н.С. Прототипические образы частей суток в русской поэзии второй половины XIX века	39
ПОПОВА Н.С. Прототипические образы частей суток в поэзии пушкинской поры	46
РОДИОНОВА И.Г. Простое глагольное сказуемое со словом <i>всѣ</i> в современном русском языке	51
ЩЕРБИНА С.И. К истории отечественных терминов языкового родства	56
ШЕВАТЛОХОВА Е.Д. Фамилии адъективного типа склонения	59

Публикации аспирантов

БЭБЭЛЬСКА К. Этимология названий некоторых морских обитателей	64
ГРЕБЕНКОВА Ю.М. Гендерный аспект в состоянии двухуровневой фонологической системы у учащихся средней школы	68
ГРИГОРЕНКО М.Ю. Модусный статус эвиденциальности в современном русском языке	73
ДУБОВИК Е.И. Функционально-семантический статус категории целесообразности в русском языке	77
ДУДИН А.А. Лексические особенности «Сказания о Евпатии Коловрате...» С.А. Есенина	80
ЖУЧКОВА Н.В. Безглагольные императивные высказывания как компоненты полипредикативных конструкций в разговорной речи (по произведениям Б. Акунина)	84
КОЗЛИНСКАЯ О.А. Смысловой блок «точка зрения» в тексте школьного сочинения	87
КЛЕВЦОВ А.Н. Функции кавычек, выделяющих термины	91
КОЛОМИЕЦ Е.В. К проблеме терминологии в отечественной парфюмерии. Классификация запахов парфюма	95
МАМЕЧКОВ С.Г. К вопросу об особенностях реализации семантического потенциала грамматической категории рода русских существительных	98
НИКОЛАШВИЛИ М.Н. К вопросу о классификации драгоценных камней	103
ОДИНЦОВА Е.С. Предложения с союзами <i>нет чтобы</i> и <i>нет бы</i> в конструктивно-синтаксическом поле замещения	105
ПАВЛОВ Р.В. Функционально-семантическая специфика пространственных предлогов	110
РОСЛОВА Е.Ю. Просодическая организация звучащей православной проповеди	113
СОРОКИНА С.Н. Промысловая лексика угров в гидронимах Среднего Приобья	118
ПАПЯН Л.Ю. Словесный ряд в структуре текста	120

ЛИТЕРАТУРА

БАЛАГОВА-КАНДУР Л.Х. Этнокультурные основы исторических романов Мухадина Кандура (к проблеме целостного изучения общеадыгского национального литературного процесса)	125
БАРАНОВА К.М. Ведущие лейтмотивы в американской литературе колониального периода ..127	
ГЛАДИЛИН Н.В. Интертекстуальные референции в романах «Парфюмер» П. Зюскинда и «Сестра сна» Р. Шнайдера	134
ГОРЛАНОВ Г.Е. Самопознание как одно из свойств русского архетипа в творческом мировидении М.Ю. Лермонтова	138
КАЗАНЦЕВА И.А. Отражение православной аксиологии в творчестве современных писателей	143
КАРАСИК О.Б. Романы Филипа Рота –к вопросу об автобиографизме творчества	148
НОВИКОВА А.А. М.О. Меньшиков о литературе и писателях 1890-х годов (из наследия критика)	153

РАМАЗАНОВА Г.Г. «Звонок ли чугуна на Аустерлицком мосту»? (Из истории полемики «Московского Наблюдателя»)	158
РАМАЗАНОВА Г.Г. Духовные очерки Ф. Глинки в «Московском Наблюдателе»	162
ТАРАСОВА М.Р. Феномен литературной критики в интерпретации И.А. Ильина	168
ЧЕРНИН В.К., ЖАТКИН Д.Н. Поэтический цикл Альфреда Теннисона «In memoriam» в русских переводах XIX – начала XX в.	172
ШЕСТОПАЛОВА Г.А. Гоголевские традиции в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина	176

Публикации аспирантов

ЕРМОШИН Ф.А. Рецептивный аспект изучения творчества Ф.М. Достоевского: (К проблеме «экономических» отношений автора и читателя)	182
ЕФИМОВА Л.Н. «Письма баламута» в творческом наследии К.С. Льюиса человеческая жизнь в символическом освещении	186
КРАСНИКОВА О.В. Пространственно-временная организация хроник Н.С. Лескова «Захудалый род», «Старые годы в селе Плодомасове», «Соборяне»	188
ПОПОВ В.Н. Литературная репутация поэта Н.Е. Струйского	193
СЕДОВА Н.А. Пространство и время как категории культуры США в литературном творчестве американских романтиков	201
СЕДОВА Н.А. Религиозное сознание американского общества первой половины XIX века и его отражение в литературе	206
ТАТЕЙШВИЛИ В.М. Шекспировская традиция в английской поэзии XX века: Тед Хьюз	213
РЕЦЕНЗИЯ на учебник «Современный русский язык» под ред. доктора филологических наук профессора С.М. Колесниковой	218
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	220
НАШИ АВТОРЫ	221

RUSSIAN LANGUAGE

L. ASTAKHINA. The development of the thematic group of the words	7
N. DEVYATOVA. Syntactic field of comparison: to the problem of prototypical construction	12
V. NIKULTSEVA. Viaceslav Ivanov's word creation diachronically and synchronically	16
E. OZEROVA. Cognitive space of apperceptive nomination in poetic prose	24
I. PAPUSHA. Formal parameters of structure of the complex syntactic whole	29
S. POLYAKOVA. Experimental research of active processes in numerals' declining	33
N. POPOVA. Prototypical images of the day sections in the II part of the XIX-th century Russian poetry	39
N. POPOVA. Prototypical images of the day sections in Pushkin time poetry	46
I. RODIONOVA. Simple verbal predicate with a word "vse" ("still") in modern Russian	51
S. SHCHERBINA. The History the Terms of our country of the related languages	56
E. SHEVATLOKHOVA. Names of the adjective type of declension	59

Publications of post-graduate students

K. BEBELSKA. Etymology of names of certain marine creatures	64
Y. GREBENKOVA. Gender aspect in the state of bimodal phonologic system for the pupils of the middle school	68
M. GRIGORENKO. The modus status of evidentiality in the Russian language	73
H. DUBOVIK. The functional-semantic status of the category of expediency in the Russian language	77
A. DUDIN. Lexical peculiarities of «The story about Evpatiya Kolovrat» by Yesenin	80
N. ZHUCHKOVA. Verbless imperative utterances as components of poly-predicative constructions in spoken language (by B. Akunin writings)	84
O. KOZLINSKAYA. Semantic blok standpoint in text of the school essay	87
A. KLEVTSOV. The function of inverted commas which allocating terms	91
E. KOLOMIETS. To the Problem of Terminology in Russian Perfumery. Classification of Perfume Smells	95
S. MAMECHKOV. The peculiarities of the realization of the semantic potential of gender as a grammatical category of russian nouns	98
M. NIKOLASHVILY. To the Question of Jewels' Classification	103
H. ODINTSOVA. The sentences with conjunctions <i>net by</i> and <i>net chtoby</i> in the constructional-syntactic field of substitution	105
R. PAVLOV. Functional- semantic peculiarities of spatial prepositions	110
E. ROSLOVA. Prosodic organization of vocal liturgical speech	113
S. SOROKINA. The Ugric people's trade lexis in the hydronyms of the Middle Ob area	118
L. PAPYAN. Literary raws in text structure	120

LITERATURE

L. BALAGOVA-KANDUR. Ethno-cultural principles of novels by Mukhadin Kandura (Regarding a problem of integral study of Adyg national process)	125
K. BARANOVA. Leading Leitmotifs of the American Colonial Literature	127
N. GLADILIN. Intertextual references in the novels «The perfume» by P. Süskind and «Brother of sleep» by R. Schneider	134
G. GORLANOV. Self-knowledge as a feature of the Russian archetype in Lermontov's creative mentality	138
I. KAZANTSEVA. The reflection of orthodox values in the creative work of the contemporary writers	143
O. KARASIK. Novels by Philip Roth. The Problem of Autobiography	148
A. NOVIKOVA. M. Menshikov's attitude to literature and writers of 1890s (from critic's legacy) ..	153
G. RAMAZAMOVA. Is the cast iron on the Austerlitz Bridge sonorous? (From the controversy history of "Moskovsky Nablyudatel")	158
G. RAMAZANOVA. Spiritual essays by F. Glinka in the "Moscow observer"	162
M. TARASOVA. Phenomenon of literary criticism in interpretation of I.A. Ilyin	168

V. CHERNIN, D. ZHATKIN. The poetic cycle of Alfred Tennyson «In Memoriam» in early Russian translations of the 19 th and the beginning of the 20 th century	172
G. SHESTOPALOVA. N. Gogol's tradition literary words by M. Saltikov-Schedrin	176

Publications of post-graduate students

F. ERMOSHIN. Receptive aspects of Dostoevsky's poetics (Problem of "economic" relationship between Author and Reader)	182
L. EFIMOVA. «The screwtape letters» in the creative inheritance of C. S. Lewis: man's life in a symbolic meaning	186
O. KRASNIKOVA. The spatio-temporal structure of N.S. Leskov chronicles «The impoverished family», «Olden times in the village of Plodomasovo», «Cathedral folk»	188
V. POPOV. The literary reputation of N. Strujskiy	193
N. SEDOVA. Space and time as a category of culture in American romance literary	201
N. SEDOVA. Religious consciousness of American society in the first half of the nineteenth century and its reflection in the literature	206
V. TATEYSHVILI. Ted Hughes and Shakespeare	213
REVIEW of the textbook «Modern Russian» under the editorship of the Doctor of Philology of professor S.M. Kolesnikova	218
SCIENTIFIC LIFE	220
OUR AUTHORS	221

Русский язык

УДК 81'373

Астахина Л.Ю.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ В ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ ЛЕКСИКИ*

Аннотация: В статье исследуется эволюция тематической группы наименований полевых культур в XVI–XX вв. Автор утверждает, что в связи с преобразованием тематической группы в терминологическую в ней изменяются родовые и видовые соответствия.

Ключевые слова: тематическая группа, термин, родовые и видовые соответствия.

Тематической считается группа слов, представляющая перечень наименований предметов определённого характера. Таковы, например, названия полевых культур: *рожь, пшеница, ячмень, овёс, гречиха, горох* и др. Среди учёных существует мнение, что подобные группы не могут быть объектом лингвистического исследования, так как никаких изменений в них не происходит, если не считать количественного прироста их компонентов. Так, академик Д.Н. Шмелёв полагал, что подобные группы «характеризуются такой совокупностью признаков, которая стоит вне собственно лингвистических измерений» [1]. Для всех ли тематических групп справедлив такой приговор или могут быть исключения?

В процессе бытования в русском языке тематической группы названий полевых культур выявились некоторые особенности, позволяющие говорить об эволюционных процессах в ней.

В посевных, ужинных, умолотных и опытных книгах XVI–XVII вв., хранящихся в рукописных фондах Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Владимирской области, группа названий полевых культур включает следующие: *рожь, овес, ячмень* (или *жито, житарь*), *пшеница, ярица* (или *овыдь, ярая рожь*), *греча (гречиха), горох, лён, семя конопляное, конопельное* (или *симя*). Книги велись в различных хозяйствах, в частности в монастырях, учёт посева и урожая в них составлял жизненную необходимость. Записывалось количество посеянного зерна на

монастырских полях Кирилло-Белозерского монастыря, на участках отдельных половников Троицко-Гледенского монастыря, на полях, обрабатываемых крестьянами и «детинышами» Иосифо-Волоколамского монастыря, на крестьянских изорных десятинах (изорах, изорницах) Суздальского Покровского монастыря. В вотчинных и монастырских хозяйствах Новгородской земли, Подмосковья, а также на территориях Сибири в XVI–XVII вв. также вели учётные посевные книги. С не меньшей точностью вносили сведения в ужинные, умолотные и опытные книги о собранном урожае. Слово *хлеб* объединяло все перечисленные выше культуры, было родовым наименованием в этой группе: «Ужато гсдрва отписного хлеба семь копен сотных ржи, да четыре копны сотных жита, да три копны овса», – читаем в ужинной книге отписного хлеба 1586 г. [2]. «Всего, всяког хлеба приполону бгъ послал за семяны ржи и пшеницы и ячмени и гороху и семяни конопельного и ярицы и овса #AKS чети», – фиксирует книга 1606 г. Кирилло-Белозерского монастыря [3]. В той же роли выступает наименование *хлеб* в заглавиях книг и тетрадей: «Книги Кириллова мнстря... а в них записано в котором селе посеяно и сколько мнстрьского хлеба РПД (1676) году в мае мсце и что бгъ послал приполонного хлеба» [4]; «Книги мнстрьскому яровому хлебу овсу и ячмени» [5].

Синонимы в данном лексическом объединении отражают состояние полевого хозяйства на различных территориях, условия преобладания той или иной культуры. Таковы слова *жито* и *житарь*. Любой зерновой хлеб (на корню, в снопах, в зерне) в более ранних памятниках обозначался словом *жито*: «Изби мраз всяко жито и бысть дорогость люта» (1-я Псковская летопись, под 1314 г.). В древнерусском языке *житом* именовали не только любой зерновой хлеб, но и рожь, и ячмень, и даже лён [6].

В большинстве случаев определить значение слова *жито* в древнерусских памятниках (что имеется в виду – зерно, хлеб вообще

* © Астахина Л.Ю.

или какая-либо отдельная культура) из-за неясности контекстов невозможно. Сельскохозяйственные книги, как более поздние, такую возможность открывают. В значении 'любой зерновой хлеб' *жито* в них не встречается. В качестве названия одной культуры оно сохранилось в книгах XVI–XVII вв. Так, в книге 1605 г. Новгородского Софийского дома *житом* называли одну культуру: «Высияно софииских симян на половной земли жыта 3 четвертеи, овса Д четверти» [7]. Ср. в волоколамской книге 1617 г.: «Дано... крстьяном ДІ чети овса, Г чети жита» [8]. Монастырские писцы называют жито яровым хлебом: «За высеом у PKS (1617) году декабрия по 3 дн осталось нне в мнстре в живе старова ярового всякаго хлеба и з заемным Н чети муки овсяной, ЗІ чети жита и муки житной, ВІ чети солоду житнаго, З чети пшеницы» [там же]. Среди возделываемых культур ячмень не указывается, хотя известно, что его в волоколамских местах высевали; по-видимому, *житом* называли ячмень. В XII–XV вв. волоколамская территория принадлежала Новгороду, возможно, и новгородское *жито* тоже 'ячмень'. Заметим: в двинских грамотах XV в. *жито* выступает как название отдельной культуры: «Сорок пuzов семенного жита» [9], а В.И. Чернышёв в междуречье Нерли и Пекши записал «мелкие жита» [10].

В суздальских книгах именовали *житарём* отдельную культуру: «Книги мнстрскому хлебу овсу и житарю и гороху» [11], «высеяно мнстрского житаря три четверти, да гороху высеяна четверть, осталось житаря две четверти бес полуосмины» [там же]. Житарь, как видим, учитывается в ряду яровых культур, но какая именно культура таится за этим словом, сказать трудно, тем более что в этих местах слово *житарь* регистрируют в значении 'ячмень' и 'яровая рожь' [12]. Диалектологи фиксировали *житарь* в Дмитровском р-не Московской обл. в знач. 'ячмень' [там же], а в Новоторжском районе Калининской (Тверской) области – в значениях 'особый род ячменя с четырёхгранным колосом' и 'сорняк похожий на ячмень с короткими усами' [13]. Опираясь на древнерусские данные, И. И. Срезневский толкует *житарь* как 'пекарь': «Постави старец отца моего житаря» (Синайский патерик, XI в.), «житарь пришед к преподобному Селеукию» (Минеи четьи, XVI в.). В начале XIX в. *житарем* именовали «пристава, имеющего надзирание за хлебом» [14], а в конце столетия на Урале *житарем* называли того, кто «самовольно косит или жнёт чужой хлеб» [12].

В памятях и отписках, поступавших из суздальских сёл в 30–50-х годах XVII в., отмечалась *ярица*: «Посеяно... на ма(на)стырские изоры ярицы шес(т)ьдесят четвертеи» [15], «пашня възорана, а сеят(ь) тое земълю овсомъ и ярицею» [16]. Книги Суздальского Покровского монастыря, сохранившиеся с 1659 г., упоминаний о *ярице* не содержат, в них пишут о *ярой ржи*: «Книга овсу ярой ржи и грече» [17], «ярой ржи высеяно на семи десятинах» [18], «ужато... дватцетъ сотниц ярой ржи и та ярая рожь перемолочена» [19].

Исходя из этих данных, можно говорить об исчезновении одного из синонимов, что не влечёт семантических изменений в тематической группе. Скорее, в ней проявляются признаки «относительной автономии» её членов (термин, употребляющийся при описании лексико-семантических групп слов). Можно усмотреть здесь признаки так называемого морфосемантического поля, в котором академик О. Н. Трубачёв отметил «наличие ряда общих характерных черт семантики и словообразования при мозаическом принципе примыкания и взаимосвязи слов, образующих замкнутое целое, без чёткой противопоставленности элементов» [20]. Этот принцип позволяет говорить о незамкнутом целом тематической группы названий полевых культур.

Родо-видовые связи – одна из универсальных разновидностей отношений, присущих лексическим группам. Привлечённые к исследованию источники показывают, что с течением времени родо-видовые отношения в группе наименований полевых культур претерпевают изменения.

В начале эволюционного развития составляющие её слова можно отнести к общедно-бытовой лексике, сохраняющейся в языке на всём протяжении его письменного существования. Ф. П. Филин писал, что убыль или «рост словарного состава в тематической группе не оказывает сам по себе какого-нибудь влияния на соотношение уже установившихся родовых и видовых понятий» [21]. Для отношений внутри группы наименований полевых культур это утверждение справедливо. Однако со временем, с развитием промышленного производства, с накоплением агрономических знаний по полеводству, а затем в процессе формирования науки о сельском хозяйстве эта группа наименований входит в качестве составной части в сельскохозяйственную терминологическую систему, что и обусловило перестройку родовых и видовых соотношений в перечне указанных

выше слов.

По современной сельскохозяйственной терминологии, список полевых культур – зерновых (хлебных, крупяных, бобовых), а также технических – значительно шире, однако для исследования привлекаем те названия, которые есть в книгах XVI–XVII вв.

Общий признак значений слов этой группы – «полевые культуры». Он свидетельствует о том, что в ней объединены названия культурных растений, выращиваемых на значительных земельных площадях – на полях. Дифференцирующим признаком, разделяющим эту группу на две неравные части, является признак, характеризующий эти слова как названия растений, имеющих «различное время посева». Осимой была только рожь, все остальные культуры – яровые. Соответственно времени посева вели в хозяйствах учётные книги: «ржаные» – о посеве под осень и сборе урожая ржи – и книги «яровому хлебу», в которых отражался весенний посев и осенний сбор яровых культур: «Книги ржанные и яровые, что бгъ послал ужато и умолено новаго всякаго ярового хлеба РКС (1616) году» [22]; «Книги ужинные и опытные и посевные села Хрепилева... ржаному хлебу» [23], «Книга... монастырскому яровому хлебу овсу пшенице гороху села Шипова» [24], – читаем в книгах Суздальского Покровского монастыря. Все книги Троицко-Гледенского монастыря, названные «хлебными», содержат записи и о посеве конопляного семени («симяни»): «Книга ржанным симянам что посияно во всех тро(и)цких вотчинах ко 191-му году ржи и что посеяно будет во РЧА-м (1682) году овса и ячмени и всякаго ярового хлеба, и то в сей книге писано статьями» [25]. В той же книге находим: [посеяно] «симяни конопляного 2 решета» [л. 2], «приполону... симяни 2 решета» [л. 16 об.]. А в книгах Суздальского Покровского монастыря 1698 г. есть сведения о посевах льна, который относится к «яровому хлебу»: «Книги ужинные и опытные... яровому хлебу овсу, и гороху, и пшенице, и ячменю, и льну» [26].

Как видим, *хлеб* было обобщающим, родовым наименованием для *всех* полевых культур. Ср. итоговую запись книги Кирилло-Белозерского монастыря 1606 г.: «И всего всякаго ярового хлеба высаял старец Игнатей житник около монастыря на монастырскую пашню, на крестьянские десятины и что дворовые люди пахали, пшеницы, и ячмени, гороху, семени конопляного, и овса 370 чети с осминою» [27]. Ср. запись о расходе книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1617 г.:

«И всего всякаго ярового хлеба овса, и жита, и солоду, и ярицы, и пшеницы, конопель, и гороху... вышло в год...» [8].

«Отношения между словами в тематических группах строятся только на внешних отношениях между понятиями, причём при различных классификационных целях слова могут объединяться и разъединяться, что не затрагивает в чём-либо существенном их значения» [28]. Тот факт, что в современной сельскохозяйственной терминологии лён и конопля относятся к техническим культурам, а горох – к зернобобовым, не меняет их значений, но показывает, что произошло родовое перераспределение в группе наименований полевых культур. Из наименований, объединявшихся словом *хлеб* (яровой), раньше всех выделились названия *технических* культур, а затем – *зернобобовых*. Заметим: в книгах XVI–XVII вв. о посевах и урожаях гороха, конопляного семени и льна, сообщалось *после* сведений о других яровых культурах. Возможно, это делалось потому, что размеры посевов и урожаи их были невелики и не играли в хозяйстве значительной роли, или вследствие того, что пишущие интуитивно ощущали некоторое несоответствие: на одной и той же странице приходилось записывать сведения о столь различных растениях (если иметь в виду их применение). Но хозяйственная необходимость и существовавшая традиция учёта диктовали форму ведения книги, организацию её содержания по единому принципу: одновременную регистрацию расхода семян при *одновременном* посеве хотя бы и столь различных культур.

«История лексики, – писал В.В. Виноградов, – тесно и органически связана с историей производства, быта, культуры, науки, техники, с историей общественных мировоззрений... Связь истории языка с историей общественного развития обнаруживается непосредственно и всесторонне» [29]. Объединение наименований различных по характеру культур словом *хлеб* (яровой) в книгах определялось условиями производства. Первым звеном «производственной цепочки» был крестьянин, он пахал землю, сеял, собирал урожай. Потребителем большей части урожая являлся землевладелец, а меньшей – крестьянин. Здесь же, на месте производились изделия из выращиваемых растений: мука для выпечки хлеба, солод для кваса, пива, крупы для каш. Из льна и конопли получали масло и волокно, делали льняные ткани, а из пеньки – разнообразные нити, верёвки, канаты.. Принцип производства

натурального хозяйства определял характер учётной документации: разграничение только *по времени посева* (урожай собирали одновременно – осенью). Когда же не вели особых «ржанных» и «яровому хлебу» книг, о посеве ржи сообщалось особо: «Во 145-м (1637) году апреля в 26 де(нь) посеяно на пельмской подгородной пашне яровых семян, а рожь сеяна августа в 1 де(нь)» [30]; далее следуют записи о количестве посеянного каждым крестьянином: «Нефетко Рожков на полдесяatine посеял две чети овса да ко 145-му году посеял четь ржи» [там же].

О взаимоотношениях языкового и внеязыкового академик О.Н. Трубачёв писал: «Природа этого взаимоотношения такова, что системе реалий всегда соответствует лексическая система» [20], употребляя слово *система* в широком смысле: для обозначения связанной некоей общностью группы названий и понятий. В исследуемой тематической группе с течением времени происходили внутренние преобразования. Вначале общий признак значений «полевые культуры» объединял словом *хлеб* в микросистему эту группу наименований, впоследствии определявший мотив градации внутри группы – время посева – утрачивает свою актуальность, и грань, разделявшая наименования внутри группы, смещается. Происходят изменения на гиперо-гипонимическом уровне.

С развитием производства и оживлением товарообмена в XVII–XVIII вв. меняется отношение к сельскохозяйственным культурам. Лён и конопля становятся сырьём для промышленного производства, возрастает потребность общества в продуктах их обработки. Теперь их семена и волокно перерабатываются и находят применение не только там, где выращиваются эти растения. Целые отрасли промышленности заинтересованы не во всём «яровом хлебе», а только в культурах, объединившихся под названием *технические*, то есть которые «используют как сырьё для различных отраслей промышленности... Прядильные... содержат волокна текстильные в стеблях – лён-долгунец, конопля, джут... Лён, конопля и хлопчатник кроме волокна дают жирное масло» [31].

Зерновые культуры, по современной терминологии, подразделяются на *хлебные* и *зернобобовые*. Зерновые бобовые растения (горох, фасоль, вика и др.) не только имеют продовольственное и кормовое значение, но и являются сырьём для получения казеина, клея, пластмасс и др.

В то время как *зерновые хлебные* рас-

тения продолжали использоваться по-прежнему там же, где их выращивали, технология их обработки менялась медленно, а *технические* и *зернобобовые* растения находили более широкое применение в хозяйстве страны, возникала потребность и в терминах, которые зафиксировали бы такое разделение культур. Теперь родовое наименование *хлеб* исчезает, а такие культуры, как рожь, овёс, ячмень, пшеница, ярица и другие злаковые растения получают название *хлебные зерновые* растения, горох и подобные – *бобовые зерновые (зернобобовые)*, а лён и конопля – *технические*. Время посева теперь не играет первенствующей роли при классификации. С развитием агрономии и селекции озимыми стали пшеница и ячмень, а не только рожь, как было прежде. Изменился и принцип учёта, повлиявший на изменение группировки наименований полевых растений, что в свою очередь привело к смещению родовых и видовых соотношений в этой тематической группе.

И ещё: причины подвижности родовых и видовых соотношений здесь объясняются и тем, что тематическая группа обиходно-бытовых названий полевых культур со временем превратилась в одну из основных терминологических систем науки о сельском хозяйстве и стала развиваться в соответствии со своим новым статусом.

Как видим, отбор специальных источников помогает восстановить один из лексических процессов – смещение родовых и видовых соответствий в тематической группе обиходно-бытовой лексики, в которой, как казалось ранее, не происходило никаких изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973. – С. 151.
2. Книга ужинная отписному хлебу деревни Раменьё и пустошей Никольского погоста Бежецкой пятины. – (Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 1209, оп. 300, Поместный приказ. Вотчинная контора, № 16935, л. 86 об. 1586 г. (Орфография рукописей упрощается).
3. Книга посевная и умолотная ржи и яровому хлебу житника Измаила Кирилло-Белозерского монастыря. – РГАДА, ф. 1441, оп. 1, № 684, л. 6 об. 1606 г.
4. Книга посевная яровому хлебу житника Аверкия Захарьина Кирилло-Белозерского монастыря. – РГАДА, ф. 1441, оп. 1, № 948, л. 1. 1676 г.
5. Книга ужинная и опытная овсу и ячмени старосты Сидора Савельева села Хрепилёва Суздальского Покровского монастыря. – Государственного архив Владимирской области, ф. 575, оп.1 (далее

- ГАВО), № 229, л. 49 об. 1698 г.
6. Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря Древней России. – М.; Л., 1937. – С. 115.
 7. Книга засевная Полянской волости Новгородского Софийского дома. – РГАДА, ф. 210. Разрядные вязки, вязка 1, № 3, л. 2 об. 1605 г.
 8. Книга высевная ярового хлеба келаря Иосифа Москвитина Иосифо-Волоколамского монастыря. – РГАДА, ф. 1192, оп. 2, № 30а, л. 12–16. 1617 г.
 9. Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в. – Ч. I и II // Исследования по русскому языку. – Т. II. – Вып. 3. – СПб., 1903. Грамота 35.
 10. Чернышёв В.И. Сведения о говорах Юрьевского, Суздальского и Владимирского уездов – Сборник Отделения русского языка и словесности – СПб., 1902. – Т. 71. – № 5. – С. 13.
 11. Книга умолотная и посевная овсу, житарию и гороху целовальника Фрола Овдокимова села Бережок Шиловского двора Суздальского Покровского монастыря. – ГАВО, № 302, л. 65–66. 1697 г.
 12. Словарь русских народных говоров. – Л., 1972. – Т. 9. – С. 188.
 13. Опыт словаря говоров Калининской области. – Калинин, 1972. – С. 61.
 14. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. – СПб., 1806–1822. – Т. 1–6. – Т. 2. – С. 463.
 15. Память старосте села Новосёлки Нерльской Тереше Заплатину и целовальнику Ягане Ларионову о высеве ярового хлеба 1633 г. // Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. – М., 1984. – С. 34.
 16. Отписка Мишки Клепикова об уплате оброчных денег 1653 г. // Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. – М., 1984. – С. 224.
 17. Книга посевная овсу, грече и ярой ржи старосты Семена Яковлева села Усолъе Суздальского Покровского монастыря. – ГАВО, № 234, л. 48. 1686 г.
 18. Книга посевная и расходная овсу, грече и ярой ржи старосты Кирилла Сидорова села Усолъе Суздальского Покровского монастыря. – ГАВО, № 238, л. 12. 1688 г.
 19. Книга ужинная и опытная овсу, грече и ярой ржи старосты Прокофья Игнатьева села Усолъе Суздальского Покровского монастыря. – ГАВО, № 238, л. 44–45. 1688 г.
 20. Трубочев О.Н. К вопросу о реконструкции различных систем лексики // Лексикографический сборник. – М., 1963. – Вып. 6. – С. 4–5.
 21. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. Избранные труды / К 100-летию со дня рождения. – М., 2008. – С. 229.
 22. Книга ужинная, умолотная и высевная ржи келаря Иосифа Москвитина Иосифо-Волоколамского монастыря. – РГАДА, ф. 1192, оп. 2, № 30а, л. 16. 1617 г.
 23. Книга ужинная, опытная и посевная ржаному хлебу села Хрепилева старосты Сидора Савельева Суздальского Покровского монастыря. – ГАВО, № 229, л. 23–24 об. 1698 г.
 24. Книга записная и умолотная овсу пшенице гороху старосте Никону Кириллову да целовальнику Данилу Иванову села Шипова Суздальского Покровского монастыря. – ГАВО, № 23, л. 10–16 об. 1659 г.
 25. Книга посевная и приполонная порядчика Матфея Троицко-Гледенского монастыря. – РГАДА, ф. 1187, оп. 1, ч. 1, № 1417, л. 1. 1683 г.
 26. Книга ужинная и опытная овсу, пшенице, ячменю, гороху и льну старосты Михаила Семенова и Григория Васильева села Гавриловского Суздальского Покровского монастыря. – ГАВО, № 229, л. 54. 1698 г.
 27. Книги умолотному хлебу ржаному и яровому – Н.К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство. – СПб., 1910. Т. I. – Вып. II. Приложение А.Б. – С. OXLIV. 1616 г.
 28. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковецки изследованија в чест на академик Стефан Младенов. – София, 1957. – С. 529.
 29. Виноградов В.В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 70.
 30. Книга посевная Пельмского острога. – РГАДА, ф. 214 Сибирский приказ, оп. 1, № 67, л. 114. 1636 г.
 31. Сельскохозяйственная энциклопедия. – М., 1973. – Т. 6. – С. 155.

L. Astakhina

THE DEVELOPMENT OF THE THEMATIC GROUP OF THE WORDS

Abstract: The article is dedicated to development of the thematic group of the words designating field crops in XVI–XX centuries. The author proves, that when the thematic group changes into terminology, its aspect and gender also change.

Key words: theme group, term, generic and specific compliance.

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СРАВНЕНИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ*

Аннотация: В работе рассматривается синтаксическое поле сравнения и принципы его организации, проблема континуальности поля и прототипической сравнительной конструкции как центральной единицы поля.

Проблема континуальности поля представлена как система «переходов», связанная с характером представления логической модели сравнения в отдельной сравнительной конструкции, с варьированием таких ее компонентов, как объект и эталон сравнения, признак сравнения.

Ключевые слова: сравнение, синтаксическое поле, конструкция, объект, эталон, признак.

Идея поля как принцип системной организации языка оказалась широко востребованной при исследовании разных языковых явлений. Первоначально примененная к анализу лексических систем, она дала серьезные результаты и при исследовании грамматики. Идея поля составила один из принципов функциональной грамматики (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, Н.К. Оніпенко, М.Ю. Сидорова) и др. В «Теории функциональной грамматики» (1997) функционально-семантическое поле рассматривается как система разноуровневых средств, объединенных вокруг грамматической категории, или прототипа. Прототип представляет собой единицу, в которой идея поля получает наилучшее представление.

Исследование поля поставило на повестку дня проблему его организации – центра и периферии. С этими проблемами оказалась тесно связанной и другая проблема – континуальность поля и его свойства, обеспечивающие «переходы» в рамках системы.

Привлекательность идеи поля была осознана и в синтаксисе. Однако расширение границ поля оказалось связано с рядом серьезных трудностей. Одной из таких трудностей стала организация материала в рамках поля и его «сопротивление», в частности, соотношение единиц разной структурной организации.

В настоящей статье речь пойдет о синтаксическом поле сравнения и о принципах

его организации, о прототипической конструкции как «исходе» поля, об отношениях близких по значению единиц и их представлении в виде континуального пространства.

Поле сравнения составляло предмет исследования ряда работ (Гулыга, Шендельс, 1969; Тулина, 1973; Скворецкая, 1974; Черемисина, 1976), в которых представлено разное решение как проблемы прототипической конструкции, так и принципов организации синтаксического поля.

Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс (1969) в качестве доминанты поля выделяют сравнительную конструкцию с компаративом. В работе Т.А. Тулиной (1973) проблема прототипической конструкции не выделяется отдельно, а проблема организации поля представлена как соотношение логической модели сравнения и ее отражения в отдельной сравнительной конструкции.

Логическая модель сравнения рассматривается как четырехкомпонентная структура, включающая объект и эталон сравнения, общий признак сравнения, показатель сравнительного отношения. Основным классификационным признаком, позволяющим представить отношения единиц в рамках поля, стала выраженность / невыраженность в сравнительной конструкции отдельных компонентов логической модели. Поле сравнения представлено в работе как три группы сравнительных конструкций, а характер представления материала – от сложного предложения к простому – подчеркивает особую значимость сложного предложения.

Сложное предложение составляет и предмет исследования М.И. Черемисиной (1976).

Прототипической конструкцией сравнения, в отличие от Е.В. Гулыги и Е.И. Шендельс, мы будем считать сложное предложение с придаточным сравнительным. Почему сложное предложение, а не компаративная конструкция должна быть представлена как прототип сравнения?

Одним из аргументов в пользу того, чтобы считать прототипической конструкцией сложное предложение, является то, что именно в сложном предложении логическая модель сравнения получает свое полное выра-

* © Девятова Н.М.

жение.

В сложном предложении оказываются представленными объект и эталон сравнения, признак сравнения, показатель сравнительного отношения. В сложном предложении отражается сравнение двух ситуаций, каждая из которых реализована отдельным предложением, с собственным модально-временным значением. Ср.: «В предложениях, выражающих сравнительные отношения, уподобляются две ситуации, сближаемые на основании объективного сходства или тождества либо на основании субъективных ассоциаций» [Русская грамматика 1980: 602].

Какой вид должна иметь прототипическая конструкция? Как в ней выражаются компоненты логической модели? Какие грамматические признаки имеет такая конструкция? Согласуется ли представление о прототипичности конструкции с ее частотностью? Почему не является прототипической конструкцией предложение со сравнительным оборотом, являющееся самой частотной сравнительной конструкцией, или модель с компаративом?

Прототипической конструкцией должна стать конструкция, выражающее значение реальной модальности, оформляемой союзом КАК. В системе грамматических форм предложения именно предложение со значением реальной модальности рассматривается как исходный вариант его модально-временной парадигмы, тогда как гипотетическая модальность представляет «усложнение» единицы на заданный смысл.

Однако модальные различия конструкций реального и гипотетического сравнения имеют более сложный характер. Здесь, как отмечает М.И. Черемисина, нет столь существенных различий между изъявительным и сослагательным наклонением: «Обращает на себя внимание то обстоятельство, что не только варьирование ирреальных модальностей, но даже замена реальной модальности на нереальную не влечет за собой того четкого изменения модального облика фразы в целом, которое следует за изменением модальности главного предиката» [Черемисина 1976: 67]. Реальная модальность придаточного сравнительного понимается таким образом: «Действительность» в нашем понимании предстаёт как континуум, содержащий не только свое прошлое и будущее, но также и свою потенцию, свое возможное и свое невозможное. Такая «действительность» противостоит уже не своим «возможностям», которые она вобрала в себя, но только «другой действительности»,

своего рода «антидействительности», своему отражению в зеркале человеческого сознания» (с. 53). Особенность реального сравнения в том, что «всякая ситуация-эталон представляется этой конструкцией как реальная и в то же время как обобщенная» (там же).

Гипотетическое сравнение и представляет так называемую антидействительность. Специфика такого сравнения осознается на фоне реального сравнения. Поэтому гипотетическое сравнение не может представлять центральную единицу поля и считаться прототипической конструкцией. Гипотетическое сравнение мы рассматриваем как тип, значение которого формируется особой гипотетической модальностью, а отношения внутри подполя определяются особенностями модусного значения отдельных сравнительных конструкций*.

Прототипическая конструкция выражает реальное сравнение. Само реальное сравнение также представлено разнообразными типами, различающимися как характером соотносимых объектов, так и признаком сравнения. Какое значение и выражение должны получить такие признаки в прототипической конструкции?

Так, характер соотносимых объектов** является признаком, на основании которого различаются три типа сравнений – сравнение образное, сравнение логическое, сравнение модальное. Например:

*Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума...*
(А. Пушкин) – образное сравнение.
*Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые вечности глаза* (Н. Рубцов) – логическое сравнение.

Давным-давно одна такая натура не выдержала, ей показалось, что остальные занимают места больше, чем положено, и с тех пор мать Ильи каждый месяц получала по почте переводы (Д. Рубина) – модальное сравнение.

Отличие логического сравнения от об-

* О модусе сравнения как различительном признаке конструкций гипотетического сравнения см. Девятова, 2007.

** Проблема семантики объекта и эталона сравнения связана с проблемой лексической наполняемости сравнительной конструкции. Исследуя указанную проблему, Ю.Ю. Ушакова (2005) отмечает относительную свободу компаративных конструкций.

разного заключается в том, что в нем сравниваются объекты одного онтологического класса, тогда как в образном сравнении – объекты, принадлежащие к разным онтологическим классам.

Различия логического и образного сравнения затрагивают и признак сравнения. В образном сравнении соответствующий компонент выражает степень проявления признака, тогда как в логическом сравнении он выражает «приравнивание» и подчеркивает сам факт наличия общего признака.

Как прототипическую конструкцию мы будем представлять сравнение образное. В таком сравнении идея сходства реализуется в самом «общем» виде, а границы сравнения распространяются на весь мир.

При представлении прототипической конструкции заслуживает особого внимания и проблема представления признака сравнения. Компонент, называющий признак сравнения, по-разному реализуется в сравнительной конструкции. Это может быть полнознаменательный компонент (1), местоименное слово (2) или нулевой знак (3). Например:

*(1) Терпеливо, как щебень бьют,
Терпеливо, как смерти ждут...,
Буду ждать тебя (пальцы в жгут –
Так монархини ждет наложник)
(М. Цветаева).*

(2) Впрочем, недели через три эта уверенность несколько подтаяла и осела, как оседает под холодным дождем сверкающий снежный замок (Д. Рубина).

*(3) Жить, как мать велит ребенку,
Как цветочек цвести,
Никогда ни в чью сторонку
Глазом не повесть... (М. Цветаева).*

Прототипической конструкцией мы будем считать конструкцию с выраженным признаком сравнения, характеризующимся высокой степенью определенности и высокой степенью проявления признака. Конструкции с нулевым знаком мы рассматриваем как более «образный» вариант исходной конструкции. Нулевой знак всегда прочитывается как проявление высокой степени признака. Такое значение конструкции создается разными способами. Обычно в составе сравнения употребляется глагол, включающий в свое значение и высокую степень проявления признака, или соответствующее значение возникает за счет неожиданного сравнения.

Например:

*– Сколько вам стукнуло, бабуся?
Сколько? Ну, герой, герой...*

Выработал стиль, скотина, – участливо-веселый. Стиль «душевный доктор». Врешь, мерзавец. Ты равнодушен, как твой стетоскоп (Д. Рубина).

Характером признака сравнения образное сравнение отличается не только от логического сравнения, но и от сравнения модального (*как надо, как следует*). Признак сравнения в таких конструкциях прочитывается как соответствующий норме его проявления.

Промежуточное положение между образным и модальным сравнением занимают конструкции в которых сравнение ограничено рамками онтологической общности человека. Например:

Марина отмечала: родственники вели себя как посторонние. Даже хуже, чем посторонние. С чужими можно найти больше точек соприкосновения. Так что – богатые тоже плачут. Этими же слезами (В. Токарева).

В отличие от типичного образного сравнения, здесь сравнение ограничено рамками одной онтологической общности. В отличие от логического сравнения объект и эталон сравнения имеют разные референтные значения. В отличие от типичного модального сравнения здесь признак сравнения представлен как превышающий норму. Это значение создается за счет приписания объекту сравнения «чужого» признака.

Характер объектов сравнения и способ представления признака сравнения можно считать признаками, позволяющими наметить различия между разными типами сравнения.

Для структуризации поля сравнения важным оказывается и другой вопрос: как с основной прототипической конструкцией соотносятся единицы другой структуры, в частности, какое место в системе сравнения занимают, например, конструкции со сравнительными оборотами?

Такие единицы мы будем рассматривать как грамматикализованный вариант исходной конструкции, как особую грамматическую форму. Временное значение сравнительного оборота прочитывается как производное от других его значений. Если именной компонент имеет нереперентное значение, то оборот может быть развернут в придаточное

с гномическим (вневременным) видо-временным значением. Например:

*Я сегодня сосновый стан
Обгоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан –
Как ребенка за подбородок* (М. Цветаева).
Ср.: как берут ребенка за подбородок.

Если имя имеет конкретно-референтное значение, то оборот разворачивается в конструкцию с прошедшим или настоящим временем. Ср.:

*Не забудь, что приду я – рыжей.
Рыжей, как этот кленовый лист,
Рыжей, как тот, что в лесах повис*
(М. Цветаева) – актуальное значение.

В подполе реального сравнения, кроме конструкций с союзом КАК, выделяются и конструкции с предикативными связками *похож, смахивать, напоминать, подобен* и др. Каково их место в синтаксическом поле сравнения?

Особенность таких единиц состоит в том, что в них сравнительный предикат является не только показателем сравнительного отношения, но одновременно включает в себя и признак сравнения, лексикализуя его. Конструкции с *похож* обычно выражают внешнее сходство. Степень проявления признака в такой конструкции выражается отдельным показателем и может различаться от высокой степени проявления признака сильно *похож (как две капли воды)* до незначительной. Прототипическое представление о похожести предполагает среднюю степень проявления признака. Наоборот, *смахивает* лексикализирует высокую степень похожести (*очень похож*).

В конструкциях с предикатами подобия общий признак сравнения затрагивает другую сферу. Это сущностный признак предмета или лица. Степень проявления признака неактуальна для таких сравнений. Например:

– *Вы, господин Фандорин, производите впечатление умного, зрелого человека. Неужто вы, подобно вчерашнему розовощекому офицеру, не понимаете, что нам сейчас не до чистоплюйства?* (Б. Акунин).

Конструкции с предикативными связками могут выражать разные типы сравнения: образное и логическое. Кроме того, конструкции с предикатом *подобает* может выражать и модальное сравнение. Например:

Я остановился, поклонился с достоин-

ством, как подобает дипломату, а она перчаточку сняла и белой ручкой мне (Зуров сложил губы трубочкой) воздушный поцелуй (Б. Акунин)

Отдельное место в системе реально-го сравнения занимают модели с предложением ВРОДЕ. Они соотносятся с логическим сравнением и могут рассматриваться как некая модификация исходной модели логического сравнения. От классического логического сравнения они отстоят на один шаг. Они выражают приблизительное сравнение, в котором признак сравнения изначально не мыслится как точный.

Какое место в системе сравнения занимает модель с компаративом и почему она не может считаться прототипической конструкцией сравнения?

По сравнению с КАК-конструкцией здесь сравниваются объекты, различающиеся мерой проявления признака сравнения. Это модель с более ограниченными возможностями. Если конструкция с союзом КАК может выражать все типы сравнения – образное, логическое, модальное, то модель с союзами ЧЕМ, НЕЖЕЛИ не может выражать образного сравнения. Наоборот, простое предложение с компаративом может выражать образное и логическое сравнение и не может выражать модального сравнения. Например:

*Ты была
Смелей и легче птичьего крыла*
(А. Тарковский) – образное сравнение.

Характер отношений единиц в рамках подполя несходства позволяет говорить о том, что простое предложение с компаративом представляет собой грамматикализованную сравнительную конструкцию, т.е. менее свободную в своих употреблениях.

Синонимия компаративных конструкций – сложного предложения с ЧЕМ-придаточным, предложения со сравнительным оборотом и простого предложения с компаративом охватывает лишь один тип отношений – отношения логического сравнения. Например: *Умирал интендант дольше, чем Горбун* (Б. Акунин) – ср. *дольше Горбуна; дольше, чем умирал Горбун*.

Конструкции с другими значениями не имеют соотносимых форм. сравнения.

Анализ синтаксического поля сравнения как языковой системы позволил выявить особенности организации этого поля и представить прототипическую конструкцию – конструкцию, наилучшим образом представляющую идею поля.

В качестве прототипической конструкции сравнения выступает сложное предложение с придаточным сравнительным, выражающее образное сравнение, – конструкция, в которой находят эксплицитное выражение все компоненты сравнительной модели, а общий признак сравнения характеризуется высокой степенью проявления.

Отношения единиц в рамках поля сравнения определяются разным значением компонентов сравнительной модели. Способ выражения компонентов сравнительной модели позволил различить конструкции образного, логического и модального сравнения. Место отдельных сравнительных моделей определяется их способностью выражать разные типы сравнения, а внутри отдельного типа характером представления признака сравнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка. – М., 2002.
2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – М., 1984.
3. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М., 1969.
4. Девятова Н.М. К лингвистической теории сравнения // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. – М., 2007. – С. 761-762.
5. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998.
6. Русская грамматика. – М., 1980, т. II.
7. Скворецкая Е.В. Система средств выражения сравнения в русском литературном языке XVIII века // Вопросы синтаксиса русского языка. – Рязань, 1974.
8. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л., 1990.
9. Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке. Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 51-62.
10. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. – М., 1976.
11. Ушакова Ю.Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке. Дисс... д-ра филол. наук. – М., 2005.

N. Devyatova

SYNTACTIC FIELD OF COMPARISON: TO THE PROBLEM OF PROTOTYPICAL CONSTRUCTION

Abstract: The syntactic field of comparison and principles of its organization, a problem of field's kontinualnost and a prototypical comparative design as central unit of a field is considered in the work.

The problem of field's kontinualnost is presented as the system of "transitions" connected with the character of representation of logic model of comparison in a separate comparative design, with a variation of such components, as object and the standard of comparison, an attribute of comparison.

Key words: comparison, syntactic field, construction, object, standard, sign.

УДК 82:81-26; 82:81'38

Никульцева В.В.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ И СИНХРОННЫЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ*

Аннотация: Цель статьи – определить задачи и приёмы словотворчества в поэзии В. Иванова. Как и многие символисты, поэт нечасто обращается к созданию поэтических неологизмов и скупое включает их в поэтический текст. Основная функция этих слов – эстетическая. Неологизмы В. Иванова привлекают внимание своей необычностью, которая роднит их с устаревшими словами и диалектизмами. С другой стороны, многие неологизмы стилизованы под архаизмы и историзмы, что

роднит их с лженеологизмами. В. Иванов – тонкий филолог, мистификатор в области словотворчества, любящий сложные образования в духе старославянизмов и суффиксальные образования в духе древнерусской конкретной и абстрактной лексики.

Ключевые слова: словотворчество, неологизмы, поэтический текст, диахрония, синхрония.

Серебряный век и словотворчество – два

* © Никульцева В.В.

взаимосвязанных понятия, без рассмотрения которых невозможно постижение языковых процессов русского литературного языка I-й половины XX века. Почти каждый писатель Серебряного века в той или иной степени занимался жонглированием словами и смыслами, изобретая «изыски и изборы» (слова Игоря-Северянина) – лексические и семантические неологизмы. Не избежал этого и такой высокообразованный и интеллигентный поэт, как Вячеслав Иванов. Вопрос о семантических неологизмах в неолексиконе символистов требует отдельного рассмотрения и потому не стоит в центре нашего внимания. В рамках данной работы мы ставим перед собой иную цель – определить пути и методы словотворчества в поэзии В. Иванова.

При составлении картотеки неологизмов В. Иванова мы применяли ряд словарей (некоторые указаны в списке литературы), данные которых показали, что при эмпирическом отборе материала нами были ошибочно включены в состав неолексикона следующие группы слов: 1) слова, зафиксированные только в современных словарях, но воспринимаемые носителями языка либо как неупотребимые в силу устарелости, либо как искусственные: *огне носец, розоперстый, совопросник, путеводить (путеводимый)* и др.; 2) слова, зафиксированные в современных и исторических толковых и энциклопедических словарях (напр., в Словаре В. Даля, Словаре Брокгауза-Ефрона), но редко встречаемые или неупотребимые вовсе: *водьрь, могота, неистомный, огненосный, впечатлеть, осетить* и т.п.; 3) слова, не зафиксированные в толковых и др. современных словарях, но присутствующие в Словаре В. Даля и др. исторических словарях: *веприца, подстение, противочувствие, таинница, златозарный, неутомный, светозрачный, отмевать, преполовиться* и мн. др.

Лексический состав этих групп указывает на то, что В. Иванову не чужды стилистически маркированные, книжные слова, по аналогии с которыми он создаёт новые, ср.: *всеблаженство* (Д.) – *всечеловек**, *застылость* (Д., СНС) – *легкокрылость**, *златоструйный* (Д.) – *златотронный**, *первоизбранный* (Д.) – *первоузнанный**, *стеклянить* (Д.) – *вестить** и т.п. Мы пришли к выводу, что только обращение к историческим и современным толковым словарям даёт возможность рассмотреть процессы словотворчества в языке В. Иванова наиболее полно, особенно при отборе образований, произведённых на базе устаревших слов, наряду с неологизма-

ми, продуцированными на материале слов узуальных, хорошо известных современным носителям языка. Это определило два подхода к изучению неолексикона – диахронический и синхронический.

Поэт-символист обращается к производству имён существительных, имён прилагательных, глаголов, причастий, деепричастий и наречий. Почти все неологизмы В. Иванова произведены чистыми узуальными способами; см. [Шанский Н.М. 1968], [Улуханов И.С. 1996].

Образование неологизмов разных частей речи

1. Образование существительных

Суффиксальный способ. В. Ивановым образовано 3 отсубстантивных существительных: 1) со значением женскости, суф. *-есс-*: *друидесса* (II–213) [Иванов В.И. 1995]; 2) с уменьшительно-ласкательным значением, суф. *-ек-*: *трудничек* (I–96) (ср. *трудник*, Д., IV–852; БАС, У – «сподвижник, отшельник»); 3) с абстрактным значением (девербатив), нулевой суф.: *стремь* (I–121, I–210, II–195).

12 абстрактных существительных со значением отвлечённого признака произведены посредством суф. *-ость-* на базе качественных, относительных и притяжательных прилагательных и адъективированного причастия: *звериность* (II–147), *крылатость* (I–156), *легкокрылость* (II–138), *лунность* (I–297), *огнезначность* (I–253; ср. Д., II–1654: *огнезначный* «огненный, огнистый»), *осиротелость* (I–432), *пленность* (I–207), *пронзенность* (I–358), *светозрачность* (I–168; ср. Д., IV–86: *светозрачный* лик «светлый, блестящий»), *свирельность* (II–72), *седмизрачность* (I–170), *среброзарность* (I–155) (2 последних неологизма образованы на базе гипотетических неологизмов *седмизрачный** и *среброзарный**).

Наличие подобных образований в языке поэзии В. Иванова – яркая черта языка символистов, «опредмечивающих» признаки вещей. Однако по сравнению со сходными образованиями К. Бальмонта ивановские неологизмы занимают довольно узкую языковую лауну.

Девербативных суффиксальных неологизмов, как и отсубстантивных образований, у В. Иванова мало. Отметим 1 новообразование *подстерегатель* (I–297) с суф. лица *-тель-*.

Префиксальный способ. Произведено 1 конкретное существительное со значением совместности путём прибавления к основе производящего субстантива префикса *со-*: *соизбранница* (I-250).

Префиксоидный способ. Выделим 3 отсубстантивных образования с префиксоидом *полу-*: *полувосклон* (I-173), *полуютрок* (I-320), *полуптица* (I-320), причём 2 последних используются в одном контексте в смежной позиции, дополняя друг друга до целого.

Циркумфиксный способ. 2 отвлечённых существительных образовано на базе существительного при помощи формантов *без...-j-*: *безмежье* (I-134) и *над...-j-*: *надземье* (I-93).

Усечение. На базе конкретного существительного *мистик* образовано сокращённое слово *мист* (II-200) без изменения значения.

Основосложение. Сложные существительные, мотивированные словосочетанием «существительное + существительное», образованы В. Ивановым с использованием интерфикса и без него: 1) на основе подчинительных отношений (5 слов): *водосклон* (I-431), *огнесклон* (I-325), *огнетень* (I-198), *Солнцего* (I-109, I-293, I-388, II-213, II-245), *титаноубийца* (I-89); 2) на основе сочинительных отношений (1 слово): *Мэтр-Судейкин* (I-461).

2 существительных произведено на базе подчинительных отношений существительного и прилагательного при помощи интерфикса *-о-*: *алоцвет* (I-335), *лютовзор* (II-233).

Также 2 слова построены на базе подчинительных отношений существительного и местоимения при помощи соединительной гласной *-е-*: *всечеловек* (II-119) и *-о-*: *самостоянье* (II-194).

Только 1 конкретное существительное образовано на основе чистого сложения существительного с числительным с помощью интерфикса *-у-*: *двустворка* (II-142).

Суффиксально-сложный способ. На основе сложения прилагательного и существительного образованы 2 отвлечённых существительных – *густосмолье* (I-319) и *пустодолье* (I-319) – посредством форманта *...-о...+j-*.

Посредством форманта *...-о- / -е... + -ец-* на основе подчинительных отношений глагола и существительного произведены 4 неологизма со значением лица: *кумиротворец* (I-326), *мировержец* (II-214), *миродержец* (II-74), *огненосец* (I-343, II-44; см. СНС).

1 слово с собирательным значением произведено на базе подчинительных отно-

шений количественного числительного с существительным (формант *...-о...+j-*): *стозву-чье* (I-198).

2. Образование прилагательных

Большинство прилагательных образовано способом сложения.

Основосложение. На базе сочинительных отношений между двумя прилагательными построены 69 прилагательных: 1) с интерфиксом *-о-*: *алмазисто-синий* (II-97), *бегло-облачный* (I-291), *безбрежно-голубой* (I-419), *безжизненно-астральный* (I-115), *беспечно-горячий* (II-105), *беспредельно-полный* (II-246), *благосклонно-траурный* (I-374), *бледно-отсветный* (I-255), *божественно-пустой* (I-294), *буйно-заунывный* (I-247), *бурно-огневой* (I-206), *властительно-напевный* (I-379), *волшебно-сладкий* (I-434), *вольно-подневольный* (I-225), *гневно-яркий* (II-112), *голуботусклый* (I-280), *голубо-ясный* (II-103), *горестно-победный* (I-226), *грозно-скрытный* (II-239), *грустно-блаженный* (I-186), *дымно-рдяный* (I-383), *жемчужно-бледный* (II-104), *звонко-гремучий* (I-178), *зелено-зыбкий* (II-142), *зелено-искристый* (I-168), *зеленохвойный* (I-129), *златоржавый* (I-252), *злорадно-похотливый* (II-234), *змеисто-зыбкий* (I-252), *золото-карий* (I-331), *исступленно-прекрасный* (II-72), *кристально-яркий* (I-127), *кротко-молчаливый* (I-72, II-60), *лютокаменный* (I-93), *мертвенно-вакхальный* (I-106), *молетно-отсветный* (I-289), *молнийно-златой* (I-284), *нежно-сумеречный* (II-211), *неизреченно-сладостный* (I-125, II-247), *неопально-пылкий* (I-139), *несменно-близкий* (I-375), *отдохновительно-радушный* (II-106, II-256), *пленительно-мятежный* (I-106), *пленительно-унылый* (I-437), *приветно-величавый* (I-355), *притворно-веселый* (II-24), *прозрачнозвонный* (I-293), *прозрачно-огненный* (I-379), *пронзенно-унылый* (I-289), *пугливо-неверный* (I-276), *рассветно-ранний* (II-12), *священственно-великий* (I-333) (← священственный* ← священство), *серебряно-матовый* (I-273), *сребристо-зыбкий* (I-180), *страшно-благосклонный* (I-119), *сумеречно-светлый* (I-158), *тревожно-дикий* (I-295), *трепетно-зеленый* (II-98), *угрюмо-сизый* (II-107), *улыбчиво-нежный* (I-298), *учтиво-чопорный* (II-10), *холодно-своеобычный* (II-13), *целительно-могучий* (I-227), *ярко-властный* (I-168), *ясно-текущий* (I-91), *ясно-тихий* (I-280); 2) с интерфиксом *-е-*: *весенне-ясный* (II-196); 3) с интерфиксом

-и-: *детски-пристальный* (I-456); 4) с интерфиксом -а-: *серебра-белый* (I-178).

Суффиксально-сложный способ. Осуществительные 119 сложных прилагательные строятся В. Ивановым на базе подчинительных отношений:

1) существительного и прилагательного: а) с формантом ...-о-...-н(ый): *белопенный* (I-199; ср. БАС-2), *густоструйный* (I-206), *дымнотканый* (II-198), *звонкогласный* (I-431; ср. БАС: *звонкоголосный*), *златодонный* (I-293), *златооблачный* (I-393), *златотронный* (II-77), *круглосенный* (II-200), *крутосклонный* (II-22), *легкопарусный* (I-118), *легкоперстный* (I-183), *медноязычный* (I-214), *медноконный* (I-206), *медноязычный* (I-284), *пестроцветный* (II-64), *полнославный* (II-153), *разноглагольный* (I-93), *светлозданный* (II-32), *светлопенный* (I-114), *светлосенный* (I-95), *светлострунный* (II-253), *светлотенный* (I-97), *светосклонный* (I-185), *святокрестный* (I-92), *серакаменный* (I-139), *сераоблачный* (I-114), *смуглолистный* (I-309), *сребролонный* (I-318), *тайноязычный* (II-121), *темнолонный* (I-325, II-93), *узкобрежный* (I-230), *чутколистный* (I-104), *широкодольный* (I-114), *широкошумный* (I-437, I-452; ср. у А.С. Пушкина: *в широкошумные дубровы* – СЯП), *ясногранный* (I-230, I-293); б) с формантом ...-е-...-н(ый): *огнехмельный* (I-248); в) с формантом ...-и-...-н(ый): *седмиструнный* (I-107); г) с формантом ...-о-...-Ø(ый/ий): *белокосмый* (I-401), *буйнокудрый* (I-253), *быстроокий* (I-294), *ветроногий* (I-389), *влажнокудрый* (I-70), *дремноокий* (I-204), *звездноокий* (I-163), *крутогорбый* (II-99), *крутокормый* (I-203), *крутолукий* (I-157, I-286, I-333, I-401), *пламеннокрылый* (I-228), *пламенноокий* (I-247), *светловерхий* (I-95), *светлоризый* (I-199), *семицветно-крылый* (I-350), *снежноокий* (I-426), *тонкогорый* (I-389, I-390); д) с формантом ...-е-...-Ø(ый/ий): *огнеалый* (I-331), *рыжекосмый* (I-253), *синекудрый* (II-225), *солнцевещий* (I-292); е) с формантом ...-о-...-енн(ый): *белолиственный* (II-232), *белоогненный* (I-384, I-68), *сребропламенный* (I-123), *тайнодейственный* (II-255), ж) с формантом ...-о-...-к(ий): *полновеский* (I-181);

2) существительного и существительного: а) с формантом ...-о-...-н(ый): *громодержавный* (I-85), *зефирострунный* (I-104), *миропобедный* (I-193), *светорунный* (I-262), *сребровиссонный* (I-292), *сребродымный* (I-253, I-99); б) с формантом ...-о-...-Ø(ый/ий): *звездоустый* (II-102), *сереброногий* (I-390), *снеговерхий* (I-156, I-230, II-32), *среброкры-*

лый (I-391), *сребролукий* (I-109), *среброверхий* (I-124), *стеклоокий* (II-99); в) с формантом ...-е-...-Ø(ый/ий): *змеекудрый* (I-447), *огнегривый* (I-113, I-389, I-391), *огнежалый* (I-326), *огнеокий* (I-202, I-336), *солнцеокий* (I-202); г) с формантом ...-е-...-н(ый): *огнезвучный* (I-198), *огнеоружный* (I-68), *огнеструйный* (I-188, I-85; см. СНС), *огнеязычный* (I-328); д) с формантом ...-о-...-к(ий): *среброзаркий* (I-178);

3) глагола и существительного: а) с формантом ...-о-...-н(ый): *духоносный* (II-133), *искротечный* (I-115), *псалмопевный* (I-83), *световойный* (I-207), *скрежетопильный* (I-178), *страстотерпный* (I-151); б) с формантом ...-е-...-н(ый): *вихревейный* (I-248), *огневейный* (I-279), *огнетканый* (I-104); в) с формантом ...-о-...-льн(ый): *богострадаальный* (I-209); г) с формантом ...-о-...-нн(ый): *светотканый* (I-436);

4) глагола и прилагательного: а) с формантом ...-о-...-н(ый): *беловойный* (I-206), *зеленовейный* (I-162, II-106); б) с формантом ...-о-...-ив(ый): *пышнолюбивый* (I-214);

5) существительного и местоимения: а) с формантом ...-о-...-н(ый): *самозданный* (II-236); б) с формантом ...-е-...-н(ый): *всезвездный* (I-356, I-442); в) с формантом ...-е-...-Ø(ый): *вселикий* (I-164, I-198);

6) глагола и местоимения: а) с формантом ...-е-...-н(ый): *всеодержный* (I-173), *всепобедный* (I-100, I-370), *всеслышный* (II-361); б) с формантом ...-е-...-енн(ый): *всечувственный* (I-163, I-183, II-175);

7) числительного и существительного: а) с формантом ...-о-...-н(ый): *многовстречный* (I-111), *многозевный* (I-300), *стовратный* (I-289); б) с формантом ...-о-...-Ø(ый): *многоустый* (I-434); в) с формантом ...-е-...-Ø(ый): *тысячегрудый* (II-37), *тысячерукий* (II-37); г) с формантом ...-о-...-ит(ый): *многоочитый* (I-325); д) с формантом ...-у-...-Ø(ый): *двуужалый* I-356;

8) числительного и прилагательного: а) с формантом ...-у-...-Ø(ый): *двусветлый* (I-356, I-408); б) с формантом ...-о-...-Ø(ый): *многочувственный* (II-128), *стопламенный* (I-107); в) с формантом ...-и-...-Ø(ый): *шестикрылатый* (I-319, II-253).

Суффиксальный способ. 18 прилагательных построено при помощи суффиксации на базе: 1) существительного: а) с формантом -н-: *амброзийный* (II-92, II-135), *аметистный* (I-132), *бредный* (I-295, I-298, I-448), *столпный* (I-165), *холмный* (I-107, I-165); б) с формантом -енск-: *дебренский* (II-218); 2) глагола: а) с формантом -тельн-: *возродитель-*

ный (II-159), запечатлительный (I-455), осенительный (I-100), свершительный (I-356); б) с формантом *-чат-*: засыпчатый (I-276); в) с формантом *-чив-*: расступчивый (I-198), узывчивый (I-247; от *узывать**, см. ниже); г) с формантом *-л-*: отталый (I-284), повечерельный (I-289); д) с формантом *-н-*: охладный (I-286, I-347, I-366), узывный (I-319, II-21; от *узывать**, см. ниже); е) с формантом *-льн-*: пировальный (II-55).

Префиксальный способ. В. Ивановым образовано 5 прилагательных путём префиксации субстантивных основ: а) с префиксом *пред-*, имеющим временное значение: *предлунный* (I-120), *предчувственный* (II-105); б) с префиксом *сверх-*, указывающим на высшую степень проявления признака: *сверхмирный* (I-160); в) с префиксом *со-*, обладающим значением совместности: *содружный* (I-292), *соприродный* (I-231, I-324).

Циркумфиксный способ. 8 прилагательных произведены приставочно-суффиксальным способом от основ: 1) существительного: а) с циркумфиксом *без-/бес-...-н(ый)*: *безалтарный* (I-112), *бездопешный* (I-213), *безлирный* (I-323, II-186), *бессвирельный* (I-323); б) с циркумфиксом *над-...-енн(ый)*: *надвременный* (I-128); 2) глагола: а) с циркумфиксом *не-...-н(ый)*: *неисследный* (I-137, I-370), *неотводный* (I-233); б) с циркумфиксом *не-...-им(ый)*: *неусыпимый* (I-144).

3. Образование глаголов

Суффиксальный способ. 2 глагола IV словоизменительного класса образованы путём суффиксации: а) основы существительного (суф. *-и-*): *вестить* (I-144, I-172); б) основы глагола (образование видовой пары): *приспешить* (I-212; ср. Д., III-1161: *приспешать* «спешить прибыть»).

Префиксальный способ. На базе глаголов построено 5 глагольных неологизмов (преимущественно IV словоизменительного класса; 1 слово относится к V классу и 1 – к непродуктивной группе) по моделям следующих способов глагольного действия (далее СГД): 1) начинательный СГД: а) с префиксом *вос-/вс-*: *востомиться* / *встомиться* (I-397, II-93), *всколотить* (I-189); 2) завершительный СГД: а) с префиксом *о-*: *отронуть* (I-160, I-198); б) с префиксом *с-*: *светвиться* (I-382); в) интенсивно-результативный СГД: а) с префиксом *про-*: *прозолотиться* (II-106, II-116).

Обнаружено также 2 глагола, которые обладают временным значением «действие,

предшествующее текущему», формируемым префиксом *пред-*: *предусловить* (I-347, от гипотетического *условить**), *предчуять* (I-102).

К I словоизменительному классу относится новообразование *узывать* (I-294, II-172), представляющее собой окказиональный синоним к глаголу несовершенного вида *звать*. В процессе словопроизводства отмечается морфологическое изменение (корневое чередование $\emptyset // \text{ы}$) и изменение семантики слова («очень долго и напряжённо производить действие»). Данное новообразование, в свою очередь, является производящим для прилагательных В. Иванова *узывный** и *узывчивый** (см. выше).

Суффиксально-постфиксальный способ. 2 глагола IV словоизменительного класса построены на базе субстантивных основ путём одновременного прибавления суффикса и постфикса (формант *-и-...-ся*): *льдиться* (I-124), *огниться* (I-116).

Префиксально-суффиксально-постфиксальный способ. Отметим 1 глагол, произведённый от существительного при помощи форманта *о-...-и(ть)ся*: *окольчужиться* (II-113) со значением «постепенно приобрести свойства того, что названо производящим словом».

Редеривация. Новообразование *ясновидеть* (I-294, II-34) можно рассмотреть либо как редериват от *ясновидение*, *ясновидящий*, либо как сращение на базе наречия *ясно* и глагола *видеть*. Новообразование обладает несовершенным видом и переходностью.

4. Образование причастий

Причастия и деепричастия рассматриваются нами как особые части речи. Большинство новых глагольных слов В. Иванова (всего 20 и 3 соответственно) образовано на базе гипотетических глагольных основ.

Суффиксальный способ. Страдательные причастия обладают значением закончившегося / завершённого признака действия и образуются В. Ивановым при помощи: а) суф. *-нн-*: *взбранный* (I-253, ср. *избранный*), *отканный* (I-381, ср. *вытканный*); б) суф. *-енн-*: *обезбоженный* (I-162), *олиственный* (II-228), *омреженный* (II-134), *очервлённый* (I-235), *развороженный* (II-105, ср. *завороженный*); в) суф. *-т-*: *отронутый* (I-184).

Основосложение. Путём сложения основ существительного и причастия, находящихся в отношениях подчинения, образованы действительные причастия, не имеющие

соотносительных глагольных производящих слов: с интерфиксом *-е-*: *огневержущий* (II-118), *огнезрящий* (I-67), *солнцедробящий* (I-168).

На базе сочинительных отношений причастия и порядкового числительного путём сложения основ образовано страдательное причастие *первоузнанный* (I-430) с интерфиксом *-о-*.

Сращение. На базе метафорического и метонимического переноса путём слияния наречия и причастия образованы новые причастия: а) действительные: *алмазно-блещущий* (I-379), *бело-мреющий* (I-278), *властно-движущий* (I-108), *медно-скачущий* (I-249), *сине-блещущий* (I-169); б) страдательные: *бело-расплавленный* (I-115), *пышно-распятый* (I-227), *радостно-распятый* (I-226). В большинстве случаев словопроизводства автором применяется интерфикс *-о-*.

1.5. Образование деепричастий

Суффиксальный способ. На материале гипотетических глаголов продуцируются 2 деепричастия сов. в.: а) с суф. *-в-*: *сдвигнув* (I-77; ср. Д., IV-108: *сдвигнуться* «о здоровье: расстроиться»); б) с суф. *-а-*: *улегчась* (I-344; ср. Д., IV-997: *улегчить, улегчать* «уменьшить вес или тяжесть житейскую»).

Сращение. Путём сращения наречия и деепричастия образовано деепричастие *мимоидя* (I-70) при наличии узуального *мимоидущий*.

1.6. Образование наречий

Суффиксальный способ. Большинство адвербиальных слов (15) образуется на базе суффиксации: а) узуальных прилагательных: *безглагольно* (I-330; ср. БАС: *безглагольный*), *безгневно* (II-353, ср. БАС: *безгневный*), *всемерно* (II-161; ср. Д., I-645: *всемерный*), *многоцветно* (I-450), *сине* (I-165), *усладно* (II-93; ср. Ож., Евг., БАС: *усладный*), *хранительно* (I-370; ср. Ож., Евг., БАС: *хранительный*); б) реальных окказиональных прилагательных: *предчувственно* (II-121; на базе реального неологизма *предчувственный**), *узывно* (I-333, II-93; на базе реального неологизма *узывный**), *страстотерпно* (I-226; на базе реального неологизма *страстотерпный**); в) гипотетических окказиональных прилагательных: *всевнятно* (I-83), *неисчерпно* (I-226), *самогудно* (II-225), *устремительно* (I-272), *чаровательно* (II-73).

Словосложение. Остальные наречия

(6 слов) произведены путём сложения двух наречий: *детски-пристально* (I-455), *женственно-благоуханно* (II-9), *жутко-древне* (II-222), *однозвучно-тихо* (I-97), *сладко-подневольно* (I-330), *тускло-пенно* (I-374).

Сращение. Отмечено 1 новообразование с количественным значением, смоделированное на базе предлога и порядкового числительного: *третье* (I-390).

Вопрос об оригинальности новообразований В. Иванова

Некоторые неологизмы, обнаруженные нами в языке поэзии В. Иванова, встречаются также у других писателей, принадлежащих к разным литературным школам и направлениям. Этот факт даёт возможность исследователю языка Серебряного века определить, насколько частотными являлись те или иные индивидуально-авторские словоновшества данной эпохи, а также рассмотреть случаи заимствования или параллельного образования неологизмов.

Проиллюстрируем (без глубинного анализа, поскольку это не входит в задачи настоящей работы) факты параллельного употребления неологизмов в поэтическом языке В. Иванова и других писателей Серебряного века.

Сложное прилагательное *всепобедный*, характерное для церковнославянских текстов и органично вписывающееся в язык поэзии В. Иванова, входит в лексику поэтических произведений А. Блока (А.Б. I-125), А. Белого (А.Бел. 354), Ф. Сологуба (Ф.С. (1978) 207) и Игоря-Северянина (И.-С. 69).

Дериват *белопенный* встречается также у Белого (А.Бел. 298), Ф. Сологуба (Ф.С. (1997) 48) и в форме *бело-пенный* у Игоря-Северянина (И.-С. 36); ср. БАС-2.

Наличие характерных для языка античных переводов прилагательных *синекудный* (В.И. II-225; И.А. 336, И.А. 352), *зеленовейный* (В.И. I-162, В.И. II-106; И.А. 119) и *сребролукий* (В.И. I-109; И.А. 85) – неотъемлемая черта поэтической антологии В. Иванова и И. Анненского.

Прилагательное *бредный* зафиксировано также в языке поэзии А. Белого (А.Бел. 351) и Игоря-Северянина (И.-С. 48).

Сложное адъективное образование *золото-карий* / *золотокарий*, в обеих графических формах присутствуя в языке поэтических произведений А. Белого (А.Бел. 331, А.Бел. 332, А.Бел. 459), у В. Иванова встречается только с дефисным написанием (В.И. I-

331). Наряду с этими формами зафиксированы и другие: *златокарий* у А. Белого (А.Бел. 324, А.Бел. 464-465) и С. Есенина (С.Е. I-187) и *злато-карий* у Игоря-Северянина (И. – С. 112).

Прилагательное *легкоперстный* находим в языке поэзии А. Блока (А.Б. I-177-178), А. Белого (А.Бел. 390) и В. Иванова (В.И. I-183).

Сложносоставное новообразование *огнеокий* регулярно в поэзии В. Иванова (В.И. I-202, В.И. I-336), А. Блока (А.Б. V-274) и Ф. Сологуба (Ф.С. (1997) 145).

Разное написание прилагательного *серакаменный* / *сиро-каменный* – слитное (В.И. I-139) и дефисное (А.Б. II-103) – характерно для языка В. Иванова и А. Блока (ср. Орф. сл.: *серакаменный* – СС).

Неологизм *темнолонный*, представляющий собой сложное адъективное новообразование, характерен для языка поэзии В. Иванова (В.И. I-325, В.И. II-93) и А. Белого (А.Бел. 370, 454).

Регулярно повторяется в неолексиконе Серебряного века существительное *лунность*: оно встречается у В. Иванова (В.И. I-297), Игоря-Северянина (И.-С. 149) и С. Есенина (С.Е. I-236; IV-220; IV-234; IV-315).

Новообразование *крылатость* отмечается у В. Иванова (В.И. I-156) и Игоря-Северянина (И. – С. 136).

Очень частотное в поэзии В. Иванова собственное существительное *Солнцебог* (В.И. I-109, В.И. I-293, В.И. I-388, В.И. II-213, В.И. II-245) функционирует также как нарицательное у А. Блока (А.Б. II-178) и Ф. Сологуба (Ф.С. (1997) 16).

Причастие *олиственный* встречается у В. Иванова (В.И. II-228) и Игоря-Северянина (И.-С. 199).

Соотносительными новообразованиями можно считать глаголы *льдить* (И. – С. 152) и *льдиться* (В.И. I-124) в поэтическом языке Игоря-Северянина и В. Иванова.

Аналогичным образом как соотносительные лексемы можно рассмотреть новообразование *всколосить*, которое зафиксировано в языке поэзии В. Иванова (В.И. I-189), и глагол *всколоситься* в неолексиконе А. Блока (А.Б. III-276-277, А.Б. III-60, А.Б. III-278).

Наряду с новообразованием В. Иванова *огниться* (В.И. I-116) отметим неологизм *огнить* в поэзии А. Белого (А.Бел. 416) и Игоря-Северянина (И. – С. 191).

Наречное новообразование *сине* зафиксировано в неолексиконах В. Иванова (В.И. I-165) и Игоря-Северянина (И.-С. 272).

Как прилагательное *предчувственный* (В.И. II-121; З.Г. 128), так и образованное на его базе наречие *предчувственно* (В.И. II-105; З.Г. 401) встречаются в поэзии В. Иванова и З. Гиппиус.

В отношениях производности находят также наречие В. Иванова *чаровательно* (В.И. II-73) и прилагательное Игоря-Северянина *чаровательный* (И. – С. 320).

Глагол *узывать* (В.И. I-294, В.И. II-172; В.Х. (ссылка: Vroon R. 1983, p. 55)) и производное от него прилагательное *узывный* (В.И. I-319, В.И. II-21; В.Х. (ссылка: Vroon R. 1983, p. 55, 61, 96, 121)) встречаются в языке произведений В. Иванова и В. Хлебникова. Прилагательное также отмечено у Игоря-Северянина (И. – С. 304) и К. Бальмонта (К.Б. 226).

Несомненно, В. Иванов остаётся одним из первых новаторов-символистов в области лексической деривации. Однако наличие в его неолексиконе небольшой группы неологизмов, отмечаемых в языке других представителей символизма и особенно представителей других поэтических систем, свидетельствует о том, что подобная неолексика либо активно применялась носителями языка конца XIX – начала XX века, либо была заимствована тем или иным писателем у В. Иванова или, наоборот, В. Ивановым у того или иного писателя. Более скрупулёзный историко-литературный, текстологический и лингвистический анализ этой группы слов позволит сделать конкретные и точные выводы.

Как показывает анализ 319 новообразований В. Иванова, при строительстве новых слов поэт в первую очередь делает выбор в пользу имён прилагательных и существительных, причём авторские предпочтения явно на стороне сложносоставных неологизмов. Суффиксальный способ – как самый доступный и потому распространённый в поэтическом словотворчестве – филолога-модерниста вовсе не так привлекает, как того следовало бы ожидать. Материалом для составления неологизмов служит в основном узальная лексика, но поэт не отказывается и от устаревших и индивидуально-авторских слов. Как и многие символисты, В. Иванов нечасто обращается к созданию неологизмов, скупое включая их в поэтический текст. Основная функция этих слов – эстетическая: индивидуально-авторские слова В. Иванова привлекают внимание своей необычностью и в то же время простотой смысла и прозрачностью структуры, что и роднит их с архаизмами и диалектизмами.

Язык произведений поэта-символиста органично включает и лженеологизмы, стилизованные под устаревшие слова, и те новообразования, частотность и активность употребления которых в начале XX в. заставляет усомниться в их окказиональном характере. Факт функционирования идентичных неологизмов в неолексиконах таких несхожих поэтов, как В. Иванов, Игорь-Северянин, С. Есенин и Велимир Хлебников (мы не говорим о символистах и импрессионисте И. Анненском, который был близок к символизму), свидетельствует не столько о процессах открытого заимствования удачных слов, сколько о жизнеспособности отдельных неологизмов, построенных по узואальным моделям, хотя не стоит и отрицать возможности взаимовлияния поэтических систем, о чём говорили ранее Н.И. Харджиев, К.Г. Петросов, В.П. Григорьев и др. исследователи поэтического языка Серебряного века и Советской эпохи 20–30-х гг.

В. Иванов – тонкий филолог, мистификатор в области словотворчества, любящий сложные образования в духе старославянизмов и аффиксальные образования в стиле древнерусской конкретной и абстрактной лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Источники текста

1. Анненский И. Стихотворения и трагедии. (Библиотека поэта. Большая серия). – М., 1959. – И.А.
2. Бальмонт К. Сонеты солнца, мёда и луны. Песня миров. – М., 1917. – К.Б.
3. Белый А. Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы / Сост., предисл. В.М. Пискунова; Комментар. С.И. Пискуновой, В.М. Пискунова. М., 1994. – А.Бел.
4. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 тт. Т. 1–5, 7. М., 1997–2003. Т. 1–3. – 1997. – А.Б.
5. Гиппиус З.Н. Стихотворения / Вступит. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова. (Серия «Новая библиотека поэта»). – СПб., 1999. – З.Г.
6. Есенин С. Полное собрание сочинений: В 7 тт. (9 кн.) Т. 1 – 1995, т. 4 – 1996. – М., 1995–2001. – С.Е.
7. Иванов В.И. Стихотворения. Поэмы. Трагедия / Вступ. ст. А.Е. Барзаха, сост., подгот. текста и примечания Р.Е. Помирного. В 2 кн. – СПб., 1995. (В круглых скобках римской цифрой указывается номер тома, арабской – страница.) – В.И.
8. Неизданный Фёдор Сологуб / Под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. – Вып. X. – М., 1997. – Ф.С. (1997).
9. Сологуб Ф. Стихотворения. Изд. 2-е. (Библиотека поэта. Большая серия). – Л., 1978. – Ф.С. (1978).

Словари

1. Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. – М., 1969–1978. – БСЭ.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ: В 4 тт. – М., 1998. (Репринт 4-ого издания 1912 – 1914 гг.) – Д.
3. Никольцева В.В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина / Под ред. проф. В. В. Лопатина; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2008. – И.-С.
4. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. – М., 1984. – СНС.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М., 1990. – Ож.
6. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. Р.П. Рогожниковой. – М., 1991. – СС.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Институт рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981–1984. – МАС-2.
8. Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. – М.-Л., 1948–1965. – БАС
9. Словарь современного русского литературного языка: В 20 тт. – М., 1991 – ... Т. 1. – 1991, Т. 4 – 1993. – БАС-2.
10. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М., 2000. – СЯП.
11. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935–1940. – У.

Научная литература

1. Hindley L. Die neologismen Andrej Belyjs. Wilhelm Fink Verlag. – München, 1966.
2. Vroon R. Velimir Xlebnikov's Shorter Poems: a Key to the Coinages. Ann Arbor, 1983.
3. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. – М., 1961.
4. Виноградова В.Н. Словотворчество (И. Анненский, М. Волошин, И. Северянин) // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. – М., 1995. – С. 143–177.
5. Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х–1925-х годов в комментариях. – М., 1993.
6. Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. – М., 1986.
7. Казак В. Лексикон русской литературы XX века / Пер. с нем. Е. Варгафтин и И. Бурихин; ред. М. Зоркая. – М., 1996.
8. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. – М., 1986.
9. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. – М., 1973.
10. Перцова Н.Н. Словотворчество и связанные с ним проблемы идиостиля Велимира Хлебникова: ДД в форме научного доклада. – М., 2000.
11. Русская грамматика. – Т. 1. – М., 1980.
12. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной

системы русского языка и их лексическая реализация / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М., 1996.

13. Харджиев Н.И. Статьи об авангарде: В 2 тт. – Т. 2. – М., 1997.

14. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М., 1968.

V. Nikultseva

VIACESLAV IVANOV'S WORD CREATION DIACHRONICALLY AND SYNCHRONICALLY

Abstract: The purpose of this article is to determine the objectives and methods of Ivanov's word coinage. Like many other sym-

bolists, Ivanov is reluctant to coin poetic neologisms and to include is into his poetic texts. The main function of these words is aesthetic. Interestingly, Ivanov's neologisms frequently sound as outdated or dialectal words. On the other hand, many of his neologisms are styled as archaisms or historisms, which renders them similar to pseudo-neologisms. Ivanov is a refined master, a hoaxer in the area of word creation, with a liking for Old Slavonic style and Old Russian suffixes.

Key words: word creation, neolexicon, Silver age, poetic neologisms, poetic texts, diachronically, synchronically.

УДК 81'373.4

Озерова Е.Г.

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО АППЕРЦЕПТИВНОЙ НОМИНАЦИИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ*

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы функционирования апперцептивной номинации, под которой мы понимаем обозначение объёма вторично воспринимаемых субъективных понятий и представлений, чувственного впечатления, способствующего познанию, так как апперцепция воспринимается сознанием. Авторы поэтической прозы пользуются чувственными впечатлениями как показателями номинативной экспликации когнитивного пространства.

Ключевые слова: номинация, субъективное представление, чувственное впечатление, когнитивное пространство.

Под когнитивным пространством художественного текста мы понимаем синтез психолого-философских, ментальных информационных систем, кодов, определяющих своеобразие субъективной авторской репрезентации действительности.

Когнитивное пространство поэтической прозы отражает, прежде всего, субъективную действительность и эксплицируется в ходе её познания в процессах апперцептивной номинации. Термин *апперцепция* ввел в практику психологии и философии Г. Лейбниц, который противопоставил перцепцию (внутреннее состояние души, представляющей внешний мир) апперцепции (сознание или рефлексия этого внутреннего состояния). К этому тер-

мину в своих работах обращались И. Кант, И. Герbart, В. Вундт.

Наше внутреннее «Я», по мнению И. Канта, есть результат воздействия на внутреннее чувство «вещи в себе», поэтому апперцепция является высшим условием единства всех понятий рассудка. И. Кант вводит понятие *синтез апперцепции*, с помощью которого новое впечатление ассоциируется с вновь вырабатываемыми понятиями, наблюдениями, имеющимися в памяти, образуя между ними необходимое для языкового мышления звено.

По-иному трактуется рассматриваемый термин у И. Гербарта, для которого доминирующим является психологическое наполнение данной дефиниции: *апперцепция есть акт ассимиляции вновь вступающих в поле сознания представлений, посредством воздействия на них со стороны сложных комплексов, образовавшихся в прошлом психическом опыте*. Известный в XIX веке психолог В. Вундт, синтезировавший в своём учении имеющийся в то время научный арсенал знаний об апперцепции, пришёл к выводу, что апперцепция может функционировать в двух моделях: *пассивной* (без предварительной эмоциональной установки) и *активной* (восприятие предваряется чувством ожидания).

Отражение апперцептивных установок эксплицируется в поэтической прозе, в которой действительность отражается не

* © Озерова Е.Г.

столько изображением объективных явлений, сколько изображением субъективных переживаний, вызванных какими-либо явлениями жизни. *Поэтическая проза*, в нашем понимании, – это прозаические произведения, которые, хотя и лишены стихотворной организации, имеют неповторимую лирическую архитектуру. Не случайно жанровая принадлежность таких текстов обозначается также термином *лирическая проза*, в которой действительность отражается посредством вербализации субъективной коннотации, вызванной переживанием явлений жизни.

Лирическая проза – разновидность прозы: произведение любого прозаического жанра, эмоционально насыщенное, пронизанное авторским чувством [1].

Среди авторов, творчество которых раскрывается именно в лирической прозе, особенно заметной является Елена Гуро, чьи произведения чаще всего вспоминают, когда обращаются к истокам футуризма. Внимание русских футуристов было сконцентрировано не на волевом преображении мира и человека, а на «психической эволюции», на открытии новых возможностей в сознании и психике человека. «Пафос обретения новой психики, нового зрения, новых органов восприятия и сознания составлял основу русского футуристического мифа» [2]. Но Е. Гуро не исключала из своего творческого внимания и опыт символистов, что открыло ей путь к созданию жанра поэтической прозы, лирического отрывка, фрагмента. «Вольные ритмы. Проза в стихи. Стихи в прозу. Проза – почти стихи», – формулировала она свою художественную задачу [3].

Для языка лирической прозы характерна *апперцептивная номинация*, под которой мы понимаем обозначение объёма вторично воспринимаемых субъективных понятий и представлений, чувственного впечатления, способствующего познанию, так как апперцепция воспринимается сознанием. Авторы поэтической прозы пользуются чувственными впечатлениями как показателями номинативной экспликации, для которой выбираются философские темы противоречия мира: любви и смерти, суеты и вечности, красоты и старости.

Ментально-лингвистическая модель стихотворений в прозе И.С. Тургенева «Последнее свидание», «Стой! Стой!», «Старуха», «Когда меня не будет» носит субъективный характер, так как интенции автора обращены к личностным переживаниям, поэтому апперцептивная номинация имеет антропо-

центрическое выражение: например, люди, страдающие неизлечимыми болезнями, думают о смерти, но именно у И.С. Тургенева образ смерти – это «...высокая, тихая, белая женщина. Длинный покров облекает её с ног до головы... Никуда не смотрят её глубокие, бледные глаза; ничего не говорят её бледные, строгие губы...»

Эта женщина соединила наши руки... Она навсегда примирила нас.

Да... Смерть нас примирила... (И. Тургенев. Последнее свидание).

Апперцептивная номинация эксплицируется у И.С. Тургенева художественным образом смерти через когнитивную метонимию, сущность которой «состоит в использовании известного означающего для вторичного именования нового означаемого, ассоциируемого с означаемым прямо номинативного знака по принципу смежности обозначаемых объектов» [4].

Таким образом, дискурсивное восприятие, на наш взгляд, репрезентируется апперцептивной номинацией, выраженной у И.С. Тургенева когнитивной метонимией.

«Я оглянулся – и увидел маленькую, сгорбленную старушку, всю закутанную в серые лохмотья. Лицо старушки одно виднелось из-под них: жёлтое, морщинистое, востроносое, беззубое лицо.

... И вдруг я вижу: то пятно, что чернело вдали, плывёт, ползёт само ко мне!

Боже! Я оглядываюсь назад... Старуха смотрит прямо на меня – и беззубый рот искривлён усмешкой...

– Не уйдёшь!» (И. Тургенев. Старуха).

«...В преддверии акта номинации должно находиться формирование той структуры сознания, которая ищет формы своей фиксации» [5]. Таким образом, отличительный признак апперцептивной номинации И.С. Тургенева заключается в том, что семантическое пространство поэтической прозы эксплицируется когнитивными механизмами языкового сознания, которые подчинены механизму ассоциативного переноса в означаемое знака вторичного именования признака, названного знаком первичной номинации: *старуха* → *смерть*.

По-иному апперцептивная номинация проявляется в лирической прозе Елены Гуро, которая, несмотря на неизлечимую болезнь (лейкемия), утверждала, что «любовь – высшее чудо, она даёт бескрылому крылья», «благодать – это любовь, и любовь – это безграничность». Современник Е. Гуро Вадим Шершеневич так определил когнитивное про-

– Мама, а Дон-Кихот был добрый? – А его били... Жаль его. Зачем? – Бедный, а ему больно и он добрый. Как жаль, что он уже умер. А он умер давно? «Небесные верблюжата»	– А Бог знает, где вселенная кончается? – Или это загадка такая? (7 л., 2 м.)
Один принес в коробочке словечко: елки в бурю и огоньки в окнах его слушались. У другого были нанизаны дни разных цветов, пестренькие, как ситцы. Все Домашние оказались богатыми, – и были очень довольны. Спорили, какого цвета сделать эту Субботу: – синей, – или с полосками? «Домашние»	Мама – малиново-красная, папа – красно-жёлтый, дедушка – чёрно-белый, бабушка – жёлто-золотистая, а я розово-жёлтый (6 л., 1 м.).

странство её творчества: она чувствует себя матерью всех вещей, всех живых существ ... Все её дети изранены, и она тянет к ним свою смелую душу.

Пропозиционные интенции автора содержат нерастратенный арсенал материнской любви (она никогда не имела детей), но «миф о юноше-сыне и его смерти был, по сути дела, сквозным для всего творчества Е. Гуро (правда, очень короткого 1905 – 1913 гг.) [6].

Шёл дождь, было холодно. У вокзала в темноте стоял человек и мок. Он от горя забыл войти под крышу. Он не заметил, как промок и озяб. Он даже стал нечаянно под самый сток...

Он не заметил, что озяб, и всё стоял, как поглупевшая, бесприютная птица, и мок. А сверху на него толстыми струями, пританцовывая и смеясь, лилась – вода...

Дня через три после этого он умер.

Это был мой сын, мой сын, моё единственное, моё несчастное дитя.

Авторы Краткого словаря когнитивных терминов, характеризуя дефиницию пропозиция, отмечают, что «в голове человека некоторые сущности действительно связаны определёнными отношениями благодаря предметно-практическому опыту человека, повторному осмыслению мира» [7].

Корней Чуковский, ценивший талант Елены Гуро, отмечал: «Её тема: светлая боль, радость увядания, умирания и нежность до восторженной муки... Её дурашливый стиль, капризный, порой эксцентрический – происходит из этих чрезмерных приливов любви! Так влюблённые... измышляют дикие эпитеты, странные, смешные слова...» [8]. Именно в апперцептивной номинации раскрывается у Е. Гуро тип психологических ощущений – детский мир, мир игры, который воплощён в особой лирике, в логике, не соотносимой с ло-

гикой повседневности и взрослого сознания, в раскованности фантазии и метаморфозности, которыми обладает мир детских игрушек и которые достигаются также в мире, преобразующем реальность [9].

Когнитивные истоки лирической прозы сформулированы самим автором: *Что нужно выразить? Мир в окраске материнской нежности. Флюид любви. Флюид героизма и нежности, искреннюю неловкую обнаженность юности, – до дна, что ставит вещь вне литературы.*

В апперцептивной номинации Е. Гуро проявляется такое направление искусства, как примитивизм. Его главным признаком было программное опровержение художественных средств, обращение к детскому творчеству, через которое проявлялось стремление обрести чистоту взгляда на мир, присущую неиспорченному цивилизацией сознанию.

Сопоставим лирическую прозу автора и спонтанную детскую речь, авторские наблюдения над которой обобщены в наших предыдущих исследованиях (см. табл.) [10].

Формирование пропозиции может основываться на сущности воображаемого, фантазийного мира, поэтому их разделяют на «истинные» и ложные. «Пропозиция рассматривается в качестве структуры сознания, единицы хранения знания, единицы, репрезентирующей мир и выступающей в виде определённой формы его репрезентации» [11].

Дискурсивное восприятие действительности меняет модальность эгопопа (субъективно-индивидуальное восприятие действительности, соотносённость действительности с «Я-личностью», создание определенных эго-смыслов, эго-воспоминаний, эго-оценок), под влиянием которого формируются образы, эксплицирующие апперцептивную номинацию. Она пронизывает тексты поэтической прозы

в описаниях природы и внешности. Таким образом, внутреннее, чувственное проявляется в выразительных комбинациях (когнитивная метонимия, когнитивная метафора, соединение обеих с олицетворением) ключевых характеристик: *небо – лоб земли. Глаза – небо души* (Е. Гуро). Апперцептивная номинация эксплицируется в когнитивной метафоре, которая своим появлением обязана не только функциональной сущности человеческого сознания, но и особенностям мировосприятия. Именно «метафора – более доступное нашему пониманию средство передачи информации, поскольку опирается не на абстрактные сущности, а на знакомые всем общающимся (или, по крайней мере, большинству из них) окружающие предметы, которые имеют особое ценностно-смысловое содержание» [12].

➤ описание природы: неба, облаков, туч:

... Перед домом голая равнина; постепенно понижаясь, уходит она вдаль; серое, одноцветное небо висит над нею как полог.

Это небо – точно саван. И ветра нет... Умер воздух, что ли?

... Небосклон упал, ушел вниз, а от самого дома спускается почти отвесная, точно разрытая, черная круча (И. Тургенев. Колец света).

... Всаду, в глуши сиреневых кустов, горлинка встретила ее первым воркованьем – а там, где она скрылась, молочно-белое небо тихонько покраснелось (И. Тургенев. Посещение).

Земля дышала ивами в близкое небо; под застенчивый шум капель оттаивала она. Было, что над ней возвысились, может быть, и обидели ее, – а она верила в чудеса. Верила в свое высокое окошко: маленькое небо меж темных ветвей, никогда не обманула, – ни в чем не виновна, и вот она спит и дышит... и тепло (Е. Гуро. Вдруг весеннее).

В тонком завершении и прозрачности полевых метёлок – небо (Е. Гуро. Звенят кузнечики).

Ах, иногда чаша осени поднимается к бледному небу, переполнена золотом радости, медом и пурпуром счастья... (Е. Гуро. Примирение).

Но, ведь ты голубей неба, стрекоза. – Я царица! – Небо синее. Слышен густой пчелиный звон, он пахнет мёдом и смолой. Небо синее. (Е. Гуро. Стрекоза).

И над радостью встреч прошли года, и стоял над всем в пустом небе запрещающий Знак (Е. Гуро. Дача с призраками).

... Около меня солнце еще светило – го-

рячо и тускло; но там, за рожью, не слишком далеко, темно-синяя туча лежала грузной громадой на целой половине небосклона.

... Визжит ветер, мечется как бешеный, мчатся рыжие, низкие, словно в клочья разорванные облака, всё закрутилось, смешалось, захлестал, закачался отвесными столбами рьяный ливень, молнии слепят огнистой зеленью, стреляет как из пушки отрывистый гром, запахло серой... (И. Тургенев. Голуби).

Описание пейзажа в поэтической прозе связывается с духовным восприятием действительности. Издавна на Руси существовала традиция на Благовещение отпускать на волю птиц. «Родной обычаем старины», – так писал о нём А.С. Пушкин. Этот русский обычай символизирует стремление человеческой души освободиться от пут греха и соединиться с небом. Традиция выпускать именно голубей на праздник Благовещения появилась вследствие того, что на иконах ангел, спустившийся к Марии, изображается в виде голубя. Ср.: «... замелькало что-то ровно и плавно; ни дать ни взять белый платочек или снежный комок. То летел со стороны деревни белый голубь.

... Но глядь! Уже два платка мелькают, два комочка несутся назад: то летят домой ровным полётом два белых голубя» (И. Тургенев. Голуби).

Дискурсивная интерпретация лирической прозы Елены Гуро проводит иные сравнения и символы: *Мир был прост и ласков, как голубь, и если б его приголубили, он стал бы летать*. Для усиления апперцептивной номинации автор использует однокоренную лексику *приголубили*, семантическое значение которой подчёркивает синестезию чувств.

Апперцептивная номинация эксплицируется и при описании глаз. Ментальную закреплённость находим в народной мудрости: «*глаза – зеркало души*». «Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло» (Матф, 6:22). Глаза репрезентируют непосредственную связь субъекта с окружающим миром, раскрывают дискурсивную интенцию автора.

➤ описание глаз

... Старушка не отвечала. Я наклонился к ней и заметил, что оба глаза у ней были застланы полупрозрачной, беловатой перепонкой, или плевой, какая бывает у иных птиц: они защищают ею свои глаза от слишком яркого света (И. Тургенев. Старуха).

... Собака сидит передо мною – и смотрит мне прямо в глаза. И я тоже гляжу ей в

глаза.

... Нет! это не животное и не человек
меняются взглядами...

Это две пары одинаковых глаз устрем-
лены друг на друга... (И. Турненев. Собака).

Ее лицо и побледнело и ожило; быстро, с
веселым смущением бежали по сторонам опу-
щенные, как уменьшенные глаза. Она увида-
ла розу, схватила ее, взглянула на ее измя-
тые, запачканные лепестки, взглянула на
меня, – и глаза ее, внезапно остановившись,
засияли слезами (И. Турненев. Роза).

... Она пронеслась раза два под потол-
ком; ее крошечное лицо смеялось; смеялись
также огромные, черные, светлые глаза (И.
Турненев. Посещение).

... Лицо спокойное и важное, но не стро-
гое; глаза не лучистые, а светлые; взор прон-
зительный, но не злой (И. Турненев. Милос-
тыня).

... С губ сорвался последний вдохновен-
ный звук – глаза не блестят и не сверкают –
они меркнут, отягощенные счастьем, бла-
женным сознанием той красоты, которую
удалось тебе выразить, той красоты, во
след которой ты словно простираешь твои
торжествующие, твои изнеможенные руки!
(И. Турненев. Стой!).

... Сквозь его глаза ей показались далё-
кие-далёкие города возвышенных мечтаний.
И она поняла, что она мать ему (Е. Гуро.
Жил на свете рыцарь бедный).

... Всполнила его кроткие, как светлые
озёра, глаза (Е. Гуро. Жил на свете рыцарь
бедный).

Смысл, в отличие от значения, поро-
ждается субъектом, поэтому в интерпретации
поэтической прозы апперцептивная номина-
ция сочетается с апостериорной коннотаци-
ей, под которой мы понимаем трансформа-
цию личностно и эмоционально значимых
ассоциаций, образов, эксплицируемых на ос-
нове опыта субъекта. Следует отметить, что
функционирование данного термина явля-
ется доминирующим и в онтогенезе речи, но
потребность в номинации здесь имеет иную
экспликацию – конкретно-ситуативную: а)
незнание узуального слова – черепахорыбо-
рак (краб), киноснимальщик (режиссёр); б)
обозначение игрового предмета – постеле-
взбиватель, гранатопускатель; в) обозна-
чение переходного состояния или предмета –
полусплю-полуслушаю, полузаяц-полукро-
лик; г) создание имён собственных – Илья-
мурманцы, Полечудесник.

«Образ – это предметно-чувственное от-
ражение в сознании человека номинируемого

объекта...» [13]. Для поэтической прозы – это
механизм взаимодействия апперцептивных
номинаций (чувственных и смысловых ана-
логий) сознания субъекта (ср.: в онтогенезе
речи – предметное, буквальное номинирова-
ние когнитивного пространства).

Таким образом, когнитивное простран-
ство апперцептивной номинации в поэтичес-
кой прозе репрезентируется не только через
призму чувственных ассоциаций, пропози-
ционных интенций автора, но и при помощи
образного слова – пристрастного когнитивно-
номинативного средства создания лиричес-
кого повествования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Литературоведческий энциклопедический сло-
варь / Под общ. ред. В.Н. Кожевникова, П.А. Ни-
колаева. – М., 1987.
2. Бобринская Е.А. Футуризм и кубофутуризм 1910-
1930. История живописи XX век. – М., 2000.
3. Гуро Е.Г. Жил на свете рыцарь бедный. Лиричес-
кая повесть. – М., 1999.
4. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: Ког-
нитивно-семиологическая синергетика слова. –
Волгоград, 2006.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения
знаний о языке: Части речи с когнитивной точки
зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004.
6. Топоров В.Н. Миф о воплощении юноши-сына, его
смерти и воскресении в творчестве Елены Гуро /
Серебряный век в России. Избранные страницы. –
М., 1993.
7. Краткий словарь когнитивных терминов. Е.С.
Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г.
Лузина. – М., 1996.
8. Чуковский К. Образцы футурлитературы / Собр.
Соч. в 6 тт., т. 6. – М., 1969. – С. 240 – 259.
9. Бобринская Е.А. Футуризм и кубофутуризм 1910-
1930. История живописи XX век. – М., 2000.
10. Харченко В.К., Озерова Е.Г. Сложные слова в де-
тской речи. Монография. – Белгород, 1999.
11. Краткий словарь когнитивных терминов. Е.С.
Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г.
Лузина. – М., 1996.
12. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивисти-
ка в аспекте лингвистического постмодернизма. –
Белгород, 2008.

Е. Ozerova

COGNITIVE SPACE OF APPERCEPTIVE NOMINATION IN POETIC PROSE

Abstract: The article considers the prob-
lem of apperceptive nomination functioning,
which we understand as denomination of the
volume of secondarily perceived subjective no-
tions and conceptions, sensory impressions.
The authors of poetic prose use sensory impres-
sions as indicators of nominative explication of
cognitive space.

Key words: nomination, subjective per-
ception, cognitive space.

ФОРМАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СТРУКТУРЫ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО*

Аннотация: В статье рассматриваются формальные показатели структуры сложного синтаксического целого, выявляется значимость грамматических форм для конкретного сложного синтаксического целого, проводится анализ языковых единиц разных уровней, составляющих грамматический конгломерат, определяющий как форму самого сложного синтаксического целого, так и его компонентов.

Ключевые слова: сложное синтаксическое целое, грамматический конгломерат, гермы.

Термин «сложное синтаксическое целое» (ССЦ) совмещает в себе синтагматический и функциональный подходы к определенной единице: в синтагматическом плане он указывает на то, что определенная синтагматическая единица больше предложения; в функциональном плане он характеризует определенную синтаксическую единицу как развернутое высказывание. Таким образом, сложное синтаксическое целое – понятие одновременно синтагматическое и функциональное. Это – специальным образом организованная, закрытая группа предложений, представляющая собой единое высказывание.

Основополагающим научным трудом, посвященным описанию групп предложений, можно считать кандидатскую диссертацию профессора И.А. Фигуровского «Смысловые отношения между законченными предложениями и грамматические средства их выражения» (1947 год). В данной и последующих работах И.А. Фигуровский указал смысловые и грамматические признаки компонента целого текста, названного им впоследствии *складнем*, которые служат четкими критериями его выделения: «Под складнем понимается группа законченных предложений, отличающаяся единством и замкнутостью содержания и, что особенно важно, тем, что вся группа охвачена определённым грамматическим значением, которое выражено свойственным ему грамматическим средством» [1].

И.А. Фигуровский определил специфические особенности соединений законченных

предложений в соответствии с «широтой, разносторонностью и глубиной мыслительной деятельности человека» [1]:

- Единство содержания, то есть объединение законченных предложений общей темой.

- Замкнутость содержания, определяемая наличием в группе предложений такого, которое намечает или обобщает содержание нескольких законченных предложений.

- Общее для всего соединения отвлечённое отношение к какому-либо предложению или к другому соединению, что делает группу законченных предложений, объединённых общностью содержания, цельными единицами, которые составляют иногда значительные части текста. «По этому ... признаку их можно назвать компонентами целого текста» [1].

- Наблюдаемые между законченными предложениями отношения внутри сочетания, вследствие охвата больших групп слов, значительно глубже, чем отношения между частями сложного предложения.

- Многосторонность связей в компоненте, обуславливающих обязательный порядок предложений. «Глубина и гибкость связей внутри компонента обуславливают относительную свободу в использовании средств связи» [1].

- Неполнота предложений, причина которой «заключается в том, что соединение предложений выражает круг мыслей, взаимно дополняющих и поддерживающих друг друга» [1].

- Частое замещение названий предметов, признаков и обстоятельств действия словами-указателями, местоимениями.

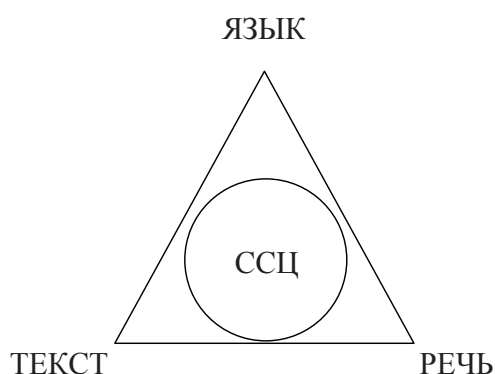
Очень важным моментом в рассмотрении соединений законченных предложений является замечание И.А. Фигуровского о том, что «не всякая группа законченных предложений является соединением. Соединение законченных предложений так же не обязательно, как сложные предложения, и встречаются не одинаково часто у разных писателей и в разных текстах» [1].

Лингвистам, изучающим группы предложений, остаётся только сожалеть о том, что термин И.А. Фигуровского «складень», веро-

* © Папуша И.С.

ятно, в силу своей поэтичности, не завоевал достойное место в лингвистической сфере: в настоящее время более чем 20 терминов обозначают данную единицу, что нарушает сам процесс её исследования («сложное синтаксическое целое» = «сверхфразовое единство» = «прозаическая строфа» = «компонент текста» = «суперфраз» = «секвенция» = «коммуникант» = «цепь предложений» и другие). Из всего набора используемых терминов нами был выбран термин, предложенный Н.С. Поспеловым [2] как наиболее соответствующий цели нашего исследования: именно в нём проявлена грамматическая составляющая, подчёркивающая принадлежность единицы, им обозначенной, к системе языка. К тому же именно этот термин логически соответствует существующим в синтаксисе русского языка обозначениям, образующим систему синтаксических явлений: простое предложение – сложное предложение – сложная синтаксическая конструкция – сложное синтаксическое целое.

Сложное синтаксическое целое – многоаспектная языковая единица, проявляющая себя и в речи и в тексте. Мы рассматриваем данную языковую единицу как структурно-синтаксическую, имеющую регулярно воспроизводимые характеристики, позволяющие не только фиксировать в тексте группы предложений как некую единицу языка, но и говорить о вероятности нахождения в тексте объединения предложений, связанных между собой тем или иным системным способом. Но следует особо подчеркнуть: в первую очередь сложное синтаксическое целое наиболее системно функционирует в рамках письменной формы литературного языка.

Структура сложного синтаксического целого – один из его релевантных признаков: через неё реализуется связность текста как его непереносимое качество. Связность сложного синтаксического целого обусловлена линейностью его компонентов: синтагма-

тичность ССЦ проявляется во внешне выраженном сочетании единиц всех языковых уровней (звуков/букв, слов, предложений). К структурным свойствам сложного синтаксического целого можно отнести:

- обязательный состав из двух и более семантически связанных предложений;
- членение на более мелкие составляющие единицы (предложения);
- наличие определённых групп межфразовых средств связи (эксплицитный и имплицитный способы);
- однотипность композиции (зачин – медиальная часть – концовка) [3];
- наличие гермов.

Наряду с лексической и грамматической синтагматикой синтагматика сложного синтаксического целого обнаруживается в законах межфразовой сочетаемости, в наличии особых внутренних связей. Это собственно семантический план, обнаруживающий особую организацию ССЦ и связанный с синтаксическими средствами соединения предложений в нём. Сложное синтаксическое целое – явление многослойное, что отражается уже и в наборе внутритекстовых связей, которые соответствуют основным уровням не языка, а текста: семантическому, лексико-грамматическому, образному, прагматическому. Но, как сложный знак, сложное синтаксическое целое имеет свою гибкую систему внутренних связей, доминантой которых выступает семантическое согласование в широком смысле слова: все компоненты сложного синтаксического целого связаны между собой и соотносены с глобальным содержанием макротекста. Именно семантическая связь – фундамент сложного синтаксического целого: она определяет его единство и целостность. Все частные проявления связности обусловлены общей семантической идеей, целеустановкой автора.

В то же время именно языковая природа сложного синтаксического целого позволяет единицам всех языковых уровней проявляться в нём в тех грамматических характеристиках, которые определены целеустановкой автора. Полагаем, что интерпретации скрытых смыслов возможны только на базе значимых грамматических форм, но их значимость измерима только в рамках сложного синтаксического целого: каждая языковая единица сложного синтаксического целого имеет ту грамматическую форму, которая предписана организацией данного сложного синтаксического целого, которая, в свою очередь, подчинена целеустановке автора и определена

семантическим критерием как сложного синтаксического целого, так и макротекста. Реализуясь в тексте, сложное синтаксическое целое, осуществляя многосторонность внутренних связей, диктующих обязательный порядок и форму своих компонентов, продуцируется по грамматической модели, обеспечивающей взаимообусловленность плана содержания и плана выражения.

Продemonстрируем данное положение на анализе форм языковых единиц разных уровней сложного синтаксического целого из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (римские цифры обозначают номер предикативной части по порядку, арабские цифры – номер предложения по порядку; Т – тема сложного синтаксического целого, З – его зачин, К – его концовка, условные обозначения членов предложения – традиционные):

И тут знойный воздух сгустился перед ним (I), и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида (II) (1). На маленькой головке жокейский картузик (III), клетчатый кургузый воздушный же пиджачок (IV) (2)... Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ невероятно (V), и физиономия, прошу заметить, глумливая (VI) (3).

1. ЗТ 1) I и 2) II

2. 1) III 2) IV

3. 1) V и К 2) VI

1) =, но =, =

2) вводное словосочетание

Тема данного сложного синтаксического целого обозначена в первой предикативной части первого предложения – «Воздух сгустился». Зачин определятся наречием *тут* в значении смены обстоятельств событий. Концовка – союзом *и* шестой предикативной части (третье предложение), соединяющим предикативные части третьего предложения и свидетельствующим о завершении описания гражданина.

На фонетическом уровне данного сложного синтаксического целого акцентированы автором следующие единицы:

а) *престранного, воздушный же, невероятно, физиономия, глумливая* – содержат более четырёх слогов, то есть фиксируют внимание воспринимающего за счёт физиологического напряжения органов речевого аппарата;

б) *неимоверного* – наличие зияния (уникальное явление для данного ССЦ);

в) наличие большого количества заднеязычных звуков (III – 7, IV – 4) во втором предложении в сочетании с шипящими;

г) наличие большого количества свистящих звуков в первом предложении (звукопись), что создаёт определённый эффект движения воздуха, а также подтверждает факт зачина данного сложного синтаксического целого.

На морфемном и словообразовательном уровнях выделены:

а) трижды использованный корень – *воздух- /воздуш-*, что подтверждает правильность определения темы ССЦ;

б) использование уменьшительных суффиксов во втором предложении: *-к-, -ик-, -ок-* (*головке, картузик, пиджачок*);

в) приставка *пре-* в слове *престранного* в значении «очень» (уникальное явление для данного ССЦ);

г) суффикс *-лив-* прилагательного *глумливый* со значением «имеющий склонность к действию, состоянию, отношению, чувству»;

д) наличие приставок *с-* и *со-* в глаголах первого предложения *сгустился* и *соткался*, больше в ССЦ не используемых;

е) слово *неимоверно*, исторически производное от словосочетания *не имати веры* и претерпевшее опрощение производной основы.

Лексика данного сложного синтаксического целого в целом нейтральна. Выделены:

а) слова с градационной коннотацией: *престранного, невероятно*;

б) слова, имеющие оценочное значение: *головке, картузик, пиджачок*;

в) разговорные слова: *картузик, физиономия*;

г) слово *глумливый*, в данном контексте, вопреки суффиксу, имеющее значение (по В.И. Далю – безличное новгородское) – «чудиться, мерещиться, видеться» [4] (ср. у Д. Н. Ушакова: содержащий в себе издевательство, насмешку, шутовской [5]; у Т. Ф. Ефремовой: склонный к глумлению (глумиться – издеваться) [6]; у В. И. Даля: шуточный, потешный, забавный, или смешливый; насмешливый, смешной; орл. и пск. – глуповатый; твер. – умный, мудрый, думный, рассудительный) [6].

д) слово *сажень* в значении «мера длины, расстояния» – архаизм (с введением в 1924 г. в СССР метрической системы мер сажень /2, 13 м/ вышла из употребления).

На морфологическом уровне:

а) преобладание имён существительных, что свидетельствует о стабильности описываемого (эффект стоп-кадра);

б) глаголов в ССЦ четыре: два – совершенного вида в форме изъявительного наклонения прошедшего времени – находятся в первом предложении; два (несовершенного вида в форме изъявительного наклонения настоящего времени первого лица + совершенного вида в форме инфинитива) – в вводном словосочетании шестой предикативной части третьего предложения (глаголы первого предложения – показатель зачина ССЦ; последнее – концовки);

в) имён прилагательных – одиннадцать: данное сложное синтаксическое целое функционально-смыслового типа – описание;

г) наречие *неимоверно* уникально для данного сложного синтаксического целого;

д) имя существительное *воздух* использовано дважды: в первой синтагме в форме именительного падежа, во второй синтагме – в форме родительного падежа;

е) имя существительное *гражданин* использовано дважды: в первом и третьем предложении в форме именительного падежа – ещё одно подтверждение границ сложного синтаксического целого;

ж) краткие формы имён прилагательных (первая предикативная часть третьего предложения) – *узок*, *худ* – указывают на чрезмерность проявления признака, что подтверждается и сочетанием с обстоятельством степени, выраженным наречием (*неимоверно*).

Синтаксический уровень продемонстрирован схемой сложного синтаксического целого, состоящего из двух сложносочинённых предложений (зачин и концовка) и одного бессоюзного предложения с перечислительными отношениями. Параллелизм структур предложений, входящих в данное синтаксическое целое, является средством внутренней связи компонентов ССЦ, в совокупности представляющих определённую целеустановку автора форму. Выделенными структурами можно считать:

а) односоставные (назывные) предикативные части второго предложения – описание одежды гражданина;

б) ряд однородных членов первой предикативной части третьего предложения – описание фактуры гражданина;

в) вводное словосочетание, побуждающее реципиента к более активному восприятию информации.

Анализ языковых единиц и категорий, использованных автором в данном сложном синтаксическом целом, позволяет определить приоритеты автора и выявить гермы ССЦ – компоненты ССЦ, одновременно акцентированные автором за счёт лингвистических показателей: *неимоверно* – пять языковых уровней, *физиономия глумливая* – пять языковых уровней, *престранного* – три языковых уровня, *прошу заметить* – три языковых уровня. Гермы есть база вторичного синтеза: идея автора показать восприятие героем материализации в пространстве реальности объекта из пространства, в которое трудно поверить, то есть состояние аффекта.

Таким образом, формальные показатели всех языковых единиц, входящих в конкретное сложное синтаксическое целое, составляют его грамматический конгломерат, определяющий как форму самого сложного синтаксического целого, так и его компонентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Фигуровский И. А. Избранные труды. – Елец, 1947.
2. Поспелов Н.С. О некоторых синтаксических категориях // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М., 1969.
3. Сыров И. А. Способы реализации категории связности в художественном тексте: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., CD-ROM, 2001.
5. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., CD-ROM, 2001.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 томах. – М., 2000.

I. Papusha

FORMAL PARAMETERS OF STRUCTURE OF THE COMPLEX SYNTACTIC WHOLE

Abstract: In clause formal parameters of structure of the complex syntactic whole are considered, the importance of grammatical forms for the concrete complex syntactic whole comes to light, the analysis of language units of the different levels making a grammatical conglomerate, defining as the form of the most complex syntactic whole, and its components is spent.

Key words: the complex syntactic whole, a grammatical conglomerate, germs.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЛАСТИ СКЛОНЕНИЯ ИМЁН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ*

Аннотация: Статья посвящена экспериментальному исследованию склонения имен числительных. Анализируются основные ошибки в свете активных процессов в склонении. Подтверждается гипотеза об усилении аналитизма в склонении числительных. Осуществляется количественный и качественный анализ результатов эксперимента.

Ключевые слова: морфология, имя числительное, эксперимент в лингвистике.

Система склонения составных и сложных имён числительных претерпевает изменения уже на протяжении столетия. Нормы устного и письменного склонения расшатываются. Ошибки, допускаемые при устном склонении, очевидны. Достаточно прислушаться к разговорам в магазинах и маршрутных такси: *Я сегодня больше триста рублей потратила; Сдачу с пятиста за одного передайте; Сдачу с пятьсот вы мне не дали.* В средствах массовой информации, на радио и телевидении, пожалуй, только высококвалифицированные дикторы не допускают ошибок. Автор данной статьи внимательно просматривает телевизионные передачи на канале «Вести» примерно в течение часа каждый день и не наблюдал за это время ошибок, допущенных дикторами, только гостями студий и интервьюируемыми. Например, *Принято страхование вкладов до семиста тысяч рублей* (1-ый зам.министра председателя правительства РФ); *За последнюю неделю йена потеряет в районе десять процентов* (Глава компании «Фин.маркет»).

Однако объективно оценить ситуацию при письменном склонении представляется весьма затруднительно, т.к. на письме числительные постоянно заменяются цифрами. По этой причине необходимым является проведение комплексного исследования склонения имён числительных в письменной речи, так как такое исследование могло бы продемонстрировать всю масштабность процессов, происходящих в системе склонения числительных.

В данном случае весьма эффективным является метод эксперимента. «Эксперимент – это предпринимаемой в целях проверки

определённого гипотетического положения контролируемое наблюдение, происходящее в искусственных условиях, которые создаются в результате изменения тех или иных переменных (факторов, структурных элементов и т.д.)» [1, с. 7]. Экспериментальное исследование в отличие от пассивной фиксации или сплошной выборки из письменных текстов, которые, безусловно, являются весьма трудоёмкими, а в нашей ситуации повсеместной замены числительных цифрами могут вообще не увенчаться успехом, позволяет в виде набора определённых заданий целенаправленно смоделировать такую ситуацию, в которой испытуемые будут вынуждены склонять числительные письменно, записывая их словами, а не цифрами. В этом и заключается целесообразность экспериментального исследования. Мы имеем возможность сразу получить необходимое количество откликов на экспериментальное задание и количественно и качественно верифицировать результаты.

Экспериментальное исследование письменного склонения имён числительных осуществлялось следующим образом. Эксперимент проводился как в группах (от 4 до 15 человек), так и индивидуально. Перед предъявлением задания испытуемые сообщали некоторые данные о себе, что в дальнейшем позволяет осуществить обработку и анализ анкет по социометрическим параметрам.

Испытуемым предъявлялось следующее задание: *Просклоняйте, пожалуйста, следующее числительное, записав его словами: 123 456 789. Если Вы не помните надёжные вопросы, обратитесь к преподавателю.*

Выбор такого числа был обусловлен тем, что в рамках одного задания мы имеем возможность проверить склонения самых разных числительных: простых, составных и сложных двух-, трёх-, четырёхзначных.

Время эксперимента не ограничивалось, однако экспериментатор просил зафиксировать время начала и окончания выполнения теста. В то же время примерно в 1% анкет время не было зафиксировано, что, однако, не мешает вывести среднее время, потраченное на склонения числительного – 10 минут. После эксперимента с некоторыми из испытуемых проводилось лингвистическое интер-

* © Полякова С.В.

возраст	образование	профессия	пол	кол-во
1995 г.р.	школьники	7-9 кл.	м.	1
1990-1993 гг.р.		10-11 кл.	м.	2
			ж.	2
до 1985 г.р.	студенты	филологи	ж.	5
		математики	м.	4
			ж.	2
		нефилологи	м.	17
			ж.	18
		учителя нефилологи	ж	2
		работающие с цифрами	м.	1
			ж.	3
		не работающие, с цифрами	м.	5
			ж.	9
с 1984 по 1970 гг.р.	с высшим гуманитарным образованием	не работающие, с цифрами	м.	1
	без высшего образования	учителя математики	ж.	3
		работающие с цифрами	м.	4
			ж.	1
		не работающие, с цифрами	м.	7
			ж.	7
с 1969 г.р.	с высшим негуманитарным образование	работающие с цифрами	ж.	3
	без высшего образования	работающие с цифрами	ж.	2
		не работающие, с цифрами	м.	1
			ж.	4
				104

вьюирование с целью выяснения отношения испытуемого к предмету эксперимента.

Все испытуемые по социометрическим параметрам были разбиты на следующие группы (см. табл. 1)

Сделаем некоторые пояснения относительно деления испытуемых на вышеперечисленные группы. В социальной и когнитивной лингвистике при проведении разного рода экспериментальных исследований испытуемые всегда разделяются по половому признаку для определения влияния гендера на те или иные лингвистические параметры речи. В современной лингвистике вопрос о влиянии гендерных различий на морфологические характеристики речи является совершенно неизученным, поэтому, возможно, при проведении данного эксперимента будут выявлены некоторые особенности склонения в зависимости от гендерной принадлежности испытуемого. Выделение четырёх возрастных групп обусловлено потребностью проследить влияние фактора времени получения основного образования. В научной литературе указания на изменения в скло-

нении числительных происходили в течение всего XX столетия [2-9], но есть основания предполагать, что наиболее активное разрушение системы склонения происходит именно в последние два десятилетия. Разделение испытуемых на профессиональные группы связано с рядом причин. Во-первых, предполагается, что люди с высшим образованием, особенно с высшим гуманитарным образованием, хорошо знакомы с нормами русского языка и будут стремиться к их строгому соблюдению. Во-вторых, в особую группу следует выделить студентов и учителей математики. Язык математиков, как замечали ещё академик В.В.Виноградов [3] и М.В.Панов, «отдает предпочтение наиболее лаконичным неизменяемым морфологическим средствам» [4, с.86] Таким образом, мы можем говорить о «профессиональной несклоняемости» имён числительных [там же, с. 88]. В-третьих, в особую группу выделяются «люди, работающие с цифрами». К этой группе мы относим продавцов, менеджеров, кассиров, банковских работников, секретарей, т.е. те профессии, в рамках которых люди часто пользуют-

ся разными числами и цифрами, записывают их не только цифрами, но и буквами (например, при заполнении определённых документов). И, наконец, в-четвёртых, мы выделяем группу людей «не работающих с цифрами». Для них, предположительно, выполнение заданий будет сопряжено с большими трудностями, так как в рамках своей профессии они реже используют числительные.

Неравномерность распределения испытуемых в различных возрастных и профессиональных группах объясняется тем, что проведённое исследование является частью более объёмного комплексного научного эксперимента, который проводится автором. Представленные данные – это лишь «опыт» экспериментального исследования, основной целью которого является осуществить всеобъемлющий анализ системы склонения имен числительных.

Данный эксперимент позволяет проанализировать два аспекта: склонение составных и сложных числительных. В данной статье осуществляется попытка анализа только склонения сложных числительных, а специфика склонения составных числительных в данной статье не рассматривается.

Социометрическая обработка результатов выявила определенные закономерности. Самым поразительным результатом нам представляется то, что мы получили лишь две (!) анкеты, в которой задание было выполнено абсолютно правильно. Обе анкетуемые женщины: 1990 года рождения студентка факультета Культуры и музыкального искусства МГГУ им. М.А.Шолохова по специальности Культурология и 1969 года рождения студентка этого же университета 1 курса факультета Информатики и математики заочного отделения, по профессии техник. Эти испытуемые не включаются в нижеприведённую таблицу анализа ошибок (их социально-возрастная категория отмечена знаком !), но учитываются в общем количестве испытуемых при расчете процентного соотношения ошибок.

В целом количество ошибок при склонении, допущенных каждым испытуемым весьма значительно. Максимальное количество ошибок – 33, минимальное – одна ошибка – 1 человек (в Тв.п. форма *четыремстами*), две ошибки – 3 человека, три ошибки – 5 человек, 4 ошибки – 1 человек, 5 ошибок – 5 человек.

Общее количество ошибок, допущенных всеми испытуемыми 1065, отсюда среднее количество ошибок на одну анкету – 10. Из них

количество ошибок в Тв.п. – 440 (41,3%). О причинах такого соотношения будет сказано ниже.

С точки зрения социометрических параметров были выявлены следующие закономерности (см. табл. 2).

При анализе данной таблицы мы можем сделать вывод о количестве людей, допустивших минимальное число ошибок (до 5). В этом плане наша гипотеза относительно более качественной филологической подготовки специалистов данного направления не подтверждается. Отрадно заметить, что и максимальное количество ошибок (более 20) допустили не так много испытуемых. Молодые люди, студенты допускают меньшее количество ошибок, чем люди 1984 года рождения и старше. Таким образом, нецелесообразно считать, что нарушение нормы связано с ухудшением качества образования в последние десятилетия. Напротив, студенты, как люди постоянно обучающиеся, овладевающие информацией, больше читающие, более внимательно относятся к нормативному использованию языковых средств. Соотношение женщин и мужчин, участвовавших в эксперименте равно примерно 1:0,67. Соотношение минимального количества ошибок (до 5), допущенных мужчинами и женщинами равно 1:3. Максимальное (свыше 20) – то же. То есть мы, возможно, можем говорить о том, что женщины по природе своей более аккуратные, пунктуальные в выполнении различных заданий. Мужчины же в то же время стремятся к новаторству, в том числе и в языке, к использованию новых форм. К тому же дифференциальная психология отмечает некоторое превосходство женщинами мужчин по вербальным способностям [10].

При количественном и качественном анализе ошибок были выявлены следующие общие особенности склонения числительных.

Склонение *сто*-.

Числительное *сто* функционирует в языке как отдельное слово и как корень в сложных числительных. Обе единицы склоняются по-разному: *сто* как отдельное число имеет в косвенных падежах форму *ста*, а в составе сложных числительных – *сот* (в Р.п.), *-стам*, (в Д.п.) – *стами* (в Тв.п.), – *стах* (в П.п.). М.Я.Гловинская, ссылаясь на известное экспериментальное социолингвистическое исследование «Русский язык и советское общество» [4], пишет, что «абсолютное преобладание формы *ста* над формой *стах* было

возраст	образ-е	проф.	пол	кол-во чел. общее	количество ошибок						
					до 5	6-10	11-15	16-20	21-25	26-30	30-33
1995 г.р.	шк.	7-9 кл.	м.	1	1	-	-	-	-	-	-
1990-1993 гг.р.		10-11 кл.	м.	2	-	-	2	-	-	-	-
			ж.	2	1	1	-	-	-	-	-
до 1985 г.р.	ст-ты	филологи	ж.	5	2	3	-	-	-	-	-
		математики	м.	4	-	2	1	1	-	-	-
			ж.	2	-	2	-	-	-	-	-
		нефилологи	м.	18	1	9	6	2	-	-	-
			ж.!	18	3	9	5	-	-	-	-
		учителя нефилологи	ж	2	-	1	-	1	-	-	-
		раб. с цифр.	м.	1	-	-	-	1	-	-	-
			ж.	3	-	1	1	1	-	-	-
		не раб., с цифр.	м.	4	-	-	2	1	-	1	-
			ж.	9	-	7	1	1	-	-	-
с 1984 по 1970 гг.р.	в / о гум.	не раб., с цифр.	м.	1	-	1	-	-	-	-	-
	без в/о	учителя математики	ж.	3	2	-	1	-	-	-	-
		раб. с цифр.	м.	4	1	-	3	-	-	-	-
			ж.	1	-	1	-	-	-	-	-
		не раб., с цифр.	м.	7	1	2	-	2	2	-	-
			ж.	7	1	-	4	1	-	-	1
с 1969 г.р.	с в/о негум.	раб. с цифр.	ж.	3	1	2	-	-	-	-	-
	без в/о	раб. с цифр.	ж.	2	-	1	1	-	-	-	-
		не раб., с цифр.	м.	1	1	-	-	-	-	-	-
			ж.!	4	-	2	1	-	-	-	-
				104	15	43	28	11	2	1	1

экспериментально подтверждено еще в 60-ые годы XX столетия» [9, с.107]. Однако, как показывает наше исследование, в языковом сознании носителей языка семантическое совпадение этих единиц до сих пор приводит к смешению в системе склонения.

С одной стороны, мы встречаем формы слова *сто* с падежными окончаниями (см.

табл. 3).

С другой стороны, форма *-ста* в сложных числительных весьма часто возникает в самых различных падежах:

Интересно также, что при склонении числительного *четыре*ста некоторые испытуемые (в основном в Им. и Р.п.) указывали форму *четыре*сто (см. табл. 4).

Таблица 3-4

Нарушение нормы при склонении числительного *сто*

стам в Д.п.	стами в Тв.п.	стах в П.п.
14	10	10
13,5%	9,6%	9,6%

Нарушение нормы при склонении числительных, содержащих морфему *-сто*

форма <i>четырёх</i> ста			форма <i>четырёх</i> ста		форма <i>сем</i> ста		
в Р.п.	в Тв.п.	в П.п.	в Д.п.	в Р.п.	в Д.п.	в Тв.п.	в П.п.
10	4	18	4	18	15	8	15
9,6%	3,8%	17,3%	3,8%	17,3%	14,4%	7,7%	14,4%

Использование ненормативной формы *четыресто*

в Им.п.	в Р.п.	в Д.п.	в Тв.п.	в П.п.	во всех падежах
16	15	1	3	3	1
15,4%	14,4%	0,97%	2,9%	2,9%	0,97%

Зафиксировано также единичное употребление формы *семисто* в Р.п.

Сложные числительные образовались из древних количественных сочетаний. *Сто* в составе сложных числительных представлено разными устаревшими формами: двойственного числа среднего рода (*двести*), мн.ч. им.п. (*триста, четыреста*) мн.ч. р.п. (*пятьсот – девятьсот*). Форма *четыресто* не является нормативной, однако её использование может отражать стремление к одинаковому склонению данных элементов.

Таким образом, склонение числительного *сто* и корня *-сот/-ста* в составе сложных числительных отражает тенденцию к унификации семантически одинаковых единиц разных языковых уровней.

Образование форм в Тв.п.

Другим весьма ярким и распространённым явлением при склонении составных числительных является тенденция к утрате формы творительного падежа, которая единственная мешает процессу унификации всех форм косвенных падежей. Многие лингвисты приводят примеры использования форм типа *пятидесятью* [2,3,5-9, 11,12] с указанием на допустимость их использования в устной непринуждённой речи и на их ненормативность в письменной речи. Л.Д.Чеснокова даже говорит о *формировании новых форм* (курсив наш – С.П.) с неизменяемой первой частью типа *пятидесятью* (см. табл. 6) [11, с.83].

Характерны некоторые замечания, сделанные испытуемыми при выполнении задания. Школьница 8 класса спросила: «А есть такое слово *восемьдесяттью*, а то вроде бы оно должно быть правильным, но совершенно не звучит?». Женщина 31 года с высшим экономическим образованием стала спорить с другим испытуемым по поводу того, что формы *восемьдесяттью* не бывает (!). Приведённые примеры свидетельствуют о том, что

некоторые носители языка существующие нормативные часто формы не воспринимают как правильные и сознательно стремятся их не использовать.

Нарушение норм при склонении именно в Тв.п. имеет такое большое количественное значение, что очевидно свидетельствует о глубине и интенсивности процесса формирования именно новых форм, существование которых как в письменной, так и в устной речи, возможно, в скором времени будет признано допустимым и нормативным.

Тенденция к утрате формы творительного падежа порождает использование различных ошибочных форм образования: *девятьста, четырма (2), шестьми, пятьюдесят, пятьюдесяти, восьмьюдесяти, пятьюдесяtimi, восьмидесяtimi, восьмидесяtimi, пятидесяtimi, пятьдесятю (2), пятдесятю, восемдесятю, восемьдесятю, семьстами, четырьюстами, четырьстами*. Характерно, что ненормативные формы, которые, на первый взгляд, могут быть показателем простой малограмотности человека, на самом деле отражают к тому же затруднения, с которыми сталкивается носитель языка при образовании форм Тв.п. имён числительных.

Экспансия Им.п. и Р.п.

Процесс унификации склонения сложных числительных ведет к редукции словоизменительной парадигмы. Наиболее частотным для косвенных падежей становится Р.п., но и он в свою очередь конкурирует с Им.п. Экспансия Им.п. в позиции косвенного в устной речи наблюдается довольно давно [13, 14]. Нами было сделано очень характерное наблюдение, а именно использование Им.п. в Р.п. При письменном склонении некоторые испытуемые тихо проговаривали вслух свои ответы: «Родительный падеж – нет кого? чего?» ... и записывали *всё (!)* число в Им.п. Таких употреблений в анкетах содер-

Таблица 6

Употребление форм с неизменяемой первой частью в Тв.п.

<i>пятидесятью</i>	<i>семистами</i>	<i>восьмидесятью</i>	<i>четырёхстами</i>
29	31	46	31
27,9%	29,8%	44,2%	29,8%

Употребление форм Им.п. в различных падежах

Им.п. вместо Р.п.	Им.п. вместо Д.п.	Им.п. вместо Тв.п.	Им.п. вместо П.п.
55	82	82	61
5,9%	8,7%	8,7%	6,5%

Употребление форм Р.п. в различных падежах

Р.п. вместо Д.п.	Р.п. вместо Тв.п.	Р.п. вместо П.п.
27	82	41
2,9%	8,7%	4,4%

жится 11 (10,6 %).

Как уже было выше оговорено, методом анализа в данной статье являются сложные числительные, поэтому мы суммируем употребление различных сложных числительных, входящих в состав одного составного числительного, например, Им.п. вместо Р.п. употребляется при склонении числительных *четыреста, семьсот, сто, во семьдесят, девять*. Общее количество сложных числительных в косвенных падежах мы считаем, исходя из Р., Д., Тв. и П. падежей и количества сложных числительных, входящих в состав составного – 9 элементов. Таким образом, количество форм в каждом падеже составляет $9 \cdot 104 = 936$, а общее количество форм во всех падежах $4 \cdot 9 \cdot 104 = 3744$. Следует оговорить, что здесь мы не рассматриваем склонение слов *тысяча* и *миллион*, вопрос о принадлежности которых к классу числительных остаётся до настоящего времени спорным (см. табл. 7-8).

Наиболее часто Им.п. и Р.п. использовались вместо Тв.п., что ещё раз свидетельствует о весьма значительной неустойчивости именно этой падежной формы.

Представленные данные позволяют также оценить распространенность различных отклонений от нормы при склонении числительных в творительном падеже (см. табл. 9).

Исходя из приведенных данных, мы можем заметить, что отклонение от нормы в Тв.п. достаточно велико, что ещё раз подтверждает весьма нестабильное положение форм Тв.п. в письменной речи и указывает на интенсивность процесса унификации форм косвенных падежей и развития противопоставления прямых и косвенных падежей [3].

Также следует отметить, что в результате экспериментального исследования также были выявлены и другие явления в письменном склонении числительных: взаимное употребление форм Д.п. вместо Тв.п., и наоборот; использование различных форм, состоящих их корней в разных падежах (типа *четырёхстами, четырёхстам, четырестах* и т.п.); раздельное написание составных числительных. Описание этих и других явлений не являлось предметом данной статьи и будет представлено в наших последующих работах.

Распространенность Им.п., по мнению некоторых учёных, «свидетельствует о зачатках полной несклоняемости числительных» [9, с. 115]. Что вполне закономерно, так как числительные как часть речи теряют свои семантические составляющие, выраженные на языковом уровне. Семантика числа перемещается на уровень абстрактного мышления, отвлеченного от конкретных языковых

Таблица 9

Нарушение норм при склонении числительных в Тв.п.

Употребление формы <i>стами</i>	10	1,1%
Употребление ненормативных форм, содержащих морфему <i>-ста</i> (<i>четырёхста, семиста</i>)	12	1,3%
Употребление ненормативной формы <i>четыресто</i>	3	0,3%
Употребление форм с неизменяемой первой частью (<i>пятидесятью, семистами, воьмидесятью</i>)	137	14,6%
Употребление различных ненормативных форм (<i>девятьста, шестьми, пятьюдесятыми</i> и т.п.)	19	2%
Употребление Им.п. вместо Тв.п.	82	8,7%
Употребление Р.п. вместо Тв.п.	82	8,7%
итого	345	36,7%

составляющих, называющих данное число. Развитие абстрактного математического мышления привело к разрыву в сознании говорящих между значением и формой выражения этого значения.

В.В.Виноградов писал: «Грамматическое строение современных русских числительных ярко отражает приёмы приспособления архаичной морфологии к новым формам мышления. Разрыв употребления и значения указывает на переходную стадию в истории числительных. Древние синтетические формы числовых существительных и прилагательных подверглись в категории числительных разрушительному натиску отвлечённого математического мышления. Старая техника языка вступает в противоречие с новыми принципами понимания и выражения отвлечённых понятий числа и количества» [3, с. 263]

Исходя из всего вышесказанного, опираясь на данные экспериментального исследования, можно сделать вывод об усилении разрушительных процессов в системе склонения числительных. С одной стороны, мы можем списать сложившееся положение вещей на общую языковую ситуацию и, как ее результат, падение уровня грамотности в связи с политическими, экономическими и социальными событиями, ухудшившими качество образования в целом. Однако мы явно видим, что данный процесс начался гораздо раньше перестроечных и постперестроечных социальных изменений и что его истоки лежат гораздо глубже, в самой системе языка, в специфике развития человеческого мышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сигал К.Я., Юрьева Н.М., Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях. – М., 2009.

2. Чернышев В.И. Избранные труды. – М., 1970. Т. 1.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове: Изд. 4-е. М., 2001.
4. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. / Под ред. М.В. Панова. – М., 1968.
5. Граудина Л. К., Ицкович В.В., Катлинская Л.Н. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. – М., 1976.
6. Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. – М., 1980.
7. Грамматика русского языка. – М., 1952. Т.1.
8. Русская грамматика. Т. I. – М., 1982.
9. Гловинская М.Я. Изменения в склонении числительных в русском языке на рубеже XX-XXI веков // Язык в движении: К 70-летию Л.П.Крысина. – М., 2007.
10. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб, 2007.
11. Дровникова Л.Н. Развитие синкретизма форм числительных в современном русском языке // Филологические науки. 1993. № 1
12. Чеснокова Л.Д. Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функции. – Ростов-на-Дону, 1997.
13. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. Изд. 5-е. – М., 2002.
14. Русская разговорная речь. – М., 1973.

S. Polyakova

EXPERIMENTAL RESEARCH OF ACTIVE PROCESSES IN NUMERALS' DECLINING

Abstract: The article is about an attempt of experimental research of numerals' declining. Common mistakes are analyzed in the focus of active processes in declining. Hypotheses about strengthening of analytical numerals' forms is proved. Quantitative and qualitative analyses of the experiment is performed.

Key words: morphology, numeral, experiment in linguistics.

УДК 81'373

Попова Н.С.

ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ЧАСТЕЙ СУТОК В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА*

Аннотация: В статье раскрываются прототипические образы частей суток (*утро, день, вечер, ночь*) в творчестве русских поэтов второй половины XIX века. Выявлено, что наибольшим вниманием поэтов этого време-

ни пользуется НОЧЬ, прототипами которой являются антропоморфные образы.

Ключевые слова: прототип, семантика, концептосфера, концепт, антропоморфные образы.

* © Попова Н.С.

Под прототипом понимается формируемый людьми конкретный или абстрактный мысленный образ предметов, принадлежащих некой категории. Этот образ называется прототипом, если с его помощью человек воспринимает действительность: член категории, находящийся ближе к этому образу, будет оценен как лучший образец своего класса или более прототипичный экземпляр, чем все остальные. Прототипы – инструменты, с помощью которых человек справляется с бесконечным числом стимулов, поставляемых действительностью [3]. Категория прототипа толкуется авторами как категория когнитивной лингвистики, а прототипический анализ – как метод прототипической семантики [2]. Прототипическая семантика, в свою очередь, определяется как направление и метод исследования языковых единиц и их значений, основанный на теории прототипов [1,2]. Прототипическое значение простирается в концептосферу носителей языка и «схватывает» (термин Е.С. Кубряковой) какие-то черты концепта.

В одной из предыдущих работ нами были рассмотрены прототипические образы частей суток в поэзии пушкинской поры и выявлено, что в творчестве поэтов пушкинской поры самыми частотными среди частей суток по степени их употребления в различных контекстах являются: **День** (наибольшее количество примеров), **Ночь** (второе меньше примеров), **Утро** и **Вечер** (незначительное количество примеров). Кроме того, исследование показало, что поэты пушкинской поры ощущали и воспринимали части суток очеловеченными, представляя их в своем творчестве в основном через *антропоморфные* образы [4].

Предметом данной статьи является исследование прототипических образов частей суток в творчестве поэтов второй половины XIX века Ф.И. Тютчева, Н.П. Огарева, Я.П. Полонского, А.А. Фета, А.Н. Майкова, И.А. Бунина.

У поэтов этого периода, в отличие от поэтов пушкинской поры, по нашим наблюдениям, на первый план выступает **Ночь** – отрезок времени, «представляющий собою «провал», перерыв в деятельности, когда люди спят, отдыхая от дневных забот» [5]. Однако у русских поэтов второй половины XIX века **Ночь** выглядит совсем не так, что подтверждается многочисленными примерами. Так как же представлена **Ночь** в восприятии русских поэтов второй половины XIX века?

НОЧЬ – прежде всего добрая мать, ко-

торая принимает в свои объятия людей на отдых: *День их [людей. – Н.П.] торопит всечасно своею тяжелой заботой, Ночь, как добрая мать, принимает в объятия на отдых.* (Фет А. «Люди нисколько ни в чем предо мной не виновны, я знаю...». 1854. – С. 198).

НОЧЬ имеет также и внешние признаки, сходные с человеческими (части тела, мимику): *Земля, как смутный сон немая, Безвестно уносилась прочь, И я, как первый житель рая, Один в лицо увидел ночь* (Фет А. «На стог сена ночью южной...». 1857. – С. 239.); *Плавню у ночи с чела Мягкая падает мгла...* (Фет А. «На рассвете». 1886. – С. 351.); *А она [ночь. – Н.П.] со мной расстаться Не хотела, не могла – По горам, от слез мигая, Вслед за мной она текла. То сходила на долину С томно блещущим челом...* (Полонский Я. «Холодеющая ночь». Фантазия. 1858. – С. 173.); *И, сверкнув, у синей ночи Помутились глаза, И застыла на ресницах Накипевшая слеза...* (Полонский Я. «Холодеющая ночь». Фантазия. 1858. – С. 174.); *Вижу – ночь лежит в долине Под серебряной парчой... И беззвучно мне лепечет: «Погляди, как я мертва! Сердце глухо, очи тусклы, холодеет голова...»* (Полонский Я. «Холодеющая ночь». Фантазия. 1858. – С. 174.); *... С прежней негой над тобою Я [ночь. – Н.П.] склоню главу мою...* (Полонский Я. «Холодеющая ночь». Фантазия. 1858. – С. 174.); *Ночь идет и поет Колыбельную песню И к покою зовет. Грустен взор ее темный, Одинок ее путь...* (Бунин И. «Ночь идет – и темнеет...». 1893. – С. 49.); *... Рядела ночь; любовница Кефала, Облокотясь на рдяные врата Младого дня, из кос своих роняла Златые зерна перлов и опала На синие долины и леса...* (Майков А.Н. «Но день померк; главой качаясь сонной...»); *Оно [вдохновение. – Н.П.] умчалось – и тот час пред тобой Своей холодною рукой Обычной жизни ночь задернет темный полог.* (Майков А.Н. «Художнику»).

НОЧЬ облачена в одежды: *Ночь идет – и темнеет Бледно-синий восток... От одежды ее веет по полям ветерок.* (Бунин И. «Ночь идет и темнеет...». 1893. – С. 49.); *И пошла она [ночь. – Н.П.], – и белым замахала рукавом, И завывла, поднимая Вихри снежные столбом.* (Полонский Я. «Холодеющая ночь». Фантазия. 1858. – С. 174.); *Вдали затихавшие волны белели, А с неба отсталые тучки летели, И ночь красотой одевалась звездной.* (Фет А. «Море и звезды». 1859. – С. 254.); *О ночь безлунная!.. Стою я, как влюбленный, Стою и слушаю, тобой обвороженный... Какая музыка под ризою твоей!* (Майков А.Н.

«Звуки ночи»); *Звезда божественной Киприды! Люблю я ранний твой восход В часы, как ночь своей хламидой Восток туманный обовьет.* (Майков А.Н. «Звезда божественной Киприды!...»); *То в туманы облачаюсь, Месяц прятала в кольцо; То с одежд холодный иней Отрясала мне в лицо* [о ночи. – Н.П.]. (Полонский Я. «Холодеющая ночь». Фантазия. 1858. – С. 173.).

НОЧЬ способна к речемыслительной деятельности:

– говорить: *Как-то странно мы оба молчали И странней сторонились прочь... Говорила за нас и дышала Нам в лицо благовонная ночь* (Фет А. «В темноте, на треножнике ярком...». 1856. – С. 221.);

– лепетать (говорить несвязно, неразборчиво); молить (просить, умолять); стонать (жаловаться, сетовать): *Вижу ночь – лежит в долине Под серебряной парчой И беззвучно мне лепечет: «Погляди, как я мертва! Сердце глухо, очи тусклы, Холодеет голова... Но гляди – все те же звезды Над моею головой... Красотой моею мертвой Полюбуйся милый мой. И поверь, что, если снова ты воротишься на юг, В прежнем блеске я восстану, Чтоб принять тебя, мой друг! С прежней негой над тобою Я склоню главу мою И тебе, сквозь сон, над ухом Песню райскую спою»... И молила, и стонала...* (Полонский Я. «Холодеющая ночь». Фантазия. 1858. – С. 174.);

– обещать (давать обещание в чем-н.): *И задумал я на родину бежать; Божья ночька обещалась покрывать...* (Полонский Я. «Беглый». 1861. – С. 215.);

– петь (издавать голосом музыкальные звуки), звать: *День был долог и зноен... Ночь идет и поет Колыбельную песню И к покою зовет* (Бунин И. «Ночь идет – и темнеет...». 1893. – С. 49.).

НОЧЬ способна также к физиологическим процессам и проявлениям:

– дышать: *Ночь и я, мы оба дышим, цветом липы воздух пьян, И, безмолвные, мы слышим, Что, струей своей колышим, Напевае нам фонтан...* (Фет А. «Ночь и я, мы оба дышим...». 1891. – С. 417.); *Но вот луна прокралась из саду, И гасит ночь в руке дрожащей дня Своим дыханьем яркую лампаду.* (Фет А. «Встает мой день, как труженик убогой...». 1865. – С. 281.); *... георгины дыханьем ночи обожгло...* (Фет А. «Осенняя роза». 1886. – С. 355.);

– смотреть, глядеть, видеть: *Ночь лазурная смотрит на скошенный луг...* (Фет А. «Ночь лазурная смотрит на скошенный луг...». 1892. – С. 429.); *Ночь смотрит тыся-*

чами глаз, А день глядит одним... (Полонский Я. «Из Бурдильена». 1874. – С. 293.); *Ночь холодная мутно глядит Под рогожу кибитки моей...* (Полонский Я. «Зимний путь». 1844. – С. 22.); *Ночь глядит миллионами тусклых очей...* (Полонский Я. «Колокольчик». 1854. – С. 126.); *Глядела в окно мое полночь, И слышались крики совы.* (Полонский Я. «Сны». 2. «Мне снилось, легка и воздушна...». 1856. – С. 195.); *И безмолвно, кротка, серебриста, Эта полночь за дымкой сквозной Видит только, что вечно и чисто, Что навеяно ею самой.* (Фет А. «От огней, от толпы беспощадной...». 1889. – С. 387.);

– подслушивать: *Так тихо, будто ночь сама подслушать хочет Рыдания любви.* (Фет А. «На лодке». 1856. – С. 222.);

– проводить ночь, расположившись спать: *То со мною ночевала Над рекою, у скирдов, Вея тонким ароматом Рано скошенных лугов* [о ночи. – Н.П.]. (Полонский Я. «Холодеющая ночь». Фантазия. 1858. – С. 173.);

– дремать (быть в дремоте): *Уж побелели неба своды... Промчался резвый ветерок... Передразсветный сон природы Уже стал чуток и легок. Блеснуло солнце: гонит ночи С нее последнюю дрему, – она [природа. – Н.П.], вздрогнув, – открыла очи И улыбается ему.* (Майков А.Н. «Уж побелели неба своды...». 1887. – Т. 1. – С. 264.).

НОЧЬ способна к родственным и социальным отношениям (НОЧЬ может быть подругой, дочерью, любовницей; ПОЛНОЧЬ – родной матерью): *Там, под лаврами, на юге – Странник бедный – только ночь Мог я взять себе в подруги, Юга царственную дочь.* (Полонский Я. «Холодеющая ночь». Фантазия. 1858. – С. 172.); *Полночь – мать моя родная, Незаметно расцвела я [роза. – Н.П.] На заре весны...* (Фет А. «Соловей и роза». 1887. – С. 169.); *... Редела ночь; любовница Кефала [ночь. – Н.П.], облокотясь на рдяные врата Младого дня из кос своих роняла Златые зерна перлов и опала На синие долины и леса...* (Майков А.Н. «Но день померк; главой качаясь сонной...».).

НОЧЬ может иметь:

– модально-волевые состояния (хотеть, мочь, побеждать): *А она [ночь. – Н.П.] со мной расстаться Не хотела, не могла – По горам, от слез мигая, Вслед за мной она текла...* (Полонский Я. «Холодеющая ночь». Фантазия. 1858. – С. 173.); *А другая ночь – все победила: Ветер снес сырой туман с ее полей, Загорелись звезды, и в долинах зашумели воды веселей.* (Бунин И. «Три ночи». 1889-1897. – С. 57.);

– эмоциональные состояния и проявления: *Затихла ночь в благоговенье...* (Бунин И. «В Гефсиманском саду». 1894. – С. 51.); *И сновиденьем, волшебною сказкою Кажется ночь, – и смущен Ночи июльской тревожною ласкою Сладкий предутренний сон...* (Бунин И. «Месяц задумчивый, полночь глубокая...». 1886. – С. 9.).

НОЧЬ способна к коммуникативной деятельности (поэты обращаются к ней как к собеседнику): *Нет, никогда нежней и бестелесней Твой лик, о ночь, не мог меня томить!* (Фет А. «Еще майская ночь». 1857. – С. 227.); *Как нежишь ты, серебряная ночь, В душе расцвет немой и тайной силы!* (Фет А. «Как нежишь ты, серебряная ночь...». 1865. – С. 282.); *Мой дух, о ночь, как падший серафим, Признал родство с нетленной жизнью звездной И окрылен дыханием твоим, Готов лететь над этой тайной бездной.* (Фет А. «Как нежишь ты, серебряная ночь...». 1865. – С. 282.).

НОЧЬ умеет действовать с объектами, часто оказывая воздействие на них: *Святая ночь на небосклон взошла, И день отрадный, день любезный, Как золотой покров она свила, Покров, накинутый над бездной...* (Тютчев Ф. «Святая ночь на небосклон взошла...». 1848-1850. – С. 218.); *И ко мне она [ночь. – Н.П.] сходила В светлом пурпуре зари, На пути, В пространствах неба, Зажигая алтари...* (Полонский Я. «Холодеющая ночь». Фантазия. 1858. – С. 172.); *То в туманы облачась, Месяц прятала в кольцо [о ночи. – Н.П.].* (Полонский Я. «Холодеющая ночь». Фантазия. 1858. – С. 173.); *Недвижно все окрест... Да сыплет ночь своей бездонной урной К нам мириады звезд.* (Фет А. «Растут, растут причудливые тени...». 1853. – С. 190.); *Ночь от вод и от берегов, Встрепенувшись, отодвинет Свой таинственный покров...* (Майков А.Н. «В.Г. Бенедиктову»).; *А когда парчой звездистой ночь окинет горний свод, В роще дремлющей вспорхнет Песнопевец голосистый...* (Майков А.Н. «В.Г. Бенедиктову»).; *Там ночь из снежных гор подъямет Янтарный месяц над рекой, И кипарис, и пальма дремлет, Кивая сонной головой.* (Майков А.Н. «В.А. С... У»).; *Когда же, медленно слабея, Дождь отшумел и грянул гром, Ночь переполнила алеи Благоуханьем и теплом.* (Бунин И. «Соловьи». 1892. – С. 43.); *Как любят находить задумчивые взоры Завейные рвы, навейные горы, Былинки сонные среди нагих полей, Где холм причудливый, как некий мавзолей, изваян полночью...* (Фет А. «На пажитях немых люблю в мороз трескучий...». 1855. – С. 56.).

НОЧЬ может:

– проявлять себя звуками: *Но чу! Свисток раздался птичий, Ночь шелестит во мгле кустов...* (Полонский Я. «А.Н. Майкову». 1857. – С. 167.);

– оказывать воздействие на людей: *Боже! Как она [ночь. – Н.П.] умела Раны сердца врачевать, Как она над морем пела! Как умела вдохновлять!* (Полонский Я. «Холодеющая ночь». Фантазия. 1858. – С. 17); *Долго ночью вчера я заснуть не могла, Я вставала, окно отворяла... Ночь немая меня и томила, и жгла, Ароматом цветов опьяняла.* (Майков А.Н. «Сон в летнюю ночь». Апол. Алекс. Григорьеву. 1857. – Т.1. – С. 125.); *О ночь безлунная!.. Стою я, как влюбленный, Стою и слушаю, тобой обвороченный... Какая музыка под ризою твоей!* (Майков А.Н. «Звуки ночи»); *Любовь моя – страшная сказка, Со всем, что есть дикого в ней, С таинственным блеском и бредом, Создание жарких ночей.* (Майков А.Н. «Переводы и вариации. Гейне». Роман в пяти стихотворениях. 4.).

НОЧИ присущи психологические свойства и качества: *В окно глядит и лезет в очи Сырая мгла плаксивой ночи...* (Полонский Я. «И.С. Тургеневу». 1877. – С. 316.); *В душе смиренной уясни Дыханье рочи непорочной И до огней зари восточной Под звездным пологом усни!* (Фет А. «Ты видишь, за спиной косцов...». 1863. – С. 274.).

НОЧЬ способна также к движению с разной скоростью и передвижению разными способами:

– сойти (идя, покинув свое место, спуститься), взойти (идя, подняться наверх), уйти (идя, удалиться; покинув какое-н. место, отправиться куда-н.), шествовать (идти, двигаться торжественно, важно), ходить (идти): *Сентябрь холодный бушевал, С деревьев ржавый лист валился, День потухающий дымился, Сходила ночь, туман вставал.* (Тютчев Ф. «Н.И. Кролю». 1863. – С. 319.); *Святая ночь на небосклон взошла...* (Тютчев Ф. «Святая ночь на небосклон взошла...». 1848-1850. – С. 218.); *Ночной порой, в пустыне городской, Есть час один, проникнутый тоской, Когда на целый город ночь сошла, И всюду водворилась мгла, Все тихо и молчит...* (Тютчев Ф. «Бессонница». (Ночной момент). 1873. – С. 447.); *И ночь взошла на небеса, Тихонько звезды засветив.* (Майков А.Н. «Ночь на жнитве»).; *А ночь меж тем над Русью шла...* (Майков А.Н. «Упраздненный монастырь»).; ... *И в плавном шествии гармонии широкой Я ночи, сыплющей звездами, слышу ход...* (Майков А.Н. «Импровизация»).;

– гнаться (преследовать с целью настигнуть); перегонять (обгонять) кого-то: *Чем я дальше шел на север, Тем гналась она [ночь. – Н.П.] быстрее, Раньше день перегоняла, Уходила все поздней.* (Полонский Я. «Холодеющая ночь». Фантазия. 1858. – С. 173.);

– плыть (перен. плавно двигаться): *Мама, мама! В божьем небе Божьи ангелы поют, Ходят розовые зори, Ночи звездные плывут.* (Майков А.Н. «Мать и дети».); *А вдруг – без цели, без следа, Несясь неведомо куда, И без конца и без начала, Как будто музыка звучала, И, сыпля звезды без числа, По небу тихо ночь плыла.* (Майков А.Н. «Жрец». (Отрывок);

– находиться в пути (двигаться в определенном направлении): *Одинок ее [ночи. – Н.П.] путь...* (Бунин И. «Ночь идет – и темнеет...». 1893. – С. 49.).

НОЧЬ может менять положение тела: *Вижу – ночь лежит в долине Под серебряной парчой...* (Полонский Я. «Холодеющая ночь». Фантазия. 1858. – С. 174.).

Интересно, что отрезок времени НОЧЬ иногда сам оказывается антропоморфным деятелем: *Святая ночь на небосклон взошла, И день отрадный, день любезный, Как золотой покров она свила, Покров, накиннутый над бездной...* (Тютчев Ф. «Святая ночь на небосклон взошла...». 1848-1850. – С. 218.).

А один из примеров свидетельствует о том, что НОЧЬ и ДЕНЬ даже общаются друг с другом: *Но вот луна прокралась из саду, И гасит ночь в руке дрожащей дня Своим дыханьем яркую лампаду.* (Фет А. «Встает мой день, как труженик убогой...». 1865. – С. 281.).

Иногда за названием отрезка времени НОЧЬ стоит образ воды: *Как больной, я раскрываю очи. Ночь, как море темное, кругом... И один на дне осенней ночи, Я лежу, как червь на дне морском...* (Полонский Я. «Ночная дума». 1874. – С. 294.).

В отдельных примерах образы человека и воды не очень разграничиваются и даже могут совмещаться: *А она [ночь. – Н.П.] со мной расстаться Не хотела, не могла – По горам, от слез мигая, Вслед за мной она текла...* (Полонский Я. «Холодеющая ночь». Фантазия. 1858. – С. 173.).

День, не имеющий четких границ и представляющий собою отрезок времени, заполненный той или иной трудовой деятельностью [5], представлен в русской поэзии второй половины XIX в. прежде всего образом человека-труженика:

Встает мой день, как труженик убогой,

И светит мне без силы и огня, И я бреду с заботой и тревогой... (Фет А. «Встает мой день, как труженик убогой...». 1865. – С. 281.).

У ДНЯ как у человекоподобного существа есть:

– внешние признаки (руки): *Но вот луна прокралась из саду, И гасит ночь в руке дрожащей дня Своим дыханьем яркую лампаду.* (Фет А. «Встает мой день, как труженик убогой...». 1865. – С. 281.);

– жесты: *Чудный миг! Вечерние моления С фимиамом скошенных лугов День увлек к престолу Провидения, Будто дань земных его сынов* (Майков А.Н. «Лунная ночь».); *Робко месяц смотрит в очи, Изумлен, что день не минул, Но широко в область ночи День объятия раскинул...* (Фет А. «Зреет рожь над жаркой нивой...». 1859. – С. 260.).

ДЕНЬ способен к физиологическим процессам и проявлениям:

– рождаться: *Торжествуя, светел и румян Рождался день под небесами...* (Майков А.Н. «Еврейские песни»);

– встрепетаться (внезапно вздрогнуть, оживиться, прийти в движение): *На небе месяца – и ночная Еще не тронулась тень, Царит себе, не сознавая, Что вот уже встрепетнулся день...* (Тютчев Ф. «Декабрьское утро». 1859. – С. 299.);

– просыпаться, пробуждаться: *День проснется – и речи людские Закипят раздраженной волной...* (Фет А. «День проснется – и речи людские...». 1884. – С. 338.); *Я слышал утренние грезы Лишь пробудившегося дня...* (Тютчев Ф. «Играй, покуда над тобою...». 1861. – С. 307.).

ДЕНЬ способен также:

– к речемыслительной деятельности: *День смолкает над жаркой землей...* (Фет А. «К ней». 1890. – С. 394.); *И, как зари румянец дальный Иль дней былых немая речь, Меня пленяет вихорь бальный И шевелит мерцанье свеч.* (Фет А. «Бал». 1857. – С. 235.); *Снег желтый тает здесь и там; Уж в марте нам не страшны стужи, Весною веет воздух нам, Нам ясный день сулит весну же, И безбоязненно ушам Торчат позволено наруже.* (Огарев Н. «Юмор». Поэма. Часть первая. 3. 1867. – С. 171.); *Смотрите, как облитый светом, Ступив на крайнюю ступень, С своим прощается поэтом Великолепный этот день...* (Тютчев Ф. «Князю П.А. Вяземскому». 1861. – С. 306.); *Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный К тебе просился беззакатный день.* (Фет А. «Среди звезд». 1876. – С. 303.);

– к коммуникативной деятельности (к нему обращаются как к собеседнику): *День*

православного Востока, Святись, святись великий день, Разлей свой благовест широко И всю Россию им одень. (Тютчев Ф. «День православного Востока...». 1872. – С. 426.); На все призывы без ответа Уходишь ты, мой серый день! (Полонский Я. «Вечерний звон». 1890. – С. 369.);

– к юридической деятельности: Куда ни обращаю взор, кругом синее мрачный бор И день права свои утратил. (Фет А. «Лес». 1854. – С. 197.).

ДЕНЬ может:

– проявлять себя звуками: Еще шумел веселый день, Толпами улица блистала, И облаков вечерних тень По светлым кровлям пролетала... (Тютчев Ф. «Еще шумел веселый день...». 1851. – С. 245.);

– совершать разнообразные действия с объектами: И даже без борьбы, покорно, незаметно Сдаёт угрюмый день, больной и бесприветный, Природу грустную ночной холодной мгле... (Майков А.Н. «Мечтания»);

– оказывать воздействие на людей, изменяя их функциональное и психологическое состояния: Светил нам день, будя огонь в крови... (Фет А. «Светил нам день, будя огонь в крови...». 1887. – С. 366.); День их [людей. – Н.П.] торопит всечасно своею тяжелой работой... (Фет А. «Люди нисколько ни в чем предо мной не виновны, я знаю...». 1854. – С. 198.).

ДЕНЬ обладает эмоциями людей: Не сравнится вздох ничей С чистой твоих лучей, Но не им будить меня: Жду лобзаний жарких дня... (Фет А. «Месяц и роза». 1891. – С. 421.); Кто болен, кто устал, кто бодр, кто плачет, Что бурей сломано, разбито, снесено – Все ясно: Божий день, вставая, зла не прячет... (Полонский Я. «На корабле». 1856. – С. 160).

ДЕНЬ способен к движению с разной скоростью: Прощай! Ты слышишь дня однообразный гул, И для тебя он скучно-светел; Но день твой предо мной как молния мелькнул, И в нем тебя я не заметил. (Полонский Я. «Я умер, и мой дух умчался в тот эфир...». 1882. – С. 337.); За вздохом утренним мороза, Румянец уст приотворя, Как странно улыбнулась роза В день бысролетный сентября! (Фет А. «Сентябрьская роза». 1890. – С. 402); Смотрю, как гаснет мой камин, И думаю – все дня движенье, Весь быстрый ряд его картин В душе рождают утомленье. (Огарев Н. «Юмор». Поэма. Часть первая. 4. 1867. – С. 174.).

Отрезок времени День представлен также в образах текущей или остановив-

шей свой без воды: Твой ранний день протек! (Тютчев Ф. «Уралия». – С. 19.); И вот что сердце мне сказало: «В объятиях счастливой семьи, Нежнейший муж, отец-благотворитель, Друг истинный добра и бедных покровитель, Да в мире протекут драгие дни твои!» (Тютчев Ф. «Любезному папеньке». – С. 5.); И шли пиры... Но дни текли... (Майков А.Н. «Переводы и вариации». Гейне. «Ее в грязи он подобрал...»); Как море внешнее в разливе, Светлея, не колыхнет день... (Тютчев Ф. «Вечер». – С. 29.); Грядущих наших дней святая глубина Подобна озеру: блестящими водами Оно покоится, волшебного их сна Не будит ранний ветер, играя с камышами. Пытливый юноша, годов пронзая мглу, Подходит к берегам, разводит осторожно Густые ветви ив и мыслю тревожной За взором следует... (Майков А.Н. «Жизнь».).

В отдельных примерах мы находим образ Дня как дороги, идущей по холмистой местности, или как бесконечной протяженности (пространственные образы): К стопам его [о кресте Первозванного Андрея. – Н.П.] свою обитель Благоговейно прислоня, Живешь ты там не праздный житель, – На склоне трудового дня. (Тютчев Ф. «Андрею Николаевичу Муравьеву». 1869. – С. 397.); Пред вами драма, а за ней Мелькает даль минувших дней. (Огарев Н. «Юмор». Поэма. Часть вторая. 5. 1867. – С. 212.).

Поэты создают и образы множества дней:

– антропоморфные образы (хоровод румяных девушек): Весна идет, весна идет! И тихих, теплых, майских дней Румяный, светлый хоровод Толпится весело за ней. (Тютчев Ф. «Весенние воды». – С. 111.);

– предметные образы: (какое-то количество цветов, вмещающихся в пригоршню, т. е. в сложенные вместе ладони (или в одну ладонь): Хотелось бы собрать пригоршню дней, Чтоб сплести еще венок Для именинницы моей... (Тютчев Ф. «Вот свежие тебе цветы...». (Д.Ф. Тютчевой). 1873. – С. 443.; (какое-то количество обломков, то есть отбитых или отломавшихся кусков чего-нибудь (перен.: остатков): Там, средь обломков древних дней, Величье гордое блистает, И темный мирт, как черный змей Над белой грудой костей, Пустынный мрамор повивает... (Майков А.Н. «В.А. С... .. У»);

– образ плывущего дыма: Ум смотрит тысячами глаз, Любовь глядит одним; Но нет любви – и гаснет жизнь, И дни плывут, как дым. (Полонский Я. «Из Бурдильена». 1874. – С. 293.).

Утро, представляющее собою подготовку к дневной деятельности и начинающее собою дневную деятельность [5], меньше интересуется русских поэтов второй половины XIX века, но воспринимается ими как *человекоподобное* существо, которое способно к физиологическим процессам и проявлениям: *На заре ты ее не буди, На заре она сладко так спит; Утро дышит у ней на груди, Ярко пышет на ямках ланит.* (Фет А. «На заре ты ее не буди...». 1842. – С. 78.); *Уж утра свежее дыханье В окно прохладой веет мне.* (Майков А.Н. «Призыв». – Т. 1. С. 48.).

УТРУ приписываются физиологические и психологические свойства и качества: *Вот утро севера – сонливое, скупое – Лениво смотрится в окно волоковое...* (Фет А. «Вот утро севера – сонливое, скупое...». – С. 50.).

УТРО способно оказывать воздействие на людей и изменять их функциональное, физиологическое и эмоциональное состояния: *Силой дивной Мне утро грудь животворит...* (Майков А.Н. «Призыв». – Т. 1. С. 48.); *Если радуется утро тебя, Если в пышную веришь примету, – Хоть на время, на миг полюбя, Подари эту розу поэту.* (Фет А. «Если радуется утро тебя...». 1887. – С. 358.).

УТРО способно также:

– к социальным отношениям: *Вечер мгlistый и ненастный... Чу, не жаворонка ли глас?.. Ты, утра гость прекрасный, В этот поздний, мертвый час?...* (Тютчев Ф. «Вечер мгlistый и ненастный...». – С. 66.);

– к эмоциональным состояниям: *А утро юное бросает в ликование Сквозь клубы сизые румяное сиянье...* (Огарев Н. «Воспоминания детства». I. Рассвет. 1854-1855. – С. 113.).

Вечер для носителя русских представлений воспринимается как период после окончания рабочего дня. Вечер наступает, когда заканчивается дневная деятельность (работа), то есть Вечер кончает дневную деятельность и длится до тех пор, пока люди не ложатся спать [5]. Как же выглядит отрезок времени Вечер в нашем материале? ВЕЧЕР, как и человек, способен:

– к мыслительной деятельности: *И не долги были ожидания: За день вся природа ожила! Вечер был задумчив и прекрасен, И заря, как летняя, тепла.* (Бунин И. «Три ночи». 1889-1897. – С. 57.);

– к действиям с объектами, оказывая воздействия на них: *Тихий вечер мирно над полянами Сумрак синий в небе расстилал...* (Майков А.Н. «Лунная ночь»); *...И вечер ясный догорает, Сливая мирно ночь и день В одну задумчивую тень...* (Огарев Н. «Зимний

путь» (Из дорожных впечатлений). Посвящено П.В. А<нненкову>. 6. – С. 158.).

Таким образом, многочисленные примеры наглядно показывают, что части суток (Ночь, День, Утро и Вечер) ведут себя как люди и представлены в русской поэзии второй половины XIX века в основном *антропоморфными* образами. Наиболее выразительно среди поэтических *антропоморфных* образов частей суток выглядят образы Ночи и Дня. Части суток Утро и Вечер представлены беднее и исключительно *антропоморфными* образами, в отличие от отрезков времени Ночь и День, которые воспринимаются русскими поэтами не только через образы *человека*, но еще через образы *воды*, а Ночь в одном случае представлена образом *животного*. Кроме того, День в восприятии поэтов второй половины XIX века – это еще и *пространство* (*даль; дорога*, идущая по холмистой местности). *Множество дней* сравнивается поэтами с *хороводом румяных девушек, с пригоршней цветов и с грудой обломков*, а также с *плывущим дымом*.

В заключение следует отметить, что образы НОЧИ в русской поэзии второй половины XIX века доминируют по количеству примеров и отличаются большим разнообразием и поэтической колоритностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 25-36.
2. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.
3. Демьянков В.З. Прототипический подход // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – С. 140-145.
4. Попова Н.С. Прототипические образы частей суток в поэзии пушкинской поры (в печати).
5. Шмелев А.Д. Время в русской языковой картине мира // Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М., 2002. – С. 37-67.

Использованные тексты

- Бунин И.А. Тропами потаенными: Стихотворения. – М., 1995.
- Майков А.Н. Сочинения в двух томах. – Том 1. – М., 1984.
- Майков А.Н. Сочинения в двух томах. – Том 2. – М., 1984.
- Огарев Н.П.. Стихотворения и поэмы. /Сост., вступ. статья и примеч. В. Афанасьева. – М., 1980.
- Полонский Я.П.. Влюбленный месяц: Стихотворения. – М., 1998.
- Тютчев Ф.И. Волшебная струна: Стихотворения. – М., 1996.
- Фет А.А. Среди звезд: Стихотворения. – М., 1996.

N. Popova

PROTOTYPICAL IMAGES OF THE DAY SECTIONS IN THE II PART OF THE XIX-th CENTAURY RUSSIAN POETRY

Abstract: Prototypical images of the day sections (morning, afternoon, evening, night) in Russian poets creativity (the II part of the

XIX-th century) are described and analysed in the article. It is ascertained, that the greatest attention is paid to a NIGHT, prototypes of which are anthropomorphous images.

Key words: prototype, semantics, conceptosphere, concept, anthropomorphous images.

УДК 81'373

Попова Н.С.

ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ЧАСТЕЙ СУТОК В ПОЭЗИИ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ*

Аннотация: В статье раскрываются прототипические образы частей суток (*утро, день, вечер, ночь*) в творчестве поэтов пушкинской поры (первая половина XIX века). Выяснено, что наибольшим вниманием поэтов этого времени пользуется ДЕНЬ, прототипами которого являются антропоморфные образы.

Ключевые слова: антропоморфные образы, части суток, время, концепт.

Люди формируют конкретный или абстрактный мысленный образ предметов, принадлежащих некой категории. Этот образ называется прототипом, если с его помощью человек воспринимает действительность: член категории, находящийся ближе к этому образу, будет оценен как лучший образец своего класса или более прототипичный экземпляр, чем все остальные. Прототипы – инструменты, с помощью которых человек справляется с бесконечным числом стимулов, поставляемых действительностью [8].

С собственно когнитивной точки зрения, прототип – это ментальная репрезентация, или когнитивный ориентир категории: какой-либо образ, схема, идеал, стереотип, набор общих характеристик, гештальт, то есть разные типы концептов. Прототип – это концепт, лежащий в основе категории и определяющий ее содержание, концепт категории или элемента категории [3, 5].

Таким образом, категория прототипа толкуется авторами как категория когнитивной лингвистики, а прототипический анализ – как метод прототипической семантики [5]. Прототипическая семантика, в свою очередь, определяется как направление и метод исследова-

ния языковых единиц и их значений, основанный на теории прототипов [4, 5].

В отличие от традиционной лингвистики, работающей на уровне семантики языка, прототипическая семантика восходит к прототипу как некоей мыслительной сущности, лежащей в сфере концептов – квантов концептосферы человека [14]. Прототипическое значение простирается в концептосферу носителей языка и «схватывает» (термин Е.С. Кубряковой) какие-то черты концепта.

Известно, что концепты по степени абстрактности содержания подразделяются на конкретные и абстрактные.

Конкретные концепты как концепты среднего (базового) уровня, являющегося ведущим и исходным уровнем среди трех основных уровней языковой категоризации в системе репрезентации знаний [6], отражают чисто эмпирические знания и поэтому легко опознаются, относительно легко различаются и классифицируются по конкретно наблюдаемым признакам. Отсюда следует, что и прототипы конкретных концептов легко определяемы, так как они реально наблюдаемы.

Сложнее обстоит дело с прототипами абстрактных понятий. По определению З.Д. Поповой, «абстрактные понятия – это концепты из обобщенных семантических признаков, отвлекаемых от конкретных реалий» и определяемых «только словами, описаниями; за ними нет никакого вещного референта». «Отсутствие во внеязыковом мире вещного референта делает такие концепты трудными для определения и толкований, текучими, допускающими достаточно свободные интерпретации» [13], так как абстрактные концепты не отражают реально существующих элементов действительности: у них нет референтов, хотя

* © Попова Н.С.

чувственные образы, отражающие реально существующие признаки, налицо. «Как бы ни проступали в их семантике следы зафиксированного в них наглядного опыта взаимодействия человека с окружающей средой, дать их значениям простую дефиницию сложно. В их семантике преобладает именно обобщение, притом довольно высокого уровня, отвлечение от материальных признаков» [10]. Л.Г. Бабенко пишет: «Концепт, обозначенный абстрактным именем, – это знак, репрезентант определенного содержания, ментальная сущность которого может быть представлена в результате концептуального анализа в виде объемной развернутой дефиниции» [1]. Но интересно, что те или иные образы обнаруживаются и для абстрактной лексики, они тоже имеют чувственный характер, но более субъективны [15].

Время – абстрактная категория концептосферы людей, а его языковые репрезентации разнообразны и многоаспектны. В предлагаемой статье мы остановимся только на прототипических образах названий частей суток (Утро, День, Вечер, Ночь).

Деление суток на части в какой-то мере условно, хотя в его основе и лежит смена света и темноты неба, вызванная вращением Земли вокруг Солнца. Их образы являются вымыслом, фактами воображения, где «воображение рассматривается как результат деятельности человеческого сознания, выражающийся в формировании образов, которые не имеют соответствующего «оригинала» в реальной действительности» [2].

Материалом нашего исследования послужила поэзия пушкинской поры – поры, которая по праву считается периодом становления нового русского литературного языка.

«Пушкинская эпоха», «Пушкинское время», «Пушкинская пора» – это наименование определенного периода нашей истории твердо вошло в народный и даже научный обиход; еще более естественными представляются термины «литература пушкинского времени», «поэзия (или поэты) пушкинской поры».

«Творчество и личность Пушкина стали генеральной линией, центром тяготения всей русской литературы первой трети XIX века. Просто невозможно говорить о ней вне связи с Пушкиным. В это время жили и работали замечательные писатели, в высшей степени своеобразные, в своем творчестве они не повторяли Пушкина, и Пушкин не повторял их. Но все они не могли друг без друга стать тем, чем они стали, так как были друг для друга

тем воздухом, в котором только и могут существовать литература и литераторы.

«Поэзия пушкинской поры» – это поэзия, в освоении и отрицании которой Пушкин сложился как поэт, в которой работал, на развитие которой оказал решающее влияние» [11].

«Творчество и литературная деятельность Пушкина и литераторов-современников связаны между собой множеством разнообразных связей:

*Издrevле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.*

Это были люди одной исторической эпохи, испытывавшие на себе воздействие одних и тех же исторических событий, общественных настроений и идей, творчество которых развивалось параллельно с пушкинским» [12].

Как заметил В.В. Виноградов, для того, чтобы от современного языкового осознания текста приблизиться к языковому сознанию литературно образованных лиц начала XIX века, нужно сопоставить язык художественных произведений, написанных до Пушкина, после него и во время, соотносимое с творчеством Пушкина [7]. Своими предшественниками и учителями Пушкин по праву считал русских поэтов XVIII – начала XIX века.

Как показывает наш материал, и в поэзии предшественников Пушкина, и в творчестве самого Пушкина, и в творчестве его современников части суток представлены тем или иным поэтическим образом, отражающим в целом восприятие времени русскими поэтами конца XVIII – первой половины XIX в.в. Больше всего среди них *антропоморфных* образов. Покажем это на многочисленных примерах.

ДЕНЬ, например, как человекоподобное существо имеет внешние признаки человека:

– у предшественников Пушкина: *Лицо свое скрывает день...* (Ломоносов М.В. «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния» 1743. – Ант. Кн. I. – С. 33.).

ДЕНЬ, как и человек, имеет возраст:

– у современников Пушкина: *У должников и знатных бар дню ныне – завтра не наместник: День завтра часто очень стар, И не упомнишь, чей ровесник...* (Вяземский П.А. «Семь пятниц на неделе». 1825. – Ант.

Кн.П. – С. 85.).

У НОЧИ может быть и собственность:

– у предшественников Пушкина (жилище, колесница): *Когда же парки тощи Нить жизни допрядут И нас в обитель ночи Ко прадедам снесут, – Товарищи любезны! Не сетуйте о нас...* (Батюшков К.Н. «Мои пенаты». 1811-1812. – Ант. Кн. I. – С. 228.); *Прохлада, что из недр пространная земли Восходит вверх, стелясь, и видима в дали Туманов у ручьев и близ кудрявой рои Виется в воздухе за колесницей ночи, Касается до жил и освежает кровь!* (Муравьев М.Н. «Ночь». 1785. – Ант. Кн. I. – С. 62.).

Время суток ДЕНЬ, НОЧЬ, УТРО способны к физиологическим процессам и проявлениям:

– у предшественников Пушкина (ДЕНЬ глядит): *Но едва проглянет день, Каждый по полю порхает...* (Давыдов Д.В. «Песня старого гусара». 1817. – Ант. Кн. I. – С. 251.);

– у Пушкина (ДЕНЬ дышит, встает, глядит, а НОЧЬ спит): *Склонись ко мне главою нежной, И да почи безмятежный, Пока дохнёт веселый день И двинется ночная тень...* («В крови горит огонь желанья...» 1825. – Стих. – С. 147.); *И день великий, неизбежный – Свободы яркий день вставал...* («Наполеон». 1821. – Стих. – С. 76.); *Роняет лес багряный свой убор, Сребрит мороз увянувшее поле, Проглянет день как будто поневоле И скроется за край окружных гор.* («19 октября». 1825. – Стих. – С. 139.); *Ход часов лишь однозвучный Раздается близ меня, Парки бабье лепетанье, Спящей ночи трепетанье, Жизни мышья беготня...* («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы». 1830. – Стих. – С. 195.);

– у современников Пушкина (УТРО встает, ДНИ гибнут): *...а оно [грядущее. – Н.П.] Бессмысленно глядит, как утро встанет, Без нужды ночь сменя, Как в мрак ночной бесплодный вечер канет, Венец пустого дня!* (Баратынский Е.А. «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...». 1840. – Стих. и поэмы. – С. 77.); *От знойной смерти убежали И зверь и вод жильцы, и нам Тогда казалось, что уж настали Кончина мира, гибель дней, Давно на Татмесе в виденьи Предсказанные...* (Глинка Ф.Н. «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой». 1830. – Ант. Кн.П. – С. 258.).

Части суток ДЕНЬ и НОЧЬ способны также к речемыслительной деятельности:

– у предшественников Пушкина: *Но более всего люблю тот час священный, Как гаснет в облаках, прощаясь с миром, день...*

(Милонов М.В. «Уныние». 1811. – Ант. Кн. I. С. 187.);

– у Пушкина: *Когда для смертного умолкнет шумный день... И на немые стогны града Полупрозрачная наляжет ночи тень И сон, дневных трудов награда...* («Воспоминание». 1828. – Стих. 164.); *Мой голос для тебя и ласковый и томный Тревожит позднее молчанье ночи темной.* («Ночь». 1823. – Стих. – С. 94.); *Кругом постели немая ночь...* («Пробуждение». 1816. – Стих. – С. 46.);

– у современников Пушкина: *Русской степи, ночи темной Поэтическая весть...* (Вяземский П.А. «Еще тройка». 1834. – Ант. Кн.П. С. 90.).

Ко ДНЮ обращаются поэты как к собеседнику, то есть он способен и к коммуникативной деятельности:

– у предшественников Пушкина: *О новый день, когда твой свет Исчезнет за холмами, Сколь многих взор наш не найдет Меж нашими рядами!* (Жуковский В.А. «Певец во стане русских воинов». 1812. – Ант. – Кн. I. – С. 212.);

– у Пушкина: *Умчались вы, дни радости моей! Умчались вы – невольно льются слезы, И вяну я на темном утре дней...* («Элегия». 1817. – Стих. – С. 49.).

ДЕНЬ обладает способностью к движению, перемещению в пространстве, оказывая при этом разнообразные воздействия на предметы и людей, изменяя их внешне и внутренне:

– у предшественников Пушкина: *Се хладный пламень нас покрыл! Се в ночь на землю день вступил!* (Ломоносов М.В. «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния». 1743. – Ант. Кн. I. – С.34.); *Время быстрою стрелой летит; час проходит за минутами, и за утром полдень следует – незнакомка спит глубоким сном.* (Карамзин Н.М. «Илья Муромец. Богатырская сказка». 1794. – Ант. Кн. I. С. 128.);

– у Пушкина: *Увы, наш круг час от часу редет; Кто в гробе спит, кто, дальный, сиротеет; Судьба глядит, мы вянем; дни бегут...* («19 октября. 1825». – Стих. – С. 144.); *Придет ужасный день, день мщенья, наказания.* («Лицинию». 1815. – Стих. – С. 32.); *Доселе в резвости беспечной Брели по розам дни мои...* («Послание к Юдину». 1815. – Стих. С. 38.); *Но быстро день за днем умчался; Где ж детства ранние следы?* («Послание к Юдину». 1815. – Стих. – С. 38.); *В глуши, во мраке заточенья Тянулись тихо дни мои Без божества, без вдохновенья, Без слез, без жизни, без*

любви. («К...». 1825. – Стих. – С. 137.); *Опять я ваш, о юные друзья! Печальные сокрылись дни разлуки: И брату вновь простерлись ваши руки, Ваш резвый круг увидел снова я.* («Элегия». 1817. – Стих. – С. 48.); *И въявь я вижу пред собою Дней прошлых гордые следы...* («Воспоминания в Царском Селе». 1829. – Стих. – С. 178.);

– у современников Пушкина, кроме ДНЯ, движутся еще и ВЕЧЕРА, и НОЧЬ: *Меж тем как вслед за днем проходит день, Мой труд на них следов не налагает, И медленно ступени на ступень В бессилии мой дар переступает.* (Плетнев П.А. «К А.С. Пушкину». 1822. – Ант. Кн. II. – С. 71.); *...Единый беглый день, Как сон обманчивый, как привиденья тень, Мелькнув, уносишь ты обман бесчеловечный!* (Вяземский П.А. «Первый снег». 1819. – Ант. Кн. II. – С. 83.); *Но не придут обратно дни былые: Прошла пора надежд и снов, И вы, мечты, вы, призраки златые, Не позлатить железных вам оков!* (Кюхельбекер В.К. «Тень Рылеева». 1827. – Ант. Кн. II. – С. 45.); *Была счастливая пора, Когда так веселы, так милы Неслися наши вечера Там на горе, под мирным кровом Старейшин сада вековых, На дерне свежем и шелковом, В виду окрестностей живых...* (Языков Н.М. «Тригорское». 1826. – Ант. Кн. II. – С. 127.); *Уж ночь прошла, с рассветом в злате Давно день новый засиял!* (Глинка Ф.Н. «Песнь узника». 1826. – Ант. Кн. – С. 257.).

Часть суток НОЧЬ способна к социальным отношениям:

– у предшественников Пушкина: *... с прохладным ветерком Молчанье летит под маковым венком, Друг ночи и о ней желанный возвеститель!* (Милонов М.В. «Уныние». 1811. – Ант. Кн. I. – С. 187.).

НОЧЬ и ДЕНЬ участвуют в разного рода действиях и занятиях, оказывают воздействие на людей и предметы:

– у предшественников Пушкина: *Поля покрыла мрачная ночь...* (Ломоносов М.В. «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния». 1743. – Ант. Кн. I. – С. 33.); *Улыбнулось все творение; воды с блеском заструились; травы, ночью освеженные, и цветочки благовонные растворили воздух утренний сладким духом, ароматами.* (Карамзин Н.М. «Илья Муромец. Богатырская сказка». 1794. – Ант. Кн. I. – С. 124.);

– у современников Пушкина: *Друзья! Опять нас вместе свел В лицейский круг сей день заветный.* (Илличевский А.Д. «19 октября». 1826. – Ант. Кн. II. – С. 32.); *На*

скалы финские без мрака ночь нисходит, И только что себе в убор Алмазный звезд не-нужный хор На небосклон она выводит! (Баратынский Е.А. «Финляндия». 1820. – Стих. и поэмы. – С. 17.).

Части суток могут переживать эмоциональные состояния:

– у предшественников Пушкина (УТРО – веселое): *Никогда в Российской области не бывало утро летнее веселее и прекраснее.* (Карамзин Н.М. «Илья Муромец. Богатырская сказка». 1794. – Ант. Кн. I. – С. 124.); *Но вид не страшен был; чело Глубоких ран не сохраняло, Как утро майское веселием цвело И все небесное душе напоминало.* (Батюшков К.Н. «Тень друга». 1814. – Ант. Кн. I. – С. 234.);

– у Пушкина (ПОЛУНОЧЬ – унылая, ДЕНЬ – ликующий): *Везде со мною образ твой, Везде со мною призрак милый: Во тьме полуночи унылой, В часы денницы золотой...* («Послание к Юдину». 1815. – Стих. – С. 39.); *Одна ты наводишь унылую тень, Одна ты печалишь ликующий день.* («Туча». 1835. – Стих. – С. 232.).

ДНЮ как человеку приписываются физиологические и психологические свойства и качества:

– у Пушкина: *Давно б на Дерптскую дорогу Я вышел утренней порой И к благосклонному порогу Понес тяжелый посох мой, И возвратился б, оживленный Картиной беззаботных дней, Беседой вольно-вдохновенной И звучной лирою твоей.* («К Языкову». 1824. – Стих. – С. 100.).

Движение ДНЕЙ представляется поэтами пушкинской поры образами летящих птиц:

– у Пушкина: *Прости, беспечный мир полей И легкокрылые забавы Столь быстро улетевших дней!* («Простите, верные дубравы!...». 1817. – Стих. – С. 53.); *Узнай любовь, неведомую мне, Любовь надежд, восторгов, упоенья; И дни твои полетом сновиденья Да пролетят в счастливой тишине!* («Разлука». 1817. – Стих. – С. 53.); *Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит – Летят за днями дни, и каждый час уносит Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем Предполагаем жить, и глядь – как раз умрем.* («Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...». 1834. – Стих. – С. 228.);

– у современников Пушкина: *Но пролетели дни младые...* (Баратынский Е.А. «Старик». 1828. – Стих. и поэмы. – С. 49.); *К минувшим дням еще день улетает...* (Козлов И.И. «Киев». 1824. – Ант. Кн. II. – С. 98.); *Со*

дня разлуки, знаю я, И дни и годы пролетели, И разгадать у бытия Мы много тайного успели... (Баратынский Е.А. «Пирсы». Поэма. 1820. – Стих. и поэмы. – С. 108.).

Движение ДНЕЙ и ВЕЧЕРОВ представляется русскими поэтами конца XVIII – начала XIX века также образами *текущей* или *остановившей свой бег воды*:

– Пушкин: *Приветствую тебя, пустынный уголок, Приют спокойствия, трудов и вдохновенья, Где льется дней моих невидимый поток На лоне счастья и забвенья.* («Деревня». 1819. – Стих. – С. 62.); *Я возмужал среди печальных бурь, И дней моих поток, так долго мутный, Теперь утих дремотою минутной И отразил небесную лазурь...* («Я возмужал среди печальных бурь...». 1834. – Стих. – С. 228.); *Играйте, пойте, о друзья! Утрайте вечер скоротечный; И вашей радости беспечной Сквозь слезы улыбнуса я...* («Друзьям». 1816. – Стих. – С. 43.);

– современники Пушкина: *Много дней мимотекущих С любопытством я встречал; Долго сердцем в днях грядущих Небывалого я ждал.* (Плетнев П.А. «К музе». 1822. – Ант. Кн. II. – С. 72.).

Не менее интересно представление ДНЕЙ современниками Пушкина в *пространственных* образах (образ *дороги*): *Давным-давно простился я со счастьем, Желательным слепой душе моей! Лишь вслед ему с унылым сладострастьем Гляжу я вдоль моих минувших дней.* (Баратынский Е.А. «Элегия». 1821. – Стих. и поэмы. – С. 25.).

Таким образом, анализ языковых единиц частей суток в творчестве поэтов пушкинской поры показал, что самыми частотными по степени их употребления в различных контекстах являются: **День** (наибольшее количество примеров), **Ночь** (второе меньше примеров), **Утро**, **Вечер**, **Полночь** (незначительное количество примеров).

Среди частей суток поэты оказывают предпочтение **Дню**, возможно, потому, что с ранних этапов развития человеческой культуры и языка и по настоящее время *день* являлся основной единицей измерения времени, а первичным значением слова, *день*, по крайней мере, в некоторых индоевропейских языках было *‘(видимый) путь, проходимый солнцем’* [9].

Поэты пушкинской поры ощущали, осмыслили и воспринимали части суток очеловеченными, представляя их в своем творчестве в основном через *антропоморфные* образы. Кроме того, наш материал подтверждает понимание времени некоторыми учеными как

пространства, преодолеваемого в процессе движения. Эта мысль прослеживается и в многочисленных примерах, где **Утро, День, Вечер, Ночь приходят, проходят, бегут, бредут, мчатся, тянутся, несутся**, то есть *движутся* с разной скоростью. Отсюда же и восприятие частей суток поэтами пушкинской поры в образах *летающих птиц*. Но движение частей суток сравнивается ими еще и с *текущей водой* и находит свое выражение через представление их образами *потоков льющихся дней*, образами *скоротечных вечеров*. И, наконец, иногда представление о времени (в данном случае о частях суток) воплощается поэтами пушкинской поры в образах *пути, дороги, пространства*, то есть опять же через ощущение движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бабенко Л.Г. Концепт и концептосфера в аспекте моделирования // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов 26-28 сентября 2006 года / Отв. ред Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2006. – С. 39-42.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996.
3. Болдырев Н.Н. Прототипический подход к формированию категорий. Понятие прототипа // Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов, 2000. – С. 73-84.
4. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 25-36.
5. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.
6. Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 17-27.
7. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М., 1999.
8. Демьянков В.З. Прототипический подход // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – С. 140-145.
9. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск, 2004 (2-е исправл. издание).
10. Кубрякова Е.С. В генезисе языка, или размышления об абстрактных именах // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2006. – № 3. – С. 5-14.
11. Муравьев Вл. «Являться Муза стала мне...» (Вступительная статья) // «Благослови, поэт!...»: Антология поэзии пушкинской поры. Кн. I. – М., 1983. – С. 3-10.
12. Муравьев Вл. «Они родня по вдохновенью...» (Вступительная статья) // «Издrevле сладостный союз...»: Антология поэзии пушкинской поры. Кн. II. – М., 1984. – С. 3-6.
13. Попова З.Д. Абстрактные понятия в языковом сознании народа // Филология и культура: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. 16-18 апреля 2003 года. – Тамбов, 2003. – С. 14-16.
14. Попова З.Д. Прототипическое значение в концепции Н.Н. Болдырева // Концептуальное про-

странство языка: Сб. науч. тр., посв. юбилею проф. Н.Н. Болдырева / Под ред. Е.С. Кубряковой. – Тамбов, 2005. – С. 128-132.

15. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2002.

Использованные тексты

Баратынский Е.Н. Стихотворения и поэмы / Сост., предисл. и примеч. К.В. Пигарева. – Переизд. – М., 1979.

«Благослови, поэт!...»: Антология поэзии пушкинской поры. Книга I / Сост., вступ. ст., ст. о поэтах и примеч. Вл. Муравьева. – М., 1983.

«Издrevле сладостный союз...»: Антология поэзии пушкинской поры. Книга II / Сост., вступ. статья, статьи о поэтах и примеч. Вл. Муравьева. – М., 1984.

Пушкин А.С. Стихотворения / Вступ. статья А. Твардовского. – М., 1983.

N. Popova

PROTOTYPICAL IMAGES OF THE DAY SECTIONS IN PUSHKIN TIME POETRY

Abstract: Prototypical images of the day sections (morning, afternoon, evening, night) in Puskin time poetry (the I part of the XIX-th centaury) are described and analysed in the article. It is ascertained, that the greatest attention is paid to a DAY, prototypes of which are anthropomorphous images.

Key words: anthropomorphous images, part of a day, time, concept.

УДК 811.161.1'367.635

Родионова И.Г.

ПРОСТОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ СО СЛОВOM ВСЁ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Аннотация: В настоящей статье рассматривается один из способов проявления аналитизма в современном русском языке – осложнение простого глагольного сказуемого частицей *всё*, указывающей на продолжительность, повторяемость действия. Приводится характеристика слова *всё*, отражённая в лексикографической и грамматической литературе, анализируются примеры использования данного слова при глаголах-сказуемых в художественной и публицистической литературе. В работе делается вывод о том, что комплекс лексико-семантических, фонетических, словообразовательных и грамматических признаков позволяет квалифицировать слово *всё* как частицу и как наречие.

Ключевые слова: сказуемое, аналитизм, осложнение, частица, продолжительность, повторяемость.

Важнейшей особенностью русского языка на современном этапе является тенденция к аналитизму. «В современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, **аналитико-синтетическому**, и как в лексике слова перерастают в идиомы и фразы, так и в грамматике слово может обрастать сложными, аналитическими формами, своего рода

грамматическими идиоматизмами», – писал академик В. В. Виноградов [Виноградов 1972: 36].

Аналитические тенденции проявляются как в морфологии, так и в синтаксисе и связаны они с возрастанием «значимости аналитических средств – служебных слов, порядка слов и синтаксической функции слова в выражении грамматической информации в структуре высказывания» [Панова 2003: 57]. Ср. также: «Аналитический строй предполагает более широкое использование служебных слов, а также фонетических средств и порядка слов для образования форм слова и форм словосочетания» [Кодухов 1987: 256].

Одним из способов проявления аналитизма **в морфологии** является сочетание частиц с формами изъявительного наклонения глагола: «К глаголу как к организующему центру притягиваются частицы речи, во всяком случае, модальные частицы и предлоги» [Виноградов 1972: 511]. Ср. также: «Простое глагольное сказуемое может быть выражено глаголом в сочетании с различными частицами, которые сообщают сказуемому разные модальные и экспрессивные оттенки. <...> Такие формы образуют осложнённое глагольное сказуемое» [Грамматика 1954: II, 405]. Подобные сочетания выражают различные модальные оттенки высказывания. **В синтаксисе** усиление аналитизма является основной

* © Родионова И.Г.

тенденцией в системе форм сказуемого [Лекант 2007: 131]. Таким образом, наблюдается тесная взаимосвязь между аналитическими явлениями в синтаксисе и в морфологии, основанная на взаимосвязи самих этих сфер грамматики. «В грамматической структуре слов морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в органическое единство. <...> Морфологические категории неразрывно связаны с синтаксическими», – писал В. В. Виноградов [Виноградов 1972: 31].

В этом плане интерес представляет использование слова *всё* в сочетании с простым глагольным сказуемым. Аналитические конструкции данного типа являются распространёнными и широко используются в языке художественной литературы и в обиходной речи.

Прежде чем перейти к анализу названных конструкций, обратимся к характеристике слова *всё*, отражённой в лексикографической и грамматической литературе.

В лексикографической и грамматической литературе частеречный статус слова *всё* при глаголе-сказуемом определён неоднозначно. Так, в ряде толковых словарей слово *всё* квалифицируется как наречие, основным компонентом значения которого является называние длительности, продолжительности действия или состояния: «В сочетании со словами, называющими изменяющийся признак, обозначает нарастание признака: *Больной всё слабеет*» [Ожегов, Шведова 1999: 104]; «В сочетании со словами, называющими изменяемый признак, означает нарастание признака: *Она всё хорошеет*» [Лопатин, Лопатина 2007: 87].

В других словарях слово *всё* при глаголе-сказуемом определяется как частица: «Частица употребляется для подчёркивания, усиления значения глаголов, обозначающих рост, увеличение или уменьшение. *Огонь всё разгорался. Вода всё прибывала. Число людей на площади всё увеличивалось и увеличивалось*» [Объяснительный словарь русского языка 2003: 75].

Граматики русского языка также неоднозначно рассматривают слово *всё* при глаголе. Так, Грамматика русского языка (1952 г.) называет слово *всё* частицей, выражающей смысловые оттенки значений слов в речи, имеющей усилительное значение: *И днём и ночью кот учёный всё ходит по цепи кругом* (А. Пушкин) [Грамматика русского языка 1952: I, 643]. Русская грамматика (1980 г.) выделяет частицы, «характеризующие действие по протеканию во времени», однако не

включает в эту группу частиц слово *всё* [Русская грамматика 1980: 725].

Таким образом, в лексикографической и грамматической литературе неоднозначно определяется частеречный статус слова *всё* при глаголах-сказуемых. С одной стороны, оно квалифицируется как наречие, с другой – как частица, т. е. с одной стороны – это самостоятельная часть речи, с другой – служебная.

Вопрос о том, какой частью речи – наречием или частицей, – является слово *всё* при глаголах-сказуемых, связан с отношением этого слова к самостоятельным или служебным частям речи. Рассмотрим, как в современной лингвистике решается вопрос о разграничении самостоятельных (знаменательных) и служебных (незнаменательных) частей речи.

1. **Самостоятельные** части речи выполняют номинативную функцию. Называя предметы, признаки, процессы и другие явления, они передают понятия об этих явлениях и предметах. **Служебные** части речи не имеют номинативной функции, не являются названиями явлений объективной действительности. Они выражают отношения между самостоятельными словами или уточняют оттенки в их значении.

2. Каждое **знаменательное** слово имеет фонетическое ударение. Логическое ударение в предложении падает на знаменательное слово. Большинство **служебных** слов в произношении сливается со знаменательными словами, не имея своего ударения. Логическое ударение на них не падает.

3. **Знаменательные** слова имеют морфемную структуру. **Незнаменательные** слова не имеют морфемной структуры.

4. **Самостоятельные** части речи, будучи в большинстве своём изменяемыми, имеют те или иные грамматические категории. **Служебные** части речи не имеют грамматических категорий, они не изменяются.

5. **Знаменательные** слова функционируют в составе предложения в качестве членов предложения. **Незнаменательные** слова не функционируют в роли членов предложения, а лишь могут входить в их состав.

6. **Знаменательные** слова являются конструктивными элементами для словосочетаний и предложений, **незнаменательные** – не являются таковыми.

7. К **знаменательным** словам в предложении можно задать вопрос, к **незнаменательным** – нельзя. [Голанов 2007: 223–224; Леденёв 1966: 7.]

Изменения, происходящие в системе

языка, в его грамматическом строе, проявляются в переходе слов из одной части речи в другую, то есть в использовании словоформ одной части речи в значении другого лексико-грамматического класса [Лукин 1986: 50].

Известно, что частицы не имеют специфических словообразовательных средств, и их класс пополняется за счёт перехода в частицы местоимений, кратких прилагательных, наречий, глаголов, союзов, с которыми у частиц в современном русском языке существуют соотнесённость и функциональная омонимия.

Этимологический словарь русского языка рассматривает слово *весь* (формой которого является *всё*) как местоимение [Шанский, Боброва 1994: 39]. Таким образом, слово *всё*, используемое при глаголах-сказуемых, по происхождению является местоимённым. Необходимо выяснить, в значении какой части речи – наречия или частицы – оно выступает.

Одним из приёмов, позволяющих ограничивать частицы от других частей речи, является замена анализируемого слова на синонимичное ему слово, которое чётко бы указывало, какая это часть речи, или на словосочетание, свидетельствующее, что заменяемое слово является членом предложения. Так, наречие заменяется синонимичным наречием или наречным сочетанием: *Дождь всё идёт – Дождь до сих пор идёт (всё – наречие)*. Частица может заменяться только частицей или совсем не заменяться: *Дождь всё усиливается – Дождь-таки усиливается (всё – частица)* [Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц 2001: 116]. Однако, как показано выше, самостоятельные и служебные части речи различаются по ряду параметров, поэтому использования одного приёма замены в данном случае недостаточно. «Классификация слов должна быть конструктивной. Она не может игнорировать ни одной стороны в структуре слова. Но, конечно, критерии лексические и грамматические (в том числе и фонологические) должны играть решающую роль. <...> Грамматика, имманентная живому языку, всегда конструктивна и не терпит механических делений и рассечений, так как грамматические формы и значения слов находятся в тесном взаимодействии с лексическими значениями» [Виноградов 1972: 31]. Поэтому необходимо рассмотреть весь комплекс лексических и грамматических признаков слова *всё* при глаголах-сказуемых и сделать вывод о его частеречном статусе.

Материалом для исследования лекси-

ческих и грамматических признаков слова *всё* при глаголах-сказуемых послужили фрагменты текстов из произведений художественной и публицистической литературы. Анализ языковых единиц позволил сделать следующие выводы.

1. С одной стороны, слово *всё* не выполняет номинативной функции, а, уточняя оттенки в значении глагола-сказуемого, указывает на продолжительность и повторяемость действия: *От нечего делать старик наставлял покупателя, как надо жить и как вести свои дела, и при этом всё ставил в пример самого себя* (А. Чехов); *Потом я ехал сюда на извозчике и всё гадал, кого я встречу* (К. Паустовский); *Перестанешь учиться – не сможешь и учить. Ибо знания всё растут и усложняются* (Д. Лихачёв).

Ср.: «Частица означает ту служебную часть речи, которая включает в себе слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении сочетающиеся с ними предикативы» [Шахматов 2006: 32]; «Неполнозначное слово в сочетании со словом полнозначным может участвовать в выражении самостоятельного понятия <...>. При этом неполнозначное слово <...> может быть аналитическим элементом по отношению к полнозначному слову» [Леденёв 1966: 25]; «Сдвиги акцентов в семантике продолжения действия осуществляют разнообразные частицы. Частица *всё* усиливает оттенок продолжительности, интенсивности, указывает на длительность процесса или состояния и его незавершённость» [Лютова 2007: 125]. Лексическое значение слова *всё* в данных примерах соединено с грамматическим и экспрессивно-стилистическим, и все оттенки простых глагольных сказуемых не лексические, а грамматические, поскольку «осложняющий элемент не изменяет вещественного значения сказуемого...» и «устранение частицы <...> не разрушает сказуемого – утрачивается только добавочное значение» [Современный русский язык 2007: 406]. Ср. также: «Лексические значения этих слов (частиц) совпадают с их грамматическими, логическими или экспрессивно-стилистическими функциями» [Виноградов 1972: 520].

«Осложнённые формы сказуемого являются видоизменением основных форм, результатом осложнения основных форм. Основная форма включается в любую осложнённую форму как конструктивный минимум. <...> Устранение осложняющего элемента должно приводить не к разрушению конструкции сказуемого, не к выведению

её за пределы данного структурного типа, а лишь к утрате соответствующего добавочного грамматического значения. В результате устранения осложняющего элемента должна выявиться соответствующая основная форма сказуемого» [Лекант 1976: 32]. Так, в предложении *Чувство отчуждённости всё нарастало во мне* (Ю. Нагибин) простое глагольное сказуемое имеет осложнённую форму, так как не только выражает конкретное действие и определённые грамматические значения (наклонение, время, число, род), но и содержит добавочное значение длительности действия. Средством выражения этого значения, средством осложнения сказуемого является частица *всё*. Устранение этой частицы не разрушает основную форму простого глагольного сказуемого, но приводит к утрате добавочного значения длительности действия: *Чувство отчуждённости нарастало во мне*.

Кроме того, значение длительности и интенсивности слово *всё* реализует в сочетании не только с глаголами, но и с другими частями речи, усиливая или «оттеняя» их значение: *Он ждал расспросов, но она молчала и смотрела за окно, где всё так же монотонно шумел дождь* (К. Паустовский); *Расстояния между культурами сокращаются, и всё меньше остаётся места для национальной вражды и тупого шовинизма* (Д. Лихачёв) – частица *всё* используется с наречием; *Но с годами не только каждая зима казалась Тихону Петровичу всё длиннее, но и сам он всё более представлял себя мало кому необходимым* (К. Паустовский) – частица *всё* указывает на интенсивность признака, выраженного именем прилагательным в форме простой сравнительной степени и т. д.

С другой стороны, слово *всё* при глаголе-сказуемом может не просто «оттенять» его значение, указывая на длительность и продолжительность действия, но и обозначать время протекания действия: *Я сумасшедший, я наивный ребёнок, так как всё ещё верю в правду и справедливость!* (А. Чехов); *Палуба всё ещё гремела от топота матросских каблучков и рукоплесканий* (К. Паустовский); *А к мёртвым, выправив билет, Всё едет кто-нибудь из близких, И время добавляет в списки Ещё кого-то, кого нет... И ставит, ставитobeliski* (К. Симонов). В приведённых примерах слово *всё* можно заменить наречным сочетанием *до сих пор* или наречием *долго* и под.

Таким образом, в одних случаях значение слова *всё* при глаголах-сказуемых ослаблено и соединяется с грамматическим и

экспрессивно-стилистическим значениями. В других примерах слово *всё* отчётливо реализует лексическое значение времени протекания действия. Это позволяет неоднозначно квалифицировать данное слово как часть речи.

2. Слово *всё* в разных своих значениях не имеет ударения и в произношении сливается со знаменательными словами. Логическое ударение на слово *всё* не падает: *Она всё шла и шла, задыхаясь от утомления и рыдая* (А. Чехов); *Так не умею думать я о смерти, И всё мне грезятся, как бы во сне, Те женщины, которые бессмертье Моей души доказывают мне* (Н. Гумилёв); *Всё учить вы меня норовите, Преподать немудрёный совет, Чтобы пел я, не слыша, не видя, Только зная: что можно, что нет* (А. Твардовский); *Число произведений, возникших под влиянием острых потребностей русской действительности и не укладывающихся в традиционные жанры, всё растёт и растёт* (Д. Лихачёв). В современном русском языке не только служебные, но и знаменательные слова могут не иметь логического ударения, поэтому однозначная квалификация слова *всё* как наречия или как частица будет некорректной.

3. Будучи неизменяемым, слово *всё* не имеет морфемной структуры и грамматических категорий. Однако прозрачной является этимологическая связь данного слова с местоимением *весь* и его этимологический состав.

4. Переход слова *всё* из местоимения в частицу начинается с изменения его синтаксической функции в предложении. В. В. Виноградов отмечал, что «в морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы и толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса» [Виноградов 1972: 31]. Неоднозначное слово *всё* входит в состав простого глагольного сказуемого, осложняя его: *А утром он подозвал к себе Белолобого, больно оттрепал его за уши и потом, наказывая его хворостинкой, всё приговаривал: «Ходи в дверь! Ходи в дверь! Ходи в дверь!»* (А. Чехов); *всё приговаривал* – осложнённое простое глагольное сказуемое. Употребляясь с другими полнозначными частями речи, слово *всё* выполняет с ними одну синтаксическую функцию: *С каждой минутой ветер задувал всё сильнее* (Ю. Нагибин), *всё сильнее* – обстоятельство меры и степени; *Любовь его с каждым годом становилась всё сильнее* (А. Чехов), *всё сильнее* – именная часть составного именного сказуемого. Однако слово *всё* может выполнять самостоятельную синтаксическую функцию

обстоятельства времени: *Кузьмин всё ждал, что она наконец спросит о Башилове, но она не спрашивала* (К. Паустовский).

5. Неоднозначно решается и вопрос о том, является ли слово *всё* конструктивным элементом словосочетания и предложения.

Таким образом, анализ лексико-семантических, фонетических, словообразовательных и грамматических признаков позволяет квалифицировать слово *всё* как частицу, с помощью которой образуется аналитическая форма простого глагольного сказуемого, или как наречие со значением времени. Неслучайно В. В. Виноградов называл его гибридным (наряду со словами *уже, ещё*), способным употребляться то как наречие, то как частица [Виноградов 1972: 295], то есть частеречная принадлежность слова *всё* при глаголах-сказуемых может быть определена только в контексте при учёте целого комплекса его признаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1972.
2. Голанов И. Г. Морфология современного русского языка: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М., 2007.
3. Грамматика русского языка. Том I. Фонетика и морфология. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. – 720 с.
4. Грамматика русского языка. Том II. Синтаксис. – М., 1954.
5. Кодухов В. И. Введение в языкознание. – М., 1987.
6. Леденёв Ю. И. Вопросы изучения неполнозначных слов: Материалы для словаря неполнозначных слов и их омонимов. Выпуск 1. – Ставрополь, 1966.
7. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. Учеб. пособие для студентов филолог. специальностей пед. ин-тов. – М., 1976.
8. Лекант П. А. Грамматические категории слова и предложения. – М., 2007.
9. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. – М., 2007.
10. Лукин М. Ф. Критерии перехода частей речи в современном русском языке // Филологические науки. – 1986. – № 3. – С. 49 – 56.
11. Лютова Е. С. О средствах и способах выражения фазисного значения продолжения действия в безличном предложении // Русское слово, высказывание, текст: рациональное, эмоциональное, экспрессивное: Межвузовский сборник научных трудов, посвящённый 75-летию профессора П. А. Леканта. – М., 2007. – С. 124 – 126.
12. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: Ок. 1200 единиц / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачёва и др.; Под ред. В. В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М., 2003.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М., 1999.
14. Панова Г. И. Современный русский язык. Морфология: Словарь-справочник. Часть 1. Изд. второе, исп. и доп. – Абакан, 2003.
15. Русская грамматика: В 2 т. – М., 1980. – Т. 1.
16. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. – Ч. 2: Морфология. Синтаксис / Под ред. Е. И. Дибровой. – М., 2001.
17. Современный русский язык: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / Под ред. П. А. Леканта. – 4-е изд., стереотип. – М., 2007.
18. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. – М., 1994.
19. Шахматов А. А. Учение о частях речи / Вступ. ст. В. В. Виноградова. Изд. 2-е, стереотипное. М., 2006.

I. Rodionova

SIMPLE VERBAL PREDICATE WITH A WORD “VSE” (“STILL”) IN MODERN RUSSIAN

Abstract: This article is about one of the ways to show the analytism in modern Russian language. It is a complexity of a simple predicate with a particle “still” which shows the prolongation and repetition of actions. The article gives the characteristic of the word “still” in lexicographical and grammar literature. It also gives the analysis of the examples of the usage of this word with verbal-predicates in artistic and public literature. The article brings forward the conclusion that a complex of lexico-semantic, phonetic, word-building and grammar features allows us to tell about the word “still” as about particle and adverb.

Key words: predicate, analytism, complication, repetition.

К ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТЕРМИНОВ ЯЗЫКОВОГО РОДСТВА*

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о верификации терминов, обозначающих родство языков, в истории отечественного языкознания. Автором обосновывается идея приоритета в создании терминологических рефлексий указанной тематической группы русским учёным.

Ключевые слова: термин, родство языков, верификация, сравнительно-исторический.

Основы сравнительно-исторической интерпретации языков индоевропейской семьи были заложены германистами, но приоритет в создании терминологических рефлексий, обозначающих родство языков по признаку градуальности, принадлежит русским учёным.

В «цветущем родословном древе» (*Stammbaumtheorie*) А. Шлейхера присутствует терминологическое выражение-понятие «лингвистическое родство». На логическом уровне оно сведено к прямолинейной схеме постепенного угасания генетической связи между языками-новообразованиями и праязыком, аккумулирующим в своей структуре «все высшие языковые формы», которые, собственно, и позволили ему выполнять функции языка-начала. На лексическом уровне фактам филиации праязыка соответствуют термины *основные языки* (*Grundsprachen*), *языки*, *диалекты* и *поддиалекты*, т.е. язык как субстанция отождествляется с явлениями органического мира, категории которого включают понятия «вида» и «подвида». Такое ранжирование основывается на предположении, что язык является существом типа животного или растения («*Sprachen, wie alle Naturorganismen*») [1].

У истоков терминов *языковая семья*, *семья языков* стоял Г.П. Павский. Во вступлении к первому рассуждению «Филологических наблюдений над составом русского языка» он, характеризуя метод, применённый в исследовании, употребил термин *семе́йство языков* [2].

Ф.Ф. Фортунатов в курсе лекций по «Сравнительному языковедению», где отмечается необходимость исследования древнейших языков и косвенно критикуется тезис

А. Шлейхера о тождественности санскрита и индоевропейского праязыка, употребляет термины *языковая семья*, *семья языков* [3].

В терминах *языковая семья*, *семья языков* функцию слова-идентификатора, выражающего идею родства языков в абстрактной и нейтральной форме, выполняет лексема «семья», вне зависимости от того, базовым или зависимым компонентом она является. Эту роль слову позволяет выполнять его семная организация [4].

На базе словосочетания *семья языков* путём наращивания уточняющего компонента формируется многосложное словосочетание *индоевропейская семья языков* как наиболее характерный способ выражения развёрнутого определения: «Мы начнём этот обзор с индоевропейской семьи языков, т.е. той семьи, к которой принадлежит ... и наш язык ...» [5]. Интеллектуальная чистота и моносемность этого средства выражения способствовала его закреплению в подязыке науки в качестве термина.

Наряду с этим термином появлялись и дублетные единицы для номинации понятия «наиболее крупное объединение родственных языков», свидетельствующие об интенсивном развитии данной терминологической подсистемы.

Так, В.А. Богородицкий в качестве синонима к термину *семья языков* спонтанно использует лексему «система» в обобщающем значении, которая нашла широкое употребление в языке русской науки с середины XVIII в. [6]. И.А. Бодуэн де Куртенэ в ряде работ соответствующее понятие именует субстантивным словосочетанием *отрасль языков* с опорным компонентом, этимологически указывающим на родовой признак понятия [7].

Языки, обнаруживающие высокий показатель исконной материальной близости, в русском языкознании именовались терминами *ветвь языков* (*языковая ветвь*) / *группа языков*, которые были заимствованы из немецкой лингвистической традиции [8]. Из пары терминов, оказавшихся в зоне пересечения, представители Московской лингвистической школы предпочтение отдавали термину А. Шлейхера, в работах других исследователей чаще использовался термин *группа языков* [9].

* © Щербина С.И.

Несмотря на достаточно ясно очерченный Ф.Ф. Фортунатовым семантический потенциал терминов-лингвонимов, на протяжении длительного времени они употреблялись бессистемно.

У А.И. Соболевского значение терминов *семья языков* и *группа языков* поляризуется. Для обозначения понятия «семья языков» он использует видовой термин *группа языков*, а термином *семья языков* исследователь маркирует видовое понятие, т.е. единичное понятие в его интерпретации превращается в общее, а видовое название становится родовым для нового класса названий [10]. У Д.Н. Кудрявского терминосочетание *группа языков* функционирует как нерасчленённое целое, одновременно указывая на вид и подвид данного понятия [11]. Достаточно часто одно и то же объединение родственных языков могло именоваться и *группой языков*, и *семьёй языков* – такая эквивалентность терминов отмечается в изысканиях И.А. Бодуэна де Куртенэ [12].

Единый подход и русские, и европейские учёные проявили в номинации замыкающих лингвонимов, обозначающих диалекты, диалектные группы и подгруппы, которые выделялись в процессе филиации определённой «языковой ветви», – их названия соотнесены с этнонимами или этнотопонимами [13].

Хаотичное именование рубрик родственных связей между языками постепенно, но неуклонно заменялось принципом парадигматической субординации. Такой принцип иерархии терминов обнаруживается у В.К. Поржезинского: «Индоевропейская семья языков распадается на отдельные ветви, которые в свою очередь распадаются на группы, отдельные языки, наречия и говоры, при чём все отдельные языки каждой ветви образовались из одного общего праязыка ...» [14]. Данные термины-словосочетания удачны по нескольким причинам. Во-первых, их структура указывает на место называемого ими понятия в системе родственных понятий; во-вторых, они заключают в себе принадлежность к классификационному ряду, основанному на родовидовом соотношении понятий. И, наконец, в-третьих, предложенная градация терминов позволяет терминологически рефлексировать каждую ступень дробления языков, находящихся между собой в более тесных отношениях, чем с языками предшествующей ступени.

Употребление терминов, отвечающих принципам иерархической субординации, отмечается во всех современных энциклопе-

дических изданиях и учебных пособиях: так, крупное объединение родственных языков называется термином *семья* [15]. Понятие «состав семьи языков» передаётся терминами *группа языков* (преимущественно) и *ветвь языков* (*языковая ветвь*), параллельное использование которых сохраняется практически до настоящего времени, что объясняется традицией их употребления или стремлением (объяснимое привычкой к тому, что разные слова имеют разные значения) специалистов, ими пользующимися, находить между ними разницу, часто достаточно существенную: «Термином «ветвь языков» мы предпочитаем не пользоваться, так как он заключает в себе отголоски упрощённого представления Шлейхера о происхождении и развитии языков индоевропейской семьи; более «лингвистичным» представляется термин «группа языков» [16]. Иного мнения относительно денотативной функции термина *группа языков* придерживается А.Н. Савченко: «Термин «языковая ветвь», в отличие от синонимичного ему «группа языков», не вызывает неуверенности в том, что пользующиеся им специалисты говорят об одном и том же понятии – «группа языков» – это объединение языков внутри семьи, или «группа языков» – это семья языков?» [17].

Учёные, апеллирующие к термину *группа языков*, для языковых образований, которые возникли в ходе исторической эволюции определённой языковой группы, ввели термины-словосочетания *языковая подгруппа* и *подподгруппа родственных языков*. В обозначенных терминах лексическое значение определяющих компонентов указывает и на их иерархическую соподчинённость термину *группа языков*, и на ступень дробления, объединяющую более близкие языки по сравнению с предыдущей [18].

Терминологическая лексика, связанная с обозначением понятий генеалогической классификации языков, по общности структуры и семантики представляет макрополе, объединённое архисемой «праязык», в которое, в свою очередь, вошли микрополя, в основе структуризации которых лежит способ иерархии. Выделение каждого микрополя осуществляется на основе общности интегральной гиперонимической семы и дифференциальной (*семья языков* > *ветвь* / *группа языков* > *группа* / *подгруппа языков* (*подподгруппа языков*)). По отношению к архисеме терминологические блоки находятся в гиперо-гипонимических отношениях и выражают семантические отношения охвата всех

существенных признаков доминанты. По структуре все специализированные средства выражения являются терминами-словосочетаниями (зависимый составной компонент в которых выражает гипонимическую дифференциальную сему), поскольку именно они формируют иерархическую структуру макрополя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Schleier A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. - Weimar, 1861-1862. - B.1. - S. 3-5.
2. Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение первое. - СПб., 1841-1842. - С. 2-3.
3. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение // Избранные труды в 2-х томах. - М., 1956. - Т. 1. - С. 25, 31-32.
4. Слово «семья» по своей материальной структуре и содержанию является общим достоянием только восточно- и южнославянских языков. В этих языках индоевропейский корень *kei- с расширительным суффиксом *-m «переосмыслился» из значения «деревня» в значение «семья» через промежуточное звено «сѣмь» в значении «работник, слуга в доме». Становление современной структуры слова «семья» совпадает с появлением первых форм частной собственности у древних славян. Оно особенно показательно в смысле хронологии определённых этноисторических процессов. Понятие «семья» отрабатывалось в индоевропейских языках в сравнительно поздний период, когда носители отдельных языков или групп языков индоевропейской системы были территориально и политически обособлены. Факты свидетельствуют: каждый языковой коллектив самостоятельно выбирал из своего словарного запаса корни для вербального воплощения данного понятия, вследствие чего его звуковой облик в родственных языках разный. Но какие бы корни ни выбирал тот или иной язык для его материализации, все они так или иначе по своей семантике связаны со смысловой сферой института частной собственности (см.: Детерёва Т.А. Становление норм литературного языка. - М., 1963. - С. 117; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. - М., 1993. - Т. 1. - С. 154; Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. - М., 1994. - С. 286).
5. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение // Избранные труды в 2-х томах. - М., 1956. - Т. 1. - С. 30.
6. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. - М.-Л., 1935. - С. 23.
7. Бодуэн де Куртене И.А. Сравнительная грамматика // Избранные труды по общему языкознанию. - М., 1963. - Т. 1. - С. 365.
8. Термин ветвь языков впервые употребил А. Шлейхер. В лингвистической систематике учёного понятие «ветвь» одновременно является и способом рациональной классификации, и средством объяснения исторического развития языков. По его мнению, языки и языковые группы могут какое угодно число раз дробиться, «отдельные ветви могут отсыхать», но ни при каких условиях языки не могут скрещиваться между собой (см.: Schleier A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. - Weimar, 1861-1862. - B.1. - S. 16). Первоначально термин языковая группа встречается у К. Бругмана. Этим термином учёный обозначал сравнительно небольшое количество языков, находящихся между собой в более тесных связях, чем с другими языками этой же семьи (см.: Brugman K. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. - Straßburg, 1897. - Bd. 1. - Aus. 2-te. - S. 32 - 33).
9. Брандт Р. Лекции по истории русского языка, читанные в императорском Московском Археологическом Институте. - М., 1913. - С. 4; Бодуэн де Куртене И.А. Сравнительная грамматика // Избранные труды по общему языкознанию. - М., 1963. - Т. 1. - С. 128 - 129.
10. Соболевский А.И. Древний церковнославянский язык. Фонетика. - М., 1891. - С. 52.
11. Кудрявский Д.Н. Введение в языкознание. - Юрьев, 1913. - С. 48.
12. Бодуэн де Куртене И.А. Сравнительная грамматика // Избранные труды по общему языкознанию. - М., 1963. - Т. 1. - С. 365.
13. Дурново Н.Н. // Избранные работы по истории русского языка. - М., 2000. - С. 75; Бодуэн де Куртене И.А. Сравнительная грамматика // Избранные труды по общему языкознанию. - М., 1963. - Т. 1. - С. 127 - 132.
14. Поржезинский В.К. Введение в языковедение. - М., 1916. - С. 52.
15. Лингвистический энциклопедический словарь // Под ред. В.Н. Ярцевой. - М., 1990. - С. 94; Венидина Т.И. Введение в языкознание. - М.: Высшая школа, 2001. - С. 268; Учебный словарь лингвистических терминов и понятий // Под ред. Н.К. Фролова - Нижневартонск, 2002. - С. 41.
16. Ардентов Б.П. Введение в языковедение. - Кипшинёв, 1967. - С. 181- 183.
17. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. - М., 1974. - С. 109.
18. Реформатский А.А. Введение в языковедение. - М., 1967. - С. 407.

S. Shcherbina

THE HISTORY THE TERMS OF OUR COUNTRY OF THE RELATED LANGUAGES

Abstract: The present article considers the origins and evolution of terms denoting kinship of languages in Russian linguistics. The author demonstrates that priority in the creation of terminological reflections of this thematic group belongs to Russian scholars.

Key words: term, kinship of languages, comparative and historical.

ФАМИЛИИ АДЪЕКТИВНОГО ТИПА СКЛОНЕНИЯ*

Аннотация. Каждого человека интересует значение и происхождение собственной фамилии, поэтому не ослабевает интерес лингвистов к изучению русского фамильного. Вопросы, связанные с исследованием фамилий, всегда актуальны и интересны как в научном плане, так и в плане культурно-познавательном. В статье рассматриваются происхождение фамилий адъективного типа склонения, особенности мотивации подобных фамилий.

Ключевые слова: существительные адъективного типа склонения, адъективные фамилии, мотивация и происхождение фамилий, лексико-семантические группы фамилий адъективного типа склонения.

В классе имен существительных выделяется группа слов, отличающихся по грамматическим признакам от других существительных – это существительные адъективного типа склонения: например, *столовая, военный, раненый* и т.л. Своеобразие этих существительных в том, что они, имея категориальное значение существительного, т.е. признак предметности, род в качестве постоянного признака, категорию одушевленности, а также синтаксические признаки существительного, в то же время сохраняют некоторые признаки прилагательного, например, адъективное склонение.

У ученых существуют разные взгляды на происхождение существительных адъективного типа склонения, и поскольку процесс пополнения словарного состава языка подобными существительными происходит постоянно, то их изучение представляет для исследователей интерес.

В «Русской грамматике» [1: 239-242] в разделе «Словообразование. Основные понятия» и в соответствующих разделах главы «Словообразование существительных» в качестве способа словообразования рассматривается «субстантивация прилагательных и причастий». Здесь же отмечается, что для этого способа словообразования характерно отсутствие структурных ограничений и морфонологических различительных средств. Это позволяет нам рассматривать субстантивацию как *продуктивный* способ словообра-

зования в русском языке. Субстантивация распространяется также на русские фамилии.

Анализ происхождения фамилий адъективного типа склонения позволяет сделать вывод, что они относятся в основном к нескольким группам. В первую группу можно отнести патронимические фамилии, которые восходят к личным календарным именам, таким как Иван, Федор, Пётр, Александр и др. Процесс образования патронимической фамилии адъективного типа происходил по модели: *Пётр – Петров – Петровский, Александр – Александров – Александровский, Митя – Митин – Митинский*.

Христианские имена возникли у русских в X веке в связи с крещением. Они прочно вошли в обиход и вскоре стали восприниматься как обычные русские имена. Поэтому основная группа патронимических фамилий адъективного типа восходит к личным календарным именам, например: *Андреевский, Антоновский, Борисовский, Дмитриевский, Василевский, Ивановский, Макаровский, Михайловский, Петровский* и др.

В некоторых случаях в качестве основы берется уменьшительно-ласкательное имя, например: *Митинский, Пашковский, Гришковский, Фединский, Федорковский*. Распространенная фамилия *Михайловский* образована не от календарного имени Михаил, а от народно-разговорной формы Михайло. От различных ласкательных форм имени Михаил образованы фамилии *Михалевский, Михаловский, Мишаевский, Михновский, Мишинский. Мишутинский, Михалицкий*.

В условиях феодального общества, когда складывались русские фамилии, ведущей была идентификация по отцу. Однако в том случае, где отец отсутствовал и главой семьи была мать, получали матронимические фамилии: *Аннинский, Ольгинский, Надеждинский, Вдовинский, Марьинский, Марфинский*. В некоторых случаях подобные фамилии являлись не матронимическими по происхождению, а географическими, потому что населенных пунктов с названиями Марфино, Надеждино, Ольгино, Ольгинское, Марьяновское немало в России и сейчас, и вполне возможно образование указанных фамилий от названий подобных населенных пунктов. Особую категорию имен составляли именован-

* © Шеватлохова Е.Д.

ния женщин от имен мужей: *Яневая* – жена Яна, *Радоковая* – жена Радока, *Волотковая* – жена Волотка.

Многие фамилии образованы от древнерусских имен Кот, Поп, Орел, Лебедь, Козел, Король, Бугай, Орех, Мороз, Нос, Копыто, Кулик, Бобр и др., например: *Котовский, Козловский, Поповский, Орловский, Лебединский, Коровянский, Быковский, Бугаевский, Ореховский, Морозовский, Носовский, Копытовский, Куликовский, Бобровский* и др.

В книге А.В. Суперанской и отмечается такой факт: «В последней четверти XIX века владимирский архиепископ Сергей осуществил коренной пересмотр рукописных и раннепечатных календарей и опубликовал в 1875-76 годах «Полный месяцеслов восточных святых», в котором имеются перечни имён и «Указатель восточных святых, не находящихся в месяцесловах грекороссийской церкви» – ценный источник малоизвестных, редких и редчайших христианских имен. В нем довольно большое число имен, входящих в основы современных русских фамилий...» [2: 149]. В Полном месяцеслове Сергия встречаются такие забытые теперь личные имена, как *Раз, Пен, Малина, Сод* и многие другие, от которых, возможно, и образованы фамилии *Малиновский, Садовский, Розовский, Пенковский*.

Большую группу фамилий адъективно-го типа склонения составляют географические фамилии, то есть фамилии, данные по названию города, села, вообще места, откуда человек родом: *Рязанский, Майкопский, Московский, Архангельский, Лабинский, Орловский, Ростовский, Уральский* и др.

Самую древнюю часть подобных фамилий составляют старинные княжеские фамилии, например: *Мецёрский, Волконский* и др. И в наше время встречаются фамилии *Барятинские, Милославские, Прозоровские, Одоевские* и др. Не всегда современные носители подобных фамилий являются князьями по происхождению. Часто такие фамилии присваивали себе крепостные крестьяне, принадлежащие князьям, или впоследствии просто обычные жители селений с подобными названиями.

Некоторые фамилии назвать географическими можно только условно, например, фамилия *Африканский* образована, возможно, от старинного имени Африкан, а не от названия континента, скорее всего, фамилия *Нильский* образована не от названия реки Нил, а от старого русского имени Нил. Хотя

в современном фамилекоде фамилии, имеющие отношение к названию реки, протекающей в той местности, где расположен город или поселок встречаются часто: *Уральский, Амурский, Волжский, Задунайский, Невский* и т.п.

Известны в истории русской литературы псевдонимы, образованные от названий рек: известный русский писатель С.Н. Сергеев-Ценский (по названию реки Цна в Тамбовской области, где родился писатель; наст. фамилия Сергеев), публицист В.В. Каменский (от названия р. Кама, где родился писатель), драматург Д.Т. Ленский (по названию р. Лена, наст. фамилия Воробьев). Вообще традиция давать прозвище по названию рек известна давно. Например, князь Александр Ярославич Невский получил прозвище по названию реки Нева, на берегу которой в 1240 году одержал победу над шведскими войсками; великий князь московский Дмитрий Донской получил прозвище по названию р. Дон, в верховьях которого в 1380 году одержал победу над монголо-татарами; А.В. Суворов, русский полководец, носил прозвание Рымникский, после того как овладел крепостью Измаил на реке Рымник.

Помимо названия города, села, поселка, деревни, которые лежат в основе фамилии, встречаются и другие пространственные ориентиры, связанные либо с местом рождения человека, либо с местом нахождения его дома: *Озерный, Заозёрный, Пасечный, Луговой, Болотный, Заболотный, Бузинный* (дом семьи находился в зарослях бузины), *Задорожный, Задонский, Зацерковный, Заярный, Залесский, Заворотный, Подгайный* (от гай – украинского слова, обозначающего «лес»), *Подгорный, Закалужный* (калужа – лужа, грязь), *Заливадный* (левада – огороженный или окопанный луг или пастбище), *Колодезный, Крапивный*.

Встречаются фамилии, включающие и такие пространственные понятия, как *Левый, Правый, Правенький, Южный, Северный, Низовой, Верховой, Дальний*.

К условно географическим фамилиям можно отнести и фамилии, включающие названия народностей: *Арабский, Белорусский, Грецкий, Коряковский, Латышевский, Литвинский, Литвиновский, Ляховский, Молдавский, Молдаванский, Молдовский, Мордовский, Немецкий, Немчинский, Половецкий, Поляковский, Скифский, Татарский, Турецкий, Турчинский, Турковский, Украинский, Черкасский, Шведский, Эллинский*.

Наиболее распространенными являются

ся фамилии, имеющие «прозвищное» происхождение, так как прозвища появились у человека очень давно и давались ему как отличительный знак. В них отмечались черты характера, внешние или внутренние качества человека, все то, что помогает отличить одного человека от другого. Прозвища заключали в себе какую-либо оценку человека, его характеристику по внешности, особенностям поведения, речи, национальности и т.п. (*Вороной, Седой, Долгий, Кудрявый, Глухенький, Глухой, Гнедой, Золотой, Русский, Украинский*).

Так как в основу прозвища берутся самые разнообразные впечатления как о внешнем облике человека, так и о его внутренних качествах, поступках, то подобные фамилии отличаются большим разнообразием.

В основе фамилии может лежать **цветовое** восприятие: *Белый, Красный, Светлый, Зеленый, Синий, Черный, Карый, Гнедой, Седой, Соловый, Вороной, Русый, Чернявый, Чернявский, Бурый*.

Многочисленны фамилии, представляющие **физические качества человека, внешний облик, поведение**: *Безрукий, Безбровый, Бледный, Бородатый, Босый, Горбатый, Живой, Немытый, Неопрятный, Картавый, Пожилых, Пригожий, Косой, Косматый, Усатый, Кривой, Шустрой, Беспечный, Проворный, Ретивый, Любезный, Разбитной* и др.

Психо-эмоциональные качества человека отмечены в таких фамилиях: *Аккуратный, Бедный, Беспечный, Буйный, Быстрый, Важный, Высокомерный, Горячий, Грустливый, Спокойный, Мудрый, Нудный, Гордый, Ласковый, Нежный, Счастливый* и др.

Встречаются фамилии, называющие **вкусовые ощущения**: *Соленый, Кислый, Горький*.

Слова для внутрисемейного именования отражали появление ребенка в то или иное время года, и ребенок получал сначала имя, а впоследствии прозвище: *Зимний, Летний, Осенний, Поздний, Полуденный, Постный, Январский, Майский*. Если ребенка ждали и хотели, то он получал прозвище *Нужный*, если, наоборот, не хотели – *Лишний*. Возможно, к этой группе относятся и фамилии, образованные от слов, называющих явления природы: *Снежный, Снеговой, Громовой*.

Были имена, связанные с порядком появления ребенка в семье: *Первый, Средний, Седьмой, Старшой, Меньшой, Девятой*. В современных фамилиях в качестве составной части встречаются и другие числа *Столетний, Сороковой, Сорокалетовский, Двухи-*

менный, Девясильный, Двужильный, Шестидесятый, Троепольский, Сторублевый, Пятирублевый. Определить, что легло в основу прозвища в некоторых случаях уже не представляется возможным.

Пространственные понятия легли в основу таких фамилий, как: *Левый, Правый, Правенький, Южный, Северный*.

Социальное положение отмечено в фамилиях: *Бездольный, Богатый, Вольный, Холопский, Графский*,

Название деревьев также лежат в основе некоторых фамилий: *Дубовой, Лесовой, Березовый, Еловый, Ореховый, Липовый, Ракитный, Лещинский* и др.

Часто в фамилиях отмечен **род занятий, профессия, ремесло**: *Посыльный, Подручный, Поверенный, Портной, Постовой, Присяжный, Рабочий, Стряпчий, Гуртовой, Мастеровой, Пасечный*.

Встречаются фамилии с глагольными основами: *Бушующий, Грядущий, Непомнящий, Спящий, Стоящий, Непобедимый, Невенчаный, Непроданный, Посещенный, Номерованный, Воспитанный, Малёванный, Немытый, Неваленный, Нечиненый, Обретенный, Подвезенный*.

Прозвище, которое помимо собственного имени получал человек со временем, давалось не только для того чтобы подчеркнуть индивидуальность человека, но и чтобы досадить какому-либо человеку, отметить забавную или неприятную отличительную черту. «Прозвища редко носят хвалебный характер, в них преобладают огрубляющие, ухудшающие характеристики» [2: 34], поэтому часты фамилии, звучащие резко, грубовато: *Жирный, Рябой, Косой, Негодяичий*.

В то же время встречаются фамилии, носящие в себе положительные качества человека: *Благодарный, Милый, Нежный*.

В фамилиях широко представлены корни, обозначающие отвлеченные понятия: *Глубокий, Далекий, Знойный, Любовный*.

Многие фамилии могут составить антонимические пары: *Мертвый - Живой, Дешевый - Дорогой, Большой - Маленький, Плохой - Хороший, Новый - Старый* и т.п.

В русских фамилиях адъективного типа сохранились корни многих древнерусских слов, утратившихся в настоящее время или ушедших в разряд архаизмов: *Гумённый* (гумно – место, где ставят хлеб в кладях и где его молотят [3, Т.1: 408]), *Мухортый* (мухортый – малорослый, хилый, тощий, малорослый, невзрачный человек [3, Т.2: 363]), *Чалый* (чалый – рыжий с сединой [3, Т. 4: 581]),

Целковый (целковый – серебряный рубль [З, Т.4: 577]); *Соловый* (желтоватый З, Т.4: 266)).

Многочисленную группу составляют искусственные фамилии. Под искусственными фамилиями понимаются такие фамилии, которые не относятся к наследственным фамилиям, а присвоены человеку в результате сознательного выбора. Такие фамилии можно разделить на две группы: фамилии, придуманные самими людьми, желающими изменить свою фамилию, в том числе и псевдонимы, и фамилии, полученные от кого-либо. Например, в книге Унбегауна «Русские фамилии» приводится пример, когда царскому кучеру Андреяну в 1725 году было пожаловано дворянство, вместе с фамилией *Вожжинский* (от вожжи) [4: 169]. Ко второй группе относятся так называемые «церковные» фамилии, а также полученные в силу определенных обстоятельств..

К искусственной фамилии человек прибегает тогда, когда собственная фамилия кажется ему либо неблагозвучной, либо когда человек не знает собственной фамилии. Такие фамилии часто даются найденным младенцам или детям, которые не помнят своей фамилии. В истории России было несколько периодов, когда большое количество детей теряло своих родителей: после революции 1917 года, после Великой Отечественной войны и в 90-е годы XX века, когда неустроенность семейной жизни толкала тысячи детей на улицу.

Мода на все революционное, яркое, нестандартное, а также нормативные акты советской власти, разрешающие смену фамилии, привела к тому, что после революции 1917 года появились фамилии *Октябрьский*, *Знаменский*, *Майский*, *Первомайский*, *Фабричный*, *Краснофлотский* и т.п. В то время можно было взять себе любую фамилию, и люди, считавшие свою фамилию недостаточно звучной или «старорежимной», меняли ее на новую.

В артистической, писательской среде пользуются популярностью «красивые, звучные» фамилии адъективного типа: *Жемчужный*, *Красовский*, *Звёздный*, *Звездинский*, *Кристалльный*, *Кристалинский*, *Райский* и др., которые чаще всего являются псевдонимами. Псевдонимы возникли в среде писателей, артистов, художников, политических деятелей из необходимости скрыть по разным причинам свое подлинное имя. Однако существовала и мода на псевдонимы. Так в начале XX века модными были псевдонимы-прила-

гательные. В истории русской литературы известны псевдонимы адъективного типа: Максим Горький (писатель А. Пешков), Демьян Бедный (советский поэт Е. Придворов), М. Голодный (советский поэт М.С. Эпштейн), Антон Левый и Антон Новый (А.В. Луначарский), Саша Черный (советский поэт А. М. Гликберг), Э. Багрицкий (известный советский поэт, настоящая фамилия Дзюба), Чужбинский (русский и украинский писатель 19 века, настоящая фамилия Афанасьев), Беспощадный (советский поэт, настоящая фамилия Иванов), Чарская (популярная детская писательница начала XX века писала под этим псевдонимом, настоящая фамилия Л. Чурилова), современная писательница Ржевская, родившаяся в г. Ржев и занимающаяся изучением военных событий 1941-1942 гг. под г. Ржевом.

Например, известны такие псевдонимы артистов, как *Андржиевский* (цирковой дрессировщик, наст. фамилия Андреюк), *Бавицкий* (музыкальный сатирик, настоящая фамилия Абакшин), *Волжанские* (цирковые артисты, настоящая фамилия Волжанкины), *Емковский* (цирковой актер, настоящая фамилия Есеков), *Якутская* (цирковая артистка, настоящая фамилия Попова), *Алчевский* (артист оперетты, настоящая фамилия Чередниченко).

Как уже отмечено ранее, к искусственным фамилиям относится большинство фамилий, полученных священниками после окончания обучения в семинарии и при получении прихода.

Здесь можно выделить три основные группы: а) фамилии, образованные от названия церквей, монастырей, церковных праздников, культовых предметов, имен святых (*Преображенский*, *Рождественский*, *Воздвиженский*); б) фамилии образованные от названия местности, где священник получал приход или откуда родом священник, что встречалось реже (*Печерский*, *Никольский*, *Финляндский*); в) фамилии, образованные путем перевода русского слова, чаще всего представлявшего имя или прозвище учащегося духовной семинарии, на иностранный (*Липеровский* от греч. – печальный, *Гиляровский* от лат. *hilaris* - веселый).

В заключение можно сказать, что фамилии адъективного типа склонения частотны, многообразны и являются интересным материалом для изучения.

Исследование состава, структуры, особенностей мотивации адъективных фамилий дает возможность изучить сложные пробле-

мы общей теории языка, роль социальных и внутриязыковых факторов в развитии языка, многие конкретные вопросы лексикологии, грамматики, стилистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Русская грамматика. Т.1 / Под ред. Н.Ю.Шведовой. М., 1980. 783 с.
2. Суперанская А.В., Суслова А.В. Современные русские фамилии. – М.: Наука, 1981.- 176 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1 - 4. – М.: Русский язык, 1989. – Т.1: 699 с, Т.2: 780 с., Т.4: 684с.
4. Унбегаун Б.О. Русские фамилии / общ. ред. Б.А. Успенского. - М: Прогресс, 1989. 443 с.

E. Shevatlokhova

NAMES OF THE ADJECTIVE TYPE OF DECLENSION

Abstract. In the article is examined the origin of the names of the adjective type of declension and the particular features of motivation of such names. Every person is interested in the origin and the meaning of it's own name. That is why the interest of the linguists to the studying of the Russian language does not weaken. Questions related to the research of the names are always interesting scientifically as well as in a cultural-cognitive way.

Key words: noun of the adjective type of declension, adjective names, motivation and origin of the names, lexical-semantic groups of names of the adjective type of declension.

Публикации аспирантов

УДК 81'373.6:69.09

Бэбэльская К.

ЭТИМОЛОГИЯ НАЗВАНИЙ НЕКОТОРЫХ МОРСКИХ ОБИТАТЕЛЕЙ*

Аннотация. Этимология русских названий морских обитателей до сих пор остается недостаточно изученным элементом русского языка. В данной статье мы рассматриваем названия некоторых морских обитателей с точки зрения и распространения в разных западноевропейских и славянских языках. Опираясь на данные этимологических словарей (П.Я. Черных, М. Фасмера) и толковый словарь В.И. Даля, мы приходим к выводу, что формирование современных наименований морских рыб, как и названий других морских животных, в основном, связаны с развитием «национальной культурной традиции русского народа», его контактами с другими народами, благодаря которым и осуществились заимствования русским языком названий морских обитателей из других языков.

Ключевые слова: этимология, синхрония, диахрония, этимологический анализ, названия морских обитателей.

Многие слова в том виде и значении, в каком их употребляют в современном языке, обычно являются результатом длительного развития, на протяжении которого они претерпевали те или иные изменения, подчас очень значительные. Эти изменения определяются обогащением опыта людей и тенденциями развития самого языка.

В лингвистической науке существует два подхода к анализу лексического состава языка: синхрония и диахрония. С точки зрения синхронного анализа слово как основная лексическая единица изучается с позиции «для сегодняшнего», то есть на современном этапе развития без учета каких-либо исторических изменений. С точки зрения диахронного анализа слово как основная лексическая единица изучается с позиции исторической ретроспективы, то есть на этапе своего становления и развития, аккумулируя в себе накопленный в поколениях языковой опыт. О важности изучения слова с точки зрения

диахронного языкознания, то есть в аспекте его происхождения (этимологии), говорил великий языковед XX столетия Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики».

В связи с этим, для того чтобы проанализировать структуру слова в историческом аспекте, мы считаем необходимым, прибегнуть к *этимологическому анализу слова*, который направлен на выявление прошлых словообразовательных связей в слове.

Изменения в историческом развитии слов нередко приводят к забвению их первоначального значения, к существенным изменениям звукового состава слов и к разрыву их былых словообразовательных связей. Иначе говоря, исторические изменения, происходящие в слове, могут затемнить его морфологическую структуру и создать трудности в его членении. Именно на выявление и систематизацию данных закономерностей направлен этимологический анализ.

Содержанием *этимологического анализа слов* русского языка является определение первоначального значения слова, его последующего изменения, установление древнего (в нашем случае индоевропейского или общеславянского) корня, наслоившихся на него морфем, их изменения за исторический период, т. е. раскрытие происхождения слова. Вслед за современными лингвистами под *этимологическим анализом* мы понимаем научную реконструкцию прошлой словообразовательной структуры слова и его морфемного состава. *Этимологический анализ* может иметь различное проникновение в глубь веков, т. е. может быть «углублен» до индоевропейской эпохи, а может быть сведен к снятию напластований последнего столетия [2: 111].

Этимология русских названий морских обитателей до сих пор остается практически не изученным элементом русского языка. Мало известно значение и происхождение названий морских обитателей и специалистам ихтиологам, непосредственно изучающим и рабо-

* © Бэбэльская К.

тающим с морской ихтиофауной. Названиям морских животных, как элементам русской культуры, в работах филологов уделено мало внимания, хотя народные названия собирали многие специалисты, среди которых такие известные исследователи природы России как П.С. Паллас, И.Г. Гмелин, а позже Л.П. Сабанеев, Л.С. Берг, А.П. Андрияшев и В.И. Даль. Со стороны филологов были предложены специальные исследования, посвященные изучению данного вопроса, но они не создают общей картины функционирования названий морских обитателей в русском языке. Отдельные лингвистические аспекты данной проблематики были рассмотрены в трудах таких ученых-лингвистов, как Г.У. Линдберг, А.С. Герд и В.В. Усачева. А.С. Герд, изучая и описывая научную терминологию названий русских рыб, привлекал для анализа как устный (взятый из диалектологических экспедиций), так и нормированный письменный материал (словари). Г.У. Линдберг совместно с А.С. Гердом и Т.С. Рассом создали «Словарь названий морских промысловых рыб мировой фауны». В.В. Усачева в своих исследованиях анализирует ихтионимы, возникшие в разные периоды развития славянских языков. В нашем исследовании мы, в первую очередь, занимаемся проблемой происхождения названий некоторых морских обитателей, стремясь тем самым воссоздать общую картину развития данной лексики в историческом обзоре.

В любом языке один и тот же вид может иметь несколько названий. В науке это явление недопустимо, один предмет или понятие должны определяться только одним словом – термином. Названия-термины в биологии появились только в XVIII веке. С тех пор научные названия животных состоят из родового названия и видового определения на официальном языке биологии – латыни и латинизированном греческом языке. Так, например, *рыба-лоцман* называется *Naucrates ductor* – здесь слово «лоцман» повторяется, сначала на греческом, затем на латинском языках. Однако эти строго научные названия рыбаки и все носители русского языка используют в повседневной жизни крайне редко, предпочитая устоявшиеся веками народные названия рыб и всех животных.

Формирование современных названий морских рыб, как и наименований других морских обитателей, в основном, связано с развитием культурной традиции русского народа. Таким образом, возникли названия представителей основных промысловых семейств, таких, как осетровые, сельдевые, и

некоторых других таксонов, групп и видов.

Собственно русскими словами по происхождению считают те, которые возникли в XVI веке и позднее. Эти названия обычно прозрачны и не требуют дополнительных объяснений, во всяком случае, для рыбака: *белуга* – белая, *кlyкач* – кlyкастый, *горбуша* – горбатая, *зеленушка* – зеленая, *зубатка* – зубатая, *бычок* напоминает тезку непропорционально большой головой. В этой группе названий можно встретить много словосложений, например: *кривохвост*, *широколоб*, *бычеглаз*, *клюворыл*, *бутылконос*, *ремнезуб* и др.

Происхождение многих названий морских животных рассмотрено в общеизвестных этимологических словарях А.Г. Преображенского, П.Я. Черных, М. Фасмера, а некоторые сведения о значении ряда названий можно найти в толковом словаре В.И. Даля и в фундаментальных исследованиях А.Н. Афанасьева.

Итак, обратимся к названиям отдельных морских обитателей и рассмотрим их с точки зрения этимологического анализа.

Акула – название, обобщающее собой большую группу так называемых хрящевых рыб, определяемую систематиками, как отряд *Акулообразные* или *Селахии* (*Selachiformes*). В.И. Даль в своем словаре пишет: «Аку́ла из исландского; хищная морская рыба разных видов». В толковых словарях слово отмечено с 1789, в варианте *áккула*, но оно несомненно было известно и раньше. Источник заимствования – скандинавские языки, вероятнее всего норвежский язык (*haakall* – «*акула*»). В.И. Даль отмечает также и слово *оку́ла* в значении «плут, обманщик, продувной». Этимологи считают этот вариант названия северорусским произношением, близким с «*акула*». Фамилия *Окулов* встречается в документах под 1703 г. Вариант *акула* отмечают в словаре Академии наук 1735–1766 гг. «*Акула* – слово подлое, то же значит, что обманщик». В словаре П.Я. Черных отмечено, что название акулы в переносном значении «жадный, корыстолюбивый человек» употребляется и в других языках. В.И. Даль отметил название акулы – *шарка* (женский род), как архангельское (беломорское) и в варианте мужского рода – *шаркѣ*, как камчатское. Даль указывает, что слово заимствовано из английского, где *shark* «*акула*». То же мнение, вслед за Далем, высказывает и М. Фасмер.

Барбулька – название небольшой морской рыбки *Mullus barbatus*. *Барбулька* оби-

тает в придонных областях морских литоралей и добывает пищу – ракообразных, червей, моллюсков, раскапывая донный грунт. Учитывая особенности того, как эта рыбка добывает корм, следует упомянуть приведенное В.И. Далем, русское «барабать» — «разрывать, копать, рыться...». Иначе говоря, **барабулька** — «копающая», «раскапывающая». М. Фасмер считает название **барабулька** заимствованием через новогреческое *μυρλοῦν* (то же) из итальянского *barbone* «*Mullus barbatus*».

Белуга. В русском языке название рыбы **белуга** известно с XVI-XVII вв. Примерно с этого же времени различные издания начинают путать **белугу** — рыбу (*Huso huso*), с **белухой** — дельфином. Так, известный «Русско-английский словарь Р. Джемса 1618-1619», описывая белуху (кувыркается как дельфин), называет ее *belluga*. С.П. Крашенинников в описании камчатской фауны упоминает «белуги, тюлени». Название дано рыбе за чисто-белую окраску брюха, в значительной степени поднимающуюся на бока тела. **Виз** — это название белуги, отмеченное Л.П. Сабанеевым в польском языке, а М. Фасмером также в чешском *vyz*, верхнелужицком *wyz*, украинском *виз*, видимо, близким с древним верхненемецким *hūso* «**белуга**». В.И. Даль приводит слово *визъ*, как черноморское. Можно предположить, что это название является весьма древним и своим происхождением восходит ко времени общеславянской языковой общности.

Дельфин — «морское животное подотряда зубатых китов (меньших размеров, чем киты), сверху черного цвета, снизу — белого, с выпуклым лбом и характерными челюстями, похожими на клюв»; *Delfis delfis*. В русском языке это слово известно с XVII в. Первоисточник — греческое *delfis*, отсюда латинское *delphinus*, а из классических языков — в новых западноевропейских языках: немецкое *Delphin*; итальянское *delfino*, французское *dauphin* — то же, старо-французское *dalpin*, откуда английское *dolphin*. В русском языке греко-латинского происхождения. В этимологическом отношении греческое *delfis* связывают с греческим *delfus* — «матка» (по телосложению и по строению тела **дельфина**).

Камбала — «промысловая морская рыба с сильно сжатым с боков (как бы плоским, сплюснутым) телом и с глазами на одной стороне»; *Pleuronectes platessa*. Украинское, белорусское **камбала**. Чешское *kambala* из русского (иначе *platejs*). Из русского это слово заимствовано также некоторыми другими (неславянскими) языками. Название

камбалы: болгарское *калкан* (< турецкое); сербско-хорватское *лист*; словенское *plošnatika*; польское *flądra* (< немецкое *Flunder*). В русском языке слово **камбала** известно с начала XVII в. В русском языке название этой рыбы — из финского. Финское *kampela* — то же; эстонское *kammeljas*.

Кит — «крупное морское млекопитающее с рыбообразным туловищем, с огромной головой и мощным двухлопастным горизонтально расположенным хвостом»; *Balaena*, *Cetus*. Украинское **кит**; белорусское *kit*; болгарское **кит**; сербско-хорватское **кит**; словенское *kit*. Но чешское *velryba*, польское *wieloryb* или *wal* (< немецкое *Wal* — «**кит**»). Древнерусское (с XI в.) и старославянское *китъ*. Старое заимствование из греческого языка. Отсюда латинское *cetus* (при обычном *balaena*, откуда итальянское *balena* — «**кит**»; французское *baleine* — то же).

Лосось — «крупная (до метра и больше) хищная рыба семейства лососевых с аспидно-серой с синеватым отливом спиной и черными пятнышками на серебристых боках, с вкусным розовым мясом»; *Salmo salar*. **Лосось** был известен индоевропейским народам с древнейших времен, обитает на обширной территории от Португалии до Урала. Многие народы сохранили это слово: древнеиндийское *laksa*, немецкое *Lachs*, норвежское, датское, исландское *laks*, литовское *lasisa* — «**лосось**», в тохарском языке, который затерялся в веках и в китайском Туркестане, это означало рыбу вообще. Это слово восходит к корню «лак» — пятно, капля, что объясняется внешним видом рыбы. В северных говорах рыбу **лосось** называют пестряк, пестрянка.

Омар — «большой десятиногий морской рак с вкусным мясом», *Homarus*. Украинское **омар**; белорусское *амар*; болгарское **омар**; чешское *homar*; польское *homar*. Но сербско-хорватское *jastog*; словенское *jastog* (< латинское *astacus*). В русском языке в словарях — с 60-х гг. XIX в. С начальным *г* (*гомар*) это слово встречается и раньше. Восходит к французскому *homard*, где оно скандинавского происхождения. Датское и шведское *hummer*. Отсюда же и немецкое *Hummer* — «**омар**».

Палтус — «северная морская (океанская) рыба с плоским туловищем отряда камбал»; *Hippoglossus hippoglossus*. Украинское **палтус**; белорусское **палтус**; болгарское **палтус**. Сербско-хорватское *иверак* или *иверка*; словенское *morski list*; польское *turbot* (французское *turbot*; английское *turbot*). В русском языке слово **палтус** известно с начала XVII в. В словарях **палтус** отмечается с

1782 г. Восходит, надо полагать, к немецкому названию морской камбалы *Plattfisch* – буквально «плоская рыба» (немецкое *platt* – «плоский»). Но слово это не немецкое, а попало в немецкий язык из романских. Латинское (и научное) название камбалы – *platessa* (: *platensis*), восходящее (как и немецкое *platt*) к греческому *platus* – «плоский».

Тюлень – «морское млекопитающее отряда ластоногих, с клыкастой круглой головой без наружных ушных раковин»; *Phoca vitulina*. Украинское *тюлень*; белорусское *цюлень*. В других славянских языках – из русского: болгарское *тюлен*; сербско-хорватское *тулань* (и *фока* < французское *phoque*); словенское *tjulenj*; чешское (и словацкое) *tuleň*; в лужицком *ćuleń*. В том же значении польское *foka* или *pies morski* (взрослые тюлени издают звуки, похожие на лай); *ciele morskie*. Немецкое *Seehund*, *Robbe* – то же; французское *phoque* – то же; английское *seal* – то же. В русском языке слово **тюлень** в словарях отмечается с 1731 г. Слово не относится к числу ясных в этимологическом и историческом отношении. По всей вероятности, это слово ниоткуда не заимствовано, и следует вернуться в основном к объяснению Грота: **тюлень** происходит от того же корня, что и *телен*ок, древнерусское *теля*, а также русское диалектное *утельга* – «самка лысуна», так называемого гренландского тюленя. Праформа слова была **телен*, но под влиянием *тулово*, *туловище* возникла новая форма с сохранением мягкости: **тюлень**, однако и *тулень*.

Угорь – «крупная (до 3 метров в длину) хищная морская и речная рыба отряда костистых со скользким змеевидным, по цвету как бы копченым телом»; *Anguilla*. Украинское *вугор*; белорусское *вугор*; сербско-хорватское *угор*; чешское *uhor*; словацкое *uhor*; польское *węgorz*; верхнелужицкое *wuhor*; нижнелужицкое *wugor*. Болгарское *змиорка* – «**угорь**». Литовское *angis* – уж, *anguis* – змея. Латинское *anguilla* – «**угорь**» (производное от *anguis* – «змея»). Эти все слова восходят к одному индоевропейскому корню *ogъ* – змееподобный, змея. Отмечено Истриным в XI в.: *угрь*, *угорь* (< *угърь*). В форме *угорь* известно с XVI в.

В статье мы рассмотрели названия некоторых морских обитателей с точки зрения их происхождения и распространения в разных западноевропейских и славянских языках. В исследовании мы опирались на историко-этимологический метод, благодаря которому можно говорить об общих закономерностях в процессе становления и развития наимено-

ваний морских обитателей. Большинство названий пришло в русский язык из латинского ареала, хотя и не исключены случаи заимствований из скандинавских языков. Отдельные названия морских животных по своему происхождению являются общеславянскими. Многие древние названия непромысловых видов морских обитателей, скорее всего, не дошли до нас, а их современные наименования возникли, как правило, из языковых примитивизмов и трансформации научных латинских названий (например: *циклотон*, *афия*), или искусственных образований на основе уже существующих названий, типа: *волкосельдь*, *ящерошука* и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Даль В.И. Толковый словарь в четырех томах. – М., 1990.
2. Козырев И.С., Молочко Г.А., Фомина А.П., Хмелевская Е.С. Современный русский язык. Словообразование. – Минск, 1978.
3. Лебедев И.Г. Значение и происхождение некоторых русских названий рыб России // Проблемы аквакультуры. Материалы Международных научно-практических конференций по аквариологии. – М., 2007.
4. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М., 1959.
5. Сибулонец С. Древние названия рыб // <http://www.randewy.ru>.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. – М., 1986.
7. Цыганенко Г.П. Состав слова и словообразование в русском языке. – Киев, 1978.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М., 1994.

K. Bebelska

ETYMOLOGY OF NAMES OF CERTAIN MARINE CREATURES

Abstract. Etymology Russian names of sea creatures are still poorly understood element of the Russian language. In this article we examine the names of some sea creatures from the point of view, and spread in various Western European and Slavic languages. Based on these etymological dictionaries (P. J. Black, M. Fasmer) and Dictionary VI Dahl, we conclude that the formation of the modern names of marine fishes, as well as the names of other marine animals, mainly associated with the development of national cultural traditions of the Russian people, his contacts with other peoples, thanks to which realized borrowing Russian-language names of marine residents from other languages.

Key words: Etymology, synchrony, diachrony, etymological analysis, the names of sea creatures.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В СОСТОЯНИИ ДВУХУРОВНЕВОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ У УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ*

Аннотация: Состояние фонологической системы характеризуется тремя основными признаками: 1) сформированностью, 2) устойчивостью, 3) эффективностью функционирования. У разнополых носителей русского языка фонологическая система функционирует по-разному. У мальчиков наблюдается преимущество перед девочками по эффективности взаимодействия фонологической системы с грамотностью, что отражается на количестве ошибок. Это объясняется высоким уровнем устойчивости фонологической системы мальчиков. Устойчивость фонологической системы является решающим фактором для ее эффективного функционирования.

Ключевые слова: фонологическая система, эффективность, грамотность, ошибки, речь.

Формирование фонологической системы в сознании носителя языка – сложный и длительный процесс, который оказывает решающее влияние на устную и письменную речь ребенка, в том числе и на грамотность. В основе формирования у ребенка двухуровневой системы фонем с различными свойствами лежит функциональное различие фонем нижнего и верхнего уровней. Система фонем нижнего уровня в основном обеспечивает процессы восприятия речи, а система фонем верхнего уровня – процессы порождения речи и фиксации ее результатов в письменной форме [1]. Конечно, формирование столь сложной системы проходит поэтапно, начинаясь с раннего детства, и продолжается в школе. Поэтому исследовать состояние фонологической системы носителя языка необходимо, прежде всего, в развитии, фиксируя изменения ее параметров на различных этапах формирования. Однако исследование сформированности фонологической системы у детей одного возраста дает лишь обобщенные данные, среднестатистические по исследуемому классу, не давая возможности делать выводы о протекании данного процесса в отдельных группах учащихся. Вероятно, формирование фонологической системы верхнего уровня, то есть фонем второй степени абстракции, даже у детей одной возрастной группы протекает

по-разному в зависимости от их физиологических и психологических особенностей.

С целью исследования степени сформированности и особенностей функционирования фонологической системы у школьников различного пола, была проведена серия экспериментов в одном классе одной из московских школ. Эксперимент охватывает период обучения с 5-го по 7-ой классы. Серия экспериментов в каждом классе состояла из трех этапов, на каждом из которых ученики работают с предложенными тестами на первом и седьмом уроках: на первом уроке с тестом №1, на седьмом уроке с тестом №2. Тесты представляют собой распечатанный текст, в котором пропущены некоторые безударные гласные. Под диктовку учителя учащиеся заполняют пропуски в тексте недостающими буквами. Предполагается, что учитель и учащиеся владеют нормами литературного произношения. В полученных результатах нас интересовали количество и характер допущенных школьниками ошибок. Кроме того, все ошибки были разделены на ошибки, допущенные мальчиками, и ошибки, допущенные девочками, так как нас интересовал гендерный аспект в функционировании фонологической системы школьников. В результате подсчета и сравнения количества ошибок у мальчиков и девочек был получен довольно низкий коэффициент корреляции между совокупностями ошибок мальчиков и девочек на каждом из этапов обучения. Можно предположить, что у разнополых носителей русского языка процессы формирования фонологической системы происходят по-разному: с разной скоростью, в разные периоды, что не может быть не замечено учителем на уроках русского языка.

Состояние фонологической системы характеризуется тремя основными признаками: 1) сформированностью, 2) устойчивостью, 3) эффективностью функционирования [2]. Наиболее значимым из них является эффективность. Именно от эффективности функционирования фонологической системы зависит, какой вариант написания слова выберет ученик, возможные ошибки и, в конечном итоге, грамотность. Показателем эффективности функционирования фонологической

* © Гребенкова Ю.М.

системы является количество ошибок, которое приходится в среднем на одного ученика.

В 5-ом классе этот показатель у мальчиков 16,4, у девочек 18,5. В 6-ом классе у мальчиков 29,9, у девочек 36,0. В 7-ом классе у мальчиков 27,9, у девочек 30,4. Мы видим, что на каждом из этапов обучения эффективность функционирования фонологической системы мальчиков выше, чем девочек (в 5-ом классе в 1,12 раза, в 6-ом классе в 1,2 раза, в 7-ом классе в 1,01 раза). Хотя в 7-ом классе разница между мальчиками и девочками по этому показателю незначительная. Можно сказать, что к 7-му классу девочки «догоняют» мальчиков по эффективности.

Возникает вопрос, что же обеспечивает мальчикам более высокий уровень эффективности функционирования фонологической системы. Вероятно, мальчики выигрывают за счет другого важного параметра функционирования фонологической системы – ее устойчивости.

Двухуровневая фонологическая система, закрепленная в языковом сознании носителя языка, может обладать различной степенью устойчивости к неблагоприятным условиям функционирования. Устойчивой фонологическую систему можно считать тогда, когда в различных ситуациях речевой деятельности она в общем не меняет своих характеристик. Неустойчивой она считается тогда, когда в ответ на изменение условий изменяются и характеристики фонологической системы, приобретая, например, свойства, характерные для более ранних этапов ее формирования.

Показателем устойчивости фонологической системы является коэффициент корреляции между совокупностями ошибок на 1-ом и 7-ом уроках. В 5-ом, 6-ом и 7-ом классах на каждом из трех этапов эксперимента 1-ый диктант проводится на 1-ом уроке в обычном темпе, а 2-ой на 7-ом уроке в конце учебного дня, когда дети утомлены, и учитель читает текст в ускоренном темпе. Таким способом намеренно создаются неблагоприятные для детей условия с целью определения степени устойчивости фонологической системы учащихся путем выяснения, каким образом ухудшение условий проведения диктантов скажется на полученных результатах. Коэффициент корреляции вычислялся с помощью компьютерной программы Excel – статистическая корреляция.

В 5-ом классе показатель устойчивости фонологической системы у мальчиков 0,83. у девочек 0,38. В 6-ом классе у мальчиков

0,95, у девочек 0,91. в 7-ом классе у мальчиков 0,96, у девочек 0,97. По этим данным видно, что в 5-ом классе у мальчиков показатель устойчивости фонологической системы выше, чем у девочек. В 6-ом разница между показателями устойчивости у мальчиков и девочек снижается. А к 7-му классу по устойчивости фонологической системы мальчики и девочки оказываются примерно на одном уровне [3].

Мы исходим из того, что фонологическая система носителя языка имеет иерархическую организацию, состоящую из двух уровней, где нижний уровень фонем ориентирован на процессы восприятия речи, а верхний – на процессы порождения речи и фиксации ее на письме. Все ошибки, допущенные школьниками в письменных тестах, были разделены на два типа: 1) Ошибки 1-го типа показывают состояние фонологической системы нижнего уровня, состоящего из фонем первой степени абстракции, это фонетические ошибки по принципу «пишу как слышу» (*дорога* вм. *дорога*, *рика* вм. *река*, *рибина* вм. *рябина*). Эти ошибки говорят о том, что ученики строят свои орфографические правила на последовательном использовании фонем нижнего уровня. 2) Ошибки 2-го типа показывают состояние фонологической системы верхнего уровня, состоящего из фонем второй степени абстракции, это фонологические ошибки, по принципу «пишу не так, как слышу» (*довай* вм. *давай*, *земой* вм. *зимой*, *ребина* вм. *рябина*). Ошибки этого типа говорят о том, что у школьников активно формируется система гласных фонем верхнего уровня.

В рамках традиционной классно-урочной системы образования оценка грамотности учащихся осуществляется путем проведения диктантов. Естественно, проверочные диктанты регулярно проводились и в исследуемом классе. С целью получения более полной картины взаимодействия двухуровневой фонологической системы с грамотностью был проведен еще один вид исследования. Ошибки 1-го и 2-го типов мальчиков и девочек в проведенных тестах мы сопоставили с количеством ошибок, допущенных ими в обычном диктанте на каждом этапе обучения (5, 6, 7 классы).

В 5-ом классе коэффициент корреляции между совокупностями ошибок в обычном диктанте и совокупностью ошибок 1-го типа у мальчиков составляет 0,56, у девочек 0,8, с совокупностью ошибок 2-го типа у мальчиков 0,9, у девочек 0,85. У мальчиков в 5-ом классе соотношение между показателями

коэффициента корреляции ошибок в диктанте с ошибками 2-го типа и ошибками 1-го типа составляет 1,61, у девочек – 1,06. В 6-ом классе коэффициент корреляции между совокупностями ошибок в обычном диктанте и совокупностью ошибок 1-ого типа у мальчиков составляет 0,6, у девочек 0,66, с совокупностью ошибок 2-ого типа у мальчиков 0,86, у девочек 0,85. В 6-ом классе соотношение между показателями коэффициента корреляции ошибок в диктанте с ошибками 2-го типа и ошибками 1-ого типа у мальчиков составляет 1,43, у девочек – 1,29. У мальчиков в 7-ом классе коэффициент корреляции между совокупностями ошибок в обычном диктанте и совокупностью ошибок 1-ого типа 0,84, у девочек 0,48, с совокупностью ошибок 2-го типа у мальчиков 0,85, у девочек 0,8. В 7-ом классе соотношение между показателями коэффициента корреляции ошибок в диктанте с ошибками 2-го типа и ошибками 1-го типа у мальчиков составляет 1,02, у девочек – 1,67.

Полученные соотношения коэффициента корреляции говорят о том, на какой уровень двухуровневой фонологической системы опирается ученик при написании текста обычного диктанта. Если это соотношение велико, то он опирается на верхний уровень фонологической системы, то есть на фонологический (морфематический) принцип, а он является основным принципом русской орфографии. Если это соотношение снижается, то, по нашему мнению, это свидетельствует о деформированном функционировании фонологической системы в языковом сознании ученика при выполнении письменных заданий.

Сравнивая изменения показателя соотношения коэффициентов корреляции по ошибкам 1-го и 2-го типов от 5-го к 7-му классу, можно наблюдать «зеркальную» динамику этого показателя у мальчиков и девочек. Если у мальчиков этот показатель от класса к классу снижается (1,61 – 1,43 – 1,02), то у девочек ситуация прямо противоположная – с 5-го по 7-ой класс их показатели улучшаются (1,06 – 1,29 – 1,67). То есть у девочек фонологическая система испытывает наибольшую деформацию в 5-ом классе, а у мальчиков это явление наблюдается в 7-ом классе.

Можно предположить, что подобные изменения в функционировании двухуровневой фонологической системы у мальчиков и девочек связаны с физиологическими особенностями школьников. Явление деформации фонологической системы у мальчиков и девочек на разных этапах обучения (у девочек в

5-ом, а у мальчиков в 7-ом классе), вероятно, можно объяснить тем, что девочки вступают в переходный возраст несколько раньше мальчиков. Девочки вступают в переходный возраст в 5-ом классе, а к 7-ому классу выходят из этого состояния, в то время как мальчики в 7-ом классе только вступают в этот сложный период. Вступление учащихся в переходный возраст может осложнить процессы взаимодействия фонологической системы с письменными формами речи.

Следующий параметр функционирования фонологической системы, на который мы обратили внимание, это показатель поисковой деятельности учащихся. Его уровень характеризуется соотношением ошибок 2-го типа к ошибкам 1-го типа. Понятно, что ошибки 1-го типа возникают при пассивном отношении к грамотности, а ошибки 2-го типа – показатель активного отношения к собственной грамотности, состояние «поиска» правильного варианта написания слова. Поэтому мы назвали величину отношения количества ошибок 2-го типа к количеству ошибок 1-го типа уровнем поисковой деятельности учащихся (далее жирным шрифтом обозначены ошибки второго типа, курсивом – ошибки первого типа).

Дело в том, что уровень поисковой деятельности имеет различное содержание на разных этапах формирования и функционирования фонологической системы в языковом сознании учащихся. На первом этапе в начальных классах (с 1 по 4 класс, включительно) уровень поисковой деятельности свидетельствует об уровне сформированности фонологической системы: чем он выше, тем выше уровень сформированности двухуровневой фонологической системы в языковом сознании учащихся. Когда же формирование двухуровневой фонологической системы заканчивается (а он заканчивается, по данным Г.М. Богомазова и его учеников, к 5-му классу) [4], то содержание уровня поисковой деятельности меняется. Теперь он свидетельствует не об уровне сформированности фонологической системы, а о развитии другого важного процесса. Это процесс перехода от сознательного использования фонологической системы к ее бессознательному использованию, который связан с автоматизацией навыков письменной речи (письма и чтения). Чем ниже уровень поисковой деятельности, тем выше уровень автоматизации, и наоборот. В связи с этим важно рассмотреть динамику изменения этого параметра у девочек и мальчиков данного класса.

В 5-ом классе поисковая деятельность мальчиков $97 : 67 = 1,45$, девочек $125 : 60 = 2,08$. В 6-ом классе поисковая деятельность мальчиков $166 : 133 = 1,25$, девочек $250 : 110 = 2,27$. В 7-ом классе поисковая деятельность мальчиков $117 : 162 = 0,72$, девочек $153 : 151 = 1,01$. По этим данным видно, что, в отличие от показателя эффективности фонологической системы, поисковая деятельность у девочек выше, чем у мальчиков (в 5-ом классе в 1,43 раза, в 6-ом в 1,82 раза, в 7-ом в 1,04 раза).

Показатель поисковой деятельности учащихся свидетельствует в данном случае о темпах автоматизации навыков грамотного письма у ребенка, то есть об уровне развития процесса перехода от сознательного использования фонологической системы к бессознательному ее использованию. Чем ниже этот показатель, тем последовательнее развивается указанный процесс. Более точные данные о развитии этого процесса среди подсистемы гласных у учащихся 5-го, 6-го и 7-го классов можно получить при сопоставлении темпов развития анализируемого процесса среди подсистемы гласных в различных типах морфем и в различной позиции по отношению к ударению.

Здесь мы исходим из положения, что предударно-ударная (стержневая) часть русского слова связана с передачей лексического значения слова, а заударная (периферийная) часть слова выражает его грамматическое значение.

В связи с этим важно установить, как показатель поисковой деятельности учащихся проявляется себя в предударной части слова, то есть в зоне лексических значений, по сравнению с заударной частью, где сосредоточены преимущественно грамматические значения.

По обобщенным данным показатель поисковой деятельности учащихся:

- в 5 классе в предударной части слова $110 : 48 = 2,29$; в заударной части слова $112 : 79 = 1,42$;

- в 6 классе в предударной части слова $264 : 101 = 2,61$; в заударной части слова $152 : 142 = 1,07$;

- в 7 классе в предударной части слова $180 : 186 = 0,97$; в заударной части слова $90 : 127 = 0,71$.

В предударной части слова показатель поисковой деятельности учащихся несколько возрастает по сравнению с 5 классом а в 7 классе вновь снижается ($2,29 - 2,61 - 0,97$). В заударной части слова показатель поисковой деятельности постепенно снижается ($1,42 -$

$1,07 - 0,71$). Вероятно, это связано с тем, что двухуровневая фонологическая система к 6 классу у учащихся в целом сформирована, и начинает действовать другой процесс, о котором говорилось выше. Этим может объясняться снижение показателя поисковой деятельности.

Теперь рассмотрим, как соотносятся ошибочные написания безударных гласных 2-го типа и 1-го типа в различных типах морфем в предударной и заударной части слова на различных этапах обучения (Пр – приставка, К – корень, С – суффикс, Ф – флексия).

5 класс.

Предударная часть слова: Пр – $5 : 2 = 2,5$; К – $102 : 42 = 2,43$; С – $3 : 4 = 0,75$.

Заударная часть слова: К – $0 : 0 = 0$; С – $0 : 4 = 0$; Ф – $112 : 75 = 1,49$.

6 класс.

Предударная часть слова: Пр – $8 : 4 = 2$; К – $248 : 97 = 2,56$; С – $8 : 0 = ?$. Заударная часть слова: К – $1 : 5 = 0,2$; С – $23 : 19 = 1,21$; Ф – $128 : 118 = 1,08$.

7 класс.

Предударная часть слова: Пр – $2 : 6 = 0,33$; К – $176 : 179 = 0,98$; С – $2 : 1 = 2$.

Заударная часть слова: К – $2 : 0 = ?$; С – $3 : 8 = 0,37$; Ф – $85 : 119 = 0,71$.

При анализе статистических данных мы исходим из того, что величина показателя поисковой деятельности учащихся указывает на темп развития процесса бессознательного использования системы гласных фонем верхнего уровня в данном типе морфем в предударной и заударной частях слова. Полученные в результате эксперимента данные говорят о том, что рассматриваемый процесс в предударной части слова прежде всего связан с корневыми морфемами, а в заударной части слова – с флексивными. Данные по морфемному анализу позволяют сделать наблюдения более конкретными и подтверждают полученные ранее обобщенные данные: в предударных корневых морфемах показатель поисковой деятельности продолжает расти у школьников до 6 класса, а в 7 классе резко снижается. В заударных флексивных морфемах показатель поисковой деятельности учащихся от 5-го к 7-му классу постепенно снижается. Это связано с тем, что до 7-го класса роль лексических значений в протекании данного процесса, связанного с системой фонем верхнего уровня, остается высокой, а затем снижается. Роль грамматических значений в данном процессе не так велика и продолжает снижаться с 5-го по 7-ой классы.

Для того, чтобы выявить особенности

протекания процесса использования фонологической системы у отдельных групп учащихся сопоставим статистические данные мальчиков и девочек.

5 класс. Мальчики.

Предударная часть слова: Пр – 4 : 0 = ?;
К – 40 : 28 = 1,43; С – 2 : 2 = 1.

Заударная часть слова: К – 0 : 0 = 0; С – 0 : 2 = 0; Ф – 51 : 35 = 1,46.

5 класс. Девочки.

Предударная часть слова: Пр – 1 : 2 = 0,5; К – 62 : 14 = 4,43; С – 1 : 2 = 0,5.

Заударная часть слова: К – 0 : 0 = 0; С – 0 : 2 = 0; Ф – 61 : 40 = 1,52.

6 класс. Мальчики.

Предударная часть слова: Пр – 5 : 2 = 2,5; К – 94 : 50 = 1,88; С – 8 : 0 = ?.

Заударная часть слова: К – 0 : 4 = 0; С – 6 : 9 = 0,67; Ф – 53 : 68 = 0,78.

6 класс. Девочки.

Предударная часть слова: Пр – 3 : 2 = 1,5; К – 154 : 47 = 3,28; С – 0 : 0 = 0.

Заударная часть слова: К – 1 : 1 = 1; С – 17 : 10 = 1,7; Ф – 75 : 50 = 1,5.

6 класс. Мальчики.

Предударная часть слова: Пр – 0 : 5 = 0;
К – 78 : 92 = 0,85; С – 0 : 0 = 0.

Заударная часть слова: К – 2 : 0 = ?; С – 2 : 5 = 0,4; Ф – 35 : 60 = 0,58.

6 класс. Девочки.

Предударная часть слова: Пр – 2 : 1 = 2;
К – 98 : 87 = 1,13; С – 2 : 1 = 2.

Заударная часть слова: К – 0 : 0 = 0; С – 1 : 3 = 0,33; Ф – 50 : 59 = 0,85.

У мальчиков в предударных корневых морфемах можно наблюдать ту же тенденцию, что и в классе в целом. От 5-го к 6-му классу показатель поисковой деятельности несколько увеличивается, а в 7-ом классе резко снижается (1,43 – 1,88 – 0,85). В заударных флексивных морфемах этот показатель постоянно снижается (1,46 – 0,78 – 0,58).

Увеличение показателя поисковой деятельности у мальчиков в 6-ом классе говорит о том, что у них формирование системы фонем верхнего уровня на этом этапе еще не завершено, роль лексических значений в формировании фонологической системы мальчиков остается высокой и в 6-ом классе (1,88). В 7-ом классе этот показатель у мальчиков резко снижается (0,85). То есть у мальчиков иерархически организованная фонологическая система окончательно складывается лишь к 6-му классу, а затем процесс письма автоматизируется, уходит в подсознание.

У девочек наблюдается несколько иная картина. У них в предударных корневых мор-

фемах показатель поисковой деятельности, начиная с 5-го класса, все время снижается (4,43 – 3,28 – 1,130). В заударных корневых морфемах показатель поисковой деятельности у девочек, как и у мальчиков, постоянно снижается (1,52 – 1,5 – 0,85). Эти данные говорят о том, что у девочек, в отличие от мальчиков, формирование системы фонем верхнего уровня к 5-му классу уже завершено. На следующем этапе у девочек процесс письма из области сознательной деятельности постепенно переходит в область подсознательной деятельности, процесс порождения письменной речи все более автоматизируется.

Подводя итоги, можно сказать о том, что на эффективность функционирования фонологической системы оказывают влияние такие характеристики, как поисковая деятельность и устойчивость фонологической системы учащихся. Исследуемый нами класс интересен тем, что в 5-ом классе у мальчиков наблюдается явное преимущество перед девочками по эффективности взаимодействия фонологической системы с грамотностью, что и отражается на количестве ошибок. Однако постепенно к 7-му классу девочкам удастся «догнать» мальчиков по эффективности. Поисковая деятельность девочек в целом здесь работает вхолостую и не оказывает решающего влияния на эффективность фонологической системы, а следовательно, и на количество ошибок. У мальчиков в 5-ом классе устойчивость фонологической системы выше, чем у девочек, именно это дает мальчикам преимущество в эффективности взаимодействия фонологической системы с грамотностью, что отражается на количестве ошибок. В 6-ом и 7-ом классах показатель устойчивости фонологической системы девочек увеличивается более значительно, чем у мальчиков. В результате к 7-му классу показатели устойчивости фонологической системы у мальчиков и девочек выравниваются. Более детальный поморфемный анализ показателя поисковой деятельности позволяет сделать вывод о том, что у девочек в 5-ом классе двухуровневая фонологическая система в целом сформировалась как в области лексических, так и в области грамматических значений. У мальчиков же процесс формирования двухуровневой фонологической системы за счет усиления поисковой деятельности в области грамматических значений завершается лишь к 6-му классу, то есть несколько позже, чем у девочек. В результате за счет показателей устойчивости фонологической системы и поисковой деятельности девочкам удастся

«догнать» мальчиков по эффективности взаимодействия фонологической системы с грамотностью и по количеству ошибок.

Во время проведения эксперимента создавались искусственные условия, затруднявшие взаимодействие фонологической системы с порождением письменных форм речи учащихся, благодаря чему удалось выявить устойчивость фонологической системы учащихся. Однако возможно влияние естественных факторов, затрудняющих функционирование фонологической системы школьников. Фактор переходного возраста в определенной мере деформирует взаимодействие фонологической системы с грамотностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Богомазов Г.М. Возрастная фонология. (Двухуровневая фонологическая система и ее роль в формировании чуждого языка и грамотности учащихся 1-6 классов) – М., 2005. – С. 80.
2. Богомазов Г.М. Указ. раб. – С. 261.
3. Гребенкова Ю.М. Устойчивость фонологической

системы у учеников 5 класса. // Актуальные вопросы филологии и проблемы столичного образования. – М., 2007. – С. 14.

4. Богомазов Г.М. Указ. раб. – С. 68.

Y. Grebenkova

GENDER ASPECT IN THE STATE OF BIMODAL PHONOLOGIC SYSTEM FOR THE PUPILS OF THE MIDDLE SCHOOL

Abstract: The condition of phonologic system is characterized by three basic signs: 1) generating, 2) stability, 3) efficiency of functioning. The phonologic system functions differently at boys and girls who are native speakers of Russian. It is observed the advantage at boys before girls by efficiency of interaction of phonologic system with literacy that is reflected in quantity of errors. It speaks high level of stability of phonologic system of boys. Stability of phonologic system is a determinative for its effective functioning.

Key words: phonologic system, efficiency, literacy, mistakes, speech.

УДК 801.561

Григоренко М.Ю.

МОДУСНЫЙ СТАТУС ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Аннотация: В статье рассматривается эвиденциальность как категория модуса, устанавливается роль эвиденциальных показателей в семантической структуре предложения, взаимосвязь указанной категории с квалификативными модусными категориями персуазивности, авторизации и оценочности.

Ключевые слова: модус, эвиденциальность, персуазивность, авторизация, оценочность.

Антропоцентрический подход, занимающий одну из стержневых позиций в изучении языка, стал одним из ведущих направлений лингвистических исследований на рубеже XX-XXI веков. Человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, он вовлечен в этот анализ, определяет его перспективы и конечные цели. Антропоцентризм ставит человека во главу угла «во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» [Кубрякова Е.С. 1995: 212].

Говорящий человек, репродуцируя то или иное высказывание, может не указывать источника своей информации, но может, помимо основной информации, составляющей содержание высказывания, включать в состав сообщения дополнительные сведения об источниках основной информации. Эта дополнительная информация, составляющая содержание категории эвиденциальности, относится к модусной части высказывания [Храковский В.С. 2007: 603]. Соответственно эвиденциальность, представляя собой функционально-семантическую категорию, исполняющую роль указания на источник информации о передаваемом событии, является продуктивным и действенным инструментом репрезентации человеческого фактора в языке.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью вопроса о модусном статусе указанной категории в русском языке, о роли эвиденциальных показателей в семантической структуре предложения.

* © Григоренко М.Ю.

В понятие «семантическая структура предложения» включаются такие понятийные сферы, как «диктум» и «модус», представляющие собой объективный и субъективный слои смысла предложения. Диктум как объективная часть смысла противопоставлена модусу как субъективной части смысла (Ш. Балли, Т.В. Шмелева, И. А. Нагорный). Таким образом, модус – это одна из двух составляющих в семантической структуре предложения. Модус является компонентом, заключающим оценку диктума в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего.

Основными модусными параметрами статусных характеристик категории эвиденциальности являются план содержания и план выражения.

План содержания эвиденциальности включает объект квалификации, квалифицирующий субъект и основания эвиденциальной квалификации события. Объектом квалификации является описываемое предложением событие, результат его осуществления в реальной действительности, т.е. объективная часть смысла предложения. Субъектом эвиденциальной квалификации выступает говорящий, автор высказывания, с позиции которого осуществляется квалификация события [Нагорный И.А. 2001: 28]. Основанием квалификации служит стремление говорящего выразить свою точку зрения на описываемое им событие посредством указания на источник информации.

План выражения категории эвиденциальности базируется на средствах и способах выражения эвиденциальной квалификации события говорящим в пределах предложения (высказывания). Выбор эвиденциальных средств, приемы их соединения в тексте обусловлены определенной авторской установкой.

Эвиденциальные показатели в высказывании выступают инструментами субъективной квалификации информации с указанием на ее источник, выразителями точки зрения квалифицирующего субъекта. Входя в семантическую структуру предложения, средства выражения эвиденциальности обогащают смысловое поле предложения субъективными характеристиками и выступают в роли семантически обязательных компонентов.

Осуществляя модусную квалификацию, с помощью средств выражения эвиденциальности говорящий преследует две цели: 1) высказать собственное видение ситуации,

2) донести точку зрения до адресата, добиться того, чтобы его поняли адекватно тому, что заложено в основу квалификации [Нагорный И.А. 2001, 30].

Рассмотрим это положение на примере: – *Сама крахмалит мне рубашки!* – с чувством, почти со слезами произнес Обломов. – *Ей-богу, так, я сам видел. За другим жена так не смотрит – ей-богу! Славная баба Агафья Матвеевна! Эх, Андрей! Переезжай-ко сюда с Ольгой Сергеевной, найми здесь дачу: то-то бы зажили!* (И. Гончаров. Обломов). В приведенном контексте говорящий, во-первых, выражает свою уверенность в истинности информации, делая ссылку на то, что он лично наблюдал описываемое событие посредством эвиденциального компонента *я сам видел* и включением эмоционально-оценочного элемента *ей-богу*; во-вторых, ориентирует адресата на то, что высказанная им информация должна трактоваться как объективная, достоверная. Таким образом, введение в семантическую структуру высказывания эвиденциального показателя является одним из способов автора продемонстрировать свое безразличие к происходящему.

Показатели прямой эвиденциальности, формальное ядро которой составляют перцептивные предикаты, образуют в предложении соответствующую развернутую Я-модусную рамку (*Я вижу, что...*, *Я слышу, что...*, *Я наблюдаю, как...* и т.д.) и включаются в состав перцептуальной сферы модуса. К периферии относятся описательные обороты, указывающие на прямой источник информации (*у меня (нас) на глазах, прямо перед(о) мной (нами), при мне, в моем присутствии* и т.д.) и подчеркивающие достоверность сообщаемой говорящим информации.

Показатели косвенной эвиденциальности группируются вокруг ее семантических подтипов (субкатегорий): пересказательности, инференциальности, перцептуальности. Остановимся на анализе тех из них, которые в наибольшей степени иллюстрируют принадлежность категории эвиденциальности к модусной сфере.

При передаче значения пересказательности в качестве репрезентаторов модусной сферы высказывания выступают 1) эвиденциальные частицы *мол, дескать, якобы, де*, которые предназначены для коррекции семантического поля ядерного предиката пропозиции и через него ориентированы на коррекцию общего семантического поля предложения: *Смотрит в светлые очки, Дескать, я тут*

– самый умный, Остальные – дурачки! (М. Горький. Дело Артамоновых) и 2) вводные слова и предложения *по словам, по мнению, по слухам, в соответствии с ..., согласно ..., по сообщению, по сведениям, судя по...; как полагают, как говорят, как оказалось, как известно* и т.д., указывающие на косвенный источник информации и ориентированные на коррекцию семантического поля предложения в целом: *Об вас столько пишут; ваши портреты, говорят, верх совершенства.* (Н. Гоголь. Портрет). Указанные средства служат цели подчеркнуть, что сообщение, переданное говорящим, принадлежит не ему, а другому лицу или группе лиц, а также цели снять с себя ответственность за достоверность информации. При этом важно подчеркнуть, что Я-модусная рамка, образуемая эвиденциальными частицами, оказывается в большей степени свернутой по отношению к рамке, представленной вводными словами и предложениями.

При передаче значения инференциальности модусную сферу предложения образуют модальные слова и словосочетания, указывающие на выводной источник информации и функционирующие в высказывании, как правило, в качестве вводных компонентов: *наверно, кажется, может быть, по-моему, действительно, конечно, естественно, по-видимому, возможно, похоже, видимо, точно, скорее всего, по моему мнению, по всей вероятности* и т.д. Они ориентированы на коррекцию семантического поля предложения в целом и выполняют функцию указания на выводной характер информации на основании собственного восприятия ситуации говорящим, заключенного в предшествующем описании или на основании некоторых мыслительных операций автора высказывания: *Долг исполнен, жизнь пройдена с честью, трудолюбиво – вот в чем счастье! по-моему, так.* (И. Гончаров. Обыкновенная история) (вводный компонент *по-моему* служит маркером для обозначения выводного характера информации, предыдущая фраза представляет собой описание наличных признаков, на которых основывается вывод говорящего).

Эвиденциальность включается в число квалификативных модусных категорий наряду с персуазивностью, авторизацией и оценочностью, так как участвует в соотношении высказываемого с действительностью через фиксацию позиции говорящего, квалификацию им своей точки зрения.

Эвиденциальность пересекается с категорией авторизации, так как имеет с ней

общие средства выражения. Это обусловлено тем, что авторизация представляет собой модусную категорию, с помощью которой «излагаемая в предложении информация квалифицируется в отношении источников или способов ее получения» [Шмелева Т.В. 1984: 90]. Суть ее, по мнению Г.А. Золотовой, состоит в том, что «разнообразными, но вполне поддающимися описанию способами в предложении вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия». Авторизация – это квалификация информации с точки зрения источников ее сообщения. Она проявляется в оппозиции «свое/чужое». Это значит, что источником информации является или сам говорящий («свое»), или кто-то другой, не говорящий («чужое»). Средства авторизации, указания на субъект варьируются от предложно-падежной формы имени (*для него, по его мнению*) до двусоставной глагольно-именной модели (*я вижу, мы наблюдаем, он считает*), либо ее «обезличенных» вариантов, с синтаксически и стилистически значимым устранением названия лица (*представляется, считается* и т. п.) [Золотова Г.А. 1973: 263-264]. Таким образом, средства выражения авторизации становятся также средствами, репрезентирующими семантику эвиденциальности в высказывании, включая все ее семантические подтипы (прямая эвиденциальность и косвенная эвиденциальность).

Рассмотрим взаимодействие категорий эвиденциальности и авторизации на некоторых примерах.

Ища глазами свободного места на этом конце стола – ближе к двери, которой вошел сюда, я видел много еще не занятых мест, но скорее дал бы отрубить руку, чем сел сам, боясь оказаться вдали от знакомых лиц. (А. Грин. Золотая цепь). Авторизующая модель с глаголом зрительного восприятия выражает семантику прямой эвиденциальности, подчеркивает «авторство» высказывания. *Он побирался, болел, голодал, ютился за полтинник в месяц в углу у торговки из “обжорного ряда” и, по мнению ее, мог отлично поправить свои обстоятельства продажей наследства* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева). К авторизуемой модели присоединяется указание на «автора», выраженное в форме предложно-падежной конструкции. Присутствует семантика косвенной эвиденциальности (пересказывательности). *Однако ж после некоторого молчания я ему сказал, что если*

отец станет ее требовать, то надо будет отдать (М. Лермонтов. Герой нашего времени). Авторизуемая модель занимает позицию придаточной части сложноподчиненного предложения, реализуя семантику косвенной эвиденциальности (пересказывательности). Она глядела на него так сознательно, с такой уверенностью, так, **по-видимому**, владела своею мыслью (И. Гончаров. Обломов). Сочетая два субъектных плана в авторизованной конструкции, говорящий выражает свое отношение, дает свою оценку действию авторизующего субъекта. Таким образом, генерируется семантика косвенной эвиденциальности (инференциальности).

Помимо связи с категорией авторизации, через ее посредство, эвиденциальность обнаруживает тесную связь с персуазивностью. Эта связь мотивирована тем, что разные способы получения информации по-разному воспринимаются по отношению к их надежности, поэтому «авторизационные показатели часто являются одновременно показателями отрицательной персуазивности» [Шмелева Т.В. 1984: 92]. Персуазивность – это квалификация информации с точки зрения степени ее достоверности, которая проявляется в оппозиции «достоверно/недостоверно». Эвиденциальные единицы соотносятся с персуазивностью, так как они являются выразителями коммуникативной стратегии, усиливающей или сокращающей истинностную силу высказываний.

Так, например, в высказывании с выделяемой прямой эвиденциальностью может намеренно указываться достоверность сообщаемой информации в случае, если говорящий хочет подчеркнуть, что он лично наблюдал описываемое событие: *И уж это наверно так; уж поверьте, что я не ошибаюсь. Я сам видел, как он за нею наблюдал и следил, только я ему помешал, и он теперь все ждет, когда я уйду* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание). Данная область значений соответствует положению на модальной шкале степеней достоверности на полюсе «категорическая достоверность».

Средства выражения косвенной эвиденциальности, включая все ее семантические подтипы (пересказывательность, инференциальность, перцептуальность), включаются в смысловое пространство проблематической достоверности:

1) в высказывании содержится указание на косвенный источник информации, в достоверности которого говорящий, как правило, не уверен. А потому он вводит в выска-

зывание показатель косвенной эвиденциальности, как бы снимая с себя ответственность за достоверность сообщаемой им информации:

К тому же замкнутый образ жизни Лонгрена освободил теперь истерический язык сплетни; про матроса говаривали, что он где-то кого-то убил, оттого, мол, его больше не берут служить на суда, а сам он мрачен и нелюдим, потому что “терзается угрызениями преступной совести”. (А. Грин. Алые паруса) – пересказывательность; *Мы, кажется, говорили о цветах, а не о звуках, Эдвин!* (А. Бестужев-Марлинский. Ревельский турнир) – инференциальность; *В Диканьке никто не слышал, как черт украл месяц. Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том все село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех* (Н. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки) – перцептуальность;

2) говорящий может квалифицировать высказывание как недостоверное, используя некоторые средства выражения косвенной эвиденциальности, например, частицы (*якобы, мол, дескать, де*): *Сам он почитал себя человеком образованным, потому что одевался по-немецки и жил хотя грязенько, да открыто, знался с людьми богатыми – и в театр ездил, и протезировал каскадных актрис, с которыми изъяснялся на каком-то необычайном, якобы французском языке* (И. Тургенев. Новь).

В ряде случаев эвиденциальность может «сотрудничать» и с оценочностью, выражая положительное или отрицательное отношение говорящего к пропозитивному содержанию: *– А спроси его! Не мужицкое дело, мол... Темен был, упрям. Всю жизнь я на него сердце держал.* (В. Шукшин. Беседы при ясной луне). В данном контексте автор, стремясь сохранить объективность в изложении информации, акцентирует внимание адресата на то, что он лишь передает чужую речь, при этом на фразу накладывается субъективное отношение говорящего – отрицательная оценка, выражающая оттенок несогласия. В то же время выражение оценочных значений в высказываниях с эвиденциальностью не является обязательным, так как в первую очередь говорящим преследуется цель указать на источник сообщения, а затем выразить свое отношение к сообщаемому факту.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1) категория эвиденциальности является квалификативной модусной категорией, так как участвует в соотношении высказываемого с действительностью через фиксацию позиции говорящего, квалификацию им своей точки зрения; 2) эвиденциальные показатели в высказывании выступают инструментами субъективной квалификации, так как обогащают смысловое поле предложения субъективными характеристиками и выступают в роли семантически обязательных компонентов; 3) в семантической структуре высказывания эвиденциальность взаимодействует с квалификативными модусными категориями персуазивности, авторизации и оценочности. Взаимодействуя с категорией авторизации, она имеет с ней общие средства выражения, так как с помощью данных категорий передаваемая информация квалифицируется в отношении источников и способов ее получения. Связь с персуазивностью основывается на коммуникативной стратегии эвиденциальных показателей, усиливающей или сокращающей истинностную силу высказываний; средства выражения эвиденциальности включаются в пространство проблематической достоверности. Оценочность и эвиденциальность обнаруживают свою связь на основе выражения говорящим своего отрицательного или положительного отношения к содержанию эвиденциального высказывания.

Изучение модусной категории эвиденциальности имеет широкие перспективы для дальнейшего изучения в плане применения

полевого подхода к описанию всех семантических подтипов эвиденциальности, средства выражения которых образуют функционально-семантическое поле эвиденциальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973.
2. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю.С. Степанова. – М., 1995. – С. 144-238.
3. Нагорный И.А. Функциональная перспектива предложений с модально-персуазивными частицами. – Барнаул, 2001.
4. Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, адмиративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. – СПб., 2007. – С. 600-632.
5. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М., 1984. – С. 78-100.

M. Grigorenko

THE MODUS STATUS OF EVIDENTIALITY IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract: The article is devoted to the problem of evidentiality as a category of modus, we establish the role of evidential devices in the semantic structure of the sentence and the connection of this category with qualifying modus categories of persuasion, authorization and evaluation.

Key words: modus, evidentiality, persuasion, authorization, evaluation.

УДК 801.561

Дубовик Е.И.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СТАТУС КАТЕГОРИИ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Аннотация: В статье используется функционально-семантический подход к рассмотрению статуса категории целесообразности. Дается описание семантической структуры предложения со значением целесообразности, а также выявляется соотношение модальной квалификативной категории целесообразности с другими квалификативными категориями: необходимости, возможности, желательности, долженствования.

Ключевые слова: семантика, синтаксис, модальность, диктум, модус, целесообразность.

Являясь необходимо присущим элементом смысловой организации любого предложения, модальность на протяжении нескольких десятилетий служит объектом активного изучения, однако до сих пор не существует единого мнения ученых по вопросу о статусе категории модальности и ее средств выражения. В лингвистике все еще имеются «белые

* © Дубовик Е.И.

пятна», притягивающие исследовательский интерес.

С появлением все новых и новых исследований в этой области проблема приобретает более сложный и дискуссионный характер. Одни ученые отождествляют лингвистическую модальность с логической модальностью (Г. В. Колшанский, В. З. Панфилов, Е. М. Галкина-Федорук и др.), иногда она трактуется как широкая разноплановая категория, характеризующая отношение говорящего к содержанию высказывания (В. В. Виноградов, Г. А. Золотова, Н. Е. Петров и др.). Классификация предложений по модальному признаку, как и дифференциация самих модальных значений, также не отличается единством. Наконец, категория модальности трактуется обычно без учета уровней языка, на которых она функционирует [1].

Согласно традиционному пониманию, модальность является функционально-семантической категорией, выражающей разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого [2]. Мы придерживаемся позиции исследователей, рассматривающих данную категорию на основе функционально-семантического подхода (А. В. Бондарко, А. М. Ломов, С. С. Ваулина, Е. И. Беляева, И. А. Нагорный), и считаем, что модальность является многоаспектной семантической категорией, раскрывающей отношение содержания высказывания к внеязыковой действительности с точки зрения говорящего. Содержательный объем категории модальности определяется смысловой двуаспектностью предложения – его диктумно-модусной организацией – и репрезентируется разноуровневыми языковыми средствами. Преимущество такого подхода позволяет наиболее адекватно описать семантическую структуру предложения, в частности предложения с модальным значением целесообразности.

Однако комплексное описание диктумно-модусного значения целесообразности с точки зрения функционально-семантического подхода, насколько нам известно, ранее не проводилось, что оправдывает выбор темы и актуальность данной статьи, целью которой является рассмотрение вопроса о соотношении модальной квалификативной категории целесообразности с другими квалификативными категориями: необходимости, возможности, желательности, долженствования.

Лингвистическая категория «целесообразность» тесно связана с понятийной кате-

горией «цель». Содержание понятия «цель» было и остается предметом изучения целого комплекса наук, так или иначе связанных с изучением человека и его деятельности.

В настоящее время в науке преобладает антропологическая точка зрения на категорию цели, которой придерживаются многие ученые (И. Т. Фролов, Н. Н. Трубников, В. А. Звегинцев, и др.). Цель – это один из элементов поведения и сознательной деятельности человека, которая характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств. Категорию «цель» связывают с человеческой деятельностью, существенными элементами которой являются целеполагание, целенаправленность, целеустремленность, подчиненность действия идеально представляемому конечному результату этой деятельности. Целесообразность предполагает действие в соответствии с целью и разумом.

Цель, таким образом, является основным содержанием целесообразности. Т. А. Казакевич связывает цель со способностью человека предвидеть будущее и конкретные результаты своей деятельности. Кроме того, цель выражает не только то, что произойдет в будущем, но и указывает, к чему нужно стремиться, что нужно делать, какие средства употребить, чтобы осуществить это желаемое будущее [3].

Модальное значение целесообразности является объективной по своему содержанию универсальной категорией, которая в общей системе других модальных значений выражает отношение субъекта речи к планируемому действию.

Чаще всего категория целесообразности соотносится с категориями возможности и желательности. Семантика возможности характеризует ситуацию, ирреальную в настоящий момент, но имеющую предпосылки и условия для того, чтобы стать фактической. Целесообразность реализуется именно в будущем времени, поскольку цели принципиально может не быть ни в прошлом, ни в настоящем – она всегда в будущем. Целесообразность определяется как идеальный образ желательного будущего результата предпринимаемой деятельности. Например, *Вы из него в одну ночь можете настричь десяток рассказов и каждый выгодно продадите* (М. Булгаков, Театральный роман).

Категории желательности и целесообразности взаимосвязаны, так как говорящий, сформулировав свое желание, может

его превратить в цель. Желание, как правило, это не всегда что-то глобальное, а нечто конкретное, не эфемерное. Желания можно рассматривать как выполнимые и невыполнимые. Существуют такие желания, которые выполнить легко, и именно из таких желаний создаются цели. Цель всегда конкретна, выполнима, имеет обоснования и всегда конечна. Таким образом, значение желательности является составным компонентом значения целесообразности. На грамматическом уровне в предложениях данные категории выражаются при помощи частицы *бы*, например: *К себе самой она чувствовала полное равнодушие, думала только о том, как бы работу к сроку кончить* (И. Гончаров, Обыкновенная история); *Может, действительно лучше было бы оставить его в каком-нибудь стожке сена дожидаться возвращения группы* (В. Быков, Дожить до рассвета). В первом примере подчеркивается желание говорящего, чтобы установилась связь данного действия-состояния с предметом, а во втором – цель.

В определенном контексте модальные значения и желательности, и целесообразности могут быть выражены при помощи лексических единиц *хорошо бы* и *лучше бы*. Например: *Хорошо бы сейчас пойти в лес* или *Лучше бы тебе уйти*. В данном случае при позитиве лексические единицы выражают значения желательности. – *Это хорошо бы! Только стоит ли вам беспокоиться? Поздно. Давайте, я сама...* (М. Горький, Мать) и *Лучше бы сейчас отдохнуть*. В данном примере лексические единицы выражают значение целесообразности.

Таким образом, в предложениях, относящихся к плану будущего, лексические единицы *хорошо бы* и *лучше бы* при позитиве есть знак желания, а при компаративе – цель смягчения категоричности побуждения или решения.

Категории необходимости и целесообразности соотносятся в наличии волеизъявительной ситуации, то есть в ситуации, предполагающей наличие некоего волевого начала, обеспечивающего возможность реализации действия. Выражение волеизъявления говорящего в ситуации необходимости выражается следующим образом: носителем волевого начала является субъект, который в большинстве случаев совпадает с субъектом действия, например: *Ему необходимо чаще писать матери*.

В одном контексте могут сочетаться значение необходимости и целесообразности, например, *Черт, нужны были лыжи, они*

зря бросили их в той деревне. Хотя там, под огнем, было не до лыж – важно было унести ноги. Но теперь вот без лыж они просто не могли никуда уйти из этой бани (В. Быков, Дожить до рассвета). В данной ситуации значение необходимости выражается с помощью лексической единицы **нужно** (*нужны были лыжи*, так как без них герои не могли добраться до линии фронта). Значение целесообразности выражено лексической единицей **важно** (*важно было унести ноги*, то есть целесообразно было спасти свою жизнь).

Категории долженствования и целесообразности могут пересекаться в определенном контексте, но уже реже. Модальное значение долженствования представляет такую связь между субъектом и действием, которая обусловлена причинами, связанными с внутренним осознанием субъектом обязательности действия. Выполнение потенциального действия предъявляется субъекту как долг, не зависящий от его воли, желаний или иных субъективных обстоятельств. Под значением целесообразности мы понимаем действие, которое можно рассматривать с точки зрения выгоды. Пересечение значения долженствования и целесообразности происходит именно в прагматическом аспекте.

В одном контексте значения долженствования и целесообразности могут пересекаться, например, *Вот ты бы выслужился, нажил бы трудами денег, выгодно женился бы, как большая часть... Не понимаю, чего еще? Долг исполнен, жизнь пройдена с честью, трудолюбиво – вот в чем счастье! по-моему, так* (И. Гончаров, Обыкновенная история). Значение целесообразности выражается лексической единицей **выгодно** (*выгодно женился бы*), которая выражает прагматическое значение. Значение долженствования выражается, как выполнение субъектом долга (*долг исполнен*), который независим от его воли и других обстоятельств.

Таким образом, мы считаем, что модальность является функционально-семантической категорией, создающей живой контакт с внеязыковой действительностью и выражающей субъективное отношение автора текста к различным аспектам высказывания.

В результате человеческой деятельности в реальной действительности складываются ситуации, которые характеризуются наличием определенной установки, стремления сознательного деятеля (человека) к достижению какого-либо желаемого результата, цели. Достижение результата может осуществляться, как необходимость, возможность,

долженствование.

Модальная квалификативная категория целесообразности наряду с другими квалификативными категориями необходимости, возможности, желательности и долженствования представляет иерархическое полевое образование. Данные квалификативные категории взаимосвязаны с помощью общих средств выражения и имеют отличия в плане содержания.

Сознательным субъектом является говорящий, то есть автор высказывания, с позиции которого осуществляется квалификация события как возможная, необходимая, желательная и т.д. В основе события находится собственно цель как желаемый или представляемый результат деятельности.

В сознании человека данная установка, стремление, как специфический характерный признак человеческой деятельности, получает отражение в понятийной категории цели, которая, в свою очередь, выражается определенной системой языковых средств. Итак, значение целесообразности является объективной по своему содержанию универсальной категорией, которая отражает характерную черту, свойственную исключительно человеческой деятельности. Специфика репрезентации субъекта в модальном значении целесообразности основана на том, что последний выражает мысли в соответствии с некой целью. Сама цель на эмоциональном и интеллектуальном уровне передает желание или стремление человека, направленное в будущее; она оказывает влияние на активность человеческой деятельности и «гармо-

ничное устройство мира».

Перспектива развития данного вопроса заключается в детальном описании критериев установления признаков, на основании которых определяется тип структуры макрополя целесообразности, соотношение центральных и периферийных компонентов. Предполагается рассмотрение семантических возможностей языковых средств и способов, выражающих отношения целесообразности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филологические науки. 1979. – № 2. – С. 54.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка. Т. 2. – М., 1950. – С. 39.
3. Казакевич Т.А. Целесообразность и цель в общественном развитии // Вестник ЛГУ. – 1963. – № 23. – С. 52-63.

H. Dubovik

THE FUNCTIONAL-SEMANTIC STATUS OF THE CATEGORY OF EXPEDIENCY IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract: We take the functional-semantic approach to the analysis of the status of the category of expediency in our article. We describe the semantic structure of the sentence with the meaning of expediency, and develop the correlation of a modal qualificative category of expediency with other qualificative categories, such as: necessity, probability, desirability and ought.

Key words: semantics, syntax, modality, dictum, modus, expediency.

УДК 81'373.43

Дудин А.А.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «СКАЗАНИЯ О ЕВПАТИИ КОЛОВРАТЕ...» С. А. ЕСЕНИНА*

Аннотация: Статья посвящена изучению лексического строя «Сказания о Евпатии Коловрате...» С.А. Есенина. Выделяются две основные лексические особенности поэмы: активное словотворчество и семантические аномалии. Результаты исследования позволяют охарактеризовать «Сказание» как поэтический эксперимент «серебряного века».

Ключевые слова: неологизм, лексические особенности, поэтический идиолект.

Есенинское «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о черном идолице и Спасе нашем Иисусе Христе» при жизни поэта в печати появилось лишь однажды — в 1918 г. Сведения об истории текста и его бытовании крайне скудны, черновик и автограф не сохранились. Давно

* © Дудин А.А.

вызывает обоснованные сомнения авторская датировка «Сказания» 1912 годом. Существует вторая, более известная редакция «Сказания» — «Песнь о Евпатии Коловрате», записанная С. А. Есениным в 1925 г. для печати в своем «Собрании стихотворений». Текст «Песни» значительно отличается от текста «Сказания», причём, по-видимому, мы имеем дело с редким случаем редактирования и исправления заведомо неполного текста.

Лексический строй «Сказания» весьма сложен. Его образуют слова различной природы: есенинские неологизмы (в том числе — потенциальные слова), диалектная, древнерусская, церковнославянская, фольклорная, просторечная и книжная лексика. Эта «маленькая поэма» является одним из наиболее экспериментальных в языковом отношении произведений С. А. Есенина. Актуальность изучения лексики «Сказания» обусловлена общим научным интересом к языку поэзии «серебряного века» и текстам русского авангарда.

Отдельные слова в разное время привлекали лингвистов и литературоведов, наблюдения которых, должно сказать, не всегда отличались лингвистической акрибией. Лексика «Сказания» в целом не изучалась. Цель нашего исследования — выявление основных лексических особенностей «Сказания», характеризующих его как своеобразный поэтический эксперимент «серебряного века». На основании комплексного, фронтального анализа на широком языковом фоне и техники «медленного чтения» это положение обосновывается впервые.

Главное место в изучении лексики «Сказания» занимает квалификация поэтических гапаксов. Иванов-Разумник сохранил единственное свидетельство самого Есенина о языке «Сказания»: «В бумагах моих должна была сохраниться запись перевода областных слов, составляющих стержень этой поэмы; в словаре Даля значительного числа этих слов не имеется. Из разговоров с Есениным помню, однако, что личного словотворчества в этой его поэме совсем не было» [1]. Упоминаемая Ивановым-Разумником запись областных слов неизвестна. Очевидно, что отсутствие лексикографической и вообще письменной фиксации слова не является доказательством его отсутствия в языке. Однако способ словообразования, особенности поэтического идиолекта, особенности семантики позволяют с большой степенью уверенности считать окказионализмами в «Сказании», по меньшей мере, два десятка слов. Примеры:

Настремить коней в Московию. Можно объяснить только как контаминацию *настремить* и *стремля, стремени*. *Настремить* — либо диалектное слово (смол. *настрёмить* ‘устремить, направить куда-либо [взгляд, взор]’, ‘задумать, решить что-либо’: *настремил идти на Украину* [2]), либо реализация Есениным потенциального слова (от *стремить*, ср. *устремить*: *устремить конницу на неприятеля* [3]).

Их поют от белой вызнати / До холодно-го сермяжника. Существительное *вызнати* — префиксальное образование от *знать* ‘аристократия, высшее общество’; по-видимому, не без аналогии с глаголом *вызнать*. О том, что слово *вызнати* — не диалектизм, свидетельствует отличное от литературного значение производящего *знать* в диалектном языке: ‘знакомые’ [4], ‘знакомые наши, кого знаем, с кем водимся, знаемся’ [5], ‘знакомые, знакомство’ [6]; ранняя фиксация в деловой письменности: *по старой знати* ‘по старому знакомству, по старой памяти’ (Донские дела, 1642 г. [7]). Слово *знать* в значении ‘аристократия’ стало употребляться в литературном языке с конца XVIII в., выражая новое для русской культуры понятие [8].

Не березки-белолипушки / Из под гоноби подрублены. Слово *гоноби* образовано от рязанского диалектного глагола *гонобить* ‘мучить, утомлять’ или, возможно, от существительного *гоноба* ‘о чём-л. очень утомительном, тяжелом, связанном с хлопотами и заботами’ [9] посредством излюбленной Есениным нулевой суффиксации. Глагол *гонобить* в данном значении — довольно изолированное явление в русских диалектах; семантически продолжает праслав. **gonobiti* и, по-видимому, переходит в городское просторечие. Ср. в словаре Даля: *гонобить* ‘копить, беречь, припасать, собирать; делать или работать копотко, помаленьку, из остатков, обрезков’ [10].

От Ольги до Швовой заводи / Знают песни про Евпатия; И Ольгу ли волноватую / В молоко парное вспенивал. Гидроним *Ольга* является есенинским окказионализмом; его апеллятив — севернорусское диалектное слово *ольга* ‘топкое болото’ [11; 12; 13] (заимствовано из фин. *alho* ‘болото, низина’ [14]). Слово *ольга* Есенин, скорее всего, узнал из былины «Илья и Соловей», записанной П. Н. Рыбниковым в Прионежье: *Первая застава великая — ольги топучия;... И приехал он к ольге топучия* [15].

Утихала зыбь хлябучая. Взаимная транспозиция единиц словосочетания: *зыбь*

хлябучая ← хлябь зыбучая (в былинах зыбучий 'топкий' — постоянный эпитет к слову *болото*).

Список окказионализмов можно продолжить (*засынька, просулёна, танага, узёмный, устанице* и др.), но приведенных слов достаточно, чтобы понять: воспоминания филолога Иванова-Разумника противоречат языковой действительности. При этом о рязанской диалектной речи поэта сохранилось интересное свидетельство. В 1950-е годы художник Ю. П. Анненков написал о встрече с Есениным зимой 1916 г.: «На следующий день, за утренним чаем, Есенину приглянулась моя молоденькая горничная Настя. Он заговорил с ней такой изощренной фольклорной рязанской (а может быть, и вовсе не рязанской, а ремизовской) речью, что, ничего не поняв, Настя, называвшая его, несмотря на косоворотку, „барин“, хихикнув, убежала в кухню» [16]. Действительно, иногда трудно определить, где «рязанское», а где «ремизовское». Но упрощать реальную картину есенинского поэтического языка из-за этого не следует. Так, известный литературовед Ф. П. Юшин полагал, что «в языке земляков чуткое ухо Есенина уловило золотые россыпи поэзии, и он ввел ее в „Сказание“ в первоизданном виде» [17]. Очевидно, что каждое слово требует отдельного рассмотрения не только в контексте «рязанских говоров», но прежде всего в лингвопоэтических исканиях начала XX в. — поэзии Н. Клюева, А. М. Ремизова, Вяч. Иванова, С. Городецкого и др. Ведь прочитал Есенин Иванову-Разумнику «Сказание», когда речь зашла о «заумной поэзии» и творчестве Хлебникова.

Другая особенность лексики «Сказания» — семантические аномалии. В заглавии поэмы наименование Троеручицы — *о цвете Троеручице* — соотносится с устно-поэтическим *свет*. Тем самым разрушаются церковнославянские метафоры-наименования Богородицы *цвет (цеток) нетления* (греч. *ánthos tes aphtharsías*), *неувядаемый цвет*. Нарушена сочетаемость слова *угодник*: *спасугодниче* (угождающий Богу и сам Бог в одном лице). Наречие *посолонь* употребляется в качестве существительного: *И укромы крутоборые // Посолонью зачаведели; Выходил с воды на посолонь*. Единственная аналогия этому — в былинах «Наезд на богатырскую заставу и бой Сокольника с Ильей Муромцем», записанной А. Д. Григорьевым: *А посмотрел он во дутоцьку подзорную // А на то же на посолонь соньця красного* [18].

Иногда аномалия не явно выражена, и

требуется «медленное чтение», подробный лингвопоэтический анализ. Возьмем слово *курвяжиться* в необходимом расширенном контексте:

*Возговóрит лютый ханище:
«Ой ли, черти-куралесники,
Отешите череп батыря
Что ль на чашу на сивушную».*

*Уж он пьет не пьет, курвяжится,
Оглянётся да понюхает:
«А всего ты, сила русская,
На тыновье загодила».*

Оборот *он пьет не пьет* в языке великорусских песен синонимичен обороту *он пить не пьет*:

*Веселая компания,
Где миленькой пьет;
Он пьет, не пьет,
Голубчик мой,
За мной молодой шлет* [19].

Веселая беседушка, где мой милый пьет.

Он пить не пьет, голубчик мой, за мной, молодой, шлет [20].

Чаша из черепа побежденного — не только символический предмет, но и часть ритуала. Пить из нее победителю необходимо. Повесть временных лет под 972 г. сообщает, что печенеги *убиша Святослава, [и] взяша главу его и во лбе его съделаша чашю, оковаше лобъ его, и пяху по немь* [21]. «Предводитель степи» в «Кубке печенежском» В. Хлебникова говорит: *Знаменитый сок Дуная / Наливая в глубь главы, / Стану пить я, вспоминая / Светлых клич: «Иду на вы!»*. По-видимому, пить из такой чаши Батыю мешает сказочный *русский дух*: *оглянётся да понюхает*. Пахнуть может и кость, из которой сделана чаша: в сказке «Иван Сученко и Белый Полянин» Змей чует героя: *фу, русска кость воня*; царица говорит на это: *Ты, душечка, на Руси летал, русской кости напахал!* [22]. Есенинский Батый наделен демоническими, потусторонними чертами, и *русский дух* противен ему так же, как змею и бабье-яге. Далее Есенин следует другому фольклорному мотиву: тын вокруг двора Соловья Разбойника, на каждой «тычинке» которого по «маковке богатырской»; обвешанный человеческими черепами тын избы бабье-яги. Поэт создает окказионализм *тыновье*, по-видимому, по образцу архаических и диалектных собирательных существительных *снопо-*

вье, кустовье. Сила русская здесь в значении 'войско, воинство', даже с акцентом на телесности — как совокупность плоти русских воинов: только головы годятся на то, чтобы их повесить на тын. Невнимание к оттенкам значения породило утверждение литературоведа К. Л. Зелинского во вступительной статье к пятитомному собранию сочинений С. А. Есенина: «вся сила русская согдилась только на то, чтобы тын городить» [23].

Слово *курвяться* имеет только позднейшую письменную фиксацию в распространенных в интернете словариках инвективной лексики с толкованием 'гулять с курвами'. Конечно, это свидетельствует не о недавнем возникновении слова, а о дефектности и избирательности письменной фиксации вообще, в особенности — применительно к просторечию и другим «низким» слоям лексики. «Словарь русских народных говоров» дает единственную фиксацию начала XX в. для глагола *курвяжничать* 'развратничать' (олон.) [24]. *Курвяжиться* образовано от *курвяга* 'развратная женщина' (твер., пск., смол., нижегор.), последнее — от *курва*, часто встречающегося в языке фольклора. Первоначальное значение слова *курва* — 'курица': праслав. **kury*, основа ж. р. на -y/-ъv (ũ), производная от **kurъ* 'петух' [25]. Семантическое развитие 'курица' → 'развратная женщина' прозрачно, ср. франц. *cocotte* 'курочка', 'женщина легкого поведения' (отсюда *кокошка*) от сож 'петух'. Мотивацию такого семантического развития хорошо поясняет позднесредневековый русский книжник: *Блудни домовния кокоши на всяко время спреженіе иму*^m [26]. Производные слова *курва*, по данным СРНГ, принадлежат севернорусским и северной части среднерусских говоров, что склоняет соотносить есенинское словоупотребление скорее с печатными фольклорными текстами, чем с рязанской живой лексикой. Таким образом, стилистически словоупотребление оправданно: грубая лексика часто встречается в языке фольклора: *курвяжка* 'развратная женщина' (сборник А. Д. Григорьева), *курвяжище* 'о развратной бабе' (сборник А. Ф. Гильфердинга) [27]. Однако собственно значение глагола *курвяжиться* в есенинском «Сказании...» никак не связано с показанной нами выше специфической семантикой гнезда *курв-* в русском языке. Глагол *курвяжиться* десемантизируется и приобретает некоторого рода «кажущееся значение» (Ю. Н. Тынянов), которое вне поэтического контекста не существует. Но из контекста также трудно понять значение. Возможно, глагол *курвя-*

житься обозначает некое неприятное состояние, в котором пребывает Батый.

Итак, основными особенностями лексики «Сказания о Евпатии Коловрате...» являются: 1) активное авторское словотворчество; 2) семантические аномалии. Также лексическому строю «Сказания» свойственны обилие устно-поэтической и диалектной лексики, ориентация на «Слово о полку Игореве», использование общей лексики древней письменной литературы и устной поэзии. Всё это — черты особого диалекта поэтического языка серебряного века. Вяч. Иванов называет его *всеславянским языком*: «Чрез толщу современной речи, язык поэзии — наш язык — должен прорасти и уже прорастает из подпочвенных корней народного слова, чтобы загудеть голосистым лесом всеславянского слова» [28]. О. Мандельштам — *этимологической ночью*: «Когда прозвучала живая и образная речь „Слова о полку Игореве“ — насквозь светская, мирская и русская в каждом повороте, — началась русская литература. А пока Велимир Хлебников, современный русский писатель, погружает нас в самую гущу русского корнесловия, в этимологическую ночь, любезную уму и сердцу умного читателя, жива та же самая русская литература, литература „Слова о полку Игореве“» [29].

Таким образом, язык «Сказания о Евпатии Коловрате...» заслуживает самого пристального внимания как своеобразное явление в поэзии серебряного века, как самобытный и смелый есенинский поэтический эксперимент. Изучение «Сказания» представляется перспективным не только на лексическом, но и на других уровнях языка в различных аспектах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. См. по: Субботин С. И. К истории текстов «Иорданской голубицы», «Ленина» и «Песни о Евпатии Коловрате» // Есенин академический: Актуальные проблемы научного издания. Есенинский сборник. Вып. II. — М., 1995. — С. 64.
2. Словарь русских народных говоров. Вып. 20. — Л., 1985. — С. 199.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. — М., 2000. — С. 516.
4. Опыт областного великорусского словаря. — СПб., 1852. — С. 71.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. — М., 2000. — С. 688.
6. Словарь русских народных говоров. Вып. 11. — Л., 1976. — С. 312.
7. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 6. — М., 1979. — С. 52.
8. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. — СПб., 2000. — С. 202.
9. Словарь современного русского народного говора

- (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). — М., 1969. — С. 121.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. — М., 2000. — С. 374.
 11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. — М., 2000. — С. 672.
 12. Словарь русских народных говоров. Вып. 23. — Л., 1987. — С. 192.
 13. Никольский А. А. Рязанские топонимы в художественной литературе: материалы и комментарии. — Рязань, 2007. — С. 21.
 14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. — М., 1987. — С. 137.
 15. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. Т. 2. — М., 1910. — С. 295.
 16. См.: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. В пяти томах. Т. 1. 1895—1916. — М., 2003. — С. 317.
 17. Юшин П. Ф. Сергей Есенин. Идеино-творческая эволюция. — М., 1969. — С. 168—169.
 18. Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. III. — СПб., 1910. — № 364.
 19. Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. I. (Песни обрядовые). — М., 1911. — С. 214.
 20. Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. Т. II. — СПб., 1896. — С. 220.
 21. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. — М., 1997. — Стб. 74.
 22. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Вып. 5. — М., 1861. — С. 245.
 23. Есенин С. Собрание сочинений. В пяти томах. Т. I. — М., 1961. — С. 19.
 24. Словарь русских народных говоров. Вып. 16. — Л., 1980. — С. 114.
 25. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 13. — М., 1987. — С. 132.
 26. Белова О. В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. — М., 2000. — С. 145.
 27. Словарь русских народных говоров. Вып. 16. — Л., 1980. — С. 114.
 28. Иванов Вяч. О веселом ремесле и умном веселии // Вяч. Иванов. По звездам. — СПб., 1909. — С. 244.
 29. Мандельштам О. Э. О природе слова // О. Э. Мандельштам. Слово и культура: Статьи. — М., 1987. — С. 58.

A. Dudin

LEXICAL PECULARITIES OF «THE STORY ABOUT EVPATIYA KOLOVRAT» BY YESENIN

Abstract: The article is devoted to study of the lexical system of Yesenin's Tale of the Evpatij Kolovrat. The specific features of Yesenin's poem are active word creation and semantic anomalies. The research results make it possible to described the Tale as the poetic experiment of the "silver age".

Key words: neologism, lexical peculiarities, poetic idiolect.

УДК 482

Жучкова Н.В.

БЕЗГЛАГОЛЬНЫЕ ИМПЕРАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК КОМПОНЕНТЫ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ Б. АКУНИНА)*

Аннотация: Безглагольные императивные высказывания активно функционируют в разговорной речи, и выявление закономерностей взаимодействия синтаксической системы разговорной речи с конситуацией оказывается одной из важнейших задач современной синтаксической науки.

В данной статье делается попытка рассмотреть функционирование безглагольных императивных высказываний в разговорной речи в качестве компонентов полипредикативных конструкций и описать смысловые отношения внутри высказывания на обширном языковом материале произведений Б.Акунина.

Ключевые слова: безглагольный императив, разговорная речь, конситуация, полипредикативная конструкция.

Безглагольные императивные высказывания (далее – БИВ) наиболее интенсивно функционируют в разговорном коммуникативном акте, где высказывание находится в тесном взаимодействии с конситуацией. Синтаксическая система разговорной речи (далее – РР) будет адекватно описана только тогда, когда удастся понять закономерности этого взаимодействия. Вне соответствующей конситуации ни синтаксическая, ни смысловая структура многих высказываний РР не может быть осмыслена: *Что ты кистью де-*

* © Жучкова Н.В.

ргаешь? Пальцами, пальцами!

Отличительными (дифференциальными) признаками конситуативных высказываний, вслед за Е. А. Земской, считаем следующие: 1) не весь смысл, передача которого является целью данного коммуникативного акта, вербализован в данном конситуативном высказывании; 2) невербализованный, но необходимый для данной коммуникации смысл не может быть приписан ни одному из вербальных компонентов высказывания; 3) вербальные компоненты своими валентными свойствами задают позиции для невербализованного смысла — незамещенные позиции; 4) конкретное лексико-семантическое значение этих позиций определяется конситуацией [4: 192].

Высказывание *Эй, эй! Скорей!* является конситуативным потому, что 1) имеет невербализованный смысл *Товарищи, бегите скорее сюда!*; 2) не имеет вербальных компонентов, которым этот смысл можно было бы приписать; 3) глагол *Бегите* задает своей валентностью позиции *Кто? Куда?*; 4) конкретное значение этих позиций *Кто? — Товарищи, Куда?* — Сюда определяется из конситуации: один человек призывает группу людей бежать в определенное место. Смысл, передаваемый незамещенными позициями при опоре на конситуацию, называется конситуативным. Конситуативные высказывания могут быть развернуты в неконситуативные. Для этого необходимо вербализовать конситуативный смысл, ср.: *Товарищи, бегите скорее сюда!*

В зависимости от того, каким образом можно вербализовать конситуативный смысл в РР, различаются два типа незамещенных позиций: синтаксические и смысловые.

Незамещенная синтаксическая позиция сигнализирует не только определенный смысл, но и строго определенную синтаксическую форму компонентов. Например, *Напиши мне потом письмо? Только подробное!* Определение *подробное* своей валентностью прямо отсылает к контексту (предшествующей реплике), в котором уже заданы все необходимые формы — *Напиши мне подробное письмо!*

Незамещенные смысловые позиции сигнализируют только смысл, а в какую языковую форму следует облечь этот смысл, сказать нельзя. Конситуативные высказывания с незамещенными смысловыми позициями могут быть развернуты очень многими способами. Например, *Ритмично, ритмично. Тысячу, десять тысяч раз!* (бежать, приседать, танцевать, в действительности, сжимать ре-

зиновый шар).

Если незамещенные синтаксические позиции широко представлены как в РР, так и в книжном литературном языке, то незамещенные смысловые позиции регулярны только в РР.

О незамещенных позициях сигнализирует валентность вербальных компонентов (словоформ) высказывания. Валентность — это такие семантико-синтаксические признаки слова, которые предсказывают при данном слове другие слова. Предсказываться может смысл и морфолого-синтаксические способы его выражения, ср. при глаголе *рисовать* может и должен быть смысл 'что', выраженный существительным в вин. п. без предлога — *рисовать картину*, такая валентность лежит в основе незамещенных синтаксических позиций. Предсказываться может только смысл, но не форма его выражения, ср. сделать что-то — зачем — для общей пользы, ради общего дела, чтобы всем было хорошо и т.д.; в этом случае делаются возможными незамещенные смысловые позиции [4: 200].

В роли сигналов незамещенной позиции используются прямая и обратная валентности слов. В безглагольных императивных высказываниях при прямой валентности есть господствующее слово, которое своей валентностью сигнализирует незамещенную позицию, ср.: *Марш! Только живо, не теряя ни секунды....* При обратной валентности БИВ имеет зависимое слово, которое сигнализирует о незамещенной позиции главенствующего над ним слова, ср.: *От трубы до угольной ямы! Живо!* (обыскать пароход).

Безглагольные императивные высказывания с помощью таких синтаксических средств, как союзы и союзные слова, интонация, порядок следования предикативных конструкций и пр., могут быть связаны друг с другом или с другой предикативной конструкцией в одну грамматическую (синтаксическую) единицу — полипредикативное высказывание (далее — ППВ), которые могут быть союзными и бессоюзными. Устройство синтаксических форм тех и других различно. Ведущим средством связи в союзных высказываниях являются, как это ясно из названия, союзы или союзные слова, выражающие смысловые отношения между предикативными конструкциями. Ведущим средством связи в бессоюзных ППВ является интонационная незавершенность предикативной конструкции.

Итак, бессоюзная интонационная связь двух предикативных конструкций означает:

1) между данными предикативными конструкциями имеются смысловые отношения, для их выражения предикативные конструкции и связываются между собой; 2) смысловые отношения между предикативными конструкциями заложены в содержании предикативных конструкций.

Как полагает Е. А. Земская, ППВ в РР и сложное предложение в КЛЯ сходные, но не идентичные единицы. Подход к РР как к особой системе требует построения системы ППВ вне зависимости от системы сложного предложения КЛЯ. Система ППВ в РР не должна сводиться к системе сложного предложения КЛЯ и не должна выводиться из нее [4: 229].

Интонационное средство, общее для бессоюзного ППВ разговорной речи, компонентом которого являются БИВ, и бессоюзного сложного предложения КЛЯ, – интонационная незавершенность предикативной конструкции: *Смотри: на улицу ни ногой*. Отсутствие специальных интонационных показателей на стыке двух предикативных конструкций показывает связь этих конструкций в одно ППВ, поэтому оно синтаксически значимо.

В проанализированных произведениях Б. Акунина нами выявлено, что БИВ являются компонентами лишь ППВ с дифференцированными отношениями. Дифференцированными смысловыми отношениями называем такие, которые или эксплицируются союзами, или такие имплицитные смысловые отношения, которые в точности соответствуют союзным. Семантика союза (союзного слова) при дифференцированных смысловых отношениях полностью покрывает имплицитные смысловые отношения. Бесспорным примером таких отношений являются изъяснительные: *Запретите! Чтоб никто! Ни один!; Катись отсюда подбру-поздорову. И чтоб никому*.

Систему полипредикативных высказываний в РР определяет бессоюзный тип. Дифференцированные значения в бессоюзных ППВ эксплицируются союзами (или союзными словами). В таких случаях союзные и бессоюзные высказывания выступают как варианты, способные замещать друг друга в тексте, не изменяя при этом ни его стилистическую окраску, ни его смысл, ср.: *Тише, мыши, кот на крыше* и *Тише, мыши, потому что кот на крыше*.

Следует заметить, что частотны БИВ в составе бессоюзных сложных предложений, они стилистически маркированы: встречаются

или в стилях, использующих разговорные элементы, — публицистика, некоторые типы авторского повествования в художественной литературе, или тогда, когда прямо имитируется РР, — диалоги в художественной литературе, особенно в драматургии: *Смотри: на улицу ни ногой – Смотри, чтобы на улицу ни ногой*.

В РР **разделительные** ППВ могут быть бессоюзными, но разделительные отношения в РР все же чаще выражаются с помощью союзов. В РР употребительны БИВ с разделительными союзами: *или-или; то-то (не то-не то, то ли-то ли); Ты, брат, или живи, как я, или вон со службы!*

Противопоставительные отношения – это отношения двух видов: сопоставительные и противительные. Союз *а* является немаркированным по отношению к союзу *но*. Он может употребляться при выражении и сопоставительных отношений: *Вам самого обычного жениха нужно, из чиновничьего сословия, а еще лучше – офицера. С усами; Нелзя, тетенька! После, а не сейчас*. Союз *но* употребляется только для выражения противительных отношений: *Хорошо, даю вам неделю. Но ни одного дня больше*.

ППВ с **изъяснительными отношениями** – такие, в которых одна из предикативных конструкций, выражаемая безглагольным императивным высказыванием, служит обязательным распространителем предикатов (глаголов, предикативных наречий, кратких прилагательных) и отглагольных существительных другой предикативной конструкции: *Скорей к домам, поднять тревогу!; Смотри: на улицу ни ногой; Комиссию надо! В Париж! Чтоб Маша и Тото! В РР все изъяснительные ППВ с союзом что могут иметь в качестве варианта бессоюзное высказывание. Без союза изъяснительная предикативная конструкция может выступать при глаголе и при предикате любого выражения (предикативное наречие, краткое прилагательное), а также при отглагольном (и сходном с ним по семантике) существительном: *А воду пить – ни-ни!; Но уговор: про меня молчок!**

ППВ с **идентифицирующими отношениями** называем такие, в которых вторая предикативная конструкция относится к существительному (или местоимению) первой предикативной конструкции и служит целям идентификации этого существительного с денотатом: *Мешки вон туда, квадратные – туда; Мне йогурт, пожалуйста. С фруктами. Нет, лучше два*.

Большой класс обстоятельственных ППВ с БИВ в качестве компонента в произведениях Б. Акунина представлен только **причинными** конструкциями. Для РР характерны следующие виды причинных отношений, зависящих от состава функциональных групп, возможности союзной и бессоюзной вариативности.

Высказывания с семантической структурой 'событие — причины его': *Только, пожалуйста, коротко... Пассажиры жалко; Нам не положено... Гроб с кистями. Чернецам нельзя; И носилки сюда, здесь раненый.*

Еще один активный вид ППВ с безглагольным императивным компонентом имеет явные системные связи с ППВ предыдущего вида и в известном смысле его можно назвать «перевернутым» высказыванием, ср.: *Вам нельзя (потому что) Нужно потихоньку, скрытно — нужно потихоньку, скрытно (потому) Вам нельзя.*

Как видим, безглагольные императивные высказывания в современном русском языке могут грамматически оформляться как часть полипредикативной конструкции. Все смысловые отношения между предикативными конструкциями в полипредикативных высказываниях с безглагольными императивными компонентами могут выражаться без союзов и соотносительных слов. Из описанных здесь ППВ без каких-либо существенных ограничений оформляются бессоюзно-противопоставительные, изъяснительные и причинные ППВ. Союзные варианты таких высказываний выступают реже, чем бессоюзный вариант. Идентифицирующие ППВ одинаково регулярны как с союзами (союзными словами), так и без союзов. И только

разделительные ППВ чаще употребляются с союзами, чем без союзов. Набор как сочинительных, так и подчинительных союзов в РР меньше, чем в КЛЯ; многие союзы, которые иногда оцениваются как разговорные (ср. перечислительный союз *да*), в собственно разговорных текстах встречается редко. Таким образом, БИВ в полипредикативных высказываниях РР последовательно проявляются во многих типах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Акунин, Б. Алмазная колесница. — М., 2004.
2. Акунин, Б. Пелагия и красный петух. — М., 2004.
3. Акунин, Б. Пелагия и черный монах. — М., 2004.
4. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. — М., 1981.

N. Zhuchkova

VERBLESS IMPERATIVE UTTERANCES AS COMPONENTS OF POLY-PREDICATIVE CONSTRUCTIONS IN SPOKEN LANGUAGE (BY B. AKUNIN WRITINGS)

Abstract: Verbless imperative utterances extensively are in operation in spoken language, and revealing regularities of interaction between syntactic system and context situation is one of the key tasks of current syntactic theory.

This paper has a try to give consideration to operating of verbless imperative utterances in spoken language as components of poly-predicative constructions and to report sense relation within utterance concerning spacious linguistic matter of B. Akunin writings.

Key words: verbless imperative, spoken language, context situation, poly-predicative constructions.

УДК 37.016:81-028.31

Козлинская О.А.

СМЫСЛОВЫЙ БЛОК «ТОЧКА ЗРЕНИЯ» В ТЕКСТЕ ШКОЛЬНОГО СОЧИНЕНИЯ*

Аннотация: В данной статье рассматривается смысловая организация текста школьного сочинения, вводится понятие смыслового блока сочинения, выделяется 11 основных блоков текстов школьного сочинения: характеристика, событие, сопоставление, точка

зрения, источник информации, цель, причина, уверенность, предположение, акцент и вывод. Далее подробно описывается семантика смыслового блока «Точка зрения».

Ключевые слова: смысловая организация текста, смысловой блок, функционально-семантическое поле, точка зрения.

* © Козлинская О.А.

Традиционно в школьном сочинении независимо от темы выделяют вступление, основную часть и заключение. Посмотрим на структуру сочинения с другой стороны, с точки зрения более мелких смысловых структур, или смысловых блоков.

Введем понятие смыслового блока.

Смысловой блок – некоторый инвариантный элемент смыслового содержания сочинения, выраженный как одноуровневыми, так и разноуровневыми языковыми средствами.

На данном этапе выделено некоторое множество смысловых блоков школьного сочинения, перечислим их:

1. Характеристика эпохи, литературных героев, произведений;
2. Описание действий, событий, пересказ сюжета;
3. Сравнение литературных героев, произведений;
4. Выражение собственной точки зрения;
5. Ссылка на источник информации;
6. Цели и задачи, которые ставит перед собой автор сочинения;
7. Причинные связи между событиями, явлениями, поступками;
8. Выражение уверенности;
9. Выражение предположения;
10. Акцент, усиление, подчеркивание какой-либо мысли;
11. Выводы.

Рассмотрим подробнее смысловой блок «Точка зрения».

Точка зрения говорящего отождествляется в современной науке с проблемой авторства. В настоящее время изучаются вопросы способа предоставления автора [1], исследуются категории субъекта, лица, агенса [7], модусная рамка [3, 15: 78-79], объективность в языке [10], модальная парадигма [8], языковая картина мира [17]. «Проблема авторства – это обнаружение собственной точки зрения, заявление своего «Я» в собственном высказывании, а также – отнесение информации и чужой точки зрения, выявление источника чужого слова, установление способа получения информации, лежащей в основе сообщений» [2: 75]. Под «авторством» можно понимать и смысловой компонент модуса, «содержащий указание на лицо как автора или источник информации или способ ее получения, лежащий в основе сообщения» [4, 5, 6: 5-9].

Термин «точка зрения», впервые введенный Г. Джеймсом [18], дополненный П. Лаббоком, трактуется как «отношение нар-

ратора к повествуемой истории» [19]. В современной науке существует много различных подходов к этой категории [20, 12, 13, 14]. «Существуют различные типы точек зрения и их отношения между собой. Различают точку зрения в плане оценки окружающего мира, событий, собственных поступков; точку зрения с позиции типов речи (авторская речь, чужая речь, несобственно-прямая, внутренняя речь), точку зрения в плане пространственно-временной характеристики («прикрепление» рассказчика к персонажу, «скольжение» от одного к другому, вид с точки зрения «птичьего полета», совмещение временных позиций автора и персонажа, ретроспективный, проспективный показ событий); точку зрения в плане психологии (опора на субъективное или объективное восприятие, на постороннего наблюдателя или на самого себя и т. д.) [11: 179].

В. Шмид выделяет 5 видов точки зрения:

1. Перцептивная точка зрения.
2. Идеологическая точка зрения.
3. Пространственная точка зрения.
4. Временная точка зрения.
5. Языковая точка зрения [16: 122].

Остановимся подробнее на идеологической, временной и языковой точках зрения и попробуем рассмотреть их применительно к школьному сочинению.

«Идеологическая точка зрения включает в себя факторы, так или иначе определяющие субъективное отношение наблюдателя к явлению: круг знаний, образ мышления, оценку, общий кругозор» [16: 118].

Если говорить об идеологической точке зрения в тексте школьного сочинения, то нужно отметить, что ее формирование происходит еще до непосредственного написания сочинения. Сначала учащийся должен внимательно прочитать текст произведения, потом изучить критическую литературу, возможно, мнение самого автора, и только тогда сформулировать свое отношение, свое видение, свою точку зрения на прочитанное произведение. Другими словами, формирование идеологической точки зрения проходит несколько этапов:

1. Прочтение произведения и оформление первичного впечатления о произведении, первичной точки зрения;

2. Определение авторской точки зрения по ходу чтения произведения или после прочтения. Нужно отметить, что не всегда позиция автора выражается явно, иногда ее приходится выделять из содержательно-кон-

цептуальной информации в тексте произведения. Не всегда это может получиться, поэтому выделение авторской точки зрения может вызвать у учащегося затруднения.

3. Сравнение собственной первичной точки зрения с точкой зрения автора.

4. Изучение критической литературы, т. е. других точек зрения на данное произведение. Выявление других точек зрения из материалов критической литературы для учащихся легче, т. к. находятся в содержательно-фактуальной информации текста произведения.

5. Оформление собственного мнения о произведении, собственной точки зрения учащегося.

«Временная точка зрения обозначает расстояние между первоначальным и более поздним восприятием происшествий. Под «восприятием» понимается здесь не только первое впечатление, но и процесс его обработки и осмысления» [16: 119].

«Для точки зрения время имеет значение не само по себе, а как носитель перемен идеологического характера. Учитывая роль времени как носителя изменения знаний и оценок, следует подчеркнуть выделение времени как фактора, влияющего на восприятие и передачу происшествий» [16: 120].

Если рассматривать категорию «точки зрения» с позиции временного промежутка, то можно выделить несколько этапов в ее формировании:

1. Первичная точка зрения складывается по мере чтения произведения или сразу после прочтения.

2. Вторичная точка зрения формируется после некоторого промежутка времени, когда учащийся определил авторскую точку зрения и другие точки зрения. С течением времени у учащегося может снова измениться отношение к произведению, это может быть связано с изменением знаний о мире, приобретением нового жизненного опыта.

«Значимыми для точки зрения в плане языка являются прежде всего лексика, синтаксис и языковая функция» [16: 120].

В тексте школьного сочинения отражается идеологическая точка зрения, которая сложилась с течением некоторого времени. Она может выражаться следующим образом:

1. Я согласен с мнением автора;

По мнению Гоголя, «приобретение – вина всего», поэтому именно тема копейки появляется всюду в произведении, где речь идет о мертвых душах.

2. Я согласен с мнением других;

Заканчивая сочинение, хочу сказать, что полностью согласен со словами В. Белинского о поэме Н. Гоголя «Мертвые души» и считаю, что великий критик сказанным как нельзя лучше и точнее выразил суть и духовное значение этой книги.

3. Мое собственное мнение.

Мне видится, что сам автор презирает своего героя, иронизирует над ним (хотя бы в сцене с самолюбованием) и опасается за будущее – неужто Россия превратится в страну бездушных дельцов, в страну Чичиковых?

Таким образом, пишущий сочинение «является «автором» по отношению к своему высказыванию, и следы его присутствия в высказывании (его точки зрения) обнаруживаются благодаря специальным лексикограмматическим показателям – средствам выражения авторства, при помощи которых говорящий выражает свою точку зрения, заявляет свое «Я» в высказывании» [2: 75-76].

Категорию «точки зрения» можно рассматривать с позиций истинности / ложности. (рис. 1)

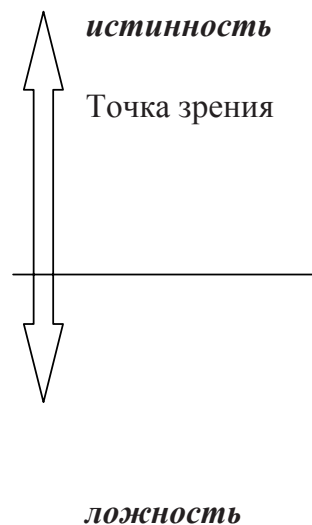

Рис. 1

Из приведенного рисунка видно, что категория точки зрения находится в плоскости истинности, что предполагает правдивость суждений. В этом плане ФСП «Точка зрения» пересекается с ФСП «Утверждение». По мнению Ю. Лотмана, понятие истинности соединяется «с некоторой единой, заранее зафиксированной точкой зрения» [9]. Если говорить о тексте школьного сочинения, то такой заранее зафиксированной точкой зрения будет являться мнение критиков о произведении. В данном аспекте ФСП «Точка

зрения» пересекается с ФСП «Источник информации». Схематически это можно изобразить так (рис. 2):

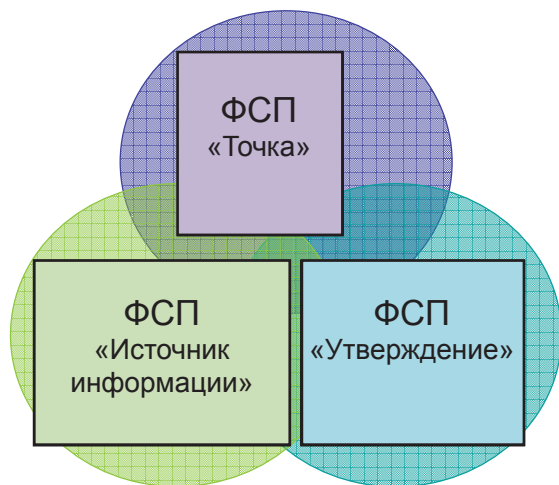

Рис. 2

Можно сделать вывод о том, что смысловой блок «Точка зрения» имеет полевую структуру и составляет периферию смыслового содержания текста школьного сочинения, пересекаясь с другими семантическими полями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М., 1975.
2. Винокурова М. А. Смысл «предположение» и языковые средства его выражения в современном русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования. – М., 1998.
4. Казаковская В. В. Способы выражения авторства в структуре предложения. – М., 1996.
5. Касаткин А. М. Выражение авторских модально-экспрессивных оценок в предложении. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1986.
6. Лекант П. А. Коммуникативно-прагматическая категория водности // Вопросы лингвистики. – Вып. 2. – М., 1998.
7. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М., 1986.
8. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. – М., 1972.
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М., 1970. – С. 324.
10. Мельник Я. Г. Субъективность как языковая категория. – Ивано-Франковск, 1997.
11. Ноздрина Л. А. Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий: учебное пособие для лингвистических вузов и факультетов. – М., 2009.
12. Тмарченко Н. Д. Точка зрения // Чернец Л. В., Хализев В. Е., Бройтман С. Н. и др. Введение в литературоведение: Основные понятия и терми-

ны: Учебное пособие. – М., 1999. – С. 425-432.

13. Толмачев В. М. Точка зрения // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: Энциклопедический справочник / Ред.-сост. И. П. Ильин, Е. А. Цурганова. – М., 1996. – С. 154-157.
14. Успенский Б. А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. – М., 1970.
15. Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М., 1984. – С. 78-96.
16. Шмид В. Нарратология. – М., 2008. – С. 122.
17. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) – М., 1994.
18. James Henry. The Art of Fiction // James H/ Selected Literary Criticism / Ed. M. Shapira. Harmondsworth, 1968. 78-96.
19. Labbock Percy. The Craft of Fiction. New York, 1963.
20. Lintvelt Jaap. Essei de tipologie narrative. Le «point de vue». Te'orie et analise. Paris, 1981. P.111-176.

О. Kozlinskaya

SEMANTIC BLOK STANDPOINT IN TEXT OF THE SCOOOL ESSAY

Abstract: The gives article examines the semantic structure of a school essay. It introduces a semantic block of an essay and separates the main 11 text blocks of a school essay: characteristics, events, comparison, point of view, source of information, aim, motive, assurance, assuention, emphasis and conclusion. Further the article describes in detail the meaning of a semantic block of standpoint.

Key words: semantic organization of the text, semantic block, function-semantic field, standpoint.

ФУНКЦИИ КАВЫЧЕК, ВЫДЕЛЯЮЩИХ ТЕРМИНЫ*

Аннотация: В статье описывается, как кавычки подчеркивают терминологический характер номинаций.

Ключевые слова: термин, предтермин, моносемичность, составное наименование, кавычки.

Кавычки выполняют в современном русском языке семасиологические функции – выделительную и предупредительную, кроме того, им свойственны модальная и метаязыковая функции [1]. Необязательные случаи употребления кавычек можно свести, по мнению Б.С. Шварцкопфа, к четырем группам слов, «различающимся по принципиальным основаниям для выделения слов и выражений. Это: 1) кульминативная группа: слово / выражение выделяется в тексте для привлечения к нему внимания читающего; 2) переносная группа: выделяется слово / выражение, имеющее метафорическое, метонимическое значение; 4) модальная группа: выделяется слово / выражение, обозначающее иронию или отрицательную оценку передаваемого понятия / реалии, обозначающие ощущение неточности или условности номинации; 4) метаязыковая группа: кавычки выступают как способ оценки употребляемых языковых единиц, обозначения чуждости средства стилистическому контексту или лексикону пишущего» [2].

Мы рассмотрим особенности употребления кавычек, выделяющих термины, в языке газеты.

Под термином понимается «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [3]. Важнейшими особенностями термина признаются системность, наличие дефиниции, тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля, отсутствие экспрессии и стилистическая нейтральность [4]. Составные наименования относят к сложным терминам [5]. Составное наименование имеет свою структуру. В ней объективируются сложные понятия, существенные признаки которых не могут быть выражены одним словом. Конкретизация обозначаемого осуществляется средствами определительного компонента. Кроме того, составное наимено-

вание всегда относится к определенной сфере знания, что и придает ему характер термина [6].

По нашим наблюдениям, в употреблении экономических терминов реализуется метаязыковая функция кавычек: графически выделяются специальные номинации, непривычные в публицистическом стиле, а также новые слова, не представленные в словарях. Ср.: *Цель пакета – предотвращение отрицательного роста экономики в Соединенных Штатах, который и скрывается за термином «рецессия»* (Коммерсантъ.23.01.2008); *К основным рискам российского рынка можно отнести пересмотр итогов приватизации, «недиверсификацию», завязанность всей экономики только на сырьевых экспортных ценах* (Коммерсантъ. 08.12.2005) и т.п.

Рецессия – ‘спад производства или замедление темпов его роста’ (ТСРЯ, 585). Термин **диверсификация** имеет несколько значений: 1) ‘разнообразие, наличие нескольких вариантов развития’; 2) ‘проникновение фирм в отрасли, не имеющие прямой производственной связи или функциональной зависимости от основной их деятельности’; 3) ‘расширение ассортимента продукции и видов предоставляемых услуг’. Диверсификация сопровождается концентрацией производства на межотраслевом уровне и структурной перестройкой хозяйства [НСИСВ, 281]. Слово *недиверсификация* не отмечается в лексикографических источниках. Контекст позволяет рассматривать его как антоним слова *диверсификация* в третьем значении. В данном случае представлена «заменительная префиксация» [7] – один из продуктивных способов образования новых слов в современном русском языке.

В языке газеты фиксируются своего рода предтермины – «функционирующие для обозначения специальных понятий слова или сочетания слов с нечетко выраженными конституирующими признаками термина (как правило, предтермины не имеют общепринятой дефиниции и // или не отвечают требованиям краткости)» [8]. К предтерминам считаем возможным отнести составные наименования *индекс доступности жилья, договор инвестирования, инвестиционная программа, пониженный инвестиционный потенциал*. Ср.: *Год назад «индекс доступ-*

* © Клевцов А.Н.

ности жилья» составлял около 8, т.е. 8% годовых доходов должна была отдавать семья, чтобы купить квартиру (АиФ.23-29.05.2007); [9] Именно переход от «договора инвестирования» к договору залога между покупателем и банком является единственной причиной снижения ставок по «инвестиционным» программам (Коммерсантъ.08.12.2005); Министерство финансов разработало два варианта финансового плана, «базовый» и «ожидаемый», которые соответствуют «инерционному» и «инновационному» сценариям развития экономики, разработанным в ведомстве Германа Грефа (ИЗВ. 22.04.2005). Указание на терминологический статус языковых единиц может содержаться в контексте высказывания (говоря научным языком и т.п.). Ср.: Говоря научным языком, у нас «пониженный инвестиционный потенциал и умеренный риск» (НГ. 14.04.2005).

В составном наименовании *индекс доступности жилья* стержневым является термин *индекс* 'цифровой показатель, выражающий в процентах последовательные изменения какого-либо экономического явления: *индекс цен, индекс Доу-Джонса, индекс производства* и т.д.; индекс представляет собой отношение уровня (величины) явления в данный период к уровню (величине) того же явления в период, с которым производится сравнение; *индекс стоимости жизни* (бюджетный индекс) – показатель, отражающий изменения рыночной стоимости основных элементов потребительских расходов, связанные с ростом розничных цен на товары и тарифов на услуги; используется для корректировки доходов населения в условиях хронической инфляции' [НСИСВ, 337]. См. также: *индекс цен, индекс стоимости жизни, индекс доступности жилья* и т.д. Ср.: *индекс заработной платы* 'индекс, характеризующий изменение покупательной способности заработной платы за определенный промежуток времени' [ТСРЯ, 374]; *фондовый индекс* 'показатель курсов ценных бумаг, дающий представление о деятельности фондового рынка'; *индекс потребительских цен* 'индекс, характеризующий изменение цен на товары и услуги за определенный период времени или в разных регионах' [ТСРЯ, 401]. Заключение подобных составных наименований в кавычки подчеркивает неустоявшийся терминологический статус этих сочетаний, необычность их употребления в публицистическом стиле.

Сложные термины *договор инвестиро-*

вания, инвестиционная программа, пониженный инвестиционный потенциал и умеренный риск связаны с терминологическими единицами *инвестиция* и *инвестирование*. *Инвестиция* 'долгосрочное вложение капитала в какие-либо предприятия; финансовые инвестиции представляют собой покупку ценных бумаг, тогда как реальные инвестиции являются целевым вложением средств в определенную отрасль экономики' [НСИСВ, 336]. Таким образом, *договор инвестирования* – это соглашение между сторонами (в данном случае между покупателем и банком) по поводу чего-либо. *Пониженный инвестиционный потенциал* – 'частичное вложение капитала в какие-либо отрасли хозяйства, как правило, связанное с риском', *риск* является *умеренным*, т.е. таким, который не приведет к потере вложенного капитала [НСИСВ, 340]. Прилагательные *базовый* и *ожидаемый* соотносятся с терминами *инерционный* и *инновационный*. *Инерционный* 'бездеятельный, пассивный, находящийся в состоянии покоя' [НСИСВ, 340], *инновационный* 'связанный с внедрением нового, производением перемен'; *инновационный банк* – 'банк, производящий финансирование и кредитование новых видов деятельности, технологии, научно-технических и конструкторских разработок' [НСИСВ, 343].

В современном русском языке распространены составные наименования со словом *цена*: *договорная цена, фактическая цена, рыночная цена, рекомендуемая цена, заниженная цена*. Ср.: «*Рекомендуемая цена* показывает реальную стоимость товара и выявляет «накрутку» торговых точек (АиФ.06-12.06.2007); Вновь было сказано о «*заниженной цене*», по которой якобы продавался апатитовый концентрат посредникам, которые затем перепродавали его «по рыночным тарифам» (Коммерсантъ. 24.05.2005); Украина хочет получать за транзит газа «*рыночную цену*» (НГ 31.03.2005). Сочетания *рыночная цена* 'образаемая в зависимости от спроса и предложения' (ТСРЯ, 874), *договорная цена, демпинговая цена* приобрели статус терминов. Составные наименования *рекомендуемая цена, заниженная цена* являются предтерминами. Значение первого сочетания выявляется в контексте. Составное наименование соотносится с терминами *договорная цена* 'устанавливаемая предприятием-изготовителем или посредником по договоренности с торгующей организацией с учетом конъюнктуры рынка' [ТСРЯ, 320] и *демпинговая цена*

‘позволяющая осуществить демпинг; очень низкая, ниже себестоимости’ [ТСРЯ, 292]. Кавычки подчеркивают необычность использования специальных терминов в публицистическом тексте разговорного характера (см., например: *накрутку, якобы*).

Контаминация переносной и метаязыковой функций рассматриваемого знака препинания характерна для употребления социально-политических терминологических единиц. Возникшие на основе метафоры или метонимии составные наименования употребляются в несвойственном им контексте и поэтому заключаются в кавычки.

Так, в начале 90-х годов XX века появился новый термин *вертикаль власти*. По мнению Т.М.Веселовской [10], это сочетание приобрело в настоящее время статус фразеологизма. Нам кажется, что данное выражение можно считать составным термином, поскольку смысл сочетания «обусловлен лексическим значением слов-компонентов» [11]. Под словом *вертикаль* понимается ‘иерархическая последовательность должностных лиц, (реже) организаций, предприятий и т.п. от вышестоящих к нижестоящим и наоборот’ [ТСРЯ, 186]. Переносное значение развивается на основе сходства с прямым по признаку пространственной ориентации (вертикаль ‘прямая линия, направленная сверху вниз’). Как метафорическое, сочетание *вертикаль власти* представлено в «Словаре русских политических метафор». Понятие *вертикаль*, образующее первый смысловой центр метафоры, А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов относят к метафорической модели «геометрия» наряду с другими тематически связанными источниками метафорических значений (грань, круг, пирамида, центр). Второй ее смысловой центр представляет собой объект метафорического осмысления – власть. Поэтому в общественно-политических текстах словосочетание употребляется с единицами других моделей, также интерпретирующих власть, в первую очередь, моделей «пространство» и «строение» [12].

Сочетания **шоковая терапия**, **холодная война**, **железный занавес**, возникшие на основе метафорического переноса по сходству производимого впечатления, приобрели терминологический характер.

Шоковая терапия – ‘система чрезвычайных мер и мероприятий: либерализация цен, денационализация предприятий и т.п., имеющих целью оздоровление экономики и связанных с непосредственным резким падением уровня жизни и производства; шоко-

терапия’ [ТСРЯ, 981]. Устойчивое сочетание **холодная война** имеет значение ‘в советское время: враждебные отношения между капиталистическими и социалистическими странами, длительное политическое противостояние, сопровождающееся идеологической пропагандой друг против друга, ослаблением экономического и культурного сотрудничества’ [ТСРЯ, 981]. Ср.: *Когда военные заказы после окончания «холодной войны» сократились почти вдвое, министр обороны Л. Эспин и его первый заместитель У. Перри пригласили ведущих производителей оружия на обед, впоследствии получивший название в промышленных кругах «последняя вечеря»* (Изв. 14.11.2005) и т.п.

Сочетание **железный занавес** употребляется в основном значении ‘существовавшая в советское время граница между социалистическими и капиталистическими странами, закрытая для свободного выезда граждан из социалистических стран’ [ТСРЯ, 343]. Ср.: *Трансформационные процессы в высшей политической власти страны, падение «железного занавеса» привели к тому, что сегодня приходится говорить о глубоком кризисе всей системы воспроизводства российского социума* (НГ-Наука.12.07.2007). Расширение синтагматических свойств составного наименования в языке СМИ способствует детерминологизации сочетания. Ср.: *В «железном занавесе» для писателей вырезали несколько специальных калиток* (НГ Exlibris.16.02.2006); *И убедить его в необходимости «железного занавеса» довольно трудно* (Изв. 13.09.2007) и т.п. Кавычки актуализируют переносное употребление составного наименования.

Широкое распространение в языке газеты получили сочетания с существительным *лицо*, возникшие на основе метонимического переноса значения: *физическое лицо*, *юридическое лицо*, *лицо федерального значения*, *лицо регионального значения*. Сочетания *физическое лицо*, *юридическое лицо* имеют определенную дефиницию, для них характерен постоянный компонентный состав, закрепленный порядок расположения компонентов, что дает основания считать их терминами. Ср.: **физическое лицо** ‘гражданин со всей полнотой своих законных прав и обязанностей, выступающий как субъект хозяйственных отношений’; **юридическое лицо** ‘организация, предприятие, объединение и т.п., в соответствии с законом выступающие в качестве субъекта гражданских, в том числе хозяйственных, прав и обязан-

ностей и имеющие свой баланс, печать, расчетный счет в банке» [ТСРЯ, 546]. Сочетание **лицо федерального значения** соотносится по значению с существительным *федералы* ‘о сотрудниках организации, учреждения, получающих финансирование из федерального (в отличие от местного) бюджета; о представителях федеральной власти (обычно в противопоставлении городской, региональной)’ [ТСРЯ, 1021]. Ср.: *Возможно, контроль над «Газпропнефтью-2» получают «физические лица» из «Байкалфинанс групп», о которых накануне говорил президент Владимир Путин* (НГ. 23.12.2004); *Войдут в тройку лидеров и «лица федерального значения»* (НГ. 23.12.2004) и т.п.

Некоторые составные наименования из общественно-политической и экономической сферы, приобретающие терминологический характер, возникают на основе ассоциативного переноса. В контексте раскрывается их значение, аргументирующее употребление кавычек. Ср.: *Тени и призраки «хрустальной ночи»*. В ночь с 9 на 10 ноября 1938 года по всей Германии организованные банды со свастикой на рукавах громили магазины, принадлежавшие евреям, жгли синагоги. Улицы были усыпаны битым стеклом разбитых витрин – поэтому в духе нацистской «эстетики» эта ночь была названа *хрустальной* (РГ.09.11.2006); *Поэтому можно предположить, что главную ставку они все же делают на «нулевой вариант», при котором выборы полностью аннулируются и проводится новое голосование уже с новыми кандидатами* (Коммерсантъ.01.12.2004); *Действует «вертикаль отката»* – система, при которой заинтересованность уходит далеко вверх (АиФ. 23-29.05.2007); ср.: *разг. откат* ‘взятка должностному лицу в виде части дохода, незаконно полученного с помощью этого лица и при его попустительстве’ [ТСРЯ, 693].

Заключаются в кавычки и новые термины, относящиеся к естественным наукам – биологии, химии, физике. Как правило, терминологический статус языковых единиц определяется в контексте: такие лексемы сочетаются с родовыми обозначениями *термин, название*. Кавычки употребляются в метаязыковой функции. Ср.: *Таким образом, еще не зная о фотонах, когда-то определил черную дыру великий Лаплас, потом в 1916 году ее предсказал немецкий физик Шварцшильд, хотя сам термин – «черная дыра» – был предложен только в 1967 году* (НГ-Наука.12.09.2007); *У специалистов*

даже появился термин: *«гекконадгезия», или обратимая сухая адгезия (от лат adhesion – прилипание: сцепление поверхностей разнородных тел)* (НГ-Наука. 12.09.2007); *Результаты последних исследований, проведенных в пещерах Атапуэрка на севере Пиренейского полуострова, доказывают, что некогда обитавший здесь «гейдельбергский человек» был каннибалом* (НГ-Наука. 23.08.2006); *Названия у этих веществ заковыристые – вроде «полициклических ароматических углеводов» и гетероциклических аминов»* (АиФ. 23-29.05.2007). *Черная дыра* ‘сгусток звездного вещества, степень сжатия и сила тяготения которого таковы, что не выпускают в космическое пространство никаких частиц и волн’ [ТСРЯ, 181]. Значение термина *гекконадгезия* частично представлено в приведенном предложении. Ср.: *адгезия* ‘сцепление, слипание поверхностей разнородных тел, благодаря которому возможно нанесение гальванических и лакокрасочных покрытий, склеивание, сварка, образование поверхностных защитных пленок (напр., оксидных) и др.’ [НСИ-СВ, 22]. *Гейдельбергский человек* ‘одна из древнейших форм человека, жившего в Европе в начале четвертичного периода; название дано по месту, где в 1907 году была найдена нижняя челюсть древнего человека – в окрестностях города Гейдельберга в Германии’ [НСИВ, 197].

В кавычки заключаются новые компьютерные термины, связанные с освоением Интернета. Ср.: *Первые интернет-дневники, по-другому «блоги» (от англ. blog, «сетевой журнал», появились в России аккуратно в начале XXI века* (АиФ. 23-29.05.2007); *Главной особенностью нового «офоблога» на Rambler является возможность вести его ... не имея под рукой компьютера* (НГ. 11.12.2004); *Единственной доступной информацией оказалась гостевая книга»* (АиФ.14.01.2004) и т.п. Английское слово *blog* является сокращением от *Weblog* ‘персональная web-страница, на которой автор размещает дневник с собственными размышлениями, комментариями и большим количеством гиперссылок на другие ресурсы’ [ТСРЯ, 1130]. Активное употребление компонента *web* (сокращение от *World Wide Web*) привело к появлению производных слов: *web-страница, web-дизайн, web-дизайнер, web-издатель, web-программирование, web-сайт* и т.д. То же касается и компонента *war* – *Wireless Application Protocol* ‘протокол беспроводных приложений, обеспечивающий обмен информации с Интернетом и позволяю-

ций отображать на экране сотового телефона упрощенные сайты (обычно не содержащие сложных графических и мультимедийных элементов) [ТСРЯ, 1128]: war-браузер, war-доступ, war-портал, war-сайт, war-страница, war-телефон. Слово **офоблог** имеет значение 'режим работы на компьютере с подключением его к сети Интернет только на время отправки запроса или получения информации; реальный мир, существующий автономно от Интернета' [ТСРЯ, 700]. Терминологическое сочетание **гостевая книга** обозначает 'программу, позволяющую пользователю занести свой отзыв о сайте в форму, данные которой публикуются на нем; web-страница с полученными таким образом отзывами посетителей сайта' [ТСРЯ, 259]. Кавычки подчеркивают терминологический характер номинаций, понятных узкому кругу пользователей.

Употребление терминологической лексики, заключенной в кавычки, выявляет тенденции развития публицистического стиля, привлекающего для оценки письменного сообщения разнообразные семантико-стилистические и графические средства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шварцкопф Б.С. «Я поставил кавычки потому, что...» // Облик слова. Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. – М., 1997. – С. 374.
2. Шварцкопф Б.С. Указ. раб. – С. 374-375.
3. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. – М., 1961. – С. 54.
4. Васильева Н.В. Термин // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990. – С. 508.
5. Кожин А.Н. Составные наименования в русском языке // Мысли о современном русском языке. – М., 1969. – С. 33.
6. Федорченко Е.А. Становление и развитие терминологической лексики таможенного дела в русском языке: Монография. – М., 2003. – С. 148.
7. Китайгородская М.В. Современная экономическая терминология // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 1996. – С. 194.
8. Федорченко Е.А. Становление и развитие терминологической лексики таможенного дела в русском языке: Автореф. дис. ... доктора филол. н. – М., 2004. – С. 18.
9. Здесь и далее использованы следующие сокращения источников языкового материала: АиФ – «Аргументы и факты», Изв. – «Известия», НГ – Независимая газета, РГ – Российская газета.
10. Веселовская Т.М. Что значит – вертикаль власти? // Русская речь. – 2006. – № 6. – С. 32.
11. Кожин А.Н. Указ. соч. – С. 31.
12. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994. – С. 1.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ИХ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В РАБОТЕ:

НСИС – Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М., 2007.

ТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2006.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. – М., 2006.

A. Klevtsov

THE FUNCTION OF INVERTED COMMAS WHICH ALLOCATING TERMS

Abstract: The article describes how inverted commas underline terminological nature of nominations.

Key words: term, pre-term, single meaning, complex nomination, inverted commas.

УДК 81'373.46:665.7

Коломиец Е.В.

К ПРОБЛЕМЕ ТЕРМИНОЛОГИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПАРФЮМЕРИИ. КЛАССИФИКАЦИЯ ЗАПАХОВ ПАРФЮМА*

Аннотация: Статья содержит самостоятельно собранный фактический материал и его классификацию. Дана классификация опирается на родовое понятие «духи» и включает 14 названий семейств.

Ключевые слова: цитрусовый, цветочные, восточные, свежие, сладкие, фрукто-

вые, зеленые, морские, пряные, амбровые и мускусные.

Объект нашего исследования – наименования средств парфюмерии и косметики. Предмет нашего исследования – происхождение наименований средств парфюмерии и косметики. Обращение к лингвистической литературе свидетельствует, что лексика

* © Коломиец Е.В.

косметологии и парфюмерии изучена недостаточно. В известных нам лингвистических работах исследователи затрагивают ряд аспектов становления и функционирования специальных лексем в изучаемой нами подсистеме русского языка.

Так, в работе Вайнштейна «Семиотика Шанель № 5» рассматривается терминология ароматов, созданных синтетическим путем. [О. Вайнштейн 1998: 361]. Обращает на себя внимание тот факт, что в данной подсистеме используются только атрибутивные словосочетания с главным словом *ароматы* и определением, выраженным именем существительным. Специальные родовые названия имеют однотипные дефиниции. Ср.: *альдегидные ароматы* – синтезированные запахи парфюмерной продукции, впервые использованные в «Chanel № 5» (гипероним, родовое наименование) и 14 семейств ароматов: **шиповые, цитрусовые, цветочные, восточные, фужерные, фруктовые, зеленые, ориентальные** и др. Здесь отсутствует дефиниция, а перечислены конкретные ароматы: гвоздики, розы, гардении, лилии, туберозы и т.д. При этом принципиально различается терминология как совокупность специальных лексических единиц и номенклатура как “совокупность специальных лексических единиц, служащих для обозначения единичных понятий – конкретных предметов в этой области” [Ахманова 1966: 6], но не противопоставляются термин и номенклатурный знак.

Авторами работ, противопоставляющими термины и номены, выдвигаются следующие свойства: 1) “абстрактность и условность номенов” – “понятийность терминов» [Винокур 1939: 8], (термины отражают понятия, номены этикитируют объекты той или иной отрасли науки, прямо не соотнесены с общими понятиями науки) [Реформатский 1961: 49]; 2) системность терминов – разрозненность номенов; 3) различие способов их выражения [Суперанская 1976: 9].

Рядом с научной терминологией существует обширнейшая область профессиональной лексики. В настоящее время в литературе две основные точки зрения на профессионализмы:

а) отождествление их с терминами (“Профессионализмы обозначают специальные понятия, орудия или продукты труда, трудовые процессы производства”. Поэтому их называют специальными словами или специальными терминами”) [Шанский, Иванов 1981: 47];

б) диахроническое разграничение, отно-

сющее профессионализмы к единицам ремесленной лексики, сложившейся и функционировавшей в основном в период средневековья (“Профессионализмы – это полуофициальные слова, распространенные среди людей какой-то профессии, не являющиеся строгим научным обозначением понятия”) [Краткий справочник].

Единственным критерием разграничения терминов и профессионализмов, утверждает С.Д. Шелов, “остается ограниченность употребления профессионализмов” [Шелов 1984: 83]. “Но этот критерий, – возражает С.В. Гринев, – действителен только при условии существования параллельного термина, иначе... профессионализмы приобрели бы статус терминов, как это произошло с лексемами “черная дыра”, “ручка” и т.д. Несомненно, что многие специальные лексические единицы можно одновременно называть и терминами, и профессионализмами, что свидетельствует о том, что эти классы пересекаются” [Гринев 1993: 51]. Поэтому есть все основания согласиться с мнением В.Н. Прохоровой, замечаящей, что “противопоставление терминологии профессионализмам в современной терминологии правомерно лишь тогда, когда под профессионализмами понимают профессиональные жаргонизмы (профессиональное просторечие), то есть слово или устойчивое словосочетание, синонимичное термину и представляющее его стилистически сниженный синоним” [Прохорова 1983: 35].

В работе Э. Рудницкой «Вселенная духов» мы находим сведения о парфюмерной номенклатуре Франции, рассмотренной с хронологической точки зрения. Автор выделяет наименования духов по названиям фирм: *Narcisse Noir, Le Pois de Senteur, Rose, Muguet de Bonheur (Caron), Violette pourpre (Houbigant), Jasmin de Corse (Coty), Gardenia (Chanel), Vetiver (Carven, Guerlain), Lavandes (Lancome)*. Кроме того, по принадлежности к парфюмерному семейству (серия ароматов “*Aqua Allegoria*” с выразительными названиями, демонстрирующими неисчерпаемые резервы растительно-цветочной номинации: *Lilia bella, Rosa magnifica, Gentiana, Herba Fresca* и т.д.), к владельцам модных домов (*Eau de Givenchy, Eau de Guerlain, Eau de Lanvin, Eau de Patou*), по составу и т.д. Характерным для парфюмерной продукции Франции являются названия, связанные с темой любви (*Amour Amour, N’Aimez Que Moi, Aimez-moi*), имена собственные (*Eau de Givenchy, Eau de Guerlain, Eau de Lanvin,*

Eau de Patou, Madame Rochas и Monsieur Rochas, Guerlinade, Coco) и т.д. Из Франции пошла мода, связанная с увлечением восточной тематикой.

Анализ фактического материала свидетельствует, что духи продолжают эволюцию. Франсуа Коти стал первым, кто соединил в композициях натуральные запахи с запахами, созданными искусственно. В 1917 году он выпустил «Chypre» («Шипр»), ставший впоследствии прародителем для целого семейства запахов. **ШИПР – (духи)** — семья или вид аромата, сложное сочетание мха с древесными, цветочными или фруктовыми ароматами. Развивались так называемые восточные и амбровые запахи, передающие мягкие, пудровые, ванильные и ярко выраженные животные ароматы. Семейства ароматов делятся на используемые в женской или мужской парфюмерии. Элементы семейств только женских (или мужских) ароматов также могут быть использованы в мужской (или женской) парфюмерии. Представляем 14 семейств ароматов. **ШИПРОВЫЕ (женские и мужские)** Ароматы этого семейства – это шалфей, лаванда, дубовый мох, пачули и смола. Название “шипровые” пошло от острова Кипр в Средиземном море, и его первым использовал Francois Coty, выпустив духи с тем же названием. Примерами шипровых ароматов являются женские Halston, Knowing от Estee Lauder, Miss Dior от Christian Dior; мужские D.K. Unleaded от Donna Karan. **ЦИТРУСОВЫЕ (женские и мужские)**. Эти ароматы включают лимон, мандарин, грейпфрут, и бергамот. Известные ароматы цитрусовых: женские – Eau de Rochas от Rochas и Gieffeffe от Gianfranco Ferre; мужские – Armani от Giorgio Armani, Drakkar Noir от Guy Laroche, Tommy от Tommy Hilfiger и Blue Jeans от Versace. **ЦВЕТОЧНЫЕ (женские)**. Ароматы в этом семействе включают фиалку, гвоздику, розу, гардению, лилию, туберозу и нарцисс. Примерами известных цветочных ароматов являются Chloe от Lagerfeld, Eternity от Calvin Klein, Gucci Accenti и Joy от Jean Patou. **ЦВЕТОЧНО-ВОСТОЧНЫЕ (женские)** Ароматы этого семейства – жасмин, гардения, мандарин, фрезия; конечные ноты сандалового дерева, мускуса, янтаря, и абрикоса. Известные цветочно-восточные ароматы – это Joop!, Samsara Guerlain, Sun Moon Stars от Karl Lagerfeld и Tresor Lancome. **ФУЖЕРНЫЕ [папоротниковые] (женские и мужские)**. Это семейство состоит из ароматов дубового мха, лаванды и герани. Французское слово fougere переводится как папоротник. Из-

вестные фужерные ароматы – это женские Baryshnikov от Parlux, Cool Water Woman от Davidoff и Safari от Ralph Lauren; мужские – Boss от Hugo Boss и Paco Rabanne. **ФРУКТОВЫЕ (женские)**. Ароматы в этом семействе включают яблоко, абрикос, мандарин, бергамот, нероли, ананас и папайю. Известные фруктовые ароматы – это Jess от Jessica McClintock, Lauren от Ralph Lauren, и Liz Claiborne от L. Claiborne. **ЗЕЛЕННЫЕ (женские)**. Ароматы в этом семействе включают розмарин, лаванду, сосну, можжевельник, гиацинт и гальбанум. Известные зеленые ароматы – Chanel №19 от Chanel, Gio от Giorgio Armani, Safari от Ralph Lauren, и Sung от Alfred Sung. **АЛЬДЕГИДНЫЕ [современные] (женские)** Эти ароматы синтезированы из альдегидов, чистыми химическими соединениями, что обеспечивает большое разнообразие нюансов в ароматах этого семейства. Известные ароматы, использующие альдегиды – это Chanel № 5 от Chanel, Red от Giorgio Beverly Hills и White Linen от Estee Lauder. **ОРИЕНТАЛЬНЫЕ [восточные] (женские и мужские)**. Ароматы в этом семействе – это янтарь, ваниль, дерево и смолы. Известные восточные ароматы – Black Pearls от Elizabeth Taylor, Casmir от Chopard, Opuim от Yves Saint Laurent и Shalimar от Guerlain. **МОРСКИЕ [озоновые, океанические] (женские и мужские)**. Ароматы в этом семействе полностью синтетические. Известные ароматы, использующие морские составляющие – это Acqua Di Gio от Giorgio Armani, Duna от Christian Dior и Sunflower от Элизабет Арден. **ПРЯНЫЕ (женские и мужские)**. Ароматы этого семейства включают запах имбиря, корицы и кардамона, а также цветы, имеющие пряные ноты, такие как гвоздика и лаванда. Известные пряные ароматы: Coco от Chanel, KL от Lagerfeld и Poison от Christian Dior; мужские – Bijan и Joop! **АМБРОВЫЕ [лавандовые] (мужские)**. Это семейство включает в себя лавандовые масла и лавандовые растения, которые растут на юге Франции. Примеры ароматов лавандовых – это Ungaro Collection от Ungaro. **КОЖАНЫЕ (мужские)**. Масло, можжевельник, экстракт березовой коры в виде смолы. Пример кожаных ароматов – это English Leather от Dana, Royal Copenhagen и Pour Lui от Oscar de la Renta. **ДРЕВЕСНЫЕ (мужские и женские)**. Это семейство состоит из ароматов сандалового дерева, розового куста, кедра, vetivera, а также содержит подсемейство морских (океанских, озоновых) древесных ароматов: мирта, мускуса и голубого ириса. Пример известных древесных

ароматов – это Aramis от Estee Lauder, Cool Water от Davidoff, Safari от Ralph Lauren и Lauder от Estee Lauder. Терминология современной отечественной парфюмерии, вслед за французской, ориентирована на родовую классификацию ароматов, которая со временем уточняется и совершенствуется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – С. 6.
2. Вайнштейн О. Семиотика Шанель № 5 // Ароматы и запахи в культуре. – Т.2. – С. 361.
3. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИИФЛ Сборник статей по языковедению. – М., 1939. – Т. 5. – С. 6 – 8.
4. Гринев С.В. Введение в терминоведение. – М., 1993. – С. 33 – 51.
5. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А.Леканта. – М., 1991. – С. 34.
6. Прохорова В.Н. Лексико-семантическое образование русской терминологии. Дис. ... доктора филол. наук. – М., 1983. – С. 30, 34 – 35.
7. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. // Вопросы терминологии. – М., 1961. – С. 49, С. 52.
8. Рудницка Э. Вселенная духов // Ароматы и запахи в культуре. – М., 2003. – Т. 2. – С. 551.
9. Суперанская А.В. Терминология и номенклатура. // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. I. – М., 1976. – С. 9. Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык. 1.1. – М., 1981. – С. 47.
10. Шелов С.Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы / к проблеме классификации специальной лексики // Вопросы языкознания, 1984. – С. 83.

E. Kolomiets

TO THE PROBLEM OF TERMINOLOGY IN RUSSIAN PERFUMERY. CLASSIFICATION OF PERFUME SMELLS

Abstract: This article consists of independently collected material and its classification made by leading European perfumers. This classification is based on a general term “perfume” and includes 14 names of this group.

Key words: citrus, flower, oriental, fresh, sweet, fruit, green, marine, spicy, ambergris, musky.

УДК 81'366.52

Мамечков С.Г.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ*

Аннотация: Статья посвящена проблеме реализации семантики грамматической категории рода у неодушевленных существительных. В современных исследованиях по русской морфологии род признаётся категорией асемантической, с преимущественно структурной доминантой. В статье приводятся данные, позволяющие пересмотреть эти представления.

Ключевые слова: грамматическая категория рода, функционально-семантическое поле биологического пола, родовая граммема, семантический потенциал рода.

В.В. Виноградов считал грамматический род наиболее характерным морфологическим признаком русских имен существительных [1: 58]. В последние десятилетия грамматическая категория рода в русском языке иногда трактуется как категория пре-

имущественно согласовательная, не обладающая семантическим потенциалом, достаточным для её включения в число категорий с содержательной доминантой [2: 184]; следовательно, субстантивный род при подобном подходе фактически приравнивается к таким «техническим» категориям с ослабленной номинативной семантикой, как род, число и падеж прилагательных, род и число глаголов [3: 44].

Логика такого решения понятна; она обусловлена не только тем, что из четырех родовых категориальных форм, или грамем (м.р., ж.р., ср.р. и введенный в 60-е гг. прошлого столетия «парный род», см. [4: 26-27]), характерных для русского существительного, только двум граммам (м.р. и ж.р.), при этом только в структуре парных по роду одушевленных существительных типа *дедушка* – *бабушка*, *петух* – *курица*, соответствует номинативная грамматическая семантика:

* © Мамечков С.Г.

соответственно 'мужской биологический пол' и 'женский биологический пол'. Граммема ср.р. даже у одушевленных существительных (*дитя, насекомое*) признается обычно асемантической*. Особая проблема заключается в реализации грамматической семантики рода у неодушевленных существительных типа *стол, стена* и пр. (их, по данным А.А. Зализняка, 77,6% от общего состава субстантивных лексем [6: 145]). Родовая граммема подобных существительных в обычных речевых условиях не способна служить средством выражения семантики биологического пола. То же касается и одушевленных существительных, называющих детёнышей животных (*щенок, котёнок*), мелких животных (*колибри, овод*), названия подвидов и пород (*зверь, грызун, шниц*), которые не имеют родовых пар, так как пол называемого объекта здесь не важен [7: 518].

Из-за отсутствия полноценной семантической значимости родовой граммемы у подавляющего большинства русских существительных А.В. Бондарко отказывает субстантивной категории рода в праве формировать особое функционально-семантическое поле (ФСП). Следовательно, данная категория при таком подходе принципиально противопоставляется морфологическим категориям с семантической доминантой, каждая из которых является грамматическим центром соответствующего ФСП (ср. категорию времени и ФСП темпоральности, категорию вида и ФСП аспектуальности и т.д.) [8: 315-316].

Мы полагаем, что данный вопрос требует более детального обсуждения. Во-первых, нельзя упускать из виду, что субстантивная категория рода базируется на одной из важнейших семантических категорий человеческого языка – категории биологического пола. Семантика биологического пола находит выражение в самых различных языках мира. По мысли М.А. Кронгауза, можно говорить об универсальной семантической категории 'sexus', соотносящейся с естественной биологической характеристикой существ. «Пол, кажется, одна из немногих действительно важных для человека категорий, восприятие которой практически не зависит от языка и культуры» [9: 510-511]. Не случайно во мно-

гих языках (включая русский) семантической категории биологического пола соответствует грамматическая категория рода имён существительных.

Во-вторых, данная семантическая категория находит выражение в действительности не только в одушевленных существительных, о чем убедительно писали в свое время А.А. Потебня, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов и другие ученые, см. подробнее: [10: 58-70]. Как отмечал Р. Якобсон, «индивидуальная и коллективная фантазия буквально пропитана грамматическим родом» [11: 346]. По воспоминаниям Р.О. Якобсона, один русский художник, не зная, что соответствием русскому слову *грех* (м.р.) является немецкое слово *die Sünde* (ж.р.), никак не мог понять, почему его немецкий коллега аллегорически изображал грех в виде женщины. Соответствие формально-грамматического рода неодушевленных существительных вполне определенным «родовым» смыслам мы наблюдаем сплошь и рядом. Так, согласно русской примете, падение ножа за трапезой связано со скорым появлением мужчины, а падение вилки предвещает визит женщины [12: 346]. Это соответствие, отрицаемое некоторыми грамматистами, осознается даже детьми**.

В.В. Виноградов выделил два специфических типа речевых ситуаций, благоприятствующих актуализации номинативного потенциала таких существительных. Это (1) ситуация наречения имени (ср. неканонические мужские и женские имена послереволюционной эпохи: *Мир, Май, Пурпур* и *Эра, Искра, Заря*) и (2) ситуация олицетворения в поэтическом творчестве [14: 63-64].

В данной статье подробно рассмотрена вторая из указанных ситуаций, а именно ситуация олицетворения. Наша цель – доказать, что граммы м.р. и ж.р. неодушевленных существительных типа *топор, река* и т.п. обладают вполне определённым семантическим потенциалом.

Структура речевой ситуации олицетворения (персонификации) предопределена тем, что олицетворение (от греч. *prósōpon* 'лицо' и *poiêdō* 'делаю'), или, в иной терминологии, персонификация (от лат. *persona* 'лицо' и *fa-*

* Отношение в номинативной семантике грамем ср.р. (*солнце*) и «парного», по А.А. Зализняку, рода (*сани*) в данной статье специально не анализируется, хотя и для этих грамем может ставиться вопрос об их способности к выражению тех или иных номинативных смыслов. См., в частности, обсуждение проблемы семантики граммы ср.р. в (5: 79).

** Ср. наблюдения Н.А. Менчинской за речью своей пятилетней дочери. Менчинская называла неодушевленные существительные и просила дочку определить их системную родовую семантику, отграничив «девочек» от «мальчиков». Испытуемая девочка Наташа уверенно говорила: «Дом – мальчик, лампа – девочка, компот – мальчик, печка – девочка <...> шоколад – мальчик, шоколадка – девочка» (13: 368).

сio ‘делаю’), представляет собой вид метафоры, связанный с перенесением человеческих черт (шире – черт живого существа) на неодушевленные предметы и явления.

Олицетворение активно используется в народной поэзии и в художественной литературе (прежде всего в лирике) как метафора, близкая по своей роли к психологическому параллелизму: реалии неживой природы, привлекаемые к соучастию в душевной жизни героя, наделяются признаками человекоподобия. Для целей нашего исследования важно отметить, что, начиная с древнейших зафиксированных примеров олицетворения, персонифицируемый объект неживой природы приобретает не просто свойства лица, но непременно лица вполне определенного биологического пола. Благодаря олицетворению открываются истинное “лицо” и душевные движения человека, причем не только в поэтическом творчестве, но и, как было показано выше, в обыденной выразительной речи. Некоторые ученые (в частности, А. И. Белецкий) говорят даже об особом “инстинкте персонификации в живых языках” [15: 259].

Ситуация олицетворения обычно рассматривается с точки зрения поэтики художественного творчества. Между тем лингвистический анализ этой ситуации позволяет получить новые данные, имеющие значение для уяснения закономерностей функционирования грамматических категорий, в частности категории рода.

С лингвистической точки зрения высказывание, реализующее ситуацию персонификации, содержит следующие компоненты: а) существительное, обозначающее персонифицируемую реалию; б) существительное или предметно-личное местоимение, обозначающее лицо, являющееся объектом персонификационного сопоставления (этот компонент может быть представлен эксплицитно или имплицитно); в) дополнительные контекстные показатели персонификации. Роль последних особенно велика, если в высказывании отсутствует имя одушевленного объекта сопоставления, как в приводимом ниже фрагменте, где *дуб* предстаёт в качестве живого существа мужского пола, которое наделено способностью видеть, слышать, чувствовать своё одиночество и отчуждённость: *На краю дороги стоял дуб. Вероятно в десять раз старше берёз, составлявших лес, он был в десять раз толще и в два раза выше каждой берёзы. Это был огромный, в два обхвата дуб, заросший старыми болячками. С огромными своими неуклюжими, несимметрично-рас-*

пыренными, корявыми руками и пальцами, он старым, сердитым и презрительным уродом стоял между улыбающимися берёзами. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны и не хотел видеть ни весны, ни солнца (Л. Толстой. Война и мир. Т.2)*.

Опорным для всех подобных высказываний является существительное – имя персонифицируемого неодушевленного объекта. Оно содержит основу как показатель лексического значения и флексию – показатель грамматического значения слова. Оба ли указанных компонента существительного важны для персонификации?

Мы полагаем, что лексическая семантика опорного слова, выражаемая его основой, не является фактором олицетворения. Как показывает изученный нами языковой материал, ключевые слова могут иметь самую разную семантику – как конкретно-предметную (*дуб, река, земля, топор, верёвка, папироса*), так и отвлеченную (*вечность, разлука, свобода*), иногда встречаются имена собирательные (*пехота, пшеница, интеллигенция*) и вещественные (*снег, роса, водка, слякоть, лёд*). Следовательно, единственным признаком существительного, способствующим олицетворению, является семантика окончания, а именно выражаемые окончанием значения неодушевленности и рода.

Можно утверждать, что только наличие граммемы м.р. или ж.р. в семантической структуре неодушевленного существительного позволяет достоверно прогнозировать реализацию ситуации олицетворения с однозначно предсказуемым результатом: существительное мужского рода будет в соответствующем высказывании выражать лицо мужского биологического пола, а существительное женского рода – лицо женского биологического пола: *Куды, куды, детинушка? / Не торопись уж очень-то! / То след-зовёт тропиночка, / Большой дороги доченька* (М. Цветаева. Егорushка); *Лес! Ты нынче – наездник!* (М. Цветаева. Беглецы? – Вестовые?...); *Прячется карлица-мгла / То за ивняк, то за кочку* (Н. Клюев).

Рассмотрим более детально примеры проявления семантических возможностей родовых граммем неодушевленных существительных мужского и женского рода в ситуации олицетворения.

* В рассматриваемых нами примерах имя персонифицируемой реалии выделено полужирным шрифтом и подчеркиванием, имя одушевленного объекта сопоставления – полужирным шрифтом, а дополнительные контекстные показатели персонификации – подчеркиванием.

В ситуации олицетворения неодушевлённое существительное, обозначающее неживой объект, становится средством передачи семантики живого существа (обычно лица) мужского/женского пола. Это подчеркивается приписыванием денотату типично личных мужских или женских свойств:

1) имени: Нева Петровна, *возле вас – всё львы* (Б. Окуджава. Нева Петровна...); *Ты ныне зовёшься Мариной*, – разлука! (М. Цветаева. Я вижу тебя черноокой, – разлука!..);

2) определённого возраста: *На камне могильном старуха-свобода* / *из саванов вяжет крошечные сети* (Н. Клюев. Поле, усеянное костями); *Дева осень вышла из рая* (Б. Поплавский. Дух воздуха);

3) характерных для лица внешних признаков: Молодость! *Простимся накануне.* / *Постоим с тобою на ветру.* / *Смуглая моя!* *Утешь сестру!* (М. Цветаева. Скоро уж из ласточек – в колдуньи!...); *Еду я на родину*, / *Пусть кричат: «уродина»*, / *А она мне нравится*, / *Спящая красавица...* (Ю. Шевчук. Родина);

4) черт характера: *Теперь кокетка мысль старухой стала* (Е. Евтушенко. Голубь в Сантьяго);

5) особенностей типично мужского/женского поведения: – Ветер, *голову теряющий* / *От юбчонки кружевой!* (М. Цветаева. Ветер, ветер выметающий...); *Не подсказала б та беда*, / *Что бабьим воем выла*, / *Не знала б, может, никогда*, / *Что до смерти любила* (А. Твардовский. Василий Тёркин).

6) социального статуса: Торговля – *чёрная рабыня в гареме пролетариата* (Н. Эрдман. Самоубийца); *Мы, сильные, свергаем власть рабыни*, / *Свергаем – Красоту* (З. Гиппиус. Довольно); *Ваше благородие госпожа Удача...* (Б. Окуджава);

7) профессии: *Где отступается Любовь*, / *Там подступает Смерть-садовница* (М. Цветаева. Вчера ещё в глаза глядел...); *Станный сон увидел я сегодня*: / *Снилось мне, что я сверкал на небе.* / *Но что жизнь, чудовищная сводня*, / *Выкинула мне недобрый жребий* (Н. Гумилёв. Станный сон увидел я сегодня);

8) определённых отношений с другими лицами: *Навеки непробудной тенью* / *Ресницы мхов опушены*, / *Спят, убаюканные ленью* / *Людской врагини – тишины!* (А. Блок. Задебранные лесом кручи...); Русский язык – *отец всех языков* (<http://mk-piter.ru/2007/01/17/020/>); *Сестра моя жизнь* (Б. Пастернак);

9) титула или звания: *Смирненно прекло-*

нясь челом, / *Горит алмазами пшеница*, / *Как новобрачная царица* / *Перед державным женихом* (А. Фет. Утро в степи); *И принц Каштан с бутылкой меди* // *Проходим не подаст руки* (А. Гуницкий. Корпоративная эпоха);;

10) национальности: *Стрясается – в дом забредёшь желтоглазой* / *Цыганкой*, – разлука! – *молдаванкой*, – разлука! (М. Цветаева. Я вижу тебя черноокой, – разлука!..);

Особый случай составляют примеры, когда неодушевлённое существительное в ситуации олицетворения участвует в сравнении неодушевленного объекта не с лицом, а с животным. Но в подобных примерах сравнение идет с существом вполне определенного пола, мотивированного грамматическим родом: *Дремлет Москва*, *словно самка* / *спящего страуса*, / *Грязные крылья по тёмной почве / раскинуты*, / *Кругло-тяжёлые веки безжизненно / сдвинуты*, / *Тянется шея* – / *беззвучная, чёрная Яуза* (В. Брюсов. Ночью); Привычка и Отвычка, – *кошечки...* (З. Гиппиус. С варевом); *Между берегом буйного Красного моря* / *И суданским таинственным лесом видна*, / *Разметавшись среди четырёх плоскогорий*, / *С отдыхающей львицей схожа, страна* (Н. Гумилёв. Абиссиния).

Реализация семантического потенциала неодушевлённых существительных в ситуации олицетворения происходит не всегда осознанно, т.е. в соответствии с волей автора, порой автор может даже не желать этого, но язык диктует своё, поскольку род в русском языке – обязательная категория существительного. Как только в тексте обнаруживается олицетворение, неминуемо происходит отнесение денотата олицетворяемого существительного к мужскому либо женскому полу. Попытки невольного отступления от этой языковой закономерности обычно бывают воспринимаются как неудачные: *Отцом же была мне судьбина* (Лермонтов. Мать моя – злая кручина...); *Если теория алгоритмов – в некотором смысле мать современного компьютера и программирования, то логика – их отец* (<http://omsk.edu.ru/scho-ols/sch099/s99/logika/op.htm>).

С другой стороны, в некоторых случаях автор сознательно идёт на нарушение соответствия между родом неодушевлённого существительного и полом соотносимого с ним лица. Но при этом ощутимо, что поэт, наделённый обострённым восприятием мира, прекрасно чувствует семантику слов, исключение в данном случае скорее подтверждает правило, несоответствие обычно специально

оговаривается автором: *Да нет, да нет, – в таком году / Сама Любовь – не женщина! / Сама Венера, взяв топор, / Громит в щепы подвал* (М. Цветаева. Поцеловала в голову...); *Придёт к тебе Загиб Иванович – и всё! Смерть тут мужского пола, а зовут её по имени-отчеству, как нарядчика** (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей). Тот факт, что язык навязывает свои законы и накладывает свои ограничения, приводит зачастую к появлению комической нотки при нарушении соответствия, о котором идёт речь: – *Ей бы хотелось, чтобы я постоянно улыбался и порхал как бабочка. Но мужчине всегда есть из-за чего переживать и тревожиться, а мне в особенности...* (Л.Т. Мид и Роберт Юстас. Арест капитана Ванделера. Пер. А. Родионовой); это сознательное речевое нарушение всегда ощущается носителями языка: «*Первопрестольный град Москва, Новый Иерусалим, приемлет Христа своего*» – *вдруг ударил он на слове своего, – «яко мать во объятия усердных сынов своих...* (Толстой. Война и мир. Т. 3-4).

Таким образом, в результате проведённого нами анализа можно сделать следующие выводы. Регулярно реализуемая способность любого неодушевленного существительного мужского и женского рода выражать в случае необходимости семантику биологического пола служит неоспоримым аргументом в пользу высказанного ранее утверждения: «...Нельзя сказать, что у неодушевленных существительных показатели рода в принципе незначимы – можно говорить лишь о временном «зачеркивании» грамматических значений под влиянием значения основы» [16: 524].

Наш материал показывает, что, вопреки бытующему мнению, граммы м.р. и ж.р. никогда не бывают пустыми, они системно сохраняют свое категориальное значение даже в том случае, если выражены неодушевленными существительными. В стандартном контексте по понятным причинам семантический потенциал родовой граммы не используется, он «зачеркивается» лексической семантикой основы, несоместимой с идеей биологического пола. Но в особых контекстных условиях, например в высказываниях, выражающих ситуацию олицетворения (персонификации), номинативная семантика биологического пола по

мере необходимости регулярно и недвусмысленно реализуется и у неодушевленных существительных.

Таким образом, можно говорить, что грамматическая категория рода не является «технической», исключительно согласовательной; на уровне противопоставления граммем м.р. и ж.р. это полноценная категория, семантика которой однозначно и недвусмысленно выражается в определённых речевых ситуациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.; Л., 1947.
2. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л., 1976.
3. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. – М., 2005.
4. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение // А.А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. – М., 2002.
5. Панова Г.И. Современный русский язык. Морфология. Словарь-справочник. – Абакан, 2003.
6. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение... М., 2002.
7. Кронгауз М.А. Sexus, или проблема пола // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. – М., 1996.
8. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002.
9. Кронгауз М.А. Sexus, или проблема пола // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. – М., 1996.
10. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.; Л., 1947.
11. Якобсон Р.О. Избранные работы. – М., 1985.
12. Якобсон Р.О. Novejšaja russkaja poezija // R. Jakobson. Selected Writings. – The Hague. 1921. Vol. V; Р.Якобсон. Работы по поэтике. М., 1987.
13. Менчинская Н.А. Психологическое развитие ребёнка от рождения до 10 лет. – М., 1999.
14. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.; Л., 1947.
15. ЛЭС – Литературный энциклопедический словарь. – М, 1987.
16. Клобуков Е.В. Морфология // Русский язык / Под ред. Л.Л. Касаткина. – М., 2004.

S. Mamechkov

THE PECULIARITIES OF THE REALIZATION OF THE SEMANTIC POTENTIAL OF GENDER AS A GRAMMATICAL CATEGORY OF RUSSIAN NOUNS

Abstract: This article deals with the problem of the realization of the semantics of gender grammatical category of inanimate nouns. In recent studies concerning Russian morphology

* В сообществе заключенных и надзирателей, где мужчины не видят женщин в течение многих лет, даже *смерть* представляется как существо мужского пола.

the gender grammatical category is considered as an asemaantic category with a primary structural dominant. The article present new data which allow us to revise these conceptions.

Key words: the gender grammatical category, the semantic-functional field of 'sexus', the semantic potential of gender grammems.

УДК 81'373.6^671

Николашвили М.Н.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ*

Аннотация: В статье рассматриваются названия драгоценных камней, употребляемые в современном русском языке с учетом признаков, положенных в основу наименований. Делается попытка установить этимологию названий драгоценных камней, в своем большинстве пришедших в русский язык через греческий.

Ключевые слова: топаз, хризопраз, хризолит, цитрин, сердолик, турмалин, аквамарин, сапфир, бирюза.

Драгоценные камни известны с глубокой древности и получали свои названия на основе различных признаков. Эти названия могли быть заимствованы у других народов или созданы на новой этнической почве. Такие древние обозначения в современном терминоведении называются предтерминами. В отличие от предтерминов, указывающих на род или вид предметов, основная функция термина – это по возможности точно выражать специальные понятия.

Работ, посвященных избранной для анализа лексической группе, недостаточно. К проблеме этимологии обращаются различные авторы, в том числе Б.Н. Андерсон в работе *Определение драгоценных камней* [Андерсон 1983], Т.Б. Здорик в книгах *«Камень, рождающий металл»* [Здорик 1984], *«Приоткрой малахитовую шкатулку»* [Здорик 1979], *«Этот чарующий мир самоцветов»* [Здорик 2000].

Обобщение фактического материала дает нам возможность выделить следующие подгруппы названий драгоценных ювелирных камней.

1. Общеродовые названия драгоценных камней: 1. Опал – назван от латинского слова *opalus*, которое восходит к санскритскому *upala* — драгоценный камень [1]; 2. Берилл – название возможно взято из санскрита – у

древних дравидов созвучное слово означало блестящий камень [2].

П. Классификация ювелирных камней по цвету: 1. Гелиодор – в буквальном переводе с греческого означает дар солнца (греч. *helios* — солнце) [3]; 2. Гелиотроп – от греческого *helios* – солнце и *trope* – поворот) [3: 140]. 3. Топаз – от санскритского *topas* – тепло, огонь. По другой версии, назван по острову Топазион (ныне остров Зебергед) в Красном море, либо от греческого *topazos* – искать [2: 139]; 4. Пирит – от греческого слова *pir* – огонь [4]; 5. Хризолит – назван от греческих слов *chrysos* – золото и *lithos* – камень [5]; 6. Хризопраз – назван от греческого *chrysos* – золото и *prasios* – зеленый [2: 147]; 7. Хризоберилл – свое название получил за золотистый цвет (греч. *chrysos* – золото) и содержание бериллия [2: 130]; 8. Цитрин – назван по цвету: цитрин – от французского *citron* – лимон [2: 151]; 9. Гематит – назван от греческого *haima* – кровь, по цвету порошка [6]; 10. Лазурит (от араб. *azul* – небесная синева) – камень цвета неба [7]; 11. Морион – по одной из версий, оно происходит от греческого *marrosys* — хмурый или от *morysso* – чернить, по другой — от латинского *morion* – темный кристалл [8]; 12. Сердолик – имеет цвет сырого мяса (по латыни мясо – *carne*) [2: 133]; 13. Турмалин – название камня произошло от сингальского *turamali* – разноцветный [9]; 14. Циркон – свое название получил от персидского слова *zargun* или золотистый камень [10]; 15. Яшма имеет сложное происхождение, так как известны аналоги: древнееврейский *yasreu*, греческий *iaspis*, персидский *uazm* и др. [2: 160]; 16. Гагат – назван по реке Гагес в Малой Азии. По другой версии, название произошло от греческого *gagates* – черный янтарь [2: 75]; 17. Рубин (англ. *ruby*), что значит красный, происходит от латинского *rubber* (красный) через более позднюю форму этого слова *rubinus* [11]; 18. Аквамарин

* © Николашвили М.Н.

(лат. *aqua marina* — морская вода) [2: 51]; 19. Сапфир — название происходит от аккадского *sipru* — царапающий или древнееврейского *sappir* — синий камень Библии, сейчас называемый лазуритом [2: 128];

III. Наименования драгоценных камней по их внутренним свойствам: 1. Алмаз — в переводе с древнеиндийского языка означает “тот, который не разбивается” [12]. По другой версии, название алмаза происходит от греческого “*adamas*” или неодолимый, несокрушимый [13]; 2. Хрусталь горный — произошел от греческого слова *krystallos* — лед [5: 34]; 3. Гессонит не так прочен, как другие минералы. Из-за этой особенности гессонит и получил свое название (греч. *hesson* — слабый, низший, меньший) [14]; 4. Эвклаз — научное название происходит от греческих слов *eu* — хорошо и *klasis* — раскалываться. [2: 156]; 5. Малахит — название по одной из версий появилось от греческого *malache*, что значит мягкий, по иной из-за сходства по цвету с листьями мальвы [15].

IV. Наименования драгоценных камней по месту обнаружения: 1. Альмандин — название минерала является искаженным словом *alabanda* — так в Малой Азии назывался город, где издавна гранились эти камни [16]; 2. Агат — предполагают, что название камня произошло от древнего названия р. Дирилло в Сицилии — Ахатес; другое толкование — название агат происходит от греческого слова *agates* — счастливый [2: 51]; 3. Беломорит — назван А. Ферсманом по месту нахождения — побережью Белого моря [2: 69]; 4. Чароит — назван по реке Чаре в Восточной Сибири, близ которой найдено единственное в мире месторождение Сиреневый камень [2: 153]; 5. Амазонит — в 1847 г. А. Брейтгаут предложил назвать амазонский камень амазонитом [9: 18]; 6. Лабрадор — получил название по мысу Лабрадор [17].

V. Названия ювелирных камней по их блеску: 1. Лунный камень — прозрачный полевой шпат с бледно-голубой иризацией, переливчатостью, напоминающей лунный свет [2: 104]; 2. Селенит — назван по имени богини луны древнегреческой мифологии Селены [5: 93].

VI. Наименования ювелирных камней по ассоциациям: 1. С растениями: а) Гранат — название произошло от латинского *granatus*, так назывались зернышки гранатового дерева [2: 30]; б) Шпинель — назван, видимо, от латинского *spina* — шип. По другой версии, название произошло от греческого *spinous* — искра, отражающего цвет и блеск камня [2:

153-154]; в) Гроссуляр — название произошло от латинского “*ribes grassularia*” — крыжовник [5: 18]; 2. По ассоциациям с животными: а) Соколиный глаз, кошачий, тигровый глаз — названы по сходству оптического эффекта с радужной оболочкой соколиного, кошачьего и тигрового кошачьего глаза [2: 85]; б) Серпентин (змеевик) — название произошло от латинского “*serpens*” — змея [18]; в) По ассоциациям с органами человека: а) Оникс — название происходит от греческого *onychos* — ноготь [19]; б) Жадеит — от испанского *giadeite* или португальского *ijade*, что означает бок, почка, а может от французского *jadeite*, *jade* — нефрит [2: 90]; в) Нефрит — назван от греческого *nephros* — почка [2: 112].

VII. Наименования ювелирных камней по имени собственному: 1. Реальному: а) Александрит — этот камень был впервые найден 17 апреля 1854 г., в день совершеннолетия Александра II [20]; б) Обсидиан — возможно, камень назван по имени римлянина, доставившего его из Эфиопии, — *Obsidianus lapis* (камень Обсидия), или от греческого *opsis* — видение, зрелище, так как черный обсидиан из Эфиопии служил материалом для зеркал [2: 115]; 2. По имени собственному мифологическому: а) Гиацинт — от греческого *Hyacinthos* (Гиацинта, мифического юноши, любимца Аполлона) [2: 82]; б) Изумруд — в Египте относили к числу камней Изиды, могущественной богини плодородия, покровительницы домашнего очага [21].

VIII. Названия ювелирных камней по мифическим представлениям о назначении: 1. Бирюза — название камня происходит от арабского слова *pirus* или турецкого *phirus* — победа, одержавший победу. Русское название происходит от персидского *pheroza* — победа [2: 71]; 2. Аметист — название традиционно происходит от греческого *amethystos* — свободный от пьянства, средство от опьянения [2: 66]; 3. Янтарь — название “янтарь” (англ. *amber*) произошло от позднелатинского слова *ambar*, которое в свою очередь произошло от арабского *anbar* [7: 224].

IX. Случайные или трудно объяснимые названия: 1. Авантюрин — свое название камень получил от итальянского “*per avventura*” — “случайно”. По преданию, в шестнадцатом веке венецианские стеклодувы совершенно случайно получили стеклянную имитацию этого камня. На самом деле авантюриновое стекло умели делать еще древние египтяне, но к сожалению, их рецепт был безнадежно утерян [22]; 2. Жемчуг — русское название, видимо, происходит от китайского *dgen-dgu*,

zenchug – окаменевший в воде лунный свет [5: 66-67].

Таким образом, можно установить некоторые экстралингвистические принципы наименования ювелирных камней, которые актуальны и в современном русском языке: цвет, место добычи, ассоциации с объектами растительного и животного происхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ахметов С.Ф. Беседы о геммологии. – М., 1989. – С. 120.
2. Куликов Б.Ф. Камни-самоцветы. Поверья и легенды. – М., 2000. – С. 69.
3. Банк Г. В мире самоцветов. – М., 1970. – С. 135.
4. Гарсиласо де ля Вега. История государства инков. – М., 1985. – С. 47.
5. Здорик Т.Б. Этот чарующий мир самоцветов. – М., 2000. – С. 90.
6. Здорик Т.Б. Камень, рождающий металл. – М., 1984. – С. 65.
7. Дюдя Р., Рейл Л. Мир драгоценных камней. – М., 1998. – С. 150.
8. Куликов Б.Ф., Буканов В.В. Словарь камней-самоцветов (2-е издание). – Л., 1988. – С. 120.
9. Беус А.А. Путешествие в тропики за самоцветами. – М., 1992. – С. 204.
10. Дав В.В. Камни радости. – Мурманск, 1988. – С. 208.
11. Литвинов Л.А. Все о рубине. – Харьков, 1991. – С. 3-4.
12. Милашев В.А. Алмаз: легенды и действительность. – Л., 1989. – С. 33.
13. Грин Тимоти. Современный мир алмазов. – М., 1993. – С. 56.
14. Кантор Б.З. Минералы, полка коллекционера. – М., 1995. – С. 55.
15. Здорик Т.Б. Приоткрой малахитовую шкатулку. – М., 1979. – С. 76.
16. Липовский Ю.О. Найди свой камень. – М., 1997. – С. 214.
17. Андерсон Б. Определение драгоценных камней. – М., 1983. – С. 94.
18. Мартынов С.М. Храни меня, мой амулет. – М., 1996. – С. 48.
19. Николаев С.М. Камни. Мифы, легенды, суеверия. – Новосибирск, 1995. – С. 69.
20. Лесков Н.С. Александрит. Натуральные факты в мистическом освещении. Собрание сочинений в 12 т. – М., 1989. – С. 33.
21. Гавриков Ю.П. История изумрудной страны. – М., 1985. – С. 87.
22. Петров В.П. Рассказы о драгоценных камнях. – М., 1982. – С. 35.

M. Nikolashvily

TO THE QUESTION OF JEWELS' CLASSIFICATION

Abstract: This article deals with the names of some jewels used in modern Russian language. The author makes an attempt to establish the etymology of these names owing to the fact that the majority was borrowed from the Greek language.

Key words: topaz, chrysoprase, chrysolite, citrine, cornelian, sard, tourmaline(e), aquamarine, sapphire, turquoise.

УДК 81'367

Одинцова Е.С.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗАМИ *НЕТ ЧТОБЫ* И *НЕТ БЫ* В КОНСТРУКТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКОМ ПОЛЕ ЗАМЕЩЕНИЯ*

Аннотация: В грамматиках русского языка предложения с союзами *нет чтобы* и *нет бы* рассмотрены в разделе «Простое предложение» как фразеологизированные конструкции, выражающие неодобрение. В сложном предложении и тексте данные конструкции выражают отношения замещения и условия, что позволяет отнести их к периферии горизонтальной парадигмы конструктивно-синтаксического поля замещения.

Ключевые слова: конструктивно-синтаксическое поле, отношение замещения, горизонтальная парадигма, замещающее, замещаемое.

Прием «челночного» движения (см. [ТФГ 1987: 14]), используемый для построения конструктивно-синтаксического поля (КСП) предложений с отношениями замещения, позволил определить такие средства выражения данных отношений, как сочетания *нет чтобы* и *нет бы*, недостаточно описанные в научной литературе [см.: Грамматика-1970, Грамматика-1982, Фигуровская Г. Д. 1996]. В «Грамматике современного русского литературного языка» предложения с сочетаниями *нет бы* и *нет чтобы* рассматриваются как «специальные конструкции – структурные схемы предложения, схемы построения сказуемого, главного члена или оформления других

* © Одинцова Е.С.

слов в предложении», служащие средствами формирования и выражения субъективно-модальных значений. «Таковы... выражающие неодобрение или сожаление по поводу чего-то неосуществившегося конситуативно обусловленные предложения типа *Нет чтобы подождать*; *Нет бы поговорить по-хорошему*» [Грамматика-1970: 613]. В «Русской грамматике» сочетания *нет чтобы* и *нет бы* получают противоречивую трактовку: в разделе «Морфология» они рассматриваются как составные фразеологизированные модальные частицы, «вносящие эмоциональные и другие оценки, выражающие непосредственные реакции говорящего» [Грамматика-1982, § 1689-1691: 1695], а в разделе «Синтаксис» предложения, содержащие сочетания *нет чтобы* и *нет бы*, отнесены к фразеологизированным нечленимым инфинитивным предложениям с союзами. Значение этих предложений – «неодобрение по поводу неосуществления того, что было бы целесообразно» [Грамматика-1982, § 2586]. В обеих грамматиках сочетания *нет чтобы* и *нет бы* описаны (помимо морфологии) в синтаксисе простого предложения, что существенно обедняет их характеристику. Как указывал В.В. Виноградов, «семантический объем ... частиц очень широк, их лексико-грамматические значения очень подвижны, они находятся во власти синтаксического употребления» [Виноградов В.В. 1972: 520]; «преобладающее большинство союзов, устанавливающих связь между словами или сочетаниями слов, вдвигает их в структуру более крупного целого как связное единство» [Виноградов В.В. 1972: 552]. Поэтому рассмотрение предложений с сочетаниями *нет бы* и *нет чтобы* на уровне сложного предложения или сложного синтаксического целого позволит раскрыть многие особенности этих сочетаний.

Сочетания *нет бы* и *нет чтобы*, на наш взгляд, представляют собой союзы, так как они формируют конструкцию – сложное предложение, выражают определенные смысловые отношения между предикативными единицами. В «Словаре наречий и служебных слов русского языка» сочетания *нет чтобы* и *нет бы* тоже рассматриваются как разговорные союзы, присоединяющие «инфинитивный оборот, в котором желательное, но неосуществленное действие замещается реальным действием в главном предложении», обозначают то, что «надо бы, но не сделано, не делается», в качестве синонима указан союз *вместо того чтобы* [Словарь наречий и служебных слов русского языка 2005].

Семантика отношений замещения имеет два «слоя»: базовый, объективный (в действительности вместо того, о чем говорится в одной части конструкции, имеет место то, о чем говорится во второй части) и субъективный, модусный «слой», несущий прагматические и оценочные смыслы предпочтительности, целесообразности [см. Фигуровская Г.Д. 1996].

В сочетаниях *нет чтобы* и *нет бы* денотативный слой семантики заключен в частице *нет*, отрицающей осуществление действия/события в реальности. Субъективный слой семантики выражен частицей *бы*, которая, как традиционно отмечается, передает модальные значения возможности, желательности и условности в инфинитивных предложениях, служит средством выражения различных оттенков гипотетической модальности в безглагольных предложениях [Виноградов В.В. 1972: 528; Современный русский литературный язык 1999: 268; Алтабаева Е.В. 2003: 6]. О семантике и функциях частицы *бы* писал Р.Д. Брехт: «Ирреальность обозначает действие, не являющееся совершённым. Этот смысл может выступать в чистом виде или у него может быть дополнительный оттенок «изъявление желания или надежды». Первое из указанных ирреальных значений я обозначил термином «аюнктив» (Brecht 1972, 1-11), тогда как второе традиционно именуется «инъюнктивом» (Jakobson 1971b). В русском языке имеется два грамматических способа выразить эти ирреальные (аюнктив и инъюнктив) значения: форма императива и частица *бы*» [Брехт Р.Д. 1985: 115]. У союза *чтобы*, наряду с семантикой повеления и цели, отмечается также гипотетическая модальность желательности или ирреальности [Грамматика-1954, т. 2: 284; Грамматика-1970: 690]. На этом основании предложения с союзами *нет чтобы* и *нет бы* могли бы быть включены в функционально-семантическое поле желательности как средство выражения неисполненного желания [см.: Алтабаева Е.В. 2002; 2003; 2007а; 2007б].

Объединение частицы *нет* с союзом *чтобы* или частицей *бы* дает сочетания, синонимичные союзу *вместо того чтобы* – идеограмме горизонтальной парадигмы КСП замещения [Фигуровская Г. Д. 1996].

Синонимия союзов *нет чтобы* и *нет бы* союзам *не... а*, *вместо того чтобы* и предлогу *вместо* подтверждает следующий пример: **Мой семилетний русский племянник Егор пишет письма Санта Клаусу в Лапландию. Нет бы Деду Морозу в Вологду – там тоже**

холодно. А его родители, Сергей и Люся? Подарки на Новый год достают не из мешка дед-морозовского, а из чулка, который кладут под подушку, чтоб значит утром: сюр-прайз! Да и сам обходящий квартиры Дед Мороз... с каждым годом все больше похож на Клауса: колпак вместо шапки, борода не широкой лопатой, а струечкой. [Арифджанов. Москва католическая // «Столица», 1997.01.06]*.

Предложения с союзами *нет чтобы* и *нет бы* характерны для разговорного и газетно-публицистического стиля речи.

Союзы *нет чтобы* и *нет бы* маркируют замещаемое, причем, в отличие от предложений *вместо, взамен* и союзов *вместо/взамен того чтобы*, предмет/событие, обозначенное союзами *нет чтобы* и *нет бы*, всегда является желательным или более целесообразным. Ср.: *А вместо печенья лед, тоник или содовая* [Козько. «И никого, кто бы видел мой страх» // «Дружба народов», № 5, 1999.05.15] – вполне возможно, что лед, тоник и содовая предпочтительнее для говорящего; *Вместо того чтобы ходить от одного чиновника к другому, некоторым импортерам разрешат проводить все необходимое оформление у одного сотрудника таможни* [Выхухолева. Один, совсем один. Московская таможня пробует оформлять по-новому // «Известия», 2001.12.27] – в придаточной ПЕ названо менее целесообразное, отрицательно оцениваемое действие.

При союзе *вместо того чтобы* в качестве замещаемого выступает инфинитивная предикативная единица. При союзах *нет бы* и *нет чтобы* замещаемое может выражаться инфинитивным предложением или предложением со сказуемым, представленным глаголом на -л: *Глупая радиостанция «Свобода», она выбирает для трансляций на Союз как раз те волны, на которых больше всего шума – нет бы сместиться влево или вправо* [Ерофеев. Из записных книжек (1958-1990)]; *Влюбился в ее знакомую. Нет бы гулял потихоньку, так нет, закрутил на полную, ушел из дому* [Гуцко. Осенний человек // «Октябрь», 2004].

Сказуемое может быть пропущено, в таких случаях замещаемое обозначается неполным предложением: *Все возвращались на родину, и не с пустыми руками... (Григорий Иванович сплюнул бы «Кулачье – оно и есть кулачье! Нет бы скорей за мирный труд...»)* [Азольский. Диверсант // «Новый Мир», 2002]; *Символика «ностальгии» постепенно проступала сквозь мутную сетку дождя, заливающего экран: герой его, Андрей Горчаков*

(надо же, какая фамилия красивая, *нет чтобы Горшков или Торчков, как это в жизни бывает*) помогал режиссеру Андрею Тарковскому преодолеть Эдипов комплекс его предыдущего фильма «Зеркало» [Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975-2003)].

Предложения и фрагменты ССЦ, в которых замещающее предшествует замещаемому, легко трансформируются в предложения с союзом *вместо того чтобы*: *Но большинство почему-то всю жизнь так и живет с теми картами, что при рождении выпали. Стонут, жалуются, кричат, просят пересдать заново. А нет бы подумать об изменении судьбы собственной* [Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998)] – «Стонут, жалуются, кричат, просят пересдать заново, *вместо того чтобы* подумать об изменении судьбы собственной». В таких контекстах сочетание *нет чтобы* и *нет бы* особенно явно проявляют себя как союзы.

Если замещаемое предшествует замещающему, то требуются дополнительные средства связи предикативных единиц – следствие негибкой структуры фразеологизированной конструкции. Такими средствами связи могут выступать частицы *так, ведь, так ведь нет*, союзы *но, а не*, сочетание *вместо этого*: *Господи, команда буквально с неба как манна небесная упала, нет бы возрадоваться, так ведь нет – все не слава богу. А где же, мол, Шумахер в довесок?* [Автогонки-2 (форум) (2005)]; *Порой мотор умирает медленно и мучительно, как любовь: нет бы порвать сразу и начать с чистого листа, а вместо этого – медленно нарастающее отчуждение и в конце все равно пустота* [Вайсман. Ошибка датчика // «За рулем», 2004.03.15]. Присутствие частиц и союзов факультативно.

Для предикативных единиц с союзами *нет чтобы* и *нет бы* возможна и интерпозиция в сложном предложении: *А когда Алексей уже студентом стал ходить в театр оперы... если певица на сцене, волнуясь и бледнея, решалась на высокую ноту (это же всегда видно, *нет чтобы сползти октавой вниз!*) и все-таки выдавала петуха, он, треща пальцами сцепленных рук, не досиживал до антракта, убежал домой...* [Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем // «Октябрь», 2002]; *Высек его раз боярин, так он, Нежата, нет чтобы поблагодарить премного за науку – побег князюшке на благодетеля своего сказывать* [Лукин. Катали мы ваше солнце (1997)]. В интерпозиции предложения с союзами *нет*

чтобы и нет бы выполняют роль авторского комментария, выражающего оценку сообщаемого, поэтому появляется интонация вставочности, что иногда отражается на письме постановкой тире или скобок.

Интерпозиция предложений с союзами *нет чтобы* и *нет бы* без обособления рассматривается в «Русской грамматике» как позиция сказуемого в простом предложении: «Такое предложение все целиком может замещать собою позицию сказуемого: *А она нет чтобы помолчать – взяла да и рассказала обо всем* (разг. речь)» [Грамматика-1982, § 2856]. Однако в лингвистике существует тенденция рассматривать предложения с однородными глагольными сказуемыми как «моносубъектные варианты полипредикативного ССП [Черемисина, Колосова 1987: 19], ср. также [Адмони 1973б: 182], в отличие от предложений с другими однородными членами, более точно интерпретируемыми как расширенный член предложения, занимающий в предложении одно синтаксическое место [Перетрухин 1979: 47]» [Фигуровская Г. Д. 1996].

Действительно, союзы *нет бы* и *нет чтобы* позволяют сопоставить действия даже не одного, а разных субъектов: *Жителя нашего города Анатолия М. беспокоит никудышный, по его словам, сервис в пивном баре, что за магазином «Универсам». «Заглянешь туда вечером после работы, – говорит он, – возьмешь кружечку пивка с устатку, а присесть-то и некуда. Так на гудящих после рабочего дня ногах и стоишь возле полок, которые приделаны к стене по всему периметру зала. Нет чтобы [им, хозяевам бара] пластиковые столы со стульями поставить! Ведь помещение бара позволяет это сделать. Люди смогли бы спокойно сесть и неторопливо выпить свое пиво. Не стояли бы, как лошади в стойле»* [Обратная связь // «Встреча» (Дубна), 2003.02.12]. Это предложение является разносубъектным разнопредикатным, то есть представляет собой пример сложного предложения.

Предложения с отношениями замещения, выраженными союзами *нет чтобы* и *нет бы*, находятся на периферии КСП замещения, что подтверждается их способностью выражать условные отношения. Условные отношения возникают в том случае, если в другой предикативной единице тоже содержится частица *бы*: – *Ишь, как странно раскладывается колода! К Искристому отошел весь ум Гоярына, а к Ртутному его мощь! Нет чтобы к одному и всё вместе! Такой бы славный дракон получился, хоть против сбор-*

ной Вечности его выставляй! [Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)] – «Если бы к одному и всё вместе! Такой бы славный дракон получился».

В то же время предложения с союзом *нет чтобы* или *нет бы* могут продолжать выражать отношения замещения, но по отношению к другому предложению. Это, с одной стороны, объясняется, что отмечено еще И. А. Фигуровским, многосторонностью связей в компоненте текста. «Это не просто связи между двумя смежными предложениями, а многосторонние и разнообразные связи нескольких, а иногда и многих законченных предложений, причем одно предложение может быть связано с несколькими...» [Фигуровский И. А. 2004 (1955): 68]. С другой стороны, многозначность частицы *бы* способствует контаминации значений условия, желательности и замещения. Рассмотрим следующий пример: (1) *Ну нет бы ему год назад, в такие же праздники, на несколько дней из дому сбежать да застигнуть милую Заюшку у ярильных костров!* (2) *Сам мог бы теперь хвалиться отцовством – и поди кто оспорь его жениховское право, какие бы нелады ни водились между Зайцами и Щеглами!* (3) *Но не сбежал и не застиг. Тоже родителям покорствовал* [Семенова. Волкодав: Знамение пути (2003)]. Между первым и вторым предложениями – условные отношения, выраженные союзом *нет бы* в одном и частицей *бы* в другом предложении. Между первым и третьим предложениями – отношения замещения. Таким образом, можно произвести трансформацию первого предложения в придаточное условия («Если бы ему год назад... из дому сбежать да застигнуть милую Заюшку у ярильных костров, то сам мог бы теперь хвалиться отцовством...») и в придаточное, обозначающее замещаемое («Тоже родителям покорствовал, вместо того чтобы год назад... из дому сбежать да застигнуть милую Заюшку у ярильных костров»).

В сложном синтаксическом целом союз *нет бы* может распадаться, сохраняя при этом способность выражать отношения замещения. В ССП частица *бы* может предшествовать частице *нет*, и эта часть будет выражать замещаемое. Далее может выражаться замещающее, то есть то, что имеет место на самом деле: – *Тимофеич! (1) Рассуди сам: допустим, мы бы с твоим отцом, царство ему небесное, стали тада в Воронеже думать да гадать: интить нам на Дон али нет? – (2) не видать бы нам Дона как своих ушей. (3) Нет же! Стали, стряхнулись – и*

пошли. И стали казаками! И казаков породили [Шукшин. Я пришел дать вам волю]. Между первой и второй группой предложений – условные отношения («...если бы мы с твоим отцом ... стали тада в Воронеже думать да гадать: интить нам на Дон али нет? – то не видать **бы** нам Дона как своих ушей»); между первой и третьей группой предложений – отношения замещения («Мы с твоим отцом..., **вместо того чтобы** тада в Воронеже думать да гадать: интить нам на Дон али нет? – стали, стряхнулись – и пошли...»).

Семантика желательности передается не только сослагательным наклонением с частицей *бы*. Е. В. Алтабаева утверждает: «Оптитивность может быть представлена императивными формами, в том числе в побудительно-оптитивных высказываниях...» [Алтабаева Е. В. 2003: 6]. Поэтому следующей периферийной областью КСП замещения являются предложения, где замещаемое выражено повелительной формой предиката, затем следует отрицание, и после него – предикативная единица, обозначающая замещающее: – *Я же тебе добра хочу, как ты не поймешь!.. Все есть: деньги есть, голова на плечах есть, молодой – учись! Нет, он взял и всю мою мечту нарушил к чертям собачьим* [В. Шукшин. Любавины]; *Сбавь скорость! Моргни фарами: мол, так и так, товарищ капитан, нет возможности при настоящих погодных условиях соблюдать выбранный скоростной режим! Нет, будет переть, как на комод: дождь не дождь, снег не снег – пока рожей в кювет не въедет...* [Волос. Недвижимость // «Новый Мир», № 1-2, 2001].

Иногда в разговорной речи союз *нет чтобы* или *нет бы* может редуцироваться до одного слова *нет*, сочетающегося с инфинитивом: *Горько было Филиппу... Но теперь к горькой горечи этой приметалась еще досада на Марью. «Тоже хороша: нет, подождать – заусилась в Краюшкино! Прямо уж нетерпез какой-то. Тоже толку-то было... И чего вот теперь?..»* [Шукшин. Осенью]. Функция выражения отношений замещения у редуцированного союза сохраняется.

Рассмотрение предложений с союзами *нет чтобы* и *нет бы* в сложном предложении и в тексте позволило отметить не только свойственную фразеологизированной конструкции экспрессивность и оценочность (выражение сожаления или неодобрения по поводу неисполненного, хотя и желаемого или целесообразного действия), но и способность выражать отношения замещения и условия.

Это свойство позволяет отнести данные конструкции к периферии горизонтальной парадигмы конструктивно-синтаксического поля замещения.

Примечания:

* Основная часть примеров выбрана с помощью «Национального корпуса русского языка» (www.rus-corpora.ru)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алтабаева Е. В. Категория оптитивности в современном русском языке: Монография. – М., 2002.
2. Алтабаева Е. В. Категория оптитивности в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003.
3. Алтабаева Е. В. Оптитивность как многоаспектная языковая категория // Русистика XXI века: аспекты исследования языковых единиц и категорий: Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 75-летию со дня рождения доктора филологических наук профессора П. А. Леканта / отв. ред. Е. В. Алтабаева. – Мичуринск, 2007а. – С. 16-26
4. Алтабаева Е. В. Синтагматика модальных девербативов с семантикой желательности в оптитивных предложениях // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: К 100-летию профессора А. М. Иорданского. Материалы седьмой международной конференции. Владимир, 25-27 сентября 2007 года. – Владимир, 2007б. – С. 51-54.
5. Брехт Р. Д. О взаимосвязи между наклонением и временем: синтаксис частицы *бы* в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. – М., 1985. – 578 с. – С. 101-117
6. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
7. Русская грамматика. В 2-х т. – М., 1982.
8. Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В. В. Бурцева. – М., 2005.
9. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Л., 1987.
10. Фигуровская Г. Д. Системные связи сложных предложений в современном русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. – Елец, 1996.
11. Фигуровский И. А. К вопросу о закономерностях в соединениях законченных предложений // И. А. Фигуровский. Избранные труды. – Елец, 2004. – С. 53-72.

H. Odintsova

THE SENTENCES WITH CONJUNCTIONS *NET BY* AND *NET CHTOBY* IN THE CONSTRUCTIONAL-SYNTACTIC FIELD OF SUBSTITUTION

Abstract: In Russian Grammars the sentences with conjunctions *net chtoby* and *net by* were interpreted in “The Simple Sentence” as phraseologized constructions designating disapproval. In the complex sentence and text such sentences can express the relations of substitu-

tion and condition. Therefore we put them into the periphery of horizontal paradigm of the constructional-syntactic field of substitution.

Key words: constructional-syntactic field, relations of substitution, horizontal paradigm, substituent, replacement.

УДК 81411.2

Павлов Р.В.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ*

Аннотация: В статье рассматривается лексический потенциал предлогов; выявлена функционально-семантическая специфика пространственных предлогов путем их дифференцирования внутри структурно полицентрического функционально-семантического поля; определена ядерная, центральная и дополнительная зоны поля с учетом уровня наполнения пространственной семантикой и наличием смежных значений указанных частей речи.

Ключевые слова: функционально-семантическая специфика, предлог, протранство, категория.

В данном материале мы обращаемся к изучению пространственной категории одной из частей речи, которая в настоящее время привлекает внимание исследователей. Интерес именно к пространственным предлогам в значительной степени обусловлен тем, что изучение этих единиц позволяет выявить особенности пространственного восприятия, преломленного в языковых значениях, и помогает раскрыть систему понятий и представлений, через которые мы осмысливаем окружающий мир. Следовательно, **цель** статьи – отражение специфики функционально-семантической составляющей пространственных предлогов в поэзии С.А. Есенина.

Лингвисты описывают пространственные языковые единицы в рамках различных направлений языкознания – когнитивного, функционального, структурного и т.д. (Ю. Д. Апресян, М. В. Всеволодова, О. Н. Селиверстова и др.), что обусловлено наличием общей проблемы поиска путей адекватного семантического описания. Пространственные предлоги служат отличным материалом для исследований, сосредоточенных на раскрытии когнитивных особенностей человека. Кроме того, пространственные предлоги находятся

на первом месте по частотности употребления среди служебных и самостоятельных частей речи, что предполагает несомненную актуальность и в методическом аспекте.

Важное место в изучении предлога занимает вопрос о его лексическом значении. Одни ученые (Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, В. С. Бондаренко и др.) не признают за предлогами самостоятельного лексического значения и не считают возможным подвести предлог под какое-либо общекатегориальное значение. Другие же (В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова, О. Н. Селиверстова и др.) не исключают наличия у предлогов сигнификативного значения, которое заключается в выражении определенных отношений.

При рассмотрении функциональной проблемы предлогов, необходимо указать, что мы придерживаемся преобладающего в настоящее время мнения о наличии у предлогов самостоятельного лексического значения, присущего им и вне словосочетаний. Важным доказательством того, что предлоги – полноправные единицы языка с собственным лексическим значением, является то, что они испытывают на себе влияние тех лексико-грамматических процессов, которые свойственны знаменательным частям речи, в частности, предлоги вступают в антонимические и синонимические отношения, образуя соответствующие пары или группы, также у предлогов широко представлено явление полисемии. Центральным значением предлога как части речи является синтаксическое значение, т.е. способность объединять слова в словосочетания. Под лексическим значением предлога понимается та информация, которую предлог передает об отношениях между объектами в определенной ситуации.

Одним из основных акцентов специфики предлогов является то, что они выступают в качестве номинативных средств не самостоятельно, а лишь в составе словосочетания

* © Павлов Р.В.

или предложения. Следовательно, нельзя упускать из внимания рассмотрение вопроса контекстуальной зависимости семантической составляющей данной части речи.

Проблеме построения семантической структуры, соотношению значения и контекста посвящена и статья С. Е. Никитиной «О семантическом варьировании русских предлогов». «Как нам представляется, проблему поиска инварианта можно переформулировать как проблему поиска связи между вариантами. Тогда она может быть понята шире, чем поиск единственного парадигматического инварианта» [1: 111].

По мнению автора статьи, у многозначных предлогов не существует значений, не зависящих от контекста: каждое из них реализуется в определенном типе контекста и в этом смысле связано с ним. Однако нужно различать контекст как некоторый индикатор, необходимый для проявления значения предлога, и контекст как создатель такого значения. И та и другая роль контекста проявляется в функционировании предлогов. «Мы не считаем, что на синхронном уровне не существует предлогов-омонимов, т.е. не утверждаем, что все конкретные значения предлога обязательно должны быть связаны между собой. Однако мы стремимся показать общность значений там, где она на первый взгляд не представляется очевидной» [1: 112].

Являясь одним из ярчайших средств выражения пространственных отношений, предлоги поддаются классификации на основе функциональных и семантических признаков и, как следствие, указанную специфику пространственных предлогов наиболее полно можно раскрыть посредством определения функционально-семантического поля.

Функционально-семантическое поле (ФСП) пространственных предлогов (ПП), на наш взгляд, представляется структурно полицентрическим. Соответственно оно состоит из ядра, которое включает в себя предлоги с доминирующим пространственным значением и нескольких периферийных зон, в состав которых можно определить предлоги, выражающие и пространственные отношения и другие, что определяется как правило контекстуальной обусловленностью. Необходимость описания ФСП ПП считается целесообразной по следующим причинам: во-первых, определение ядерной зоны ФСП необходимо для выявления предлогов, у которых пространственное значение является доминирующим, ведущим; во-вторых, посредством

обнаружения периферических зон видится возможным определить и охарактеризовать смежные и синкретические явления, связанные с семантикой пространственных предлогов; наконец, в-третьих, обозначение центральной части ФСП ПП и его периферических зон естественно и сильно повлияет на определение основных и факультативных функций данных служебных частей речи с указанным семантическим наполнением, что несомненно является одним из элементов функционально-семантической специфики.

Предлоги, наполненные пространственной семантикой, объединяются в обширное ФСП, в котором они дифференцируются по значимым признакам: по уровню наполнения пространственной семантикой и, следовательно, по соотношению дополнительных значений указанной части речи (временных, определительных и т.д.). Поле локальности отличается собственной системой, основанной на иерархическом построении, выявить которую возможно при тщательном рассмотрении сферы проявления пространственного значения и функционально-семантического расслоения предлогов с пространственной семантикой.

ФСП ПП представляет собой самое крупное объединение данных частей речи, это «лексическая категория высшего порядка, синтезирующая в себе более частные категории (синонимию, антонимию, конверсию и др.) и представляющая собой наиболее адекватное отражение системы языка» [2: 3].

ФСП обладает сложной и весьма своеобразной структурой как особая языковая система. Составные элементы данной системы тесно связаны между собой и находятся в сложном взаимодействии и взаимозависимости.

Поле, имеющее в смысловой основе функционально-семантическую зависимость, объемно и многомерно. В основе его организации как системно дифференцированного множества лежат родовидовые отношения пространственных предлогов. «Одним из основных свойств структуры семантического поля является ее целостность, которая обеспечивается отношениями, в основе которых лежит включение менее сложных единиц в более сложные» [3: 8].

Все вышесказанное предопределяет понятие ФСП – это «иерархическое поле множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [2: 3].

1 – ядро ФСП ПП (ядерная зона);

2 – первая периферическая зона ФСП ПП (центральная зона);

3 – вторая периферическая зона ФСП ПП (дополнительная зона).

Так же, как и в ФСП существительных с пространственным значением, ядро которого (поля) составляет огромное количество существительных, лексическое значение которых сливается с семантикой существительных *пространство* и *место*, в ФСП ПП центральную область (ядро) составляют предлоги, лексическое наполнение которых должно быть сообразным значению пространственности в первую очередь и выражать в прямом (не переносном) значении только указанные отношения. К ядру ФСП ПП можно отнести следующие предлоги: *из-под, по-над, по-за, близ, вблизи, впереди, возле, наверху, напротив, позади, подле, сбоку, сзади, вглубь, внутрь, посредине, посреди, внутри, вблизи от, вдалеке от, вдали от, невдалеке от, рядом с, в направлении, в сторону, на пути, со стороны, в направлении к, в стороне от, на пути к, по направлению к*.

Первую периферическую (околоядерную) зону ФСП ПП составляют те предлоги, которые могут в различных контекстах выражать помимо пространственных отношений, которые являются основными, доминирующими, еще и временные, причинные, определительные и др. Кроме того, в эту группу определены предлоги, значение которых изменяется в процессе фразеологизации выражений, в которых они используются, например, в пословицах, поговорках, загадках, крылатых словах, авторских выражениях и др. (ср.: *снять с дома – сбить с толку*). В эту функционально-семантическую группу можно отнести следующие предлоги: *в, на, у, при, за, над, под, до, к, от, с, из, по, между, из-за, вне, около, перед, сквозь, через, поверх, вдоль, мимо, навстречу, вслед за, вплоть до, вровень с, следом за, вне границ, в границах, в пределах, в районе, вне пределов, в уровень с, не доходя, пройдя, не доходя до*.

В отличие от ядерной и околоядерной зон вторая периферическая зона ФСП ПП включает в себя небольшое количество единиц. В данную функционально-семантическую группу входят предлоги, лексическое наполнение которых определяет их специфическую семантическую структуру, а именно те предлоги, которые выражают пространственные отношения как дополнительные, факультативные. Основные же значения, выражаемые данными частями речи, могут

быть и временные, и определительные, и объектные, и причинные и другие. Также эти предлоги могут выражать огромное количество оттенков различных значений: совместность действия, количество и т.д. И только в определенных контекстуальных вариантах, в определенных синтаксических конструкциях, не лишенных авторской интерпретации и фразеологичности, служебные части речи такого рода могут выражать значения пространства. К этому уровню ФСП ПП можно отнести следующие предлоги: *после, сверх*.

Полноформатно охарактеризовать всю функционально-семантическую специфику пространственных предлогов посредством их дифференциации внутри ФСП в рамках данной статьи невозможно. Тем не менее из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Открытую проблему наличия у предлогов самостоятельного лексического значения можно локализовать, учитывая мнение большинства исследователей и опираясь на некоторые свойства данных частей речи (синонимия, омонимия, антонимия) не характерные другим служебным элементам языка.

2. Выражение сигнификативного значения пространственными предлогами напрямую зависит от их синтаксического положения и контекстуальной обусловленности.

3. Наиболее приемлемым вариантом описания функционально-семантической специфики пространственных предлогов является дифференциация данных лексем внутри функционально-семантического поля.

4. Функционально-семантическое поле пространственных предлогов, не учитывая локальных вариантов использования указанных служебных частей речи, представляется полицентрическим, состоящим из ядра (центральной зоны), первой периферической (околоядерной) и второй периферической зон.

5. Наличие у предлога пространственной составляющей зависит от его (предлога) положения в функционально-семантическом поле – по мере отдаления от центральной зоны теряется значение пространственности либо дополняется большим количеством иных семантических оттенков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Никитина С.Е. О семантическом варьировании русских предлогов // Семантическое и формальное варьирование. – М., 1979.
2. Новиков Л.А. Семантическое поле как лексическая категория // Теория поля в современном языкознании. Тезисы докладов научно-теоретического семинара. – Уфа, 1991.

3. Тихонов А.Н. Семантическое поле как единица лексического уровня языка // Теория поля в современном языкознании: Тезисы научно-методического семинара. – Уфа, 1991.
4. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – М., 1982.
5. Селиверстова О.Н. Имеет ли предлог только грамматическое значение? // Вопросы филологии. – М., 1999. – № 3.

R. Pavlov

FUNCTIONAL- SEMANTIC PECULIARITIES OF SPATIAL PREPOSITIONS

Abstract: The article deals with analysis of lexical potential of prepositions. The author reveals functional-semantic peculiarities of spatial prepositions by means of their differentiation within structural polycentric functional- semantic field. Nucleus, central and additional zones of the field are determined, taking into consideration the levels of filling with spatial meaning and presence of adjacent meanings of prepositions.

Key words: functional and semantic specifics, preposition, space, category.

УДК 808.51

Рослова Е.Ю.

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЗВУЧАЩЕЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ*

Аннотация. Звучащая литургическая проповедь как разновидность квазиспонтанной речи представляет большой интерес для современных лингвистических исследований. В первую очередь это связано с целевой направленностью данного жанра, заключающегося в воздействии на аудиторию. Ведущую роль играет оформление речи совокупностью просодических средств, которые обусловлены семантикой высказывания и дают объективную картину способов и механизмов убеждения.

Ключевые слова: просодия, церковная проповедь, квазиспонтанная речь, акустика, сегментация.

Интерес к изучению звучащей речи обусловлен как теоретическими, так и практическими потребностями. Теоретические потребности связаны с комплексным описанием системы языка. Практический же интерес связан с развитием техники, передачей, обменом информацией в рамках звучащей речи, с синтезом речи, с изучением таких качеств звучащей речи, которые способны усилить степень ее воздействия на слушателя. Потому что главное преимущество устной речи по сравнению с письменной состоит в той дополнительной информации, которую придает ей человеческий голос, интонация. Ораторская речь представляет собой жанр речи, в котором во всем многообразии могут

проявляться воздействующая сила слова, и особую роль в этом играет ее просодическое оформление.

Одной из разновидностей ораторской деятельности является церковная проповедь. Эта речь религиозного характера, которая произносится священнослужителем в церкви, и имеет своей задачей поведать и разъяснить слушающим основы христианского вероучения.

Проповедник, обращаясь к присутствующим, использует все средства воздействия: разные способы выделения смысла, которые значительно увеличивают силу слова, а тем самым и силу воздействия, и свое личное искусство.

Квазиспонтанный характер воплощения речи усиливает воздействующий эффект пастырского слова, поскольку проповедник использует богатейшее по способам воздействия искусство построения и произнесения, усиливающее эмоциональную составляющую когнитивного процесса. Кроме того, текст проповеди всегда ориентирован на аудиторию, перед которой она произносится.

На сегодняшний день в научной литературе нет комплексного исследования организации звучащей речи (в частности звучащей проповеди), которое помогло бы сформулировать основные требования к произнесению проповеди, с целью усиления целевой направленности текста проповеди.

Именно поэтому нами было проведено исследование особенностей просодическо-

* © Рослова Е.Ю.

го оформления современной литургической проповеди и способ их подачи для усиления воздействия на слушателей.

А именно: перцептивное и акустическое исследование сегментных и суперсегментных параметров речи в духовной проповеди, таких как правила сегментации, темп произнесения, паузация, акцентуация с учетом характера разных типов словесных выделительных акцентов. Значительное внимание уделяется изучению мелодики и интенсивности в перцептивном анализе и ЧОТ (частоты основного тона) в акустическом анализе.

Особое внимание уделялось ритмической организации слова и синтагмы, так как очень часто они выделяются совокупностью параметров как семантически значимые, с точки зрения проповедника.

Материалом для исследования послужили аудиозаписи проповедей, прозвучавших в православных храмах Москвы. Кроме того, анализу подвергались аудиозаписи духовной речи, сделанные во время литургии в различных храмах и монастырях России, а также записанные в студийных условиях диски. Среди авторов проповедей представлены архимандрит Даниил, схиигумен Свято-Троицкой Сергиевой лавры Савва, архимандрит Юрасов, протоиерей Дмитрий Смирнов. Было проанализировано более 6000 синтагм.

При анализе просодического строя литургической речи мы основывались на разделяемом большинством современных исследователей положении о том, что значение высказывания формируется благодаря взаимодействию значений, выражаемых семантикой высказывания, фразовыми выделительными акцентами, определяющими интонационный контур и контекстом. Данное положение и лежит в основе комплексного метода описания материала.

В качестве основной единицы наблюдения избрана синтагма, понимаемая как минимальный интонационно целостный смысловой отрезок речи.

Рассмотрение закономерностей сегментации в звучащей православной проповеди имело целью выявить правила сегментации, объем синтагм и функции сегментации.

Анализ перцептивного изучения сегментации показал, что для современной литургической проповеди характерна сегментация на короткие синтагмы с преобладанием однословных, двухсловных и трехсловных синтагм (32,16%, 31,15%, 21,84% соответственно). Стилистическая принадлежность проповеди к ораторскому жанру, в котором

реализуется, прежде всего, функция воздействия, диктует преобладание такого объема синтагм. Подобного рода сегментация необходима для привлечения внимания к наиболее значимому, с точки зрения проповедника, слову в синтагме или синтагме в целом.

По результатам исследований, граница синтагм встречается в 80% случаев после акцентно выделенного слова. Таким образом, можно констатировать, что с помощью коротких синтагм и смыслового подчеркивания конечного слова синтагмы реализуется функция убеждения в проповеди. Наличие выделительных акцентов в синтагме, маркирующих семантические центры проповеди, помогает слушателю ориентироваться в содержании текста, делая его более понятным и ярким.

Основные смысловые задачи, реализованные определенной последовательностью ритмических структур (РС), диктуют тип интонационного высказывания. В потоке речи РС зависит не только от позиции в синтагме, но и от характера текста, его принадлежности к определенному типу дискурса (проповеди) как особого вида речевой деятельности.

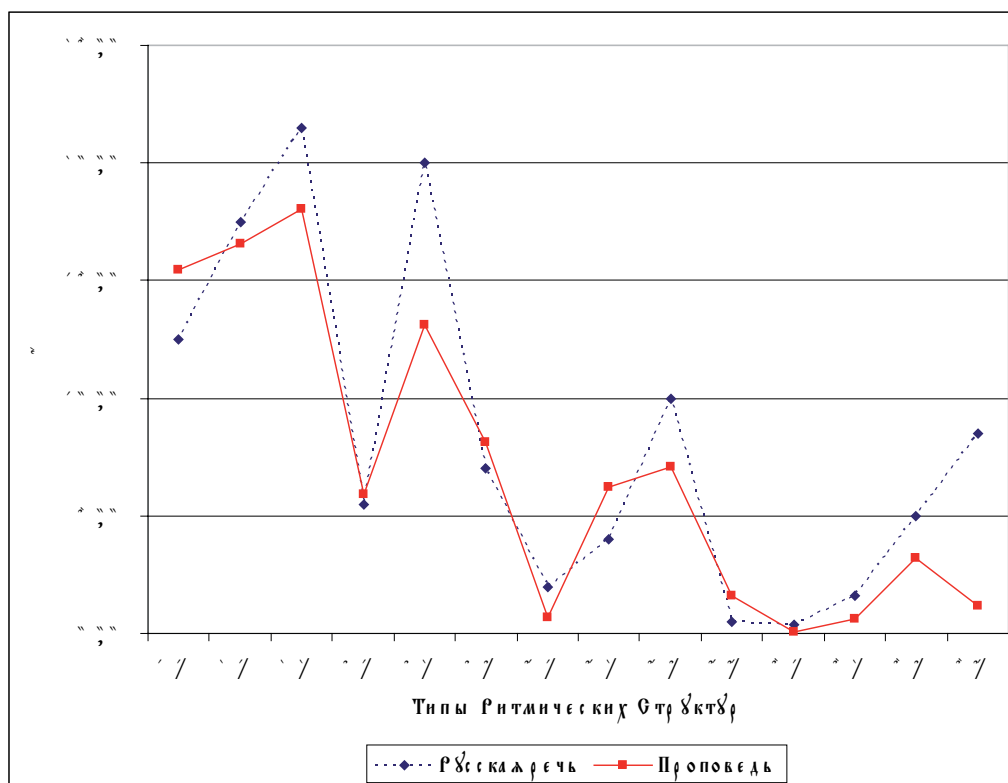
Поэтому вопрос о количественном составе ритмических структур в проповеди представлял несомненный интерес. В результате подсчета были получены данные количественного распределения ритмических структур по их типам.

Анализ ритмических структур слов показал, что для проповеди характерны следующие типы РС: класс однословных и двухсловных ритмических структур, что в целом составляет 75%. В классе трехсловных выделяется тип № 5 и № 6 с ударением на втором и на третьем слоге (13 - 8%). В четырехсловных ритмических структурах выделены типы № 8,9 – с ударением на втором (6%) и на третьем (7%) слоге. Для пятисловных структур самым частотным оказался тип №13 с ударением на третьем слоге. При рассмотрении 6,7 классов четко прослеживаются максимумы значений для типов ритмических структур с ударением на третьем слоге.

Данный график показывает распределение РС для русской речи [2, 73], а также специфичность употребления РС в проповеди.

В работе был отмечен ряд особенностей, характеризующих жанр проповеди и связанных со спецификой лексического состава, а именно, значение слов структуры 5/3. Это особая группа слов, употребляемых в проповеди, несущая на себе фразовый акцент и обозначающая важнейшие для христианско-

**Сравнительный график распределения наиболее частотных РС (фонетических слов)
в русском языке и в проповеди.**

го мировоззрения понятия.

Примером могут служить такие слова как *очищение, милосердие, смирение, воскресение, искушение, нечестивый, заблуждение, покаяние, утешение, послушание, словословие, испытание, благочестие*.

Употребление данных слов создает у слушателей определенное настроение, позволяет зафиксировать внимание на семантически значимых словах духовного наставления, что дает возможность проповеднику исподволь формировать в воспринимающем сознании слушателей круг понятий, совокупность которых лежит в основе взглядов и убеждений, определяющих отношение человека к окружающему миру. В большинстве случаев данная ритмическая структура является либо акцентновыделенной в синтагме, либо представляет собой самостоятельную также акцентновыделенную синтагму.

Например:

Сейчас особенно надо ему молиться, / потому что, невзирая/ на множество /открытий церквей,/ монастырей, /русский народ,/ отошедший /за 73 года от Бога, /еще не осознал /того заблуждения,/ в которое он впал. /(архимандрит Даниил (Сарычев)). Вот человек, когда обращается к врачу/, обнажает свое тело/, и мы видим/, то есть врач видит/,

что тело у него здоровое/, но внутренне он может быть/ весь больной./ Вот точно так же/ и человек, мы/ видим,/ что нормальный/, а внутри, духовно/, он совсем больной/. Его нельзя тронуть за живое место/, тронул/, все/ полетело:/ весь человек в гневе/, в **раздражении**,/ в обиде/ и готов всех разнести/; Если человек здесь начнет с **послушания**/, жить мирно, спокойно,/ все по-другому пойдет (архимандрит Амвросий Юрасов). **Воскресение** Христова принесло нам /такую радость/, что мы /никогда /не исчерпаем /всей,/ сколько бы/ ни радовались (схиигумен Савва).

Большую роль в восприятии речи проповедника играют паузы. В научной литературе известно, что степень и характер воздействия может регулироваться с помощью пауз. Наличие или отсутствие пауз, их тип, длительность, позиция в высказывании влияют на коннотативное значение текста [5: 67]. С помощью пауз происходит смысловое и эмоциональное подчеркивание слова или синтагмы [8: 127].

Организация реализации пауз характеризует проповедь как квазиспонтанный способ речепроизводства. С одной стороны, пауза является основным просодическим сигналом границы синтагмы. С другой стороны, она играет роль подчеркивания важной,

с точки зрения проповедника, информации. Значение «коэффициента паузации» свидетельствует о «паузальной насыщенности» проповеди. Было обнаружено два типа пауз: темпоральная пауза и «звучащая пауза», играющая роль смысловой сегментации проповеди [3: 153].

Немаловажным является и длительность пауз. В результате подсчетов было выявлено, что в основном в проповеди присутствуют средние (300 – 600 мс), долгие (до 900 мс) и сверхдолгие паузы (после 1000 мс). Процент средних пауз составляет около 50%, долгих – 19%, а сверхдолгих – 30% от общего числа пауз. В связи с этим мы полагаем, что именно такое распределение пауз по длительности является оптимальным для достижения функции убеждения в проповеди.

Также было отмечено, что сверхдолгие паузы являются границами крупных смысловых блоков – фраз (периодов). Делая паузу после крупного семантического целого, проповедник дает своим слушателям обдумать и осмыслить сказанное. Такого рода паузы встречаются также после обозначения темы.

Например:

Поздравляю вас/ дорогие братья и сестры /с великим праздником /Святого Славного /Великого пророка Божьего Илии./2100 мс. Для нас с вами/ этот величайший пророк /имеет особое значение. /1635 мс. Мы знаем,/ что перед вторым пришествие Господа, /он придет на землю./1500 мс. Он придет на землю для того,/ чтобы защитить православную веру,/ помочь христианам /в это трудное время/ и посрамить антихриста./ Вот цель его пришествия./1940 мс. Сейчас особенно надо ему молиться, /потому что, не взирая/ на множество /открытий церквей,/ монастырей, /русский народ,/ отошедший /за 73 года от Бога, /еще не осознал /того заблуждения,/ в которое он впал. /1740 мс. Меня Господь сподобил /в этот день/ быть посвященным/ в сан иеромонаха/ в обители/ преподобного князя Даниила. /1365 мс (архимандрит Даниил (Сарычев)).

Но вот /я /вам говорю, /говорю христианам благочестивым, /которые знают, /что грешно среди радости /забывать своего /Христа /– источника радости. /1630 мс. Итак,/ еще скажу вам, /слушатели благочестивые/ – Будьте в Светлый Христов праздник /как можно веселее,/ радуйтесь /как можно больше/ Светлому Христову Воскресению. /1300 мс. С мрачным лицом,/ со злобою в сердце,/ с лукавством на языке/ неприлично,/ даже грешно праздновать Пасху/ нам,

православным Христианам./ Ибо Пасха наша, /за нас /за главный /Иисус Христос /– есть веселье вечное./ 1700 мс. Господь /Иисус Христос/ да благословит /вас/ весело и радостно /праздновать праздник/ Святой Пасхи /и сам да сохранит вас /среди веселья /и радости /от всякого порока/ и лукавства./1300 мс. Один христианский писатель, /он /сказал /и написал даже/, какой /долг /христианина, /который здесь живет на земле. /Он выразил это такими словами/ 1400 мс. В чем счастье жизненного радостного пути, /куда твой долг велит идти,/ врагов не знать,/ преград не мерить, /любить, /надеяться /и верить/1200 мс. (схиигумен Савва).

Результат исследования формантной структуры звучащей проповеди в особенности ударных звуков показал, что максимальные изменения происходят при реализации фразовых выделительных акцентов различных типов.

Изменение таких акустических параметров как частота основного тона (ЧОТ), формантное представление сегментов, длительность влечет за собой соответственно и изменение их перцептивных коррелятов, таких как тембр, громкость, долгота, что в свою очередь существенно сказывается на восприятии речи.

Исследование параметра ЧОТ дало следующие спектральные изменения, наблюдающиеся на словах с выделительным акцентом. С помощью частоты основного тона было показано, что выделительный акцент характеризуется двумя типами изменения огибающей.

Первый заключается в реализации акцентного выделения (АВ) на большом диапазоне ЧОТ. Изменение диапазона частоты основного тона (ЧОТ) по сравнению с нейтральным произнесением может варьироваться до 12 полутонов. При этом такие изменения могут наблюдаться в рамках одного звука. Средний уровень ЧОТ намного превышает средние нормативные показатели и может достигать 350 Гц. Вторая тенденция – это реализация АВ в узком диапазоне ЧОТ, реализация синтагмы происходит на ровной, но высокой частоте.

Как видно на рис. 1 вся синтагма произнесена на высокой ровной частоте и составляет 350 Гц. Данные показатели свидетельствуют об акцентной выделенности обоих слов синтагмы.

Изменения происходят и в формантном представлении сегментов. Для фразовых акцентов выделительного типа характерны

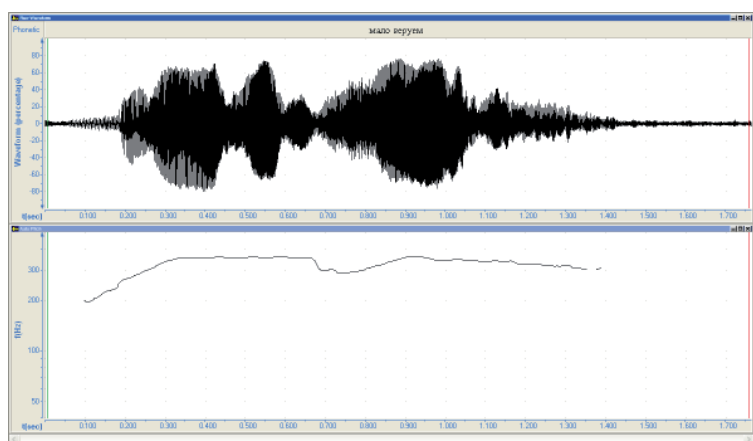

Рис. 1. Осциллограмма, огибающая ЧОТ «Мало веруем»

тембральные модуляции голоса. В зависимости от типа выделительного акцента наблюдается либо повышение, либо понижение значения формант. В целом отмечено общее смещение спектра в область более высоких частот (до 5000-6000 Гц). При этом интенсивность не обязательно оказывается максимальной (см. рис. 2).

Значения огибающей интенсивности

для конечного слова синтагмы могут увеличиваться. Такой контур характеризует большее употребление моделей незавершенности, являющихся основными для исследуемого жанра (полная незавершенность, когда на последнем слове синтагмы происходит большое повышение и увеличение диапазона, слабая незавершенность, характеризующаяся меньшим диапазоном и полная завершен-

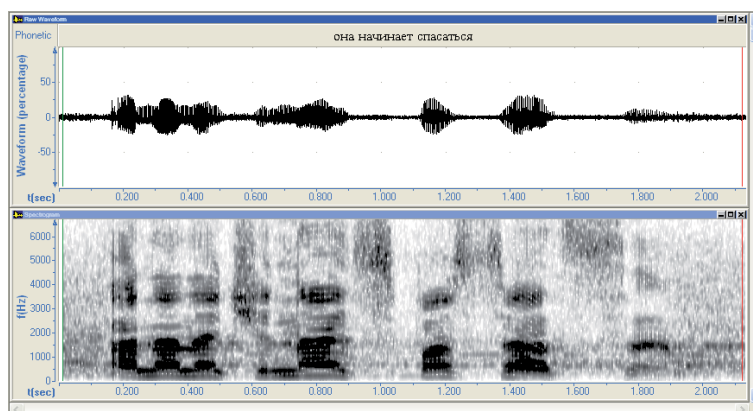

Рис. 2. Осциллограмма, динамическая спектрограмма «Она начинает спасаться»

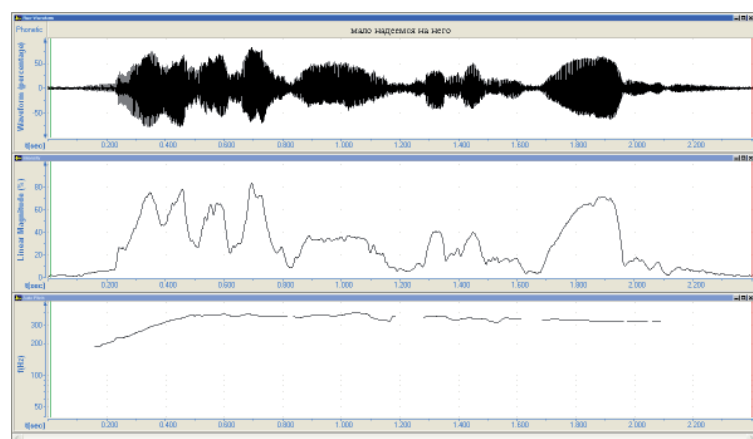

Рис. 3. Осциллограмма, огибающая интенсивности, огибающая ЧОТ «Мало надеемся на Него»

ность с падением интенсивности до нуля в незначимых, с точки зрения проповедника, фразах). На рис 3 также показана корреляция показателей интенсивности и ЧОТ.

Наблюдается также и темповая неоднородность в рамках синтагмы. Для АВ слова синтагмы характерно выделение длительностью. Слова, несущие смысловую нагрузку в проповеди, произносятся, как правило, с замедленным темпом.

Еще одна особенность реализации АВ в проповеди заключается в том, что она может быть маркирована изменением только одного из вышеперечисленных параметров. Это происходит тогда, когда параметры восприятия не совпадают с изменением акустических параметров. Возможно, например, выделение с помощью длительности при нормативных показателях частоты основного тона и интенсивности. Такое явление свойственно словам с эмоциональным значением. В этих случаях возможна взаимокompенсация параметров.

Таким образом, результаты проведенного исследования дают новые научные сведения для разработки текстов ораторских жанров с целью усиления их воздействующего эффекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Зиндер Л.Р. Общая фонетика: Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1979.
2. Златоустова Л.В. Фонетические единицы русской речи. – М., 1981.
3. Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Трунин-Донской В.Н. Общая фонетика. – М., 1997.
4. Златоустова Л.В. Некоторые замечания о речевом дыхании // Исследования по речевой информации. Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики, под ред. Звегинцева В.А. – М., 1968.
5. Надеина Т.М. Фразовая просодия как фактор речевого воздействия: Монография, Институт языкознания РАН; Московский государственный университет сервиса. – М., 2003.
6. Потапова Р.К., Блохина Л.П. Средства фонетического членения речевого потока в немецком и русского языках: Учебное пособие. – М., 1986.
7. Прохвятилова О.А. Интонационно-звуковое своеобразие духовной проповеди. Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Филология. – Вып. 1, 1996.
8. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. – Л., 1982.

E. Roslova

PROSODIC ORGANIZATION OF VOCAL LITURGICAL SPEECH

Abstract. Vocal liturgical speech as a certain type of quasispontaneous speech is of great interest to modern linguistic research. Above all, this is due to the main purpose of this functional style being audience manipulation. Prosodic parameters play the main role in organization of oratorical speech and provide an objective picture of ways and mechanisms of manipulation.

Key words: prosodic, church sermon, quasispontaneous speech, acoustics, segmentation.

УДК 81'373

Сорокина С.Н.

ПРОМЫСЛОВАЯ ЛЕКСИКА УГРОВ В ГИДРОНИМАХ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ*

Аннотация: Статья посвящена вопросу именования гидрографических объектов на территории Среднего Приобья. В статье рассматривается функционирование лексики, связанной с особенностями хозяйства, промыслов ханты и манси, в номинации географических объектов.

Ключевые слова: лексика, гидронимы, номинация, функционирование.

Топонимический материал содержит ценные сведения о традиционной культуре,

особенностях хозяйства и промыслах аборигенного населения Среднего Приобья. Богатство животного мира этого края отразилось не только на жизнедеятельности угров, но и легло в основу номинации многих географических объектов.

Основной тип хозяйства угров – сочетание речного рыболовства и охоты с оленеводством. Краеведы издавна отмечали, что «въ Западной Сибири, въ Оби и Иртышѣ, водится въ изумительномъ множествѣ бѣлуга, осетръ, стерлядь, нельма, таймень, муксунъ, сырокъ, налимъ, щука, хайрюзь, ясь, карась,

* © Сорокина С.Н.

окунь, ершъ и прочія мелкія породы» [4: 49]. Речное рыболовство угров носило круглогодичный характер. С низовьев рек они выезжали на Обь для сезонной рыбной ловли. Перед началом ледостава старатели возвращались на свое зимнее местожительство, где продолжали заниматься зимней рыбалкой на мелких речках и озёрах.

Охотничий промысел, который носил сезонный характер, состоял из охоты на мясного и пушного зверя. На первом месте стояла добыча белки и соболя, а в некоторых районах добывали бобра. Объектами охотничьего промысла также служила боровая и водоплавающая дичь. Невозможно представить народы севера и без оленеводства. С древнейших времен олень в жизни человека занимал важное место – благодаря ему жилища и одежда северных народов были теплыми, пища сытной.

Гидронимия Среднего Приобья включает в свой состав довольно многочисленную группу названий, отражающих основные промыслы аборигенов региона. Назовем следующие примеры:

1. Названия, имеющие в своем составе лексику рыболовства.

Эти названия основаны на родо-видовых отношениях. В качестве родовой семьи, интегрирующей частные, видовые признаки обозначаемых реалий, выступают географические термины *еган*, *ягун* – река, *лор*, *тор* – озеро.

– *язь*: **Агрнъеган**, р. – *язевая река*: *яурэн* – *язь*, *язевый* [9: 334].

– *окунь*: **Еваеган**, **Евъеган**, рр. – *окуневая река*: *ев* – *окунь* [7: 29].

– *стерлядь*: **Карым**, **Карыягун**, рр. – *река, в которой водится стерлядь*: *кѳри* – *стерлядь* [9: 306].

– *ѳрш*: **Ляреган**, **Ларъеган**, **Ларъя**, рр. – *ѳршовая река*: *лар* – *ѳрш* [7: 47]; **Няргиеган**, р. – *ѳршовая река*: *нярки* – *ѳрш* [7: 68].

– *щука*: **Сортымъеган**, **Сортигол**, **Сартъеган**, **Сартигль**, рр., **Сортымлор**, **Сорттур**, **Сортлор**, **Сортантур**, **Сартэмтор**, оз. – *река / озеро, в которой водится щука*: *сорт* – *щука* [7: 87].

– *окунь*: **Симрынъя**, р. – *река, в которой водится окунь*: *симри* – *окунь* [2: 64].

– *мохтик*: **Мохтикъеган**, р. – *река, в которой водится мохтик*: *мохтик* – *мегдым*, *елец сибирский*, он же *мохтик*, он же и *чебак* [6: 79].

2. Названия, имеющие в своем составе обозначения видов птиц.

Названия данной тематической группы

представляют собой контаминацию видовых сем, обозначающих специфические, дифференцированные признаки номинируемого объекта, и гиперсем *лор*, *тор* – озеро, *еган*, *ях* – река.

– *утка*: **Васыглор**, **Вачлор**, оз., **Васыгиль**, р. – *утиное озеро / река*: *вас* – *утка* [1: 81]; **Енрилор**, оз. – *озеро болотной утки*: *энлы* – *болотная утка* [9: 55]; **Куръеган**, **Курыкъеган**, рр., **Курыктор**, **Курсор**, оз. – *утиная река / озеро*: *курэк* – *шилохвост (утка)* [7: 44]. Т.Н. Дмитриева приводит мнение Р. Радомски, который атрибутивный компонент возводит к хантыйскому *хор* – болото, но ни один из наших информантов не исправлял *kur* на *hor*, хотя этот географический термин хорошо известен на Казыме и часто встречается в топонимии [4: 503]; **Сой**, р. – *утиная река*: *сой* – *гоголь (утка)* [7: 86]; **Сынъях**, **Сынъеган**, рр. – *утиная река*: *синк* – *черная утка* [3: 248].

– *синица*: **Вурсатъеган**, **Вирсияун**, рр. – *река, у которой много синиц*: *вурсяк* – *синица* [7: 24].

– *ворон*: **Колекъёган**, р. – *река ворона*: *колэк* – *ворон* [9: 47].

– *глухарь*: **Лукъеган**, **Лугвар**, рр., **Лукутлор**, оз. – *глухаринная река (запруда)*: *лук* – *глухарь* [7: 50].

– *стриж*: **Рапсиеган**, р. – *река стрижа*: *рап* – *стриж*; *ласточка* [7: 81].

– *сорока*: **Савъях**, р. – *сорочья река*: *савнэ* – *сорока* [5: 93].

– *кулик*: **Сюльеган**, р. – *река кулика*: *сюлси* – *кулик* [7: 91].

– *журавль*: **Тормэмтор**, оз. – *журавлиное озеро*: *тор* – *журавль* [7: 95].

– *тетерев*: **Ятрия**, р. – *тетеревиная река*: *ятри* – *тетерев*. По берегам этой реки раскинулись обширные болота с сосново-кедровыми гривами, излюбленными местами промысловой птицы тетерева-косача.

3. Гидронимы, имеющие в своем составе обозначения видов животных.

Названия этой группы, как и предыдущих, складываются из семантически однородных единиц, выступающих в качестве гипонимов по отношению к словам *еган*, *лор*, соотносящимися с родовым понятием, и как согипонимы по отношению друг к другу.

– *олень*: **Велинъеган**, **Велинигол**, рр. – *олений ручей*: *вэли*, *вэлим* – *олень* [9: 22]; **Хоптынсоим**, р. – *олений ручей*: *хопты* – *олень-бык* [7: 106]; **Хоръеган**, **Харсоим**, **Хора**, рр. – *оленья река*: *хор*, *хэр* – *олень-бык / хор* – 1) *бык*; 2) *дикий* [7: 106]; **Пежилор**, оз., **Пежиеган**, р. – *река оленей*: *пқиши* – *оле-*

ненок [5: 92].

– белка: Лянкееган, Ланги-еган, рр.
– белчья река: ланги – белка [7: 47].

– выдра: Вондырьягун, р. – река выдры:
вонтыр – выдра [2: 60].

– волк: Евра, р. – река, у которой во-
дятся волки: евыр – волк [9: 192].

Анализ фактического материала пока-
зал, что в наименованиях водных объектов
Среднего Приобья широко отражена лексика,
характеризующая основные промыслы авто-
хтонного населения. В основе наименований
лежат гиперо-гипонимические отношения,
которые способствуют системной организа-
ции топонимической лексики в хантыйском
и мансийском языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Глинских Г.В. К интерпретации семантических соответствий в разноязычной по происхождению топонимике одной территории // Вопросы топонимики. – № 6. – Свердловск, 1972.
2. Глинских Г.В., Матвеев А.К. Материалы по мансийской топонимике // Вопросы ономастики. – № 10. – Свердловск, 1975.
3. Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. – Екатеринбург, 2005.
4. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. Перизд. – Тюмень, 2005.

5. Исламова Ю.В. Отапеллятивная гидронимия ниже-среднего Приобья // Актуальные проблемы лингвистики. – Сургут, 2007.

6. Кошкарёва А.М. Материалы для областного словаря (Специальная лексика северных районов Тюменской области. Лексика рыболовства). – Нижневартовск, 1993.

7. Молданова С.П. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (казымский диалект). – Л., 1988.

8. Нелиманова Т.И. Топонимика Ляпинского края. – Ханты-Мансийск, 2001.

9. Терешкин Н.И., Сподина В.И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (ваховский диалект). – Нижневартовск, 1997.

10. Фролов Н.К. Русские топонимические заимствования из самодийско-угорских языков. – Новосибирск, 1991.

S. Sorokina

THE UGRIC PEOPLE'S TRADE LEXIS IN THE HYDRONYMS OF THE MIDDLE OB AREA

Abstract: The article focuses on the hydrographic names in the area of the Middle Ob. It reports on the study of the lexis connected with the Khanty and Mansi lifestyle and trade as the basis for geographic nomination.

Key words: lexis, hydronyms, nomination, functioning.

УДК 81'42

Папян Л.Ю.

СЛОВЕСНЫЙ РЯД В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА *

Аннотация. На сопоставлении черновых и окончательного вариантов отрывка из романа А.Г. Малышкина «Люди из захолустья» в статье рассмотрен словесный ряд как единица языковой композиции и как инструмент анализа единого целого.

Ключевые слова: словесный ряд, единица языковой композиции, инструмент анализа.

Этимология слова *текст* восходит к понятию единства: вспомним, что латинское слово *textum* означает именно связь, соединение. В стилистике, разумеется, говорят о единстве языковых средств, порождающих содержание текста. Текст обладает рядом признаков, при перечислении которых учёные-филологи, как правило, и называют единство, или целостность.

Целостность как признак текста отражается в его сложной структуре. В.В. Одинцов в структуре текста (по его определению, в «основном предмете стилистики») видел тему, материал, композицию, язык, идею, сюжет, приём [1: 43]. А.И. Горшков заметил, что вне сферы структуры текста, увиденной В.В. Одинцовым, всё-таки остались важные категории и, кроме того, неопределённым оказалось понятие «материала», поэтому «круг категорий, рассматриваемых в связи с понятием структуры текста, целесообразно расширить» [2: 247]. С точки зрения А.И. Горшкова, эта структура имеет следующие компоненты: тему, материал действительности, языковой материал, словесный ряд, идею, архитектонику, композицию, «лики» образа автора, сюжет и образ автора [2: 247].

Изучение каждого из компонентов структуры текста вызывает трудности, по-

* © Папян Л.Ю.

сколькx они сами по себе являются сложными, к тому же и взаимосвязанными категориями, а без учёта их взаимосвязи структура текста не может быть понята и описана. Это, очевидно, имел в виду В.В. Одинцов, когда утверждал, что «соотнесённость всех понятий даёт структуру текста», что «стилистический анализ текста направлен на эту структуру, т.е. не на какой-нибудь её компонент – содержание или язык, но именно на соотнесённость их» [1: 43]. «Соотнесённость всех понятий» и есть взаимосвязь компонентов структуры текста.

Обратим внимание на то, что в круге категорий структуры текста, принятой А.И. Горшковым, есть категория, которая образуется языковыми средствами, обеспечивающими взаимосвязи компонентов текста, их единство. Речь идёт о категории словесного ряда, которая служит именно единству текста и, благодаря этому, включает в себя функции категории приёма [2: 160] (поэтому в структуре текста, увиденной А.И. Горшковым, нет специальной категории приёма, которую учёл В.В. Одинцов).

Словесный ряд представляет собой минимальное единство, обнаруживаемое в тексте, и является элементом языковой композиции, которая, по определению В.В. Виноградова, есть система «динамического развёртывания словесных рядов в сложном единстве целого» [3: 49]. Композиция посредством дифференцированных, динамически развивающихся и взаимодействующих словесных рядов сочетает, соединяет, соотносит с образом автора, «фокусом целого» [3: 118], все компоненты структуры текста.

Такая соединяющая роль словесных рядов в языковой композиции обнаруживается стилистическим анализом. Особый интерес для него представляют наблюдения за словесными рядами при сравнении черновых и окончательного вариантов произведения, когда как бы на наших глазах текст изменяется, наполняется новыми темами, мотивами, образами, движется от одного принципа изображения к другому, от одной точки изображения картины, сцены к другой, например, от «объективированного» повествования, когда точка видения связана со всеведением образа автора, к субъективированному, в котором точка видения смещается в сферу персонажа [2: 205, 223].

Знакомство с рукописями романа «Люди из захолустья» А.Г. Малышкина обнаруживает многократные правки, которые слоями ложатся на страницы и говорят о

направленных поисках чего-то важного для текста. Чего?

Чтобы приблизиться к ответу на поставленный вопрос, в сопоставлении черновых и окончательного вариантов для нас важно обнаружить направление отделки текста – правок и дополнений, направление, указывающее на поиск таких средств и способов выражения, за которыми стоит определённая цель, а значит, своеобразная оценка автором этих средств. Поэтому рассмотрим лишь те изменения текста, которые затрагивают этот аспект – стилистический, т.е. связанный с целенаправленным выбором средств выражения и их организацией. А исправления и замены, напрямую не относящиеся к проблематике стилистики, обсуждать не будем.

Рассмотрим некоторые правки в рукописях, проделанные А.Г. Малышкиным, и сравним черновые варианты отрывка с опубликованным как итогом и целью работы автора [4].

У кирпичного флигеля (тут за чугуными ставнями зарезали когда-то бакалейщика) сани – прости, прощай, Мшанск! – свернули в гумна, в сугробную ночь. Во флигеле играли свадьбу, к окнам тесно навалил народ. На задах, на берегу Мши, погибли в метелице последние бани и вётлы... (41 слово).

Автограф датирован двадцать пятью ноября 1932 г. Уже на следующий день (на листе черновика-машинописи есть дата: 26/XI-32) А.Г. Малышкин изменяет написанное:

Мимо углового кирпичного флигеля (тут за чугуными ставнями зарезали когда-то бакалейщика) сани – прости, прощай, Мшанск! – свернули в гумна, в сугробную ночь. Во флигеле играли свадьбу, поздний прохожий народ валился <глядел через> [5] к окнам, глядел на тошное веселье. На задах, по берегу Мши погибали в метелице последние бани и вётлы ... (49 слов).

В окончательном варианте, опубликованном в романе, имеем следующее:

Прости, прощай, Мшанск!

Мимо всегдашней рощани, мимо старинного кирпичного флигеля (где за железными створнями зарезали когда-то бакалейщика с большими деньгами), сани свернули в гумна, в сугробную ночь. Во флигеле жгли поздний огонь, – наверное, играли свадьбу; прохожий народ валил к окнам, глазел на тошное веселье. На задах, по берегу Мши, погибали в метелице окраинные бани и вётлы [6: 71] (58 слов).

Сравнение вариантов показывает, что

разговорная, диалогически направленная, эмоциональная фраза *Прости, прощай, Мшанск!* переходит из середины преимущественно описательного контекста черновых вариантов в начало. Фраза обретает форму относительно независимого, самостоятельного предложения. Входя в текст не в качестве как бы попутного вздоха, случайно услышанного читателем (такую интонацию обнаруживаем во вставной конструкции черновых), а как зачин, фраза окрашивает всё повествование. Чья-то интонация, быть может, последнего прощания, чёткая и ясная, задаёт направление и настроение текста.

Выбор между предлогами *у* и *мимо*, на первый взгляд, не может быть особо значимым для стиля романа. Но автор предпочёл второй предлог (уже во втором варианте), и этот предлог вписался в общий контекст. Предлог *у*, который в черновом варианте всего лишь статически фиксирует место событий, заменён. Предлог *мимо* своим значением «минования» [7: 622] ориентирован на движение. Кроме того, в окончательном варианте слово *мимо* использовано дважды. Повтором предлога и перечислением связанных с ним существительных, называющих объекты, мимо которых проносятся сани, передаётся значение некоторой поспешности в движении, если не быстрой езды. Здесь изображение связано с приёмом субъективации – монтажом, позволяющем переместить точку видения в сферу сознания героя повествования и сообщаящем о прощальном взгляде, который бросает персонаж на родные места (тем самым повторяется смысл, обнаруженный в предшествующем контексте). Получается, что вся конструкция наполняется единым с темой значением, с темой, выраженной уже в названии главы – «Разлука» – и в начале повествования.

Далее автор перебирает эпитеты (*кирпичного флигеля – углового кирпичного флигеля – старинного кирпичного флигеля*) и останавливается на слове *старинный*. В слове *угловой* – точка видения дана только в объективном зрительном плане: персонаж едет и видит *флигель на углу*. Определение *угловой*, как и *кирпичный*, можно назвать объективным, так как оно не проявляет оценочной точки зрения конкретного субъекта действия. Любой проходящий или проезжающий может дать *флигелю* это определение (разумеется, если флигель расположен на углу). Включение слова *старинный* может показаться для стиля отрывка незначительным. Но смыслом этого слова передаётся то, что

знает именно герой главы: знание мест, возле которых нередко он бывал в прошлые времена (это определённое знание подкрепляется и добавленным в окончательный текст экспрессивным, содержащим оценку, словосочетанием с диалектизмом *всегдашняя росстань: росстань*, по Далю, перекрёсток, распутье, где разлучаются, расстаются, «до которого обычно провожают отпускаемых в путь» [8: 49]). Слово *старинный*, пусть и едва заметно, характеризует персонажа (ведь кто-то может знать, что флигель старинный, а кто-то нет).

Более отчётливо характеризует персонажа слово *створни*. Оно, конечно, местное слово, диалектное [8: 320]. За его употреблением вместо слова *ставни* можно видеть стремление через диалектизм, слово более близкое герою повествования, передать субъективированную точку видения.

Во флигеле играли свадьбу – Во флигеле жгли поздний огонь. В первой фразе есть всеведение [2: 194], соотносимое с образом автора, во второй – передано непосредственное восприятие увиденного из саней персонажем (не отрицающее, но усложняющее всеведение дополнительной информацией): не случайно, о свадьбе сказано с предположением, с «чужим» словом, с учётом точки видения проезжающего: *наверно, играли свадьбу*. Употребление вводного слова указывает на представление персонажа.

В словах *глазел* (вместо *глядел*) и *тошное веселье* отношение к увиденному выражено ещё более отчётливо. Это – однозначная отрицательная оценка, которая может быть связана только с точкой видения героя романа.

В исправлениях *к окнам тесно навалил народ – поздний прохожий народ валился <глядел через> к окнам, глядел на тошное веселье – прохожий народ валился к окнам, глазел на тошное веселье* особо привлекает внимание один случай. Есть существенная смысловая, не просто грамматическая, разница между словами с разговорной экспрессией *навалил* и *валился*. Глагол *навалил* (совершенного вида) сообщает о долгом стоянии у окон и достаточно долгом наблюдении за этим со стороны. В использовании этого глагола можно увидеть противоречие в логике повествования: персонаж проезжает мимо и не может долго наблюдать за происходящим. Это, думаем, заставило автора остановиться на последнем слове – *валился*. Выбор несовершенного вида глагола *валился* в результате правки стал соответствовать виду глаголов, употреблённых в предпоследнем и последнем

предложениях отрывка.

Мы увидели, что подобная замена есть и в последнем предложении, и она порождает ещё большую выразительность, подчёркивает направленность правок и дополнений, которые обнаруживаются в окончательном варианте. Дело в том, что форма метафоричного слова *погибали*, имея имперфективное значение незаконченного, достаточно длительного состояния, противопоставленного перфективному значению слова *погибли* чернового варианта, передаёт довольно сложные, может быть, и символические смыслы. Словом *погибли*, прежде всего, передаётся точка видения отъезжающего: он смотрит в пространство, и для него *последние бани и вётлы погибли*, т.е. пропали из вида. Слово *погибали* несёт значение другой точки видения, учитывающее временной и пространственный планы: герой смотрит во время движения на *окраинные бани и вётлы*, постепенно исчезающие из вида.

Обратим внимание и на то, что для передачи этого смысла автор выбрал слово *погибали*, а не исчезали из вида, например. Выбранное слово передаёт контексту свои смыслы, которые могут быть связаны со значениями и «замерзнуть», и «подвергнуться опасности быть уничтоженными». И в этих смыслах слово с корнем *-гиб-* связывается с точкой зрения персонажа. Его взгляд тревожно окрасил увиденное; это, как можно понять из всего содержания романа, он стремится избежать гибели. Автор этим словом привнёс в описание смыслы, связанные с настроением персонажа. Слова и выражения, сообщающие о смерти (*зарезали бакалейщика; погибли*), обладая близостью значений, выстраиваются в словесный ряд, который соотносится с другим рядом, говорящим о зимнем ночном отъезде неназванного героя.

Мы обратили внимание лишь на те сделанные А.Г. Малышкиным правки, которые имеют особую значимость для языковой композиции отрывка. Судя по черновикам писателя, можно сказать, что он уже изначально определился с изображением картины отъезда своего героя. Эта картина в целом ясно подана в рамках монолога с точки зрения всеведущего автора – объективировано. В нём слова и выражения со значением места (например, *Мианск, кирпичный флигель, гумна*), зимы (*сугробная ночь, метелица*), отъезда (*прости, прощай, Мианск!; сани свернули*) ложатся в основу повествовательных и описательных рядов, и эти ряды во время отделки произведения практически не за-

тронуты (от правки к правке количество слов в отрывках только увеличивается: в первом – 41 слово, во втором – 49 слов, в окончательном – 58). Тем самым мы рассмотрели всего лишь одну из тематически объединённых групп языковых единиц, представленных в отрывке, но это не просто «тематическая группа», а именно словесный ряд, единицы которого последовательно служат приращению субъективированным смыслом повествовательных и описательных рядов. Изменения затрагивают в большинстве случаев ту последовательность языковых единиц, которые при развёртывании текста сообщают об определённом взгляде на изображаемую картину, а этим меняется и сама картина. Этот взгляд связан со словами, выражениями и синтаксическими конструкциями, имеющими свою общую основу: у них единый смысл, в котором заключена оценка, окрашивающая всё изображённое в определённые тона. Оценка, входящая в экспрессивные и диалектные единицы языка, использованные в тексте, пронизывает весь монолог, т.е. взаимодействует с остальными словесными рядами, и образует в рамках монолога специфическую последовательность знаков, подающую описание отъезда через восприятие и переживание отъезжающего (конечно, автор сообщает о переживании героя, так сказать, не сплошным потоком, вероятно, чтоб не сделать повествование сказовым). Достигнуто такое композиционно сложное изображение смещением точки видения из «авторской» сферы в сферу персонажа, субъекта – субъективацией «авторского повествования» [1: 185-205; 2: 204-220]. Элементы «чужой речи» (говоря словами М.М. Бахтина), «чужого» ощущения и переживания вплетаются в «авторское», объективированное повествование. Субъективированный словесный ряд – то новое, что появилось в окончательном варианте. В данном случае на это преимущественно и была направлена работа автора, которая привела к образованию доминанты, положенной в основу текстового единства.

Рассмотренные языковые единицы входят в состав единого словесного ряда, который переплетается, взаимодействует с рядами, связанными с различными компонентами структуры текста. Так, если рассмотренный словесный ряд, выведенный в отрывке на первый план изображения, непосредственно связан с категорией «ликов» образа автора, поскольку отражает речь и точку видения персонажа, то некоторые языковые единицы из названного ряда входят в состав

других рядов: слово, известно, может нести в себе множество значений. Именно благодаря другим значениям, которые входят в состав языковых единиц, слова могут входить в состав других рядов. Например, *створни, росстань* и др. слова и выражения как средства, с которыми связаны приёмы субъективации повествования (в их употреблении проявляется единство ряда и приёма выразительности текста), поскольку называют предметы окружающего мира, входят в состав предметно-логического ряда (который образуется словами и выражениями типа: *кирпичный флигель; сани свернули в гумна, в сугробную ночь*), связывающего категории темы, материала действительности, языкового материала; а *всегдашняя росстань* связана сюжетом, обнаруживающим «отношения в словесной динамике» [9: 465]. Разумеется, все эти ряды соотносятся с образом автора и изменяют его. В сущности, Малышкин, переработав черновики, создал новый текст рассмотренного отрывка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Одинцов В.В. Стилистика текста. – М., 2006.
2. Горшков А.И. Русская стилистика. – М., 2001.
3. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М., 1971.
4. Рукописи А.Г. Малышкина хранятся в Институте мировой литературы им. А.М. Горького: Фонд №44. Опись 1. Дело № 80. А.Г. Малышкин. Автографы и машинопись.
5. Слова, подчеркнутые и приведённые в угловых скобках, обозначают те случаи правки, от которых автор отказался уже в данном варианте.
6. Малышкин А.Г. Избранные произведения в 2-х томах. – Т. 2. – М., 1978.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырёх томах. – Т. 2. – М., 1986.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырёх томах. Т. Четвёртый. – М., 2000.
9. Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: Избранные труды. – М., 2002.

L. Papyan

LITERARY RAW IN TEXT STRUCTURE

Abstract. Basing on comparison of the rough and final variants of the fragments from the novel “People from zaholustye” by Alexander Malyshev in the article it is analyzed literary raw as a unit of text and as a tool for analysis of an organic whole.

Key words: verbal number, unit of a language composition, analysis tool.

Литература

УДК 82-311.6

Балагова-Кандур Л.Х.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ МУХАДИНА КАНДУРА (К ПРОБЛЕМЕ ЦЕЛОСТНОГО ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕАДЫГСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА)*

Аннотация: В своем исследовании «Этнокультурные основы исторических романов Мухадина Кандура (к проблеме целостного изучения общеадыгского национального литературного процесса)» Л. Балагова рассматривает романное творчество одного из самых ярких представителей адыгской диаспоры. Автор статьи, рассматривая жанровую специфику, идет от выявления глубинных корней романа к своеобразию его современной художественной структуры. Актуальность работы определяется, прежде всего, органическим соотношением художественного мышления романиста и повествовательных возможностей национального романа.

Ключевые слова: этикет, ментолитет, национальный роман, художественное мышление.

Реальность махаджирской судьбы наложила свой отпечаток на литературный процесс в целом в диаспоре и во многом объясняет причины, почему литераторы проявляют интерес к историческим событиям конца XIX – начала XX вв. Причины очевидны. Во-первых, из памяти новообразовавшейся адыгской диаспоры еще не стерлись трагические события прошлого столетия, сопровождавшиеся выселением их праотцов в Турцию. Рассказы об изгнании с родной земли передавались из уст в уста, тем более что были живы очевидцы и участники событий. В течение всего XX столетия процесс реэмиграции махаджиров из Турции в страны Ближнего Востока, Европы и США продолжался.

Последствия Кавказской войны отразил и фольклор, который, естественно, повлиял на литературу. В целом адыги, разорванные на диаспору и материк, глубоко чувствовали, что они у края пропасти, на грани исчезновения. Это чувство не давало покоя представи-

телям горской интеллигенции, писателям и просветителям.

Во-вторых, факт вынужденного нахождения вне исторической родины, среди социокультурного окружения, по причине их насильственного выселения (родителей и прародителей), усиливало степень этнического самосознания у представителей диаспоры, невольно рождая, требующие незамедлительного ответа на многочисленные вопросы махаджиров, касающиеся их этнодуховной идентичности, этнодуховного самоопределения и т. д. Это, безусловно, привлекало лучшие головы представителей диаспоры к поиску полноценных ответов. (Это и диктовало во многом жанры, которые избирали писатели диаспоры. Потому они и вели свои поиски художественного слова в направлении историософии прежде всего).

В-третьих, зарубежная, в том числе и русская историческая публицистика и мемуаристика оставила в XIX – начале XX в. огромное наследие о жизни горцев XIX века и в той или иной степени доступное писателям.

В-четвертых, собственно адыгская историография, отразившая события и последствия Кавказской войны, еще только формировалась и в этой ситуации художественная литература часто опережала историческую науку (и в диаспоре, и на материке).

Говоря о главном движущем мотиве формирования адыгской литературной диаспоры, показательно сослаться на следующее высказывание М. Кандура: «Интересно, как психологи оценили этот феномен? Почему так важно, чтобы нашу историю знали? Почему мы не должны ассимилироваться и раствориться среди более многочисленных народов на этой земле, как это произошло с другими древними цивилизациями?.. Откуда это не дающее покоя стремление осознать свою черкесскую индивидуальность?» [Quan-

* © Балагова-Кандур Л.Х.

dour 1998-d: 12].

Задаваясь вопросом об этнодуховной идентичности народа, его устремлении сохранить себя, и в попытке ответа на эти сложные вопросы писатель воссоздает художественную целостность исторического процесса в его связях с настоящим и будущим.

В исторических романах М. Кандура впервые масштабно уделяется пристальное внимание истории народа, проблемам этнодуховного выживания, национальным обычаям и традициям. Писатель воссоздает этнодуховную систему *лџапсэ*, внутри которой адыг осуществлял себя через века, независимо от места проживания и бесконечности процессуального движения. Речь идет о морально-этических нормах народа – *адыгэ хабзэ*, *адыгагъэ*, о канонах *лџапсэ* как таковой.

Безусловно, важным элементом *лџапсэ*, является возможность ее внешнего воплощения. Новаторство исторических романов Кандура как раз состоит еще и в том, что он показывает не только внутренние аспекты *лџапсэ*, связанные с мотивами поведения (внешняя характеристика *адыгэ хабзэ* и *адыгагъэ*), чувствами, переживаниями, но и созидание диаспорными адыгами картины мира и по подобию *лџапсэ*, что в целом можно характеризовать как мировосприятие адыга, мировидение в широком смысле. Писатель показывает, как на уровне именно сознания всеохватывающая модель адыгского мира *лџапсэ* мотивировала адыгов создавать свой ландшафт, сажать деревья, строить дома, подобные тем, которые они оставили на исторической родине, обрабатывать заселяемые ими земли, (в отличие от коренных жителей, разводивших верблюдов, к примеру в арабских пустынях) и т. д. Все это включало в себя процессы адаптации адыгов к иной территории и этнодуховной среде.

История писателя неотделима от истории черкесского диаспорного сообщества, истории своего народа в целом. Здесь, именно в этом пересечении, осознается необходимость целостного подхода к изучению творчества диаспорных писателей и на первый план выдвигается понимание *лџапсэ*, вне которой попытка осмысления предмета не обретает необходимой ясности и четкости.

Мухадин Кандур – яркий представитель тех, кто создавал произведения, «послужившие завязью для дальнейшего роста» адыгской национальной литературы в целом. Уже с первых произведений («The Skyjack Affair» – «Афера в небе». Первое издание –

Нью-Йорк, 1970, на английском языке; второе издание – Париж, 1972, на французском языке; «Rupture» – «Разрыв». Нью-Йорк, 1972, на английском языке) он заявляет себя как романист. А с романами кавказского цикла, переведенными на русский и кабардинский языки и опубликованными в России (трилогия «Кавказ», «Черкесы. Балканская история») Кандур заявляет о себе как исторический романист.

Так вторая половина XX столетия в диаспорной литературе ознаменовалась появлением цикла исторических романов М. Кандура. Трилогия «Кавказ», (состоящая из трех отдельных романов: «Чеченские сабли», «Казбек из Кабарды», «Тройной заговор») вышла впервые на русском и кабардинском языках в Нальчике в 1996-1997 гг.; «Черкесы. Балканская история» вышла впервые на русском языке в Нальчике в 1996; «Революция» под названием «И в пустыне растут деревья» вышла в Нальчике в 2008 г.

Кандур в историко-хронологически взаимосвязанных шести исторических романах художественно масштабно исследует важнейшие проблемы истории и культуры народа, начиная с предвоенных событий на Западном Кавказе, включая столетнюю Кавказскую войну, выселение большей части адыгов в Османскую империю как следствие ее, их адаптацию в чужой культуре; судьбы людей, складывающиеся на фоне разваливающейся Османской империи, войны на Балканах, строительство железной дороги в Трансиордании, а также становление Советской власти в Кабарде в первой половине XX века.

В этих романах он воссоздает историко-духовный портрет этноса фактически с охватом трех прошедших столетий, включая XX в., раскрывает судьбу *лџапсэ* и составляющих ее *адыгэ хабзэ*, *адыгагъэ*, *адыгэбзэ*, *хэку* в сложных условиях испытания сознания индивидуумов на *устойчивость и изменчивость* морально-этических норм и смыслов этнодуховного самосознания, и в особенности, в условиях войны и трагических потерь.

Романы М. Кандура свидетельствуют о том, что писатель постоянно придерживается одного принципа: тот или иной автор не может рассказывать о том, что сам не видел и чего не пережил. Сюжетные линии этих романов составляют события 60-х гг. на Ближнем Востоке, непосредственным свидетелем которых был писатель. Этот принцип сохраняется и во всех исторических романах. Хотя он и не был свидетелем событий прошлых столетий, он работал с живым материалом, с

людьми, сохранившими переданное им поколением диаспорой из уст в уста. А художественно-философские проблемы, поднятые в романе «Дети диаспоры», как раз во многом и являются предметом как его личностных переживаний, так и целого поколения его диаспорных соотечественников.

Один из ключей к тайнам романа вообще связан с особенностями повествовательной структуры. Перед М. Кандуром стояла сложная задача; материал, касающийся величайшей трагедии, диктовал «свои условия» создания масштабного, «полифоничного» (М. Бахтин), внутренне напряженного исторического романа. Писатель понимал, что обычное объективированное эпическое повествование от третьего лица, широко распространенное в литературе, не подойдет для передачи труднейшей и тяжелой фабулы, тем более что сюжет в хронологии своей разворачивался в шесть томов. И он выбрал многоступенчатую структуру повествования, которая обретает разные повествования в зависимости от периода, которому посвящен роман: от повествования от третьего лица до диалогового решения художественных задач.

Именно феномен притяжения к своему народу и становится движущей энергетической силой, определяющей становление Кандура как яркой творческой индивидуальности, заметной в общеадыгском литературном процессе.

Цикл кавказских романов М. Кандура стал крупным явлением в истории национальной литературы. Он дает в развернутой романной форме генезис духовности народа, решает этнософские проблемы через раскры-

тие внутренних этнокультурных процессов, диалектики *лъапсэ*, а наряду с ней – *адыгэ хабзэ* и *адыгагъэ*.

Таким образом, кавказский цикл исторических романов М. Кандура является историко-философским произведением со сложной повествовательной структурой и художественной системой образов. Это крупное явление в адыгской и в кавказских литературах в целом. М. Кандур впервые открыто и масштабно поставил важнейшие проблемы истории Кавказской войны XIX столетия в диаспорной и адыгской национальной литературы в целом. Эти романы во многом служат правдивой летописью как истории прошлого, так и современной истории, выраженной художественным словом.

L. Balagova-Kandur

ETHNO-CULTURAL PRINCIPLES OF NOVELS BY MUKHADIN KANDURA (REGARDING A PROBLEM OF INTEGRAL STUDY OF ADYG NATIONAL PROCESS)

Abstract: L. Balagova is studying a novel work of one the most famous representatives of adyg diaspora in her research work “Ethno-cultural principles of novels by Mukhadin Kandura (Regarding a problem of integral study of adyg national process)”. The author of the book is researching genre specificity and explores deep roots of the novel and originality of Kandura’s art culture. Actuality of the work is first of all determined by an integral correspondence of art mentality of the novelist and narrative abilities of national novel.

Key words: etiquette, mentality, national novel, art mentality.

УДК 821 (7/8).09

Баранова К.М.

ВЕДУЩИЕ ЛЕЙТМОТИВЫ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА*

Аннотация: В статье рассматриваются различные точки зрения на период возникновения американской литературы и анализируются ведущие лейтмотивы в ранних произведениях колониального периода – предопределение, избранность и трудолюбие. Основной акцент ставится на интерпретации каждого из перечисленных лейтмотивов в

работах ведущих литераторов американской словесности XVII века.

Ключевые слова: Новая Англия, религиозная составляющая, Божий промысел, интерпретация, избранный, трудолюбивый.

Как известно, в XVII веке в Северной Америке возникают три вида колоний: 1) южные поселения, созданные в Виргинии, 2)

* © Баранова К.М.

средние, образованные вокруг Нью-Йорка и Филадельфии, и 3) северные колонии Новой Англии. Жители вышеперечисленных ареалов изначально ставили перед собой разные цели, а потому в период зарождения американской словесности и возникающие в них произведения литературы, определенным образом отличались друг от друга.

Общеизвестным является тот факт, что основатели северо-западных поселений в большинстве своем прибыли на неизведанные земли Северной Америки, руководствуясь идейными соображениями. Новоанглийские колонисты сознательно порывали связь со своей родиной и выражали вызов всему старому, базировавшемуся на неверных, с их точки зрения, религиозных убеждениях. Они ставили перед собой высшую цель – распространять единственно правильную веру – протестанство – на неосвоенных территориях, выступать в роли «Христово воинства» (*soldiers of Christ*), отправляющегося в пустыню, чтобы сразиться с Дьяволом, построить *Град на Холме (a City upon a Hill)* и служить Всевышнему в западном мире, способствуя возведению церковей истинного Бога (*implanting the churches of Christ*) [5: 47].

Данная цель четко сформулирована во многих записях очевидцев и участников событий тех лет – в работах Уильяма Брэдфорда, Джона Уинтропа, Эдварда Джонсона, а позднее Коттона Мезера и других. “*Wee must consider that we shall be a City upon a Hill...*” [7: 94], подчеркивал Джон Уинтроп в своей знаменитой проповеди «Образец христианского милосердия» (“*Model of Christian Charity*”), произнесенной на борту отплывшей в Америку Арбеллы.

Подобных целей у представителей южных поселений не было. Прибыв в Виргинию, они сразу вступают на *Землю Обетованную*, где обнаруживают плодородный край, своеобразную «долину изобилия». Кроме того, вероисповедание жителей средних и южных колоний заметно отличалось от типичных для Новой Англии протестантизма и пуританизма. Как замечает В.И. Солодовник, уже в этот период становятся заметными «признаки серьезной духовной несовместимости» [3: 35], и наблюдается религиозное противоречие идей севера и юга. Таким образом, с самого начала возникает определенное противостояние и появляется основание для религиозного конфликта между поселенцами, представителями различных конфессий, что в дальнейшем найдет свое выражение в борьбе за чистоту пуританской веры и станет причиной доволь-

но жестокого отношения колонистов-пуритан к инакомыслию.

В данной статье нас, прежде всего, интересует именно творчество литераторов Новой Англии, так как на протяжении долгого времени центром культуры, печатного слова, зарождения новых идей являлся именно округ Массачусетс. Собственно, наиболее значительные произведения раннеамериканской словесности появились именно здесь.

Изложение событий в трудах авторов вышеуказанных поселений было, в большой степени, ограничено пуританским мировоззрением, которое разделяли практически все жители Новой Англии, испытывая пиетет по отношению к религии и собственной секте. И, тем не менее, они пытались анализировать происходящие события и интерпретировать их, естественно, руководствуясь не только своими убеждениями. В знаменитой «Литературной истории США» под редакцией Спиллера, Торпа и др. подчеркивается: “*These articulate founders of New England ... not only were educated gentlemen, but were well educated. Within certain narrowing limits of their religious beliefs, they were able to discern and to think clearly. It was inevitable that they should want to write about what they were doing. They were individuals and individualists that is why they came to America in the first place. They displayed in common the pietism of their sect, and they thought in terms of their own consequent concept of the Deity*” [8: 34].

Таким образом, можно заключить, что пуританское мировоззрение, которое было характерно для большинства переселенцев североамериканского континента, явилось основополагающим для новой культуры и литературы. Иными словами, закономерно рассматривать религиозную составляющую в качестве одного из существенных аспектов в структуре американской словесности в период ее зарождения в XVII веке.

Религиозно-философские воззрения пуритан Новой Англии были перенесены в Америку из Европы и, соответственно, в основу всех первых литературных трудов северо-западных колоний того периода легли идеи об определяющей и абсолютной роли Божественного провидения. Человек, с этой точки зрения, не мог быть свободным в выборе жизненного пути, ибо последний уже заранее определен для него Господом. Идея предопределения (PROVIDENCE) была выражена почти во всех произведениях колониального периода, в том смысле, что Божий промысел определяет поступки людей и лежит в основе

их решений. В мире нет места случайности. Все в мире предрешиено, и Творец решает, что и каким образом должно произойти.

Появление этого лейтмотива (PROVIDENCE) четко прослеживается, например, в работах Джона Уинтропа. В упомянутой выше проповеди он постоянно апеллирует к святому и мудрому провидению, доказывая незыблемость существующего порядка вещей: *"God Almighty, in his most holy and wise providence, hath so disposed of the condition of mankind, as in all times some must be rich, some poor, some high and eminent in power and dignity, other mean in subjection"* [9: 282]. Все в жизни предрешиено, подчеркивает автор проповеди. Существующее расслоение людей в обществе оправдано Всевышним: *"All men being thus (by divine providence) ranked into two sorts, rich and poor..."* [там же].

Почитание Божественной силы было естественным как для населения европейского континента XVII века, времени, когда первые переселенцы достигли побережья Северной Америки, так и для них самих. Колонисты полностью полагались на Божий промысел. В этом отношении весьма показательным является цитируемое во втором абзаце статьи начало цитируемой выше «Литературной истории США» (*"Literary History of the United States"*), в котором подчеркивается, что первые европейские переселенцы на североамериканском континенте отдавали себе отчет в том, что на новой родине кроме как на помощь Господа (PROVIDENCE) и самих себя им надеяться было не на что.

Обращение к Божьему промыслу повсеместно встречается на страницах знаменитой работы Уильяма Брэдфорда «История поселения в Плимуте» (*"Of Plymouth Plantation"*). Так, например, описывая злоключения первых колонистов, губернатор Плимутской колонии пишет: *"So they committed themselves to the will of God and resolved to proceed..."* и подчеркивает далее *"... as by God's providence they did"* [5: 12]. Этот же факт характерен и для другого колониального автора – Эдварда Джонсона (1598-1672), который прибывает в Бостон в 1630 году вместе с Джоном Уинтропом, будущим губернатором поселений Массачусетского залива. Эдвард Джонсон заметно отличался по своему социальному статусу от вышеперечисленных авторов. Не имея университетского образования и занимая должность всего лишь корабельного плотника, он, тем не менее, сумел написать книгу, «где идея личных испытаний на пути к спасению сливается с идеей особой миссии,

выполняемой англичанами в Америке ...» [2: 140].

Эдвард Джонсон даже выносит термин *providence* в заглавие своей работы *"The Wonder-working Providence of Sion's Saviour in New England"*. В своем произведении литератор постоянно обращается к промыслу Божьему. Так, описывая торговые отношения с индейцами, он замечает, *"this was the first working providence of Christ to stir up our English nation, to plant these parts in hope of a rich trade for beaverskins..."* [5, 42].

Доктрина предопределения и благодати, занимая центральное место в пуританской идеологии и, соответственно, в пуританской литературе, появляется в произведениях XVII века в нескольких толкованиях. С одной стороны, это предрешиение всего, что может произойти с человеком. С другой стороны, предопределение – это предназначение человека.

Как указывалось выше, колонисты считали для себя необходимым распространять веру в Христа и открывать новые церкви на всей территории Северной Америки. По замечанию Эдварда Джонсона именно в этом заключалась их миссия: *"... this army of Christ at their coming over found as fit helps to further their design in planting the churches of Christ; who by a more admirable act of his Providence not long after prepared for his peoples' arrival as followeth"* [5: 43].

Относительно же того, как идея промыслительности трактовалась в ранних произведениях американской словесности, можно сказать, что с этой точки зрения особое место в пуританских сочинениях занимали описания неких знаков судьбы, Божественных предначертаний, символов. Подтверждением этого положения, например, могут служить записи Джона Уинтропа, губернатора Массачусетской колонии, сделанные им в «Дневнике», который он вел в течение целого ряда лет. Так, он пишет, что 15 августа 1648 года во время проповеди в открытую дверь здания церкви вползла змея. Испугавшись, многие прихожане отстранились от нее, и только одному мистеру Томпсону, глубоко верующему человеку, суждено было избавиться от нее прихожан, в чем Уинтроп усматривает силу провидения: *"This being so remarkable, and nothing falling out but by divine providence..."* [5: 52].

Заметим также, что змея в христианской литературе традиционно символизирует как самого Дьявола, так и его порождение, следовательно, избавление от нее, безуслов-

но, являлось благословенным актом со стороны Господа. Подробная интерпретация различных житейских событий в качестве провиденциальных проявлений отмечается в работах Джона Уинтропа, Анны Бредстрит, Эдварда Джонсона, и, безусловно, Джонатана Эдвардса. Все эти авторы на первый план выдвигали идею *Предопределения*, которая оказалась одним из наиболее значимых лейтмотивов для всей последующей литературы Северной Америки. Таким образом, можно заключить, что лейтмотив предопределения зарождался в самых первых произведениях формирующейся нации.

Признавая наличие явного суверенитета Божественного начала и промыслительность людских поступков, переселенцы-пуритане высказывают твердую уверенность, что они избраны Богом для исполнения особой миссии на этой земле. Они убеждены, что являются Божьими избранниками, так как исповедуют истинную веру. Поскольку все в мире предопределено Творцом, то именно Он вычленяет из общей массы людей тех, на ком лежит печать избранности. Безусловно, с точки зрения североамериканских колонистов Новой Англии, к подобным избранным относятся, прежде всего, члены пуританских общин.

Тема избранности (WORTHINESS), по сути являющаяся основанием национального самосознания американцев, также прослеживается во многих письменных источниках Новой Англии той эпохи. Так или иначе, она затрагивается в произведениях Уильяма Брэдфорда, Джона Уинтропа, Инкриса Мэзера, Эдварда Джонсона, Натаниэля Уорда, Коттона Мэзера и других.

Безусловно, развитие этой темы также базируется на библейских постулатах. Религия проникала во все аспекты общественной и частной жизни переселенцев, подчиняла себе всю литературную деятельность первых пуританских авторов. Как уже отмечалось, в основе пуританизма лежит вера в непререкаемую власть Бога над человеком, который по своей природе грешен. Этот постулат влечет за собой признание неотвратимой кары за содеянное и гибели большинства людей в час расплаты за свои грехи. Однако Господу угодно спасти немногих избранных им (WORTHY, ELECT, CHOSEN), к которым, естественно, новоанглийские колонисты относили самих себя.

Согласно выбранной ими доктрине избранничества, основанием для спасения являются не дела человека, но лишь Божья

милость. Ограничивая себя во всем, представители этого религиозного течения верят, что только суровые законы жизни по библейским заповедям являются единственно возможной основой их бытия. Как пишет А.А. Елистратова, «пуритане Новой Англии верили, что каковы бы ни были добрые дела человека, они слишком ничтожны, чтобы оправдать его в глазах бога. Будущие загробные судьбы людей считались заранее предопределенными. Большинству были уготованы адские муки. Избежать кары, нависшей над человечеством в силу его наследственного соучастия в грехопадении Адама, могли лишь немногие «избранные», на которых почил в качестве особой милости господня благодать» [1: 22].

При этом колонисты-пуритане проводили определенную параллель между собой и жителями древнего Израиля, которым было предначертано уничтожить Хананеев с их идолами. В главе 6 Второзакония подчеркивается избранность израильтян Всевышним: *“the Lord your God has chosen you out of all the people on the face of the earth to be his people, his treasured possession. The Lord did not set his affection on you and choose you because you were more numerous than other people, for you were the fewest of all peoples. But it was because the Lord loved you and kept the oath he swore to your forefathers that he brought you out with a mighty hand and redeemed you from the land of slavery, from the power of Pharaoh king of Egypt”* [10]. Аналогичным образом трактовали идею избранности по отношению к самим себе колонисты-пуритане Новой Англии.

Именно они, как подчеркнуто в вышеуказанной проповеди Уинтропа, отплывающие на североамериканский континент, избраны Богом, а потому должны осознавать, насколько члены их общины отличны от всех остальных. Следовательно, им надлежит исполнить возложенную на них миссию, обозначенную как служение Господу: *“when ten of us shall be able to resist a thousand of our enemies, when hee shall make us a praise and glory, that men shall say of succeeding plantations: the lord make it like that of New England...”* [7: 94].

Эта вера в свою исключительность, принадлежность к кругу избранных не могла не найти отражение в тех проповедях, богословских трактатах, дневниках колонистов Новой Англии, которые принято рассматривать в качестве истока раннеамериканской литературы (*pre-national literature*).

Первым среди целого ряда подобных работ является уже упоминавшийся выше дневник У. Брэдфорда *“Of Plymouth Planta-*

tion". Завершая четвертую главу первой части своего повествования, он прямо указывает на исключительность всей общины и ее членов, подчеркивая их особое предназначение: "*But their condition was not ordinary; their ends were good and honorable; their calling lawful, and urgent; and therefore they might expect the blessing of God in their proceeding. Yea, though they should lose their lives in this action, yet might they have comfort in the same, and their endeavors would be honorable*" [6: 48].

Категория избранности является своеобразным мерилom ценностей в обществе первых поселенцев Новой Англии того времени. Все люди, на их взгляд, делятся на достойных и недостойных. При этом первые – это те, кто совершает благие поступки, угодные Создателю, а значит, их можно рассматривать как безгрешных, то есть избранных Богом.

О подобном поведении некоторых переселенцев упоминает Брэдфорд, описывая тяготы путешествия через океан на корабле *Mayflower*. Он отмечает, что суровые условия, в которых проходило путешествие, послужили причиной болезни для многих из тех, кто находился на судне. Однако команда не сочла нужным и возможным оказывать помощь путешественникам-пуританам, в то время как последние всячески пытались облегчить существование заболевших, независимо от того, принадлежали они к общине или нет. Именно этих людей, а не моряков автор хроник относит к категории избранных и характеризует их как "*worthy to be remembered*" [5: 20]. Все это документально подтверждает вывод о том, что поселенцы, начавшие возведение Нового Плимута, полагали себя людьми особенными.

Идея избранности американцев и исключительности всей нации проходит красной нитью через все лучшие литературные образцы Новой Англии колониального периода, что неудивительно, ибо, повторимся, отправившееся через Атлантический океан ощущали себя Божьими посланниками: "*they were God's chosen engaged in a holy crusade for Christ against his enemies in the wilderness*" [5: 42]. Именно в этом ракурсе трактуется рассматриваемый феномен и у Уильяма Брэдфорда, и у Джона Уинтропа, и у Эдварда Джонсона, а позднее у Коттона Мэзера. Исполнителей Божьего провидения, то есть людей, готовых переехать в Америку, Джонсон и рассматривает как избранных (*chosen*): "*Now let all men know the admirable acts of Christ for his churches, and chosen....*" [5: 46].

Лейтмотив избранности звучит и в ра-

ботах Котона Мэзера (1663-1728), известного богослова колониальной Америки. Рассматривая в своей книге «Великие деяния Христа в Америке» ("*Magnalia Christi Americana*") жизнь У. Брэдфорда, проповедник неоднократно подчеркивает исключительность губернатора колонии Плимута, характеризуя его как "*this worthy person*" и рассматривая общину колонии Плимута как избранных людей, как народ, выбранный Господом: "*these people of God*" [5: 109; 115]. В другой своей известной работе «Чудеса Невидимого мира» ("*The Wonders of the Invisible World*") Котон Мэзер подробно описывает Сэйлемский процесс. Уже в первых строках этого произведения читатель сталкивается с избранными людьми, к которым автор причисляет первых поселенцев Новой Англии: "*The New Englanders are a people of God settled in those which were once the devil's territories*" [5: 96].

Таким же образом трактует идею избранности Натаниэль Уорд, автор знаменитого «Сапожника из Аггавам» ("*The Simple Cobbler of Aggawam*"), который оставил значительный след в литературе колониального периода, хотя и не связал полностью свою жизнь с американским континентом, прожив в Массачусетсе 12 лет и вернувшись назад в Англию. Проводя в своих произведениях типичное для литературы пуританизма противопоставление царства Господа царству Сатаны, автор подчеркивает, что Сатана не может повлиять на избранных, расставляя свои сети и пытаясь поймать в них сомневающихся: "*Though that dragon cannot sting the vitals of the elect mortally...*" [5: 65].

Следовательно, можно сделать вывод, что перенесенная на американскую почву, тема избранности формирующейся нации получает четкое оформление практически во всех произведениях колониального периода и может рассматриваться также в качестве одной из основополагающих составляющих базиса национального самосознания, которое словами американских литературоведов может быть выражено следующим образом: "*we are God's chosen people in paradise regained*" [5: XX].

Как указывалось выше, жители северных колоний собирались заниматься именно строительством Нового Иерусалима, создавая своим трудом пуританский град на Холме. Естественно, что идея трудолюбия (INDUSTRY) находит яркое отражение в произведениях раннеамериканской литературы. Дело в том, что именно труд поселенцев явился

фундаментом основания первых колоний. В литературных произведениях того времени мы находим довольно подробные описания трудовой жизни общин. Анализируя работы первых американских литераторов, можно почувствовать, ЧТО пришлось пережить выходцам из Европы.

Так, у Брэдфорда на страницах его произведений мы находим постоянное упоминание о тяжести труда поселенцев, о болезнях, которые их подстерегают, о необходимости противостоять погодным условиям и т. д.: *"... the house which they had made for a general rendezvous by casually fell afire, and some were fain to retire aboard for shelter; then the sickness began to fall sore amongst them, and the weather so bad as they could not make much sooner any dispatch"* [5: 23]. Само основание поселения представлено у автора как своеобразное преодоление.

Выходом из того неимоверно трудного положения, в котором оказались колонисты Плимута, был тяжкий, изнурительный труд. Именно трудолюбие и мужество спасают переселенцев от верной гибели. Брэдфорд подчеркивает, что наиболее сильные духом колонисты помогали остальным не только выжить, но и начать укреплять свое материальное положение: *"And of these, in the time of most distress, there was six or seven sound persons who to their great commendations, be it spoken, spared no pains night or day, but with abundance of toil and hazard of their own health, fetched them wood, made them fires, dressed them meat, made their beds, washed their loathsom clothes, clothed and unclothed them"* [7: 88].

Будучи протестантами, они безоговорочно признают необходимость трудиться, быть активными в жизни, стремиться проявить и максимально реализовать все те способности, которыми наградил их Бог: *"They were a tough and hard-working people"* [4: 5]. Труд и только труд, как подчеркивает У. Брэдфорд, лежит в основе благосостояния человека, именно труд он рассматривает как важнейшую предпосылку успешной жизни.

Данная тема достаточно рельефно обозначена также и у Джона Уинтропа. В этом отношении интересен его Дневник (*Journal*). Дело в том, что переселенцы-пуритане, основавшие Новую Англию, полагали трудолюбие базисной категорией, с одной стороны, потому, что им приходилось упорно трудиться, обустроявая свои жилища, а с другой стороны, культ труда был им свойственен, поскольку лежал в основе их убеждений, и они

получали от него удовольствие: *"they made a fetish of hard work; but that was not only because these people had work to do in making new homes in a comparatively unfertile land with a chilly climate, it was also because they genuinely enjoyed hard work"* [5: 34].

Жизнедеятельность поселения, процветание его жителей, по мнению Уинтропа, напрямую зависят от совместной работы всех его членов, от их труда на общее благо: *"...wee must entertaine each other in brotherly Affection, wee must be willing to abridge our selves of our superfluities for the supply of others necessities, wee must uphold a familiar Commerce together in all meekness, gentleness, patience and liberality...always having before our eyes our Commission and Community as members of the same body"* [7: 93-94]. При этом община рассматривается в виде тела, в котором все его части взаимозависимы и не могут существовать друг без друга, а каждая из них обеспечивает успешное функционирование всего организма в целом.

Сравнивая жизнь членов общины с функционированием организма, Уинтроп подчеркивает, что деятельность каждого поселенца и его благосостояние обеспечивают процветание всей колонии, но забота об общем достатке должна перевешивать личные интересы. По его мнению, конкретные поместья не могут существовать и кормить своих владельцев, если происходит крах общественного: *"In such cases as this, the care of the public must oversway all private respects, by which not only conscience, but mere civil policy, doth blind us. For it is a true rule that particular estates cannot subsist in the ruin of the public"* [9: 288].

В работах указанных авторов явно оформлена цель создаваемого поселения, а именно, организация колонии ради общего блага. Труд колонистов мог обеспечить успех, только если работа была общей, если все жители колонии принимали в ней участие, на чем, например, также настаивал и губернатор Брэдфорд: *"One day called Christmas-day, the Governor [William Bradford] called them [all the colonists] out to work, (as was used)"* [6: 84].

Только трудом всей общины можно было создать новое поселение, а трудолюбие оказывалось тем качеством, без которого освоение неизведанного континента было просто невозможным. Если задаться вопросом, почему именно эта категория трудолюбия выходит на один из первых планов в хрониках указанных авторов, то ответом на него,

скорее всего, будет невозможность выжить в суровых условиях без постоянной, упорной и достаточно тяжелой трудовой деятельности ради выживания колонии.

Лейтмотив трудолюбия не менее значим и в более поздних работах колониального периода. Так, Котон Мезер в «Великих деяниях Христа в Америке» (*"Magnalia Christi Americana"* или *"The Ecclesiastical History of New England from Its First Planting"*), характеризуя деятельность губернатора колонии Плимута У. Брэдфорда, представляет его как достойного отца-пилигрима. Проповедник подчеркивает, что трудолюбие этого известного колониста достойно всяческой похвалы: *"He had with a laudable industry been laying up a treasure of experiences..."* [5: 112]. Котон Мезер всячески восхваляет предпринятые Брэдфордом усилия для того, чтобы труд по-прежнему воспринимался членами общины как насущная составляющая их жизни (*"that industry might not flag"* [5: 113]), ибо именно на нем в большой степени было основано благополучие всей колонии.

Подводя итоги исследованию третьего лейтмотива, значимого для американской литературы рассматриваемого периода, можно сказать, что анализ записок, дневников и хроник колониальных авторов убедительно показывает, что трудовая деятельность переселенцев Новой Англии была направлена, прежде всего, на выживание. Однако этот вывод не стоит трактовать слишком прямолинейно и однозначно. Заметим, что в силу своих религиозных убеждений и воспитания протестанты, как было показано выше, получали от своей деятельности значительное удовлетворение.

Подчеркнем, что истоки зарождения концепции трудолюбия, прежде всего, прослеживаются в произведениях таких авторов, как Уильям Брэдфорд и Джон Уинтроп. Данная тема звучит у большинства авторов-пуритан как идея прославления труда не только на благо общего дела с целью процветания новой родины, но и ради обеспечения собственного благополучия. Заметим, что лейтмотив трудолюбия, сформулированный в литературных произведениях Новой Англии XVII века, переходит как важная деталь в работы Б. Франклина и становится основой нравственно-философской системы великого просветителя и его последователей.

Завершая анализ категорий *предопределения*, *избранности* и *трудолюбия*, можно сделать вывод, что они составляют философскую основу раннеамериканской словесности и

в качестве ведущих лейтмотивов пронизывают творчество наиболее значительных колониальных авторов. Естественно, что эти постулаты, соответствовать которым было готово подавляющее большинство колонистов, с течением времени видоизменяются, преобразовываются, зачастую наполняясь иным содержанием, а иногда даже будут противоречить провозглашенным канонам. Тем не менее, анализируя генезис лейтмотивных тем в раннеамериканской литературе, оказывается возможным выделить именно эти три категории в качестве ведущих тем и идейных истоков американской литературы. При этом заметим, что все они прослеживаются в произведениях литературы США более поздних эпох.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. История американской литературы. – Т. 1 / Авт.: А.И. Старцев, А.А. Елистратова. – М., Л., 1947.
2. История Литературы США. – Т. 1. – М., 1997.
3. Солодовник В.И. История литературы США: нравственный идеал через века. – Краснодар, 1997.
4. American Literature. The Makers and the Making. Book A. Beginnings to 1826 ed. by C. Brooks, R.W.B. Lewis, Robert Penn Warren. N.Y. 1974. – 323 P.
5. American Literature Survey. Vol.1 Colonial and Federal to 1800 ed. by Milton R. Stern. N.Y. 1962. – 614 P.
6. Bradford W. History of Plymouth Plantation: 1606-1646.s.l., 2001 – 470 P.
7. The Harper Single Volume American Literature 3-d edition. Longman, 1999. – 2867 P.
8. Literary History of the United States ed. by R.E. Spiller, W. Thorp, T.H. Johnson, H.S. Canby. N.Y., 1963. – 1511 P.
9. Wintrop J. A Model of Christian Charity// The Wintrop Papers ed. by Stewart Mitchell, Vol. 2, Boston, 1931. – P. 283-295
10. Режим доступа: Deuteronomy 7: 6-8, New International Version http://www.biblegateway.com/passage/?book_id=5&chapter=7&version=31&context=chapter

К. Baranova

LEADING LEITMOTIFS OF THE AMERICAN COLONIAL LITERATURE

Abstract: The article deals with the different points of view on the problem when pre-national literature appeared in America. The leading leitmotifs – providence, worthiness, industry – which one can come across in the early colonial works are subjected to analysis. The main accent is laid upon the interpretation of each of the mentioned above motifs in the way they are presented in the leading works of the colonial authors.

Key words: New England, religious constituent, Divine Providence, interpretation, the elect, hard-working.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ РЕФЕРЕНЦИИ В РОМАНАХ «ПАРФЮМЕР» П. ЗЮСКИНДА И «СЕСТРА СНА» Р. ШНАЙДЕРА*

Аннотация: Романы П. Зюскинда «Парфюмер» и Р. Шнайдера «Сестра сна» – постмодернистские произведения, полные интертекстуальных отсылок к текстам мировой литературы. В частности, тесные интертекстуальные связи прослеживаются между самими этими романами. Оба представляют собой современные версии романтического «романа о художнике», призванные поддерживать читательский интерес к литературным дискурсам прошлого.

Ключевые слова: Патрик Зюскинд, Роберт Шнайдер, постмодернизм, интертекстуальные референции.

Знаменитый роман Патрика Зюскинда «Парфюмер» признан образцовым постмодернистским гипертекстом, который всецело сложен из тем, мотивов и образов литературы предшествующих эпох. Различными исследователями в романе обнаружены в той или иной степени явные «следы» Библии, Еврипида, Гете, Новалиса, Клейста, Шамиссо, Гофмана, Бодлера, Гюисманса, Лавкрафта, Т. Манна – список можно продолжать и продолжать. Сам роман имплицитно рефлектирует свои конструктивные принципы; центральный персонаж, гениальный парфюмер Жан-Батист Гренуй обязан своим небывалым художническим успехом умелому смешению чужих запахов, призванных возместить отсутствие своего собственного. Уже один из первых рецензентов романа Г. Штадельмайер заметил: «Метод Гренуя, убийцы ради ароматов, дистиллировать себе odor feminae, в некотором смысле и метод Зюскинда-рассказчика. Гренуй потрошит мертвые тела, Зюскинд – писателей» [8: 55]. По жанру «Парфюмер» есть мастерская и беспощадная пародия на традиционный для немецкой литературы жанр Künstlerroman – «романа о художнике». Среди большого количества «гипотекстов», пародийно переосмысленных Зюскиндом, вовсе не случайно преобладают произведения европейского романтизма, символизма и «высокого модернизма», то есть тех эпох в истории культуры, когда искусство было возведено в ранг сакрального, а его субъект, художник-творец славился то как медиум, связующий

воедино мир явлений и мир сущностей, то как конгениальный конкурент Божественного Творца. В условиях постмодернистской ситуации, характеризуемой, по Ж.Ф. Лиотару, тотальным «недоверием в отношении метарассказов» [2: 10], автор «Парфюмера» разоблачает культ гениального художника, преобразующего мир своим искусством, как идеологию, как «метарассказ», таящий в себе большие потенциальные опасности. При этом, используя практику «множественного кодирования», Зюскинд адресует свой роман самому широкому читателю. Ведь «Парфюмер» можно истолковать не только как виртуозную литературную игру или философскую притчу, но и как авантюрный роман с элементами детектива и эротического триллера.

Однако за те годы, что «Парфюмер» будоражил ум и фантазию как массового читателя, так и эрудитов-интеллектуалов, он сам неоднократно использовался как один из элементов новых «гипертекстуальных» мозаик. В 1992 году, через семь лет после ошеломляющего дебюта Зюскинда, увидел свет роман молодого австрийского писателя Роберта Шнайдера «Сестра сна». Его огромная популярность в странах немецкого языка, вполне сопоставима с триумфом «Парфюмера». Переведена «Сестра сна» и на многие европейские языки, в том числе, на русский. Архитекстом, то есть жанровой первоосновой романа Шнайдера, является контаминация все того же «романа о художнике», австрийской «деревенской повести» 19-го века и агиографической литературы католицизма. Гренуй помещен Зюскиндом в контекст позднего просвещения, Шнайдер датирует действие своего романа десятилетиями – двадцатыми годами 19-го века – это пора позднего романтизма. Зюскинд как бы повествует о начале эпохи, которую немецкие литературоведы именуют «эпохой гениев» – Шнайдер как бы прослеживает закат этой эпохи. При этом в «Сестре сна» также можно выявить следы длинного ряда «гипотекстов»: «Опытные читатели, – пишет Р.Э. Нортон, – сразу же узнают в этой книге многочисленные литературные параллели и заимствования; многими отмечены сходства с «Жестяным барабаном» Гюнтера Грасса, «Доктором Фаустусом» То-

* © Гладилин Н.В.

маса Манна, несколькими романами Германа Гессе, родство между Эшбергом Шнайдера и Зельдвиллой Готфрида Келлера, или же – ближе к нашим дням – очевидное сходство с другим значительным современным немецким бестселлером, «Парфюмером» Патрика Зюскинда» [7: 243]. Таким образом, «Сестру сна» можно рассматривать как «гипертекст» уже второго порядка, где «гипертекстуальный» «Парфюмер» – лишь «гипотекст», один из многих. В своих интервью сам Р. Шнайдер признает, что писал свою книгу с оглядкой на «ароматический коктейль» Гренуй – Зюскинда и по тем же рецептам [ср.: 6: 99].

Как и Зюскинд, он балансирует на грани кича и тонкой литературной пародии. Оба романа стилизованы под историческую хронику, где соблюдается перспектива всезнающего повествователя. Но главное – «Сестра сна», как и «Парфюмер» рассказывает о судьбе гениального художника-автодидакта. Так, о романе Зюскинда И.С. Роганова пишет: «Сквозь эстетику романа просвечивает так любимый в Германии культ гения: в дьявольски одаренном герое-парфюмере при ближайшем рассмотрении можно узнать талантливую пародию на романтический идеал художника, пародию, созданную из подделок и составных частей той же литературы романтизма» [3: 235]. У Шнайдера место «обонятельного» гения, способного воспринимать и воспроизводить любые, самые тонкие запахи, заступает «слуховой» гений, овладевший всей бесконечной гаммой природных и музыкальных звуков. Безграничные универсумы запахов и звуков, открывшиеся протагонистам, Зюскинд и его последователь стараются передать средствами художественного письма. Задача Зюскинда изначально представляется более сложной, поскольку немецкий, как и русский вокабуляр для передачи обонятельных ощущений не в пример беднее, чем для передачи звуковых. Поэтому Зюскинд широко использует синестетические образы, переводя их с языка обоняния на языки других чувств. Но и Шнайдер подчеркивает, что его протагонист, композитор-самородок Элиас Альдер «не просто слышал, но и видел звуки» [4: 38].

Сверхъестественная одаренность и Гренуй, и Элиаса проявляется невероятно рано. Но впоследствии им обоим суждено пройти своего рода инициацию, испытать переживание, позволившее им осознать свою цель, свое художническое призвание. Для Гренуя оно сопряжено с «апофеозным ароматом» [1: 55] юной девственницы, «высшим принципом»

[1: 54] для прочих запахов. Элиас различил в полифонном хоре вселенной, как «билося сердце существа, предназначенного ему самой вечностью» [4: 41]. При этом, как отмечает Х. Готвальд: «Мотив предназначения в любви Элиаса к нерожденному ребенку, соответствует в своей основе любви Генриха Офтердингена к Матильде» [5: 163]. У Зюскинда отсылка к роману Новалиса также очевидна, благодаря «цветочной» метафорике: так, Гренуй впоследствии опасается, чтобы кто-нибудь не «сорвал мой *цветок* и похитил мой *аромат*» [1: 263].

Оба гения растут во враждебной, чуждой их запросам среде. Популярная тема художника, страдающего от непонятости и невостребованности здесь пародийно заострена: гений рождается и живет в абсолютно чуждой искусству среде, он – бастард и представитель низших социальных слоев. Герой Зюскинда появляется на свет на базаре, среди рыбной требухи, герой Шнайдера – в глухой, едва цивилизованной альпийской деревне. Окружающие, как члены французских ремесленных цехов, так и патриархальные австрийские крестьяне не только игнорируют уникальные способности гениальных мальчиков, но и обрекают их на элементарную борьбу за существование, а распознав их таланты, нещадно эксплуатируют, ничего не давая взамен. Гренуй – бесправный подмастерье у процветающих благодаря его таланту бездарностей. Элиас раздувает органные мехи для своего бесталанного дяди и пением сглаживает его огрехи, а тот дает себе зарок никогда не подпускать опасного конкурента к мануалам. И Гренуй, и Элиас овладевают ремеслом не благодаря обстоятельствам, а вопреки им, исключительно за счет своей одержимости и сверходаренности. Обоим удастся проникнуть в тайны ремесла за счет врожденной возможности проникать в запретные области: один способен на расстоянии пронюхать, что за эссенции хранятся в закупоренных склянках, другой – услышать, где звякнул ключ от органа, тщательно скрываемый дядей.

Аутсайдерство двух протагонистов усугубляется тем, что оба они с детства обнаруживают ярко выраженные монструозные черты, которые отпугивают окружающих. Гренуй мал ростом, обезображен оспой, и, как положено исчадью ада, хром. Кроме того, с рождения он лишен собственного запаха, и потому уже пронизательная кормилицей ославлен как одержимый дьяволом. Так и новорожденный Элиас Альдер, едва издав первый крик, сразу же заставляет своего номиналь-

ного отца воскликнуть: «С малышом что-то неладно!» [4: 31]. Позже он платит дорогую цену за постижение «универсума звуков» – его глаза приобретают неестественный, желтый цвет, его тело преждевременно созревает и старится.

На первый взгляд, на этом сходство персонажей двух романов заканчивается. В остальном Элиас кажется полным антиподом Гренуя. Бросается в глаза разительный контраст этических установок двух самородков. Гренуй – чудовище, злодей, серийный убийца, стихийно исповедующий эгоцентрическую этику в ее наихудшем варианте. Он преследует исключительно собственные цели, не гнушаясь никакими средствами, люди для него – тоже всего лишь средство. С некоторых пор он стремится быть любимым, но сам не способен ни на малейшее проявление любви к чему-либо, кроме изысканных ароматов. Впрочем, на деле эти ароматы обнаруживают себя как идеальные проекции самого себя, как нарциссические фантазии солипсизма и аутиста. Элиас Альдер, напротив, наделен чертами блаженного, праведника и даже мученика. Он – кладезь традиционных христианских добродетелей, альтруист, одержимый заботой о ближних, ему ведомы глубокое религиозное чувство и беззаветная любовь. Гренуй бежит в темную штольню, не только от людей, но и от природы, с тем, чтобы тешить себя своей «внутренней империей». Элиас, внемлющий голосам животных, растений, камней, ощущает себя единым целым со всей природой, о чем, преодолевая ограниченность своего словарного запаса, пытается поведать своей любимой Эльзбет. Его любовь к ней глубока и бескорытна; рискуя жизнью, он спасает ее во время пожара, ради нее он вдохновенно импровизирует на органе, стараясь выразить в музыке ее образ и сущность. Ему не нужно, подобно Греную, силой отнимать у ней «благоухающую душу» – он и так способен петь ее голосом, который носит в себе.

Однако, как ни странно, в обоих романах даны просто разные варианты позднеромантической инвариантной концепции «любви художника» – идеальной, платонической, не знающей телесного удовлетворения. В обоих романах осуществляется ее преломление в пародийных оптических плоскостях. Гренуй, говорится у Зюскинда, «любил не девушку, он любил аромат» [1: 237]. Но велико ли здесь отличие от позднеромантических героев, например, персонажей Гофмана? Ведь последнее, исповедуя отречение от плотской любви ради идеально-духовной, не раз и не два

впадали в дьявольское искушение, желая не просто плоти, но крови своей возлюбленной, и обретали покой, лишь когда возлюбленная действительно погибала и замещалась картиной, как в «Эликсирах сатаны», звуком, как в «Советнике Креспеле», или сложным синестетическим комплексом как в «Аттестате Иоганнеса Крейсера». Гренуй вполне встраивается в ряд позднеромантических героев, которые стремились подменить живую женщину как референта ее портретом, пением, ароматом, то есть – знаком (символом). Поэтому Зюскинд, как обычно, только радикализирует до абсурда широко распространенный в романтизме и символизме топос «прекрасного трупа». В «Сестре сна» традиционная концепция «любви художника» чревата гибельными последствиями не для возлюбленной-музы, а для самого художника.

Убедительности ради Шнайдер словно расщепляет, раздваивает своего протагониста. Здесь он тоже отталкивается от Зюскинда, но меняет местами «черное» и «белое». У Зюскинда отвратительный Гренуй создает себе притягательного ароматического двойника. Элиас Альдер волей своего автора должен оставаться до конца безупречным, святым в своих делах и помыслах, но за ним, как тень, как позднеромантический двойник, неотступно следует его негатив. Наперсник и единокровный брат Элиаса Петер, родившийся с ним в один день – истинный его антагонист, преступный, мстительный, коварный, расчетливый садист – вылитый Гренуй, лишенный, правда, каких-либо особых талантов. Элиас знает всю неприглядную подноготную своего товарища, но тем не менее они неразлучны. Нарциссическое содержание любви Элиаса переносится Шнайдером на его alter ego. Художник, любящий в искусстве проекцию самого себя, разлагается на бескорыстного творца и его обожателя. Элиас – идеальное зеркало Петера, но и Петер – зеркало для Элиаса. Именно Петер, а не Элиас в «Сестре сна» выступает как глашатай концепции «любви художника», именно он нашептывает Элиасу, что его искусство несовместимо с любовью к женщине, старается дискредитировать ее в глазах друга и, наконец, устраивает свадьбу Эльзбет с другим односельчанином. Но для понимания романа гораздо существенней то, что Элиас практически не сопротивляется внушаемому якобы со стороны тезису о том, что любовь к Эльзбет только вредит его музыкальному дару.

Зато потеря Эльзбет заставляет его отчаяться и в конечном счете взбунтоваться

против христианского Бога. Вспомним, что и Зюскинд то и дело заставляет своего персонажа произносить кощунственные речи. Бунт художников-творцов против Творца вселенной в двух романах мотивирован по-разному. В Гренуе говорит его непомерная гордыня, в Элиасе – его непомерные страдания. Но воспроизводя внутренние монологи своих героев, и Зюскинд, и Шнайдер не могут удержаться от библейских интонаций и аллюзий. В особенности в кульминационных сценах романов, где в обоих случаях показан долгожданный и абсолютный триумф художника, массовый экстаз очарованной им толпы. Не случайно богоборческие мотивы в этих сценах достигают апогея.

В обоих романах первый триумф художника – в то же время и последний. Развязка у Зюскинда и Шнайдера также тождественна: самоубийство художника. Разница в том, что Гренуй гибнет, осознав обреченность, нежизнеспособность искусства без любви, Элиас – от несовместимости непомерно идеализированной любви и метафизических претензий искусства. Самоубийства обоих художников суть инсценировки, последние произведения их искусства. В то же время – это отнюдь не символическое принесение себя в жертву. И здесьшний раз очевидно, что оба художника, каждый на свой лад, имитируют и профанируют Христа. Зюскинд эвоцирует евангельское «Приимите, ядите, сие есть тело мое», а Элиас Альдер, напротив, солидаризируется с еретической проповедью: «Кто любит, тот не спит» [4: 113]. Смерть Элиаса в результате обета – отречься от музыки, никогда более не смыкать глаз и тем доказать свою верность Эльзбет – трагикомична, но столь же трагикомична и смерть Гренуя – дионисийский ритуал растерзания и каннибализации человекобога фанатичными адептами, в роли которых в «Парфюмере» выступают парижские подонки. Эта сцена, а с ней и весь роман завершается полными иронии словами: «Они впервые совершили нечто из любви» [1: 315]. При смерти Элиаса также присутствует его адепт – лукавый искуситель Петер. После смерти своего Божества в человеческом облике он духовно перерождается, становясь на путь добродетели.

Опять же идентичны итоги «творческих биографий» Гренуя и Элиаса: их искусство не оставило в истории никаких следов. И полный аморализм искусства, и его гипертрофированный морализм, так или иначе любые абсолютные претензии искусства Зюскиндром и Шнайдером доводятся до абсурда и

метафорически снимаются. Пафос мнимого трагизма судеб двух художников обнаруживает себя как ироническая авторская маска. И сам Р. Шнайдер, в отличие от «писателя-невидимки» Зюскинда, охочий до интервью, определяет разницу между двумя романами не как концептуальную, но как разницу авторских «жестов», выраженных в позициях и интонациях повествователей [ср.: 6: 99]. У Зюскинда хронист претендует на большую объективность, в большей степени бесстрастен, менее патетичен. Зюскинд, как представляется, беспощадно разрушает стойкие идеологемы и мифологемы, характерные для эстетической религии в любых ее проявлениях. Шнайдер занят их мнимой реконструкцией. Но на примерах мнимых антагонистов оба в равной степени показывают тупик художнической идолатрии. Сами Зюскинд и Шнайдер освобождают свое искусство от сложной экзистенциальной проблематики, присутствующей в нем лишь как объект пародии.

Но как ни парадоксально, постмодернистская критика «метарассказов» культуры минувших эпох, способствует пробуждению интереса к этой культуре. За счет воскрешения, пусть в искаженном, осколочном виде в калейдоскопе постмодернистских текстов, за счет новых обращений к ее проблематике, тематике, образной системе, она превращается из культуры «музейной», «архивной» в существенный элемент культуры актуальной, спасаясь от забвения и снисходительного отношения потомков. Ибо, утверждает Р. Шнайдер, «мы больше не можем описать цельную картину мира, которая невероятно усложнилась» [6: 95], а значит, в эпоху информационного перенасыщения «новое возможно лишь как новая комбинация старого» [6: 98].

Подобная амбивалентность постмодерна в отношении предшествующей культуры, принципиальный диалогизм и плюрализм точек зрения четко прослеживается в обоих анализируемых романах. В частности, авторы воздерживаются от вынесения каких-либо окончательных оценок своим героям и воплощенным в них идеям, одновременно иронизируя над ними и симпатизируя им. Явные ностальгические интонации в обоих романах ослабляют их субверсивный потенциал. Перед лицом глубокого кризиса романного повествования и полной деструкции его традиционных форм на закате собственно модернистской эпохи, художник-постмодернист находит новый модус их бытования. Работая со знаками, отсылающими не к ноуме-

нальным референтам, а к другим знакам, он поддерживает интерес к традиционным знаковым системам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Зюскинд П. Парфюмер. Перевод с немецкого Э.В.Венгеровой. – СПб., 1999.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Перевод с французского Н.А. Шматко. – М., СПб., 1998.
3. Роганова И.С. Немецкая литература конца XX века и актуализация постмодернистской парадигмы. – М., 2007.
4. Шнайдер Р. Сестра сна. Перевод с немецкого А.Фадеева. – СПб., 1996.
5. Gottwald H. Mythos und Mythisches in der Gegenwartsliteratur. Studien zu Christoph Ransmayr, Peter Handke, Botho Strauß, George Steiner, Patrick Roth und Robert Schneider. Stuttgart: Heinz, 1996.
6. Kruse B.A. Interview mit Robert Schneider. // Der Deutschunterricht №2/1996, Stuttgart. – S. 93–101.
7. Norton R.E. "Schlafes Bruder – Sinnes Schwund": Robert Schneider and the Post-Postmodern Novel // Borchmeyer D. (Hrsg.) Signaturen der Gegenwartsliteratur. Festschrift für Walter Hinderer. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1999. – S. 239 – 246.
8. Stadelmeier G. Lebens-Riechlauf eines Duftmörders. Patrick Süskinds Roman "Das Parfum – Die Geschichte eines Mörders" // Die Zeit, 15.3.1985. – S. 55.

N. Gladilin

INTERTEXTUAL REFERENCES IN THE NOVELS «THE PERFUME» BY P. SÜSKIND AND «BROTHER OF SLEEP» BY R.SCHNEIDER

Abstract: «The Perfume» by P.Süskind and «Brother of sleep» by P.Schneider are post-modernist novels abound in intertextual references to world literature. In particular, there exist strong intertextual links between these novels. Both of them are modern versions of a romantic «story about an artist» aimed to maintain the reader's interest in discourses of the past.

Key words: Patrick Süskind, Robert Schneider, postmodernism, intertextual references.

УДК 82-1

Горланов Г.Е.

САМОПОЗНАНИЕ КАК ОДНО ИЗ СВОЙСТВ РУССКОГО АРХЕТИПА В ТВОРЧЕСКОМ МИРОВИДЕНИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА*

Аннотация: В статье рассматривается характерная особенность творчества М.Ю. Лермонтова – стремление познать средствами искусства окружающий мир и своё предназначение в этом мире. Автор статьи, анализируя конкретные лермонтовские произведения, опираясь на работу В.Ф. Асмуса «Круг идей Лермонтова», рассуждает о соотносимости жизни и искусства, отдавая предпочтение жизненным реалиям.

Ключевые слова: воля, борьба, самосознание, рок, архетип, истина.

Самопознание, являясь одной из составляющих черт русского архетипа, стало основополагающим в творческих поисках Лермонтова. В понятие самопознания для творческого человека лежит понимание страстей, которые продолжают исследовательскую тропу к познанию человеческой сущности. «Страсти, по суждениям Лермонтова, не что иное, как идеи при первом своём раз-

витии: они принадлежность юности сердца, и глупец тот, кто думает целую жизнь ими волноваться: многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря. Но это спокойствие часто признак великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувств и мыслей не допускает бешеных порывов: душа, страдая и наслаждаясь, даёт во всём себе строгий отчёт и убеждается в том, что так должно; она знает, что без гроз постоянный зной солнца её иссушит; она проникается своей собственной жизнью, – млеет и наказывает себя, как любимого ребёнка. Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие божие» [2].

Самопознаёт лишь тот субъект, кто рассуждает и мыслит. Лермонтов со своим заявлением: «Как часто силой мысли в краткий час Я жил века...» [2, I: 353], «И мысль о вечности, как великан, Уж человека поражает вдруг...» [2, I: 358], «Всегда кипит и зреет что-нибудь В моём уме...» [2, I: 359]. Анализ

* © Горланов Г.Е.

жизни лирического героя, познание прошлого и настоящего своей страны, изучение собственных сердечных порывов и постоянные наблюдения над героями и героинями света с определёнными оценочными выводами – характерные особенности стихов и прозы Лермонтова. Через дневник Печорина, несколько обостряя тему, он пишет: «Из жизненной бури я вынес только несколько идей – и ни одного чувства. Я давно уж живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека: один живёт в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, через час простится с вами и миром навеки, а второй...второй?» [2, IV: 113]. Так раздумывает Печорин, приехав на поединок с Грушницким. Кто-то другой и не обратил бы внимания на эти два человека, один из которых в зависимости от разрешённой дуэльной ситуации может и проститься «с миром навеки». А второй? В русском народе простецки его называет душой. С душой тесно связаны «воля», «борьба», «слова», «рок».

Субъект, овладевший этими качествами, может говорить о совершенстве. Для Лермонтова «совершенство», имеющее «не отвлечённый характер», включает в себя особый смысл:

*К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет всё душа моя
Во всём дойти до совершенства*
[2, I: 337].

Итак, поэт признаётся, что ищет славы. Ничего в этом нет плохого у молодого творческого человека. Бремя славы – тяжёлое бремя, хотя, по большому счёту, в ней «Нет блаженства» (воля, борьба, согласие с роком и его преодоление, поскольку человек обладает волей). Господь его наградил таким даром, а если так, то надо стремиться к самопознанию, к достижению совершенства. В самом деле,

*Когда б в покорности познания
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно было быть»* [2, I: 399].

Если Создатель вложил в души людей «желанья» познавать, то Он, стало быть, позволил рабам божьим стремиться к совершенству, к познанию объективной реальности, правда, до известных пределов; «полного блаженства», по Лермонтову, «не должно было быть». Осуществить последнее – достигни человек «полного блаженства», или в других случаях, покоя», прекратилось бы познание, остановилось бы поступательное движение жизни, пропал бы интерес к высочайшему Благу на Земле, к чему уже привыкло человечество за многовековую историю существования.

Почему бы в таких случаях не появиться гордости у человека за понимание великих возможностей познания себя и вместе с тем приближения в своём умственном развитии к самому недоступному в нашей галактике. Без гордости не возникла бы тяга к свободе и раскрепощению всех потенциальных возможностей, заложенных в человеке. Свобода, в понимании поэта, тесно связана с философской категорией воли – возможности поступить субъекту не так, как ему заблагорассудится, а с чувством необходимой продуманности, руководствуясь этическими соображениями. Даже Демон его, на что уж существо свободное, протестующее против решений самого Бога, и то пытается руководствоваться этическими соображениями по отношению к Тамаре. В Православии оно понимается как зависимая ответственность перед Богом, совесть, составляющая одну из характерных свойств русского космо-психо-логоса (например, Алёна Дмитриевна из «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»). В узком философском смысле, «совесть» определяет нравственное сознание человека, оценивающего справедливость или несправедливость поступков. Для Канта авторитарный судья совести – идеальная личность, для русского человека – это одновременно дитя души и разума. Главным судьёй же выступает сам индивидуум, карающий себя или осуждающий по заповедям Божиим. Таков Степан Парамонович из «Из песни про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», да и Печорин, карающий себя за отступления от христианских постулатов. Такой Родион Раскольников у Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание»).

Раскрепощение опять-таки ради движения, ради борьбы. У Лермонтова жажда неус-

покоенности выражалась резче, чем у других поэтов, его современников, удовлетворённых воспеванием эпикурейства и неторопливости размеренной жизни, видя уже в этом блаженство, дарованное Богом. Само по себе такое видение своего рода достижение, подвиг, на который вдохновляет природа. Совсем по-другому у Лермонтова, замечающего, в первую очередь, дисгармонию, именно она становится искрой, разжигающей философский костёр поэзии:

*Так жизнь скучна, когда боренья нет...
Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как
тень...
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать...
Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моём уме...
И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то... [2, I: 359].*

Все строчки взяты из одного удивительно мудрого стихотворения «1831-го июня 11 дня», состоящего из 32-х восьмистиший, которое без каких-либо натяжек можно назвать философскими миниатюрами. Что произошло с поэтом в этот день? Откуда у него появились вспышки вдохновений?

Нет ничего удивительного в том, что Лермонтов, тянущийся, как и всякий истинно русский, к антиномичности, ненавидит людей равнодушных ко всему, безучастных к горю и радостям близких, равнодушных к судьбе Отечества. С горечью он обнаруживал наличие таких свойств характера в своём поколении, живущем в последекабристскую эпоху. Будучи человеком действенным, не терпящим ни в чём фальши, с грустью размышляет о настоящем и будущем русского народа в стихотворении «Дума».

Не бывает, пожалуй, таких мыслителей, кто, размышляя и осуществляя стремление самопознания, не берёт в расчёт состояние смертельной опасности – смерти, являющейся естественным концом жизни любого живого организма. Анализируя мотив небытия в творчестве Лермонтова, приходишь к мысли, что он рассматривал её, подобно Платону, и христианству, как раскрепощение души, пребывающей временно в «темнице – теле». Кончина при таком осмыслении есть не что иное, как выход души из организма в божественное бессмертие. Исходя из такого гениально простого решения, древнегреческий философ Эпикур доказывал бессмысленность страха перед смертью, так как пока мы живы, её

нет, а когда она есть, нас уже не будет.

Лермонтовская фантазия делает мотивы смерти самыми неожиданными. Чаще всего обличье смерти в его описаниях отвратительное, не имеющее ничего общего с эстетически понятиями. Самое же нелепое состоит в том, что с её приходом заканчиваются всякие деяния. И хорошо, когда деяния были настолько существенные, что останутся после смерти. А если они не окажутся достойными памяти? Что тогда? Вот такой финал более всего беспокоит поэта. Нет, он не страшится смерти в любом возрасте, поскольку она неизбежна: «Боюсь не смерти я. О нет! / Боюсь исчезнуть совершенно» [2, I: 252], – записывает он «1830. Мая. 16 числа». Беспокойство ненепосредственное – он знает о том, что для многих смертных так оно и случится. Недаром же он писал о своём поколении:

*Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодотворной,
Ни гением начатого труда [2, I: 47].*

А он как же? Неужели всё, что он спешил сделать, стремясь к совершенству («на то ли я звучал струнами. На то ли создан был певец») исчезнет бесследно? Вот такое забвение страшно. Потому и звучит как заклинание: «Хочу, чтоб труд мой вдохновенный / Когда-нибудь увидел свет...» [2, I: 252].

Желание, разумеется, похвальное. Только зачем оно, какая польза будет от того автору, если его уже не будет, а мёртвому всё равно, что скажут, он не будет об этом знать? Ну, ладно, личности даровитые, а сколько не обладающих даром поэтическим мечтают о такой участи после смерти, тревожат редакции, пишут книжонки, вовсе не выискивая побуждения причин к настоящему творчеству, не догадываясь о них по своей недалёкости. Причины же таких стремлений есть. Они кроются в бессмертности души, это она подталкивает людей к подвигу, не разбираясь при этом, кто достоин памяти потомков. Душа...она живая и тоже может ошибаться. Может быть, это даже хорошо – творческий человек, движимый корыстными или бескорыстными стремлениями, пытается оставить после своего пребывания на Земле след в последующих поколениях.

Справедливо писал по этому случаю В.Ф. Асмус: «То, что можно было бы назвать страхом смерти у Лермонтова, точнее, должно быть охарактеризовано как боязнь не оказаться бессмертным, то есть плодотворным

и живым в результатах своего творческого труда. Это боязнь забвения, то есть высшая форма требовательности, предъявляемой к собственной жизни, к собственному труду. Думая о смерти, Лермонтов думает не столько о ней самой, сколько о жизни; он оценивает сделанное им до сих пор с точки зрения его способности вести длительное существование в потомстве, в памяти людей, в деятельности их ума и мысли» [1]. Без понимания рока или судьбы невозможно самопознания личности, тем более, что Лермонтов по стечениям обстоятельств семейным и общественным, придавал им большое значение. Предопределённость событий и поступков отмечалась ещё в русском устном народном творчестве, чаще всего в сочетании «судбина злая». О проявлениях судьбы писали многие религиозные философы. В размышлениях у Лермонтова намечается грань между судьбой, рассматриваемой в поэзии больше житейско-поэтическом плане, и фатализмом как философском понятии. Греки персонифицировали судьбу в виде Мойры, Тюхе, Ате..., представлял её в виде божества. Шопенгауэр, рассуждая о её явлениях, приходил к выводу о преднамеренности, в зависимости от волевых качеств отдельно взятой личности. Проявление судьбы Лермонтов чувственно представлял в своей личной жизни и в сюжетных коллизиях, рождаемых его воображением героев. Наглядно это показано на примере невыдуманного героя Наполеона («Родился он игрой судьбы случайной...» [2, I: 371].

Познавая судьбу лирического героя, ищущий Лермонтов не мог пройти мимо фундаментальных философских понятий идеализма и материализма. Первый период творчества характеризуется идеалистическим взглядом на жизнь: «Зови надежду сновиденьем, Неправду – истиной зови...» [2, I: 392]. То было по-своему счастливое время открытий и постижений истин земного бытия. «И жил тогда он жизнью иной, И о земле позабывал» [2, II: 353], а когда силою воли снижался на землю, то привычные предметы «Не походили на существ земных» [2, II: 353]. Волнение детства и грёзы юности были ещё невыразительно неопределённые, хотя очень хотелось их каким-либо образом выявить на бумаге («Мои неясные мечты Я выразить хотел стихами») [2, I: 206]. Он признаётся «1831-го июня 11 дня»:

*Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил
Все обольщенья света, но не свет,*

*В котором я минутами лишь жил;
И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями... [2, I: 353].*

Объективную действительность он воспринимал как форму проявления духа в разумном её проявлении. Чудесное выступало в таинственных, в некоторых случаях в мистических воображениях и в снах. Завидовал он тогда звёздам, принимая их за далёкие неразгаданные существа «Звёзды и небо! – а я человек...» [2, I: 396].

Живое временное существо – человек и звёзды – явления совершенно разные. По Лермонтову, человек, хотя и разумное создание, но с целым букетом недостатков. Совсем другое – величавые, независимые внешне звёзды, находящиеся в покое пред присмотром бездонно-бесконечного неба, манящего к себе своей таинственностью. «Я помню один сон; когда я был ещё восьми лет, он сильно подействовал на мою душу. В те же лета я один раз ехал в грозу куда-то; и помню облако, которое, не большое, как бы оторванный клочок чёрного плаща, быстро несло по небу: это так живо предо мною, как будто вижу», – писал Лермонтов в 1830 году. Где сон, где явь – понять трудно, да и не надо понимать. Такие видения или сны напрашивались в сюжеты его стихотворений: «Тучи», «Утёс», «Сон», «Листок».

Сны, мистику, платоновская концепция «анамнезиса», как познания-воспоминания души, которая созерцала до её соединения с телом. Немецкий философ Артур Шопенгауэр, считающий, что «только гений искусства – благодаря чистому созерцанию и необычной силе фантазии – способен познать вечную идею и выразить её в поэзии, изобразительном искусстве, музыке [4] сближал реальную жизнь человеческого общества со сновидениями, видя в этом своеобразие выражения собственных идей, облачённых в соответствующую форму. «Слишком явно выступает перед нами тесное родство между жизнью и сном, – рассуждает Шопенгауэр, – не постыдимся же его признать, после того как признали его, высказали много великих умов. Ведь и Пураны для всего познания действительного мира...не знают лучшего и не употребляют чаще другого сравнения, чем сон. Платон не раз говорит, что люди живут только во сне и лишь один философ стремится к бдению. Пиндар выражается: «человек – сон тени»; у Софокла читаем:

*Я вижу: мы все, сколько нас ни живёт, –
Лишь призраков лёгкие тени («Алекс.
125).*

Наряду с ним всего достойнее место Шекспира:

*Как наши сновиденья,
Так созданы и мы, и жизни краткой дни
Объяты сном... («Буря», IV,1)*

Наконец, Кальдерон был до того проникнут этим воззрением, что пытался выразить его в своей до некоторой степени метафизической драме: «Жизнь – сон» [4]. Мало чем отличаются от Шопенгауэра рассуждения по этому вопросу русского философа В.С. Соловьёва, многие мысли и стихи которого вошли в эстетику модернизма конца XIX – начала XX века.

Идеальное у Лермонтова рождается самой жизнью, богатой на выдумки, и переносится на чистый лист бумаги через переосмысление, через осознание действительности и ум, который по твёрдому убеждению поэта «не по пустякам К чему-то тайному стремился» [2, I: 388].

В некоторых случаях лермонтовский платонизм в первой половине творчества начинает граничить с элементами реального, противопоставленного в антитезу Земля-Небо, кода земное ближе к реальному, а небесное – к идеальному. Постепенно платоновская концепция «анамнезиса» уступала место реалистическим тенденциям. Показательно, что в письме к М.А. Лопухиной 2-го сентября 1832 года он писал: «Странная вещь эти сны! Это иная жизнь, часто более приятная, нежели действительность. И я отнюдь не разделяю мнения тех, которые говорят, будто жизнь есть сон, я осязательно чувствую её действительность, её привлекательную пустоту. Я никогда не мог бы отрешиться от неё настолько, чтобы искренне презирать её; потому что жизнь моя – я сам, я, который говорит теперь с вами и который может в миг обратиться в ничто, в одно имя, то есть опять-таки в ничто...» [2, IV: 378]. Точно также, как он отказался от духовных подражаний Байрону («... но только с русской душой»), он откажется от платоновского идеализма с его «анамнезисом». Его привлечёт реальная жизнь с её повседневными заботами, с долгом перед народом и патриотическими чувствами к России. В нём рождается русский национальный поэт, смело раздвинувший узкие рамки западноевропейского романического идеализма.

Изменение в эстетике Лермонтова нельзя определить каким-то одним стихотворением или годом. Процесс самопознания не был сиюминутным и однозначным. Более того, идеалистическое видение мира, иллюзорность реальной жизни сказывались и в зрелый период, делая поэзию многосмысловой в идейном отношении и оригинальной по форме. И всё-таки мысли о трансцендентной двойственности мира делались второстепенными, а ведущими стали идеи, диктуемые не книжными ассоциациями, а многообразием самой жизни. Вполне осознанно он приходит к выводу: «И жизнь поболее, чем сон» [2, I: 378].

Какой может быть сон, когда реально был убит Пушкин, когда не стало отца, не во сне, а наяву находился он под пулями горцев. Всё это и многое другое не придумано, оно не иллюзорно, оно всякий раз заставляет думать и реагировать на происходящее. Если раньше он придавал большое значение Небу, то, в связи с приобретением опыта, скажет: «Как землю нам больше небес не любить?» [2, I: 397].

В жизни проще и легче любить ирреальное и воспевать его. Но великие люди не идут удобными тропами, а протаптывают свою, только им одним дарованную Богом дорогу. Пусть она и трудная, неизведанная, опасная, но кто, когда, «какой великий выбирал путь, чтобы протоптанней и легче» (В. Маяковский). Творческий труд даёт вдохновение и наслаждение этим вдохновением. А о Лермонтове можно сказать его же словами: «Он даром славы не берёт» [2, I: 470].

И мотивы страданий приобретают у Лермонтова не отвлечённый, а реальный характер: «Но мне милей страдания земные: Я к ним привык и не оставлю их...» [2, I: 179]. Как видим, самопознание Лермонтова давало свои реальные плоды. Вместе с тем, говорить о критическом реализме как завершённом этапе было бы натяжкой. В нём, как серьёзном ищущем писателе, выростала ответственность за всё происходящее на его Родине, он чаще и чаще задумывался о назначении поэта, нравственная и интеллектуальная сила которого может и должна помогать изменению общества в гуманистическом направлении. Рассуждения вплотную подводят нас к проблеме соизмеримости жизни и искусства. Судя по дошедшему до нас наследию Лермонтова, писатель первенство отдавал жизни, когда писал: « Холодной буквой трудно объяснить / Боренье дум. Нет звуков у людей , / Довольно сильных, чтоб изобразить / Желания блаженства» [2, I: 35], или «Стихом раз-

меренным и словом ледяным / Не передашь ты их значенья» [2, I: 5].

Иллюзорность образов, какими бы зыбчиво прекрасными они ни были не в силах передать многообразную жизненную палитру. В любых случаях, по разумению поэта, каких бы высот ни достигло искусство, «но песнь – всё песнь»; а жизнь – всё жизнь!» [2, I: 298]. А как же быть с шиллеровской формулой красоты, которой суждено спасти мир? Вопрос совсем не праздный. Если трудно словом передать жизнь, то зачем же тогда писать, зачем передавать жизнь слепками искусства? Пустыми в таких случаях окажутся признания о «ничтожном труде»: «Но так и быть – пишу – пока возможно – Сей труд души моей любимый труд!» [2, I: 240].

Недоразумения здесь не должно быть. Лермонтов говорит не о невозможностях передавать средствами искусства все сложности жизненных процессов, а о трудностях: «Холодной буквой трудно объяснить Боренье дум». И поэт прав, с ним здесь не поспоришь. Он первый из русских писателей так резко поставил вопрос о трудностях работы со словом. А что можно добиться блестящих результатов – он сам же доказал это своей поэзией.

Хотелось бы завершить наблюдения рассуждениями В.Ф. Асмуса, касающимися проблем соответствия искусства и жизни. «Вместе с Лермонтовым, – пишет он в статье «Круг идей Лермонтова», – преждевременно погиб не только ум огромной потенциальной философской силы, но и первоклассный в потенции эстетик. Как бы отвечая позднему требованию французского философа Гюйо, автора книги «Искусство с социологической точки зрения», Лермонтов слишком хорошо знал, насколько жизнь превос-

ходит искусство, и именно потому знал, что надо делать, чтобы внести как можно больше жизни в искусство. Ему в совершенстве была знакома эстетическая диалектика – одновременные и адекватность и неадекватность образов искусства, неподвластность их нормам натуралистической истины, под видом полноты лишь обедняющей действительности, и подчиненность их вольной и широкой правде художественного вымысла – той правде, которая открывает и запечатлевает не явное, но существенное, одновременно и свободна и определяется непреложной непобедимостью следования истине» [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Асмус В.Ф. Круг идей Лермонтова // Вопросы теории и истории эстетики. – М.: Искусство, 1968. – С. 411.
2. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. – Т. 4. – М., 1964. – С. 87.
3. Философский энциклопедический словарь. – М., 1997. – С. 522.
4. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – М., 1900. – С.17-18.

G. Gorlanov

SELF-KNOWLEDGE AS A FEATURE OF THE RUSSIAN ARCHETYPE IN LERMONTOV'S CREATIVE MENTALITY

Abstract: The article speaks about the characteristic feature of Lermontov's work – the aspiration to cognize the outward things and the man's designation by means of art. Analyzing the concrete Lermontov's works and basing on the work of V. Asmus "The range of Lermontov's ideas", the author of the article speaks about commensurability of life and art giving the preference to the realities of life.

Key words: will, struggle, fate, archetype, truth, consciousness.

УДК 882.09: 398

Казанцева И.А.

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ АКСИОЛОГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ*

Аннотация: В статье рассматривается отражение православных ценностей в современной литературе. Автор выявляет зависимость между творческим методом и спе-

цификой времени и пространства в малой жанровой форме. Взаимодействие хронотопа и зонотопоса детерминировано нюансами мировоззрения художников, тяготеющих к различным типам реализма. Доказывается, что в проблематике и поэтике произведений совре-

* © Казанцева И.А.

менных авторов, отражающих православные ценности, наблюдается общность в иерархии проблем, различия воплощены в противостоянии сакрального времени и пространства.

Ключевые слова: Православие, художественный метод, православная аксиология, поэтика, образ, сюжет, художественные средства.

Один из способов художественного отражения православной аксиологии в современной литературе достигается через воплощение специфики времени и пространства, которые являют собой строгую иерархичность божественного творения. Целью статьи было изучение связи между творческим методом и способами отражения времени и пространства у авторов, воссоздающих православные ценности в малой жанровой форме.

Обозначая начало нового этапа в творчестве В. Распутина, М. Дунаев пишет: «Пока Распутин взаимодействовал с уровнем не столь высоким, испытывая себя в способности владения тончайшими, трудноуловимыми вибрациями душевного состава человека. Перейдет ли он на более высокий уровень? Он прикоснулся к постижению неведомых для искусства духовных истин, он совершил освоение новых эстетических средств, соответствующих выражению этих истин – овладение же (насколько это в силах человека вообще) в полноте единством одного с другим достижимо лишь в процессе собственно эстетического творчества. Кажется, Распутин к тому близок» [1: 477]. Рассказ «В непогоду» стал для В. Распутина этапным, поскольку в нем мы можем наблюдать воплощение в отраженном свете художественного творчества новый этап в творческом постижении действительности. Через специфику художественного времени писатель воплощает аксиологический ряд православия. Он художественно осваивает теоцентрическую концепцию мира с доминированием целостности и иерархичности онтологических и антропологических представлений. В. Лепахин отмечает следующие черты церковной трактовки времени: оно не бесконечно; не абсолютно и не необратимо; не однородно [2: 667]. Ученый предлагает принять имеющуюся в богословской традиции терминологию, согласно которой можно выделить три времени: космическое (циклическое в своей сути), историческое и экзистенциальное (литургическое, «время Церкви»). В рассказе космическое, историческое и время Церкви закреплены композиционно. Непогода, заставшая автора в санатории на Байка-

ле, определяет трехчастную композицию, в каждой из частей которой ведущая нота принадлежит разному времени. Визуально части отделены пробелами, самостоятельность каждой – детерминирована ассоциативными рядами заглавия. Душевные движения развиваются в топосе санатория и пика Черского, причем оба заданы рамками космического и исторического времен. Время отсчитывается в зависимости от физических потребностей и душевных переживаний. Биографическое авторское время входит в контексте прошлого вместе с языческими легендами об Ангаре. Воспоминания о детстве выполняют двойную функцию: во-первых, служат мерой времени, во-вторых, смыкают историческое и космическое, придавая целостность первой части рассказа. Появление в финале первой части смутного видения одной из гор, мерцающих «негасимой оплывшей свечой» [3: 230], не случайно. Зажженная свеча как аналог христианской жизни явлена в преддверии иной по своим пространственно-временным характеристикам второй части рассказа, воплощающей духовное измерение человеческого существования. Оппозиция «смирение – гордыня», значимая для православной аксиологии, развивается в ограниченном топосе избытки, в мире фантазий. Рассчитанная только на свои силы попытка оторваться от природной реальности бесплодна. Автор обрывает тему самостоятельного творчества. В этой части возникает время Церкви (вместе с обращением к этапному в творчестве Н. Лескова рассказу) как способ косвенного противостояния человеческой гордыне. Тема Промысла («раскрылось» на рассказе «На краю света») входит вместе с эволюцией восприятия рассказа: «Теперь я имел случай окунуться в него заново и неторопливо и под вой непогоды почувствовать, как будто глоток за глотком испивал я этот бальзам из лесковского сосуда, его удивительную духовную красоту и достоверность. Да и спасение от волков прыткого архиерея, просидевшего всю ночь на дереве, совсем не показалось мне неправдоподобным. Дело-то не в этом» [3: 239-240]. Достоверность нового восприятия достигается через введение времени Церкви (у Н. Лескова оно возникает в связи с образом о. Кириака, у В. Распутина – с появлением «душеполезного» чтения). Всё начало второй части подчинено космическому времени, на которое даны четкие указания. У Н. Лескова время Церкви вводится вместе со своеобразным пониманием православного таинства крещения, спорного, но имеющего подоплеку в противостоя-

нии западного и русского типов духовности, акцентированного в столкновении с верой «дикарей» («Дикарь» – не случайно одно из ранних названий лесковского рассказа). У В. Распутина время Церкви, заданное уровнем прочтения рассказа, опосредованно выражено в лирическом отступлении о «медленном... сползании в небытие» [3: 240]. В авторском слове историческое и экзистенциальное время создают образ, лишенный знакомых по предшествующему творчеству (в особенности, «Прощании с Матерой») языческих черт. Время Церкви, введенное через размышления о преодолении смерти в воскресении, утверждает полноту принятия христианства. «К уходу, к этому священному и окончательному событию, к событию, прекращающему твое земное бытие, надо подготовиться,... принять причастие... Чего же после этого пугаться, если веришь, что после оставляемых трудов и детей-внуков уходишь ты из небытия во всебытие, в единое и вечное крепление, которым держится земная жизнь?» (выделено. – И. К.)... Да, не так страшно уходить туда...под шелест утягивающей молитвы...» [3: 241]. Време вечности вступает в свои права в центральной части рассказа В. Распутина. Следующий сбой временного ритма врывается с действительностью и космическим временем. Гаснет свет, из буквальной приметы торжества стихии перерастая в символ. Характерно, что образ «пугающих часов» у В. Распутина коррелирует с остановившимися механическими часами у Н. Лескова. Газетно-новостийный план входит через публицистическую лексику, движение времени ускоряется, подчеркивая бессмысленность информационных потоков. Победа време вечности возникает в «тревоге пополам с печалью» [3: 243]. Вторая часть этой «формулы» обращена к православной «пасхальной» парадигме преодоления смерти. Относительность прошлого, будущего и настоящего определяет особенности второй части. Апокалиптические образы «вестников», «геенны огненной» сменяются плачем родных, живых для Бога. Православная вера восстанавливает утраченную гармонию. Возможно, этот диалог ассоциативно продолжает другой, о «подпорках» из распутинского «Пожара». Иное качество «устоев» приводит к иному результату. Органичность финала рассказа непосредственно вытекает из православной аксиологии, реализованной автором в рассказе через категории времени и пространства. Вторая часть содержит традиционное для литературы обращение к истории Римской империи. У В.

Распутина мысль о соработничестве человека с Богом в начале XXI века проговорена художественно безупречно. Она лишь на первый взгляд очень близка утверждаемой Н. Лесковым, так как отношение классика к таинствам далеко от канонического. Стихия отступает, а вторая часть рассказа заканчивается рубцовскими строками, воплощающими космическое время.

Третья часть вновь содержит четкие временные координаты, связанные со сменой дня и ночи. Финальные строки вызывают отдаленные ассоциации со временем Церкви. Например, «трубочки» В. Распутина лишь рифмуются с «трубами» ангелов Апокалипсиса. Душевный уровень человеческого существования в последних строках пейзажа, построенного на принципе психологического параллелизма, соотносится с фольклорным образом богатыря, каким представился лесковскому герою его «избавитель».

В. Курносенко актуализирует православную аксиологию сквозным мотивом (два пути спасения) цикла рассказов «Неостатое время», утвердившего заглавием (сильной позицией текста) противостояние хроноса и време вечности. Духовный и душевный уровни человеческого существования, развиваясь в плоскости хронотопа, выходят в эонотопос. Первый рассказ цикла, в заглавии закрепивший есенинскую орифлему «Разметался пожар голубой...», через литературное слово вводит тему благодати. Источник «малой призывающей благодати» в образе исполнительницы романса, одного из комсомольских лидеров, и параллели собственной судьбы героя с фрагментами жития отрока Варфоломея не нарочиты, ибо могут быть прочитаны в логике эонотопоса. Последующая «невстреча» с Олей и узнавание о том, что она в Дивеевской обители, придают неслучайный смысл центральному эпизоду рассказа и задают тональность всего цикла. В. Лепяхин, указывая на одну из черт эонотопоса, пишет: «События, происходившие в **разное** время, в эонотопосе могут восприниматься и изображаться как **одновременные**, поскольку они находятся внутри вечности и в любой момент могут быть актуализированы: не порывая своей связи с вечностью, стать време вечными. **Диахрония и синхрония в эонотопосе совпадают**» [4: 307-308]. Таким образом, будущее Оли становится настоящим, а эпизод житейской биографии превращается в начало биографии духовной. В пространстве и времени монастырского пути спасения, в служении Богу, в каждодневном подвиге молитвы фи-

нальная сцена рассказа с фигурой умолчания открывается во вневременность: «Среди нас ... есть выдержавшие, есть отличившие и отделившие истину от всех ее удобных подмен и подделок ... Есть все-таки человек, женщина, ... кто как раз сейчас, в эту самую минуту, и затеплевает, может, лампадку в далекой келье и, опустясь на сбитые, натруженные в подвизаньях и духовных ратничествах колена, она ...» [5: 21]. Размыкание эонотопоса в плоскость мирского существования персонажа (рассказ «Уцелевший») реализует возможность сохранения такой ценности как цельность человека, созданного «по образу и подобию Божьему». Риторический вопрос в качестве резюме рассказа расставляет акценты между монастырем и миром. Эонотопос вводится в цикл через специфику слова (цитаты из Евангелия, символика имен, эпиграфы). В рассказе «Высота экзистенции» пограничное существование человека, обреченного болезнью на смерть, сначала развивается в топосе институтской аудитории. В подлинной сущности оно проявляется лишь в топосе больничной палаты, органично связанным с вневременностью, через сквозное для творчества В. Курносенко обращение к заповедям блаженства. «... она, наша кость от кости сокурсница, ... стояла у спинки кровати и с не виданной мною ни у кого мощью спокойствия, без упрёка, зависти и надежды на чью-либо помощь смотрела на нас ... Еще вчера, ну, месяц назад, она была мы, наша и из нас, заскакивала в библиотеку, за пирожками в буфет, сидела на лекциях и практических, строила планы, предавалась мечтаниям, полагая им в доверчивой простоте безмерные протяжения сроки ... При одном дозволенном приличьем взгляде на подплывшее, изжелто-бледное одухотворенное лицо, на распрямившиеся потускнелые куделечки делалось ясно, как далеко, как безвозвратно-недосягаемо ушла она по горней тропе. Сосуд скудельный треснул, предназначился распаду, но содержимое его, душа, лучше-сокровенная суть этой девушки, просверкивала в обнаженной нечаянно своей красе» [5: 43]. Дистанция между персонажем-рассказчиком и героиней обозначается, прежде всего, указанием на разный пространственно-временной континуум. Однокурсница уже в сфере вневременности, остальные живут в координатах хронотопа, акценты расставлены, в том числе, визуально. «Блаженны мертвые, – прочту я, когда придут сроки чтению, – умирающие в Господе» [5: 43]. Тема смерти соотносима с «памятью смертной». Выбор

«высоты экзистенции» через реминисценции из сочинений святых отцов соотносится с православной аксиологией, предопределяющей отношение к жизни и смерти, срокам и вечности. В финальном рассказе подытоживается проблематика цикла. Цикл рассказов, выстроенный как цепь воспоминаний героя, позволяет автору запечатлеть мгновение перекрестия хроноса и эонотопоса, приоткрыть причины сцеплений прошлых и нынешних событий. Главной функцией цитат и аллюзий из Священного Писания и Предания, трудов православных священников является стремление придать времени соотнесенность с вечностью. Благодаря данной художественной особенности становится возможным уравнивание безымянной девушки-однокурсницы и царевича, канонизированного Русской Православной Церковью. Общая болезнь обоих рассмотрена в контексте душевной болезни «народа», когда один несет ответственность за всех, разделяя православное соборное мироощущение.

В иной перспективе воцерковленного сознания воссоздаются реалии православия в рамках художественного метода духовного реализма в рассказах Н. Карташовой и В. Крупина. Так, Н. Карташова широко использует художественные детали, способствующие воссозданию сакрального хронотопа. Например, сквозной деталью становится наследственный православный крест, переданный теткой героини Владимиру Олеговичу и семейная реликвия икона Божией Матери Иверской. Все детали у Н. Карташовой даны в точном соответствии с их православной символикой. Характеризуя этот тип иконографии Божией Матери, И. К. Языкова пишет: «В этом названии (Одигитрия. – И.К.) заложена концепция богородичных икон в целом, ибо Матерь Божия ведет нас ко Христу. Жизнь христианина представляет собой путь из тьмы – в чудный Божий свет, от греха – к спасению, от смерти – в жизнь. ...В жесте Богородицы, указующем на Христа, ключ к этому образу – Матерь Божия ориентирует нас духовно, направляя ко Христу, ибо он есть Путь, Истина и Жизнь...» [6: 95]. Избран тип иконы Божией Матери – Одигитрии (греч. «путеводительница»), который соответствует логике сюжета рассказа. Несостоявшееся материнство Зины, ее сиротство и непригодность к суетной жизни, завершение ее земного пути монашеством – все это моменты на пути к главной цели, которой она достигает в финале рассказа. Дефиниции времен уточняются Н. Карташовой через де-

тали, характеризующиеся многозначностью (ассоциативная связь деталей иконы Иверской Божией Матери и портрета Лени). В эонотопосе, заданном иконой, эта деталь символизирует времена иконоборчества, когда образ был подвергнут осквернению. Деталь портрета указывает на изощренные способы вовлечения человека в состояние прелести, в которое впала Зинаида под влиянием чар второго мужа. Не случайно ее тетя заказывает молебен Киприану и Иустине, пытается спасти племянницу. Так в хронос проникает сакральное время и пространство. Указание на место (монастырь) и эволюцию облика героини (переданную через метафорический образ) задаёт перспективу вневечности. «Посмотрела – живые мощи! Даже возраста нет, и срок можно дать, и семьдесят, как на иконах страстотерпцев, только венца нет, не заслужила. Но все-таки из глаз отчаяние и крик ушли, смотрит покойно, как будто что про себя узнала, приняла и смирилась» [7: 83]. Цитата из евангельского текста, акцентированная заглавием рассказа, воплощает сущностную характеристику героини и основу сюжета. «Ненависть» мира, как обозначена она в полной цитате из Евангелия, неуместность Зинаиды в миру приводят к логичному завершению ее земной жизни, открытому в вечность.

На антитезе времен и сроков построен рассказ В. Крупина «Прошли времена, остались сроки». Двух авторов объединяет качество мироощущения, отраженное в художественном методе. Вероятно, разница поэта и прозаика, создающих мир по разным художественным законам, стирается в единстве отражающих духовную реальность черт мистического пространства и времени. Выделяя «три реальных пространства»: физическое, теокосмическое и мистическое, В. Котельников так определяет специфику последнего: «Мистическое пространство абсолютно и находится по ту сторону времени, физической протяженности и качественности. С ним сопряжен человек духовный, оно доступно верующему познанию ... и мистической интуиции» [8: 13]. Интуитивно, на основании наблюдений за жизнью, героиня рассказа приходит к характеристике времени космического и времени Церкви. Бытовая деталь у В. Крупина, как и у Н. Карташовой, задает эонотопос. Сопоставление служения двух священников косвенно указывает на релятивизм человеческих оценок времени и пространства. Единый путь отражен в разных формах поведения, но бытовая деталь

закрепляет соотнесенность деятельности священников с вневечностью. Финал «примиряет» сроки и времена: бабушка «нанизывает на спицы бесконечные петельки и шепчет при этом: «Господи, помилуй», «Господи, помилуй», «Господи, помилуй...» [9: 74]. Детали уравнивают вечное и временное. Антитеза снимается переживанием в ежедневном существовании дыхания вечности.

Итак, мировоззрение художников, воплощающих православные ценности, имеет много общего на уровне метода, а нюансы, значимые для определения взаимоотношений религии и творческой личности, отражены в развитии возможностей утверждения духовного уровня человеческой жизни через категорию художественного времени. Выбор наиболее показательных в аспекте избранной в статье проблемы и родственных в жанровом отношении произведений дает основание для выявления общности на проблемно-тематическом и сюжетном уровнях рассказов. Анализируемые произведения объединяет православная в своей основе интерпретация смерти, воскресения, церковных таинств, выстраивание логики сюжета с учетом действия Промысла в судьбе. Специфика в отражении времени и пространства предопределена нюансами мировоззрений, в свою очередь детерминирующими метод. Так, путь к православной аксиологии в художественном творчестве отражается в доминировании хроноса и теокосмического пространства. Обращение к эонотопосу происходит в пограничных ситуациях. Введение сакрального хронотопа достигается за счет интертекстуальных связей, библейских мотивов и образов, возвышенной лексики. В творчестве авторов, реализующих принципы духовного реализма, воплощен, по преимуществу, эонотопос. Предпочтительный показ духовного уровня человеческого существования в реализме данного типа приводит к парадоксальному, на первый взгляд, художественному решению. Для создания эонотопоса не привлекается ни онтологическая высота проблематики, ни апелляция к сакральным текстам. Художественная деталь (часто бытовая) становится средством отражения духовного уровня существования. Противоречие между ординарностью средств поэтики и высотой изображаемых объектов снимается, так как время и пространство иконично, ибо постигается как отражение Первообраза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6-ти ч. Ч. VI/1. – М., 2004.

2. Лепахин В. В. Икона в русской художественной литературе: Икона, иконопочитание, иконопись, иконописцы. – М., 2002.
3. Распутин В. Г. На родине: Рассказы и очерки. – М., 2005.
4. Лепахин В. В. Икона и иконичность. – СПб., 2002.
5. Курносенко В. Неостающее время // Дружба народов. – 2007. – № 8.
6. Языкова И. К. Богословие иконы. М., 1994.
7. Карташова Н. В. Не от мира сего. – М., 2005. – № 9.
8. Котельников В. А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. – М., 2002.
9. Крупин В. Н. Прошли времена, остались сроки // Роман-газета. – 1997. – № 9.

I. Kazantseva

THE REFLECTION OF ORTHODOX VALUES IN THE CREATIVE WORK OF THE CONTEMPORARY WRITERS

Abstract: The article is devoted to the study of orthodox values in Russian modern literature. The author demonstrated that the individual religious test influenced on the artistic method. The choice of the orthodox ethics determines the reflection of a space and a time.

Key words: Orthodoxy, an artistic method, orthodox values, poetics, an image, a plot, artistic means.

УДК 820 (73)

Карасик О.Б.

РОМАНЫ ФИЛИПА РОТА – К ВОПРОСУ ОБ АВТОБИОГРАФИЗМЕ ТВОРЧЕСТВА*

Аннотация: Данная статья посвящена одному из аспектов творчества «живого классика» американской литературы Филипа Рота. Автобиографизм – одна из основных черт его романного творчества, которая проявляется на различных уровнях. На протяжении многих лет протагонистами романов Рота являются его «двойники» – персонажи, во многом схожие с автором. Однако Рот настаивает на том, что его романы не являются абсолютно автобиографическими, и доказывает право писателя на вымысел.

Ключевые слова: автобиография, американский, писатель, факты, вымысел.

Филип Милтон Рот (р. 1933) – выдающийся американский писатель, обладатель многих литературных премий, неоднократный номинант на Нобелевскую премию. В последние годы его романы все чаще переводятся на русский язык. Некоторые из них уже выдержали по несколько изданий.

Рот начал литературную карьеру в конце 50-х. В последние десятилетия он выпускает по роману в год и продолжает следовать своей излюбленной форме – многие его романы представляют собой исповедальный монолог с элементами автобиографии, в большинстве случаев пронизанный юмором и самоиронией. Его последний на сегодняшний день роман – «Возмущение» (*Indignation*) –

вышел в свет в 2008 году и практически сразу был переведен на русский язык.

Впервые исповедальная форма появилась в самом скандальном романе, ставшем уже классикой американской литературы XX века, – «Случай Портного» (*Portnoy's Complaint, 1969*). Это скандальное произведение, вызвавшее восторг одних критиков и негодование других, открыло публике темы и проблемы, которые писатель продолжает развивать и сейчас.

На первый взгляд роман выглядит автобиографическим из-за наличия в нем множества совпадений и несомненных автобиографических элементов. Однако, нам кажется, «Случай Портного» вовсе не авторская исповедь, но описание определенного типа личности с ярко проявляющимися этническими особенностями, в том числе комплексами и невротами, находящегося в поисках собственной этнической и сексуальной идентичности. В то же время форма повествования, которую избрал автор для воплощения своих идей, может ввести в заблуждение читателя и убедить его в том, что он имеет дело с автобиографией. Форму повествования романа «Случай Портного» можно определить как монолог-исповедь главного героя перед врачом-психоаналитиком. В дальнейшем Рот еще не раз обратится к этой форме.

Главному герою романа Александру Портному 33 года. Он подробно описывает

* © Карасик О.Б.

доктору свои общественные, личные и сексуальные связи и привязанности, которые зачастую предстают в оголенном и непристойном виде. Каждая из глав романа представляет собой воспоминания о прошлом героя и описание его фантазий на пути поисков идентичности. Все это автор гиперболизирует и доводит до абсурда.

Элементы автобиографии в романе очевидны. Главный герой так же, как и автор, родился и вырос в еврейском квартале Ньюарка в семье эмигрантов из Польши. Семья персонажа и его окружение фактически «списаны» Ротом с собственной семьи и друзей. Все традиционные стереотипы и модели поведения родители Алекса навязывают своему сыну, пытаясь воспитать его как «настоящего» еврея и формируя его этническую идентичность. Она складывается благодаря социальной среде, в которой растет Алекс. Его окружают еврейская школа, еврейский квартал, еврейские друзья и соседи. В «Случае Портного» Рот описывает общину своего детства. Он трансформирует в художественный текст впечатления от того сжатого маленького мирка, в котором провел первые 18 лет своей жизни. В этой же среде формирует и образ мыслей Алекса Портного.

В романах, последовавших за «Случаем Портного», Рот продолжает обращаться к собственной биографии. В начале 70-х в его творчестве появляются персонажи, которые фактически являются его двойниками, «вторыми я». Обращаясь к проблеме становления и этнической, и профессиональной идентичности творческой личности, Рот делает главными героями своих романов писателей. Персонажами многих его произведений являются литераторы Натан Цукерман и Дэвид Кепеш. Факты жизни этих персонажей во многом схожи с биографией самого Рота, а в самих романах элементы автобиографии тесно переплетаются с авторским вымыслом. Эти персонажи фигурируют в романах «Грудь» (*The Breast*, 1972), «Моя мужская правда» (*My Life As a Man*, 1974), «Профессор желания» (*The Professor of Desire*, 1977), «Литературный негр» (*The Ghost Writer*, 1979), «Освобожденный Цукерман» (*Zhuckerman Unbound*, 1981), «Урок анатомии» (*The Anatomy Lesson*, 1983), «Контржизнь» (*The Counterlife*, 1986), «Факты. Автобиография романиста» (*The Facts. A Novelist's Autobiography*, 1988), «Людское клеймо» (*The Human Stain*, 2000) и «Умиращее животное» (*The Dying Animal*, 2001), «Призрак исчезает» (*Exit Ghost*, 2007) и других.

Элементами автобиографии в первую очередь, являются происхождение и социальный статус героев. Дэвид Кепеш и Натан Цукерман, как и сам Рот и Александр Портной, родились в типичных американских еврейских семьях. Их родители – эмигранты из польских местечек, которым удалось избежать Холокоста. Все они живут в еврейском квартале Ньюарка, в замкнутой еврейской среде. Все они со временем начинают чувствовать все большее проникновение реалий американской жизни в их замкнутый мир, что вызывает внутренние противоречия и отражается на их дальнейшей жизни. В произведениях последних лет Натан Цукерман и Дэвид Кепеш полностью совпадают с автором по возрасту, социальному статусу, общественному положению и, вероятно, по образу мыслей.

Натан Цукерман – главное и наиболее близкое к оригиналу *alter ego* автора. Проблема автобиографизма творчества становится основной в романе «Освобожденный Цукерман». Натан Цукерман, пройдя сложный путь формирования и становления (в «Моей мужской правде») и поисков наставника (в «Литературном негре»), стал зрелым писателем. Он выпустил книгу, которая принесла ему громкую славу и популярность у читателей, и одновременно презрение и осуждение родственников, друзей и соседей. Рот вводит читателя в заблуждение цитатой, предваряющей повествование: «Пусть Натан узнает, что значит стать известным. И пусть он никогда не постучит в нашу дверь, чтобы сказать, что мы его не предупреждали» [3: 1]*. Эта цитата подписана «И. И. Лонофф своей жене 10 декабря 1956 года» без упоминания о том, что взята она из предыдущего романа о Цукермане – «Литературный негр». У читателя, который не знаком с ним, должно создаваться впечатление, что перед ним биография реально существующего человека, а не полностью вымышленного персонажа.

Здесь уже Натан Цукерман в свою очередь создает образ своего персонажа Гилберта Карновски на основе собственной биографии и опыта.

Публикация романа «Карновски» сделала Цукермана знаменитым и скандальным автором так же, как когда-то «Случай Портного» принес скандальную славу Роту. Цукермана приглашают в телевизионные программы, у него берут интервью, ему приходят

* Здесь и далее цитаты из романов «Освобожденный Цукерман» и «Факты. Автобиография романиста» мои. – О.К.

письма от читателей, его узнают на улицах и просят автограф. Казалось бы, он добился успеха, пришел к осуществлению «американской мечты» о признании и благополучии. Однако это признание носит лишь скандальный характер и приносит неприятности семье и близким людям писателя. Его мать становится объектом насмешек, последовавших за остроумным и ироничным описанием матери Карновски, а сам Натан – объектом нелепого шантажа. Он вынужден доказывать всем, что Гилберт Карновски – вымышленный персонаж, а роман не является автобиографией.

Вероятно, идея развития подобного сюжета возникла у Рота на основе его собственного опыта. Начиная с выхода в свет романа «Случай Портного» каждое его произведение называли автобиографией, и в связи с этим выдвигались обвинения в антисемитизме, которые строились на ироничных и насмешливых описаниях еврейской семьи, свойственных писателю. Как и многие авторы, Рот ищет решения проблемы и ответы на преследующие его вопросы в творчестве. Так и Натан Цукерман создает своего «двойника» Карновски. Однако, когда он сталкивается с обвинениями в оскорблениях, которые исходят от родных и друзей, и в антисемитизме, о котором говорят критики, он вынужден доказывать окружающим, что между Цукерманом и Карновски нельзя ставить знак равенства. Разница между правдой и вымыслом неочевидна для его читателей. Поклонник творчества Натана, который преследует его повсюду, делится с ним собственной теорией: «Художественное произведение – это, конечно, не автобиография. Но я убежден, что любое произведение в той или иной мере берет начало в автобиографии. Хотя связь с реальными событиями может быть незначительной и даже отсутствовать вовсе. В конце концов, все мы основываемся на нашем собственном опыте, а опыт – это не только то, что на самом деле имело место, но и то, что создано нашим воображением. Автор не может писать о том, чего он не знает. Читатель должен предоставить ему материал. Опасно идти по пятам только собственного опыта: вероятно, недостаток твердости; стремление к искажению становится толчком к тому, чтобы оправдать авторский подход. С другой стороны, существующая дистанция либо полностью затмевает опыт, либо еще больше усиливает его. Для большинства из нас он все же затуманен, непонятен; но для писателя, если он способен воздержаться от скоропалительных выводов, опыт имеет преувеличенное значе-

ние» [3: 150]. Эти слова приводят в недоумение Натана, который всеми силами пытается доказать окружающим, что его произведение не автобиографическое, что он сам не Карновски, события романа никогда не происходили в реальности, а персонажи не списаны с его родственников и друзей.

Попытки возражать читателям и критикам остаются безуспешными. Более того, мать, брат и другие родственники писателя считают себя оскорбленными ироничной и насмешливой манерой, в которой он их «изобразил». Это становится также причиной бытовых неприятностей. Мать Натана называют не миссис Цукерман, а миссис Карновски, а угрозами причинить ей вред шантажируют самого писателя.

Так, основной темой романа являются отношения автор – персонаж – читатель. Эта линия развивается непосредственно в самом романе: Натан Цукерман (автор) – Гилберт Карновски (персонаж) – Алвин Пеплер (читатель и поклонник творчества Цукермана, который преследует его). В то же время на основе этой цепочки возникает ассоциация с другой подобной: Филип Рот – Натан Цукерман – читатели и критики, которые пытались поставить знак равенства между писателем и персонажем. В тот момент, когда в восприятии читателя автор и персонаж сливаются воедино, возникает конфликт произведения, где протагонистом выступает писатель Натан Цукерман, а антагонистами те, кто читает его произведения.

Роман «Освобожденный Цукерман» можно назвать своеобразным писательским манифестом, в котором предпринимается попытка разделить реальность и вымысел, жизнь и художественную литературу. Натан Цукерман, а посредством него и сам Филип Рот, пытаются доказать право писателя на воображение и художественный вымысел. Конфликт в романе остается неразрешенным: Натану не удастся доказать свое право на существование вне собственной прозы, и он решает порвать со всем, чем он дорожил до того, как стал знаменитым автором шумевшего романа. В финале на вопрос прохожего «Кто вы?» Цукерман отвечает: «Никто». «Это был конец. Вы больше не чей-то сын и не муж достойной женщины, вы больше не брат вашему брату, и вы ниоткуда» [3: 225]. Так думает о себе самом Натан Цукерман.

Своеобразную интерпретацию тема автобиографизма творчества приобретает в романе Рота «Факты: автобиография романиста» (*The Facts: A Novelist's Autobiography*,

1988). Название ввело читателей в заблуждение: казалось, что Рот решил действительно обратиться к собственной жизни. Но на этот раз не просто взять за основу события, а создать по-настоящему документальное произведение.

Сам автор формулирует цели этого произведения в первой главе. Они состоят в основном в том, чтобы вернуться назад, разрушить, что было создано его воображением для того, «чтобы восстановить оригинал, превращенный в вымысел» [7: 3]. Таким образом, созданием этого романа Рот косвенно отвечает на американскую традицию соединения *fiction* и *non-fiction*.

В «Фактах» Рот меняет местами автора и одну из основных и самых правдоподобных его масок – Цукермана. Он говорит о своем обращении к автобиографии как о методе, с помощью которого он «начал делиться непреобразованным опытом» [7: 5]. Однако с первых же страниц возникают сомнения в подлинности «воспоминаний» автора. Читатель или исследователь, хорошо знакомый с творчеством Рота, знает, что мистификация – одни из его излюбленных приемов. Однако в то же время стремление рассказать подлинную историю своей жизни также имеет под собой достаточно оснований.

В течение долгих лет Рот сталкивался с перевернутым, неправильным прочтением своих произведений рецензентами. Это они настаивают на том, что он, как сам он сказал одному из репортеров, «единственный романист в истории литературы, который никогда ничего не выдумывал» [7: 135], писатель, чьи произведения основаны на автобиографических фактах. Рот в данном случае только цитирует своих критиков, однако сам отказывается воспользоваться подобным оправданием. Причиной своего неожиданного нехарактерного для него обращения к жанру автобиографии он называет нервный срыв, который он перенес весной 1987, вызванный отчасти побочными эффектами болеутоляющих препаратов. Депрессия, которая за этим последовала, заставила его усомниться в возможностях собственного воображения, на которое он всегда полагался для того, чтобы превращать обычную жизнь в блестящие, абсурдные и смешные произведения литературы. «Если эта рукопись и говорит о чем-либо, то только о моем пресыщении масками, передеваниями, искажением и ложью» [7: 6].

В «Фактах» Рот обращается к демифологизации как к одной из форм душевной терапии. Это было единственным, что он мог

сделать, заявляет он, «пока способность к перевоплощению, а с нею и воображение, были на грани разрушения» [7: 6]. Писатель имеет в виду, что книга, основанная на фактах, всего лишь средство защиты от того беспорядка текстов и образов, который угрожал его дальнейшей творческой деятельности. Этими заявлениями автор с самого начала задает предельно откровенный и в то же время условный тон всему повествованию.

М. Тлостанова говорит о «Фактах» Филипа Рота как о варианте «автобиографии пограничья». Она пишет: «Весь текст построен на манипуляторской игре “верю/не верю”, так что парадоксально, то, во что не верится в начале, оказывается наиболее правдоподобным в конце. Вопрос, который постоянно задает себе Рот в “Фактах” в чем истинный смысл его писательского “я”, кто такой настоящий Рот? В децентрализованной и деиерархизированной художественной вселенной писателя вышедший из-под контроля создателя Цукерман оказывается, по существу, равноправным с автором» [4: 266].

Рот убеждает читателя в том, что раскрывает перед ним приемы создания автобиографии. Однако это оказывается очередной мистификацией. Письмо, адресованное вымышленному лицу, и ответ, который на него получен, полностью опровергают саму идею автобиографии. Рот также утверждает, что Натан Цукерман оставил свои комментарии на полях его рукописи. Все это противоречит более раннему утверждению Рота о том, что он просто решил обратиться к документальным фактам. Он использует прием обрамления, помещая автобиографическое повествование между своим письмом вымышленному двойнику в начале и ответным письмом Цукермана в конце романа. Таким образом, получается, что предположительно документальная часть книги заключена между вымышленной перепиской автора и основного протагониста его произведений на протяжении последнего десятилетия.

Роман оканчивается просьбой вымышленного героя освободить его от необходимости облекать свои мысли и действия в слова, независимо от того, что происходит в их жизни. Что же произошло с четким разграничением между «соответствием действительности» и «выдумыванием легенд о самом себе», о котором говорится в первом послании Рота Цукерману? Очевидно, к автору в процессе написания книги не только вернулась его способность к воображению. Он также намеренно отходит от документальной точности

фактов и разрушает автобиографию для того, чтобы преобразовать ее в фантазию.

В финале книги Цукерман уверенно и безапелляционно отвечает на вопрос автора о книге: «Не публикуйте ее. Вам гораздо лучше удастся писать обо мне, чем пытаться “точно” изложить свою жизнь» [7: 161]. Так Рот не только открывает автобиографическое повествование суждением со стороны вымысла, но и завершает его утверждением превосходства воображения над документально точным изложением фактов. Вымысел оказывается более правдоподобным, хотя и не всегда более верным, чем факт, а автор ведет игру на грани *fiction* и *non-fiction*.

Итак, в «Фактах» Рот использует вымышленный персонаж для того, чтобы лишить факты их подлинности и документальности. Этим персонажем становится Натан Цукерман, который в различных произведениях выступал уже и как протагонист, и как персонаж произведения в произведении, и как своеобразный рецензент и критик самого Филипа Рота.

В целом, рассмотрев несколько ключевых в творчестве писателя романов с точки зрения их автобиографизма, мы пришли к определенным выводам. На раннем этапе творчества Рот традиционно использует факты собственной биографии для создания образа персонажа – заимствует происхождение, семейную ситуацию, особенности воспитания и образования. Сквозные персонажи – писатели, университетские преподаватели Натан Цукерман и Дэвид Кепеш – уже не только фактами биографии совпадают с автором. Они прошли те же этапы формирования и профессионального становления, что и сам Рот, так же, как и он, пережили скандалы вокруг своих произведений и пришли к славе и признанию.

В тех романах Рота, которые мы, бла-

годаря его продуманной игре с текстом и мистификации читателя и критиков, можем назвать постмодернистскими, писатель разрушает все принципы автобиографии. Он старается доказать читателям и критикам, что нельзя ставить знак равенства между ним и его персонажами, каким бы биографическим сходством он их ни наделял. С помощью автобиографических элементов и персонажей-«двойников» Рот доказывает право писателя на художественный вымысел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Зверев А.М. Реч. на кн.: Roth, Ph. The Facts: A Novelist's Autobiography. – London.: Cape, 1989 // СХЛ. – 1990. – №6. – С. 72-75.
2. Рот Ф. Случай Портного. – СПб., 2001.
3. Roth, Ph. Zuckerman Unbound. – N.Y.: Vintage Books. A division of Random House, Inc. – 225 p.
4. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. – М., 2000.
5. Jones, J. P., Nance, G. A. Philip Roth. – N.Y.: Frederick Ungar Publishing Co., 1981. – 182 p.
6. Roth, Ph. Portnoy's Complaint. – N.Y.: Bantam Books, 1978. – 309 p.
7. Roth, Ph. The Facts. A Novelist's Autobiography. – N.Y.: Viking Penguin, 1989. – 247 p.
8. Wohlegelernter, M. Jewish Writers/ Irish Writers: Selected Essays on the Love of Words. – New Brunswick: Transaction Publishers, 1999. – 196 p.

О. Karasik

NOVELS BY PHILIP ROTH. THE PROBLEM OF AUTOBIOGRAPHY

Abstract: This article deals with the novels of one of the most outstanding contemporary American authors Philip Roth. We focus our attention on the problems of autobiography. Roth's novels are often called autobiographical, but the author himself tries to prove his right for imagination and creation of fictional characters.

Key words: autobiography, author, American, facts, fiction.

М.О. МЕНЬШИКОВ О ЛИТЕРАТУРЕ И ПИСАТЕЛЯХ 1890-Х ГОДОВ (ИЗ НАСЛЕДИЯ КРИТИКА)*

Аннотация: В статье рассматриваются взгляды публициста, мыслителя и литературного критика на развитие русской литературы последней трети XIX века. Выявляется его отношение к «новой, молодой литературе» 80-90-х годов; к некоторым русским писателям, в частности, А.П. Чехову.

Ключевые слова: литературный критик, публицист, переписка, журналист.

Михаил Осипович Меньшиков (1859-1918) – писатель, редактор и журналист, талантливый литературный критик рубежа XIX-XX веков, современник Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, А.П. Чехова, В.В. Розанова. Имя его долгое время было в забвении, но, благодаря появлению в 2005 году книги «Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи», мы можем познакомиться с их перепиской, изучить статьи Меньшикова, связанные с творческой биографией А.П. Чехова, проливающие свет на многие, неизвестные широкому кругу читателей и исследователей новые материалы и архивные документы, неизвестные факты из жизни писателя и рассуждения критика по поводу развития русской литературы последней трети XIX века. Кроме того, восстановлена истина о творческой деятельности Меньшикова, впервые опубликованы его Дневники и Записные книжки. Большая заслуга в издании этой книги принадлежит авторскому коллективу, в частности А.С. Мелковой, являющейся составителем, автором подготовительных текстов и примечаний [1]. Книга – полный свод материалов, позволяющих судить о Меньшикове не только как о литературном критике, но и как ценителе творчества Чехова.

О незаурядности журналистского дарования Меньшикова писал Ю.И. Сохряков, считая творческое наследие известного русского публициста и мыслителя яркой страницей в истории отечественной социально-философской и литературно-критической мысли. В частности, он отметил: «В первые десятилетия XX века Меньшиков считался по праву самым популярным отечественным публицистом. Он сотрудничал в таких изда-

ниях, как «Кронштадский вестник», «Петербургские ведомости», «Неделя», «Русь», «Русская мысль» и др. С 1901 по 1917 г. он вел в газете А.С. Суворина «Новое время» (той самой, где регулярно печатался А.П. Чехов) рубрику «Письма к ближним», публикуя там по две-три статьи еженедельно. Творческая работоспособность Меньшикова была поистине феноменальной. За два с небольшим десятилетия журналистской деятельности (а погиб он в самом расцвете творческих сил, в возрасте 58 лет) им было написано несколько тысяч блестящих статей, в которых острота мысли сочетается с отточенностью и ясностью стиля. По духовно-нравственной глубине и разнообразию тематики его статьи заставляют вспомнить о «Дневнике писателя» Достоевского, которого сам Меньшиков считал своим литературным наставником» [2].

Особенно значимыми и актуальными сегодня являются его литературно-критические статьи, переизданные впервые после столетнего перерыва, как отмечает А.С. Мелкова. Некоторые из них полемически направлены против либерально-консервативной критики, не сумевшей в свое время оценить талант Чехова и творчество многих русских писателей-беллетристов 80-90-х годов. Поэтому так важно познакомиться с некоторыми письмами Меньшикова, впервые публикуемыми полностью в данном издании, и фрагментами литературно-критических статей, отражающих наиболее полно, на наш взгляд, «аналитический пафос 90-х годов, когда сложная политическая ситуация в стране требовала трезвого разбора» [3].

Ярким свидетельством тому, что Меньшикова не всегда принимали современники и понимали правильно его статьи, является письмо Чехову от 20 мая 1897 года. «Дорогой Антон Павлович, – писал он, – очень был бы счастлив заехать за Вами, чтобы, как Вы пишете, ехать в Ясную, да у нас такие теперь тяжелые времена в обеих редакциях, что жаль Гайдебурова и просто неловко уезжать, пока все не перемелется. Да и надо мной опять собираются тучи; моя невинная заметка о переписи (в «Руси») сочтена за «революционную» (буквально так выразился о ней М.П. Соловьев), Горемыкин собственноручно исчеркал

* © Новикова А.А.

ее карандашом, переслал в Главную переписную комиссию и велел что-то изложить в докладе. Работа моя снова оборвалась в «Руси» (а последние два месяца я не писал там из-за нежелания печататься бок о бок с В. Розановым. Едва удалось убедить Гайдебурова отказаться от этого чудовищного для «Недели» сотрудничества, и то лишь с некоторым усилием удалось это сделать) [4].

В письмах Меньшиков сообщал Чехову, жившему в то время в Ялте, подробности о литературных новостях, часто нелестно отзываясь о некоторых беллетристах. «Вы спрашиваете, что нового в литературе? – писал он Чехову 1 декабря 1898 года. – Ничего, кроме побоища у Палкина – Old Gentleman's (Старый джентльмен, псевдоним Амфитеатрова. – А.Н.) с поэтом Бальмонтом, сошедшихся, в числе других литераторов, почтить память Якова Полонского в дружеской беседе. В этой беседе Амфитеатров выразился, что стихи Бальмонта – бред сумасшедшего. Тот отверг это и в доказательство своего здравого смысла сказал, что «Новое время» – высочайше утвержденный бардак...». «Что еще нового? – продолжал он несколько с иронией, – Гнедич написал роман, который пойдет, вероятно, в «Неделе». Ваша поклонница В. Микулич написала роман, но еще высиживает его, как наседка, тревожимая некоторыми алчными редакторами. Ваша поклонница Щепкина-Куперник тоже что-то написала и т.д. В Петербурге среди литераторов такая же скверненькая, серенькая жизнь, какою она всегда была. На пьяной пирушке одной, на именинах Михайловского, Баранцевич провозгласил Фофанов Пушкиным нашей эпохи. Себя он, вероятно, метит в Гоголи...» (с. 104).

Следует заметить, что Меньшиков жил в эти годы в Царском Селе тоже «серо и скверно», почти нигде не бывал, интересных знакомых было мало, а если иногда заходил к Шеллеру, Вагнеру, Читау, Стрепетовой, то это, по его отзыву, «все выморочные люди, и скучно у них» (с. 104).

Статьи Меньшикова очень ценил Антон Павлович, о чем неоднократно сообщал ему в письмах. Так, 26 декабря 1899 года, когда их знакомство перерастет уже в крепкую дружбу, Чехов напишет: «Ваша «Клевета обожаения» – образцовая критическая статья, это настоящая критика, настоящая литература... Превосходна и Ваша заметка о Неплюевском братстве. Это хорошо, что Вы написали ее. Вы поступили именно так, как уважающему себя человеку поступить надлежит» [5].

Именно так, открыто и честно, поступал Меньшиков в начале 90-х годов, анализируя в своих статьях состояние русской литературы, характеризуя творчество Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и многих писателей-беллетристов, своих современников.

Так, в статье «О литературе и писателях», впервые появившейся в 1891 году в Книжках «Недели» (№ 11), Меньшиков, рассматривая роль литературы и ее творцов в духовном развитии общества, говорит о литературном оскудении, утратившем «божественные свойства». И называет главную причину этого оскудения – демократизацию, в которой, как он считает, следует «искать причину литературного оскудения и у нас, и на всем свете» (с. 256).

Основное внимание критика было заострено на мере таланта писателя. Считаем необходимым привести это высказывание полностью, так как в нем, на наш взгляд, проявились незаурядные способности литературно-публицистического стиля Меньшикова, ратовавшего за «духовно-нравственное обновление отечества». Вот что он пишет: «Талант, если он не богатырский, не в силах идти против психического поветрия и разбить рутину; ему приходится или уходить из литературы, или приспосабливаться к моде, калечить себя. Оттого-то таланты и потеряли свою древнюю власть, оттого они и не влияют уже более». И далее: «Возьмите такое крупное дарование, как Золя: влияет ли он сколько-нибудь на вас? Вы читаете, удивляетесь умелости письма, испытываете известное удовольствие, но оказывает ли он на вас то глубокое впечатление, как, например, Гюго, Теккерей, Достоевский, Толстой? Или возьмите французскую талантливую молодежь – Мопассана, Бурже, Марселя Прево или наших гг. Чехова, Короленку и т.п. Будем беспристрастны: чем эти писатели не талантливы? Из каждой строки их сквозит незаурядный ум, чуткое сердце, способность брать именно те тоны и те краски, какие дает сама натура; но в то же время вы чувствуете, что эти талантливые люди мало влияют на вас, не очаровывают, не учат». «Разве явится поколение литературных титанов – не равное, а сильнейшее Тургеневых, Гончаровых и Толстых, – продолжает он, – явится с новым огнем, похищенным с неба, с совершенно новым словом, которое будет не только литературное, но и пророческое, и, взволновав жизнь, разобьет теперешние тяжкие цепи, лежащие на литературных талантах» (с. 256).

Меньшиков как проповедник идей высокого искусства считает, что талантливые писатели должны освободиться от излишней «жизненности», от необходимости «приспосабливаться к вкусам почтеннейшего читателя». А освободившись, они сразу «найдут в себе горячее сердце, горячую любовь к людям, горячее и неодолимое стремление увлечь этот бедный род людской туда, в неземные сферы, на истинную родину человеческого духа – древний Парнас, где как сказочные спящие девы, дремлют осиротевшие музы...» (с. 256).

Известно, что критика в 1880-е годы нередко объединяла имена Чехова и Короленко, поэтому в статьях чаще всего звучали имена этих писателей, выделявшихся своим творчеством среди целой «плеяды» беллетристов. Чехову же Меньшиков, критиковавший многих писателей, философов, деятелей культуры, посвятил несколько десятков самых взыскательных и интересных статей, имеющих непреходящее значение для исследователей.

«Почему же только одного Чехова Меньшиков не обидел никогда, а всю жизнь преклонялся перед ним?» – такой вопрос волнует сегодня и нас. Поэтому вполне можно согласиться с Мелковой, указавшей, что «причина этого не только в таланте Чехова, в его редких душевных качествах, но и в огромной силе того благотворного нравственного начала, которое заключено в произведениях Чехова. Чехов, как личность, облагораживал все вокруг себя и вызывал в Меньшикове только добрые чувства. Доброта и любовь, по мнению Чехова, могут изменить жизнь к лучшему» (с. 435).

В это же время появляются многочисленные статьи разных критиков о русской беллетристике и писателях, о современном взгляде на развитие литературы, о появлении в литературе некоторых новых, молодых талантов, творчество которых глубоко заглянуло, по словам славянофильской «Русской Беседы», «в бездонные пучины мистического и символического...» [6].

Полемически заостренные статьи Е.Л. Оболенского («Новый поворот в идеях нашей беллетристики» по поводу «Скучной истории» Чехова («Русское богатство», 1890, № 1. – С. 95-112), Дм. Струнина «Выдающийся литературный тип. Объективно-критический очерк» («Русское богатство». № 4. – С. 106-125), М.А. Протопопова «Письма о литературе» («Русская мысль», 1891, кн. 9; 1892, кн. 1-2, 10; 1893, кн. 2, 5, 12), Н.К. Михайловского «Литература и жизнь» («Русская мысль», №

2. – С. 63-117), А.М. Скабичевского «Очерки литературного движения после Белинского и Гоголя» («Русская мысль», 1888 г., кн. III, V) и других свидетельствовали о разгоравшейся в журнальной критике борьбе вокруг вопроса об «отцах» и «детях» и вокруг общественно-литературной позиции Чехова, занятой им в конце 80-х годов.

Так, рассуждая о литературе своего времени, либеральный критик Протопопов в четвертом письме (1892, кн. 10) вступил, на наш взгляд в литературную полемику с Меньшиковым, пользовавшимся тогда большой популярностью как литературный критик. Протопопов писал, например, что «литература наша, по общему признанию, занимает далеко не последнее место в ряду европейских литератур, но можем ли мы сказать то же самое о нашей жизни, о формах нашей общественности? Между тем, литература должна служить жизни, в этом вся цель и смысл ее существования, и вот оцените же теперь трагизм этого положения» [7].

Говоря о «жизненности» литературы, он считал, что «нравственный критерий есть, прежде всего, критерий справедливости», «истина не односторонняя, а многогранная» (это формулы Эртеля и Гольцева). Возражая против мнения Меньшикова о таланте писателя, он проводит мысль о том, что «благо людям односторонней исключительности, благо людям прямолинейного стремления. Пусть им не дано выразить истину во всей ее полноте и во всем разнообразии, – это доступно только Богу, – но зато предоставленную им частицу божественного наследия они сумеют сохранить во всей ее неприкосновенности» [8].

О мере таланта писателя Меньшиков продолжает рассуждать и в статье «Две правды», впервые опубликованной в 1893 году в Книжках «Недели» (№ 4). Анализируя два направления в литературе: консервативное и либеральное, он считает, что «быть *талантливым* писателем в наше время... должно быть мучительно. Что касается бездарных – они счастливы, как всегда. Другое дело – писатель одаренный, и чем выше его дар, тем тяжелее крест. Ясновидением пророка, тонким предчувствием будущего, проникновением в законы волнующей жизни такой писатель присутствует как бы на страшном суде своей эпохи, перед ним вскрыты все язвы ее и тайные грехи. Тяжелая эта картина, и мучителен жребий сознания» (с. 277).

Размышляя о Л. Толстом и его «Исповеди», о «жестоком таланте» Достоевского (как назвал его Н.К. Михайловский), о му-

ченичестве и терзаниях обоих, Меньшиков утверждал, что Тургенев, «менее убежденный, он мучился, может быть, более Достоевского и Толстого. У тех была религия, вера в окончательное великое, пред чем бледнеют все случайности – у Тургенева ее не было» (с. 278).

Небезынтересной является следующая мысль критика о молодом поколении талантов, которое не счастливее предыдущего: «вспомните, ограничиваясь последними десятилетиями, Гаршина, Надсона, А.П. Чехова, В.Г. Короленку. Не говоря о первых двух, так сказать, истекших кровью сердца, чем, как не страданием мысли, объяснить сумрачное раздумье Чехова, злую нервность Дедлова или тихую, затаенную печаль, разлитую в поэзии Короленки?». «Чем же вызывается это писательское мученичество, разделяемое, конечно, всеми вдумчивыми интеллигентными людьми?» – задает вопрос Меньшиков. И отвечает: «Мне кажется, причина его – глубокое недовольство действительностью и психический разрыв с нею. Даровитый человек нашего времени, какого бы склада и воспитания ни был, живет, неизменно отрицая настоящее. Если он «консерватор» по темпераменту, он признает прошлое; если «либерал» – признает будущее... Одаренные люди нашей эпохи тоскуют и грезят о том, что прошло или еще не пришло...» (с. 278).

В связи с этим Меньшиков, зная о препятствиях, которые приходилось преодолевать настоящим талантам в тяжелых условиях реакции и «безвременья» 80-х-начала 90-х годов, заключает: «Являются две каких-то тайных веры, две правды, разделяющие общество на два враждующих лагеря: одинаковое отвращение к настоящему, как болящая рана, не дает срастись краям его, не позволяет слиться образованным людям в мирную семью. Мне кажется, раздвоение правды в нашем сознании происходит оттого, что идеал слишком возвышен, а действительность слишком от него отдалена» (с. 278).

С этой мыслью критика созвучна другая, высказанная им в статье «Сбились с дороги» (1899) и названная Ю.И. Сохряковым. Он пишет: «Для Меньшикова, как и для Толстого, настоящее искусство должно способствовать духовному и нравственному совершенствованию людей, оздоровлению жизни и общества. К этому же должна стремиться и литературная критика. В статье «Сбились с дороги», посвященной творчеству Льва Толстого, Меньшиков с горечью говорит о бессодержательности, «праздности» современной

критической мысли, забывшей о том, что ее задача «довершить культуру русскую, довести национальность нашу до предела законченности поэтической, до красоты. А в красоте и истина, и добро, и все божественное, что нам доступно» [9].

Если в статье «Две правды» Меньшиковым определены течения современной русской литературы, намечены основные черты появления нового поколения писателей, то более четко они будут сформулированы в статье «Старые и молодые таланты» (Книжки «Недели», 1894. № 5). Правомерно отметить, что в ней Меньшиков уже глубже исследовал данную проблему, поднимая все более значительные и сложные вопросы времени, включая в круг своих наблюдений не только художественное творчество Чехова, но и расширяя наше представление о творчестве писателей-беллетристов этих лет. В частности, в третьей главе статьи он отмечал: «Было бы неправдой ...отрицать среди литературной молодежи довольно длинный ряд значительных дарований как в области художественной прозы, так и в поэзии, и в публицистике. В первом еще расцвете свежих сил находятся А.П. Чехов и г. В. Короленко и целый ряд не столь выдающихся, но все же видных писателей: гг. Ясинский, Дедлов, Потапенко, К.С. Баранцевич, Вл. А. Тихонов и пр. ... За нынешнюю литературную молодежь отчаиваться нечего: она еще только что вступает в свой производительный возраст. А.П. Чехову всего еще 34 года, г. Короленко немногим старше его. Предсказывать ничтожный удел Чехову или Короленко по их небольшим, хотя и прекрасным, но маловажным вещам нельзя. Дайте срок, и нынешняя молодежь значительно вырастет в ваших глазах» (с. 285). Здесь имеется в виду рецензия А.М. Скабичевского на сборник Чехова «Пестрые рассказы», в которой дана негативная оценка писателю и его рассказам. Ответ, как видим, содержится в статье Меньшикова.

В четвертой главе, полемизируя со старшим поколением писателей и критиков, в частности с Н.К. Михайловским, Н.В. Шелгуновым, которые порой нелестно отзывались по поводу появления молодых талантливых беллетристов, он очень эмоционально высказался в их защиту. Так, он писал: «Особенно любят делать упреки литературной молодежи пожилые и старые литераторы... И в печати, и в разговорах со старыми писателями вы услышите самый строгий приговор молодому литературному поколению: оно бездарно, необразованно, грубо, оно писать не уме-

ет, у него нет ни чувства, ни мысли – все это какие-то «пухлые ничтожества». Года бегут, публика ждет великих трудов, а гг. Чеховы да Короленки выжимают из себя какие-то отрывочки да кусочки: на большой замысел, на серьезную работу у молодых корифеев, очевидно, сил не хватает...» (с. 285). Эти упреки Чехову, как известно, содержатся в статье Михайловского «Об отцах и детях» и о г. Чехове» (Русские ведомости, 1890. 18 апр., № 104).

Необходимо так же заметить, что статьи «Недели» о задачах «нового поколения» вызвали резкую критику со стороны защитников идеалов «отцов», в частности Шелгунова, обвинявшего «новое поколение» в ренегатстве и общественном индифферентизме. Его статьи в «Русской мысли», объединенные впоследствии в цикл «Очерков русской жизни» (1886-1896), остро полемизировали с «Неделями». Эта полемика особенно усилилась в 1888-1889 годах и была, по мнению Б.И. Александрова, «одним из значительных явлений идейной жизни конца 80-х годов, вызвав широкие отклики в печати. Не раз говорил о ней в своих статьях и Михайловский, вставший на сторону Шелгунова против «нового поколения» [10].

Складывалось «двойное» отношение к личности Чехова, но не вся современная критика отрицала содержание и всякое «направление» в творчестве Чехова. Практически все признали его «самым талантливым» в писательской среде беллетристов. Об этом как раз и писал Меньшиков, поднимая на пьедестал литературного Олимпа 90-х годов имя Анто-на Павловича Чехова.

Чуть позже в статье «Три стихии («В овраге», повесть А.П. Чехова, 1900) публицист, рассуждая о литературном процессе рубежа веков, отметит, что «литература наша переживает как бы «вторую молодость». Чувствуется заметное оживление в журналах; во всех областях выступил ряд талантов, еще не всеми признанных, но, видимо, с большою будущностью; не сошли со сцены и некоторые прежние, определившиеся дарования. Неустанно еще работает такое могущество, как Лев Толстой, и, видимо, входит в полноту своих огромных сил Антон Чехов. Получается впечатление, как будто у нас снова возникает изящная литература – после столь длинных потемок между отдельными, не слишком яркими вспышками...» (с. 334). Особенную уверенность в этом придает Меньшикову творчество Чехова: «Из «молодых» он один, бесспорно, крупного, богатейшего склада. В

его творчестве как бы намечается новая черта. Прежде мелкие рассказы его были лучше крупных, теперь – наоборот. Мелкие вещи продолжают быть прекрасными, но крупные сразу как-то стали приобретать глубокую значительность, полноту мысли первостепенных, великих произведений» (с. 334).

Таким образом, Меньшиков одним из первых обратил внимание на творческую молодежь 80-90-х годов и выделил из этой «плеяды» талантливого, неповторимого, сверкающего всеми красками поэзии «корифея молодой беллетристики» – Чехова. Для него каждый рассказ писателя составлял литературное событие, и «почти всегда радостное: так он пишет редко и так хорошо». По мнению критика, Чехов – это «один из тех исключительных авторов, которые заставляют читать их даже литературных своих врагов; последние не имеют относительно них утешения отделяться обычной фразой: «Вы говорите о NN? – Я его не читаю». «Не читать Чехова – не игнорирование, а *игноранция*, невежество, непростительное для образованного человека. Можно не читать второстепенных беллетристов, но следить внимательно за деятельностью самых одаренных своих современников равносильно отказу от лучших даров, какие посылает Вам природа. Входить в общение с работою замечательных людей не значит ли вплетать в бледное свое существование самые яркие цветы, какие есть под солнцем, цветы глубокой мысли, сердечного вдохновения?» (с. 319-320) – заключает автор в статье «Слово о мужиках» (1897), развивая свой, ни с кем не сравнимый, взгляд на писателя Чехова и его соратников по перу.

Для Меньшикова истинное искусство стоит на первом месте после науки, ибо оно «научает несравненно более, чем наука, и, может быть, только оно и научает». «В науке лишь то и поучительно, – писал он, – что дается художественным прозреньем, – не теорией вещей, а их поэзией. Следовало бы поэтому ввести тщательное чтение таких авторов, как Тургенев, Достоевский, Толстой, Чехов, в курс каждой серьезной школы. Особенно можно рекомендовать изучение Чехова государственным людям... Только искусству, только художественному таланту доступна истина, только он способен уловить подлинный смысл природы» (с. 335). И с этой глубокой мыслью критика, прозвучавшей более ста лет назад, но оставшейся актуальной в XXI веке, нельзя не согласиться, зная, что сегодня молодежь практически не читает классической литературы, не учится быть добры-

ми, нравственно и духовно чистыми людьми. Можно принять это как завещание Меньшикова своим потомкам, ведь русская литература всегда была образцом для подражания последующим поколениям писателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Антон Чехов и критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи. / Сост., статьи, подгот. текстов, примеч. А.С. Мелковой. – М., 2005. – 480 с.
2. Сохряков Ю.И. Работа совести (Национальная идея в публицистике М.О. Меньшикова) // Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX-начала XX века. – М., 2000. – С. 170-171.
3. Кулешов В.И. Антон Павлович Чехов (1860-1904) // Кулешов В.И. История русской литературы XIX века. Учебное пособие для вузов. – М., 2004. – С. 749.
4. Антон Чехов и критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи. – М., 2005. – С. 88. Далее по тексту в круглых скобках указаны страницы по этому изданию.
5. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 тт. Письма: В 12 тт. Т. 8. – М., 1975. – С. 335.
6. О.Т.В. Из литературных наблюдений / Русская мысль, 1892, № 4. – С.46-51.
7. Протопопов М.А. Письма о литературе. Письмо четвертое / Русская мысль, 1892, кн. 10. – С. 165.
8. Там же. – С. 177.
9. Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX-начала XX века. – М., 2000. – С. 179.
10. Александров Б.И. Семинарий по Чехову. – М., 1957. – С. 46.

A. Novikova

M. MENSNIKOV'S ATTITUDE TO LITERATURE AND WRITERS OF 1890s (FROM CRITIC'S LEGACY)

Abstract: In Novikova A.A.'s clause "about the literature and writers 1890th years (from a heritage of the critic)" are considered by M.O. Menshikov sights of the publicist, the thinker and the literary critic at development of the Russian literature of last third XIX of century. Its attitude to "the new, young literature" 80-90th years, to some Russian writers, in particular, A.P. Chekhov comes to light.

Key words: literary critic, publicist, correspondence, journalist.

УДК 82(091)

Рамазанова Г.Г.

«ЗВОНОК ЛИ ЧУГУН НА АУСТЕРЛИЦКОМ МОСТУ»? (ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЕМИКИ «МОСКОВСКОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ»)*

Аннотация: В статье говорится о малоизученном журнале XIX века, который вел оживленную полемику с ведущими периодическими изданиями своего времени. Одним из главных оппонентов «Московского Наблюдателя» был В.Белинский. Его малоизвестная статья в газете «Молва» – яркий пример полемики, иллюстрирующий его принципиальные разногласия с позицией журнала.

Ключевые слова: журнал, полемика, редактор, критики.

«Московский Наблюдатель» – достаточно интересный «энциклопедический» журнал, который просуществовал около четырех лет: с 1835 по 1839 годы, и уже в конце девятнадцатого века стал библиографической редкостью. Официальным редактором его был В. Андросов [1], но литературную и критическую политику определял С. Шевырев, вид-

ный ученый-филолог, профессор Московского университета. Полемика периодических изданий играла важную роль в общественной жизни того времени и привлекала большой интерес читательской аудитории. Статьи, опубликованные в «Наблюдателе», часто вызывали отклики ведущих критиков того времени, в частности Н. Надеждина, О. Сенковского, В. Белинского и других. Особенно активно выступал против «наблюдателей» Белинский. Интересен тот факт, что с 1838 года Белинский, который неистово критиковал журнал, сам стал неофициальным редактором «Московского Наблюдателя».

Статья В.Г. Белинского, опубликованная в «Телескопе», «О критике и литературных мнениях «Московского Наблюдателя» [2] начала полемический диалог, который продолжался все время, пока редактором издания был В. Андросов. Как и заявлено в заглавии, предметом рассмотрения стали все

* © Рамазанова Г.Г.

критические разборы журнала, а также «программные» статьи его неофициального редактора. Надо заметить, что в этой статье Белинский демонстрирует достаточно уважительное отношение к своему оппоненту. Он говорит о нем: «Г. Шевырев есть исключительный и привилегированный критик «Московского Наблюдателя»: его статьи составляют лучшее украшение и дают некоторую жизнь и движение этому журналу, который так беден жизнью и движением. ... Г. Шевырев литератор деятельный, добросовестный, оригинальный во мнениях и слоге, литератор с дарованием и авторитетом: тем большего внимания заслуживают его критические мнения...» [2: 126]. Эта лестная оценка не помешала Белинскому достаточно иронично определить эстетическую «концепцию» «Московского Наблюдателя», которую он сформулировал, проанализировав критические и научные взгляды С. Шевырева, проявившиеся в публикациях журнала за два года: «Слава Богу! наконец-то я добрался до идеи «Наблюдателя»! Он хлопочет не о распространении современных понятий об изящном; теория изящного не входит в него, искусство у него в стороне; он старается о распространении светскости в литературе, о введении литературного приличия, литературного общежития, он хочет, во что бы то ни стало, одеть нашу литературу в модный фрак и белые перчатки, ввести ее в гостиную и подчинить зависимости от дам; цель истинно похвальная: кто не поревнует ей!» [2: 384].

В этой же статье Белинский говорит об эстетическом кредо других периодических изданий своего времени: «Хорошо-ли, дурно-ли – (не смею и не имею права судить об этом) – «Телескоп» и «Молва» хлопочут об искусстве и литературе в чисто литературном смысле, без посторонних целей. «Московский Наблюдатель» проповедует светскость и элегантность в литературе, смотрит на искусство и литературу с светской точки зрения. «Библиотека для Чтения» развивает ту мысль, что умозрительные знания и все, проникнутое идеею, не только бесполезно, но и вредно, что немецкая философия – бред, что только положительные, фактические знания еще годятся на что-нибудь, что ничему не должно учиться, что для того, чтобы все знать, довольно выписывать «Библиотеку для Чтения» и «Энциклопедический словарь». «Северная Пчела» и «Сын Отечества» одни чужды всякой мысли и даже всякого смысла; но у них есть цель, определенная и постоянная, это – подписчики...» [2: 384-385]. Таким образом, становится ясно, что абсолютно все издания

не выдерживают никакого сравнения с «Телескопом» и «Молвой», где, как известно, активно сотрудничал Белинский, «хлопотал об искусстве и литературе в чисто литературном смысле», всем другим периодическим изданиям это не удавалось. Эта статья Белинского стала программной по отношению к «Московскому Наблюдателю», все его дальнейшие выступления против журнала так или иначе варьируют идеи, высказанные в этой работе.

Следующим поводом для полемики стал, казалось бы, совсем ничтожный эпизод. В одном из номеров «Московского Наблюдателя» за 1836 год, в отделе «Смесь» была опубликована небольшая статейка «Издатель Телескопа на Аустерлицком мосту» [3]. Предыстория вопроса такова: в одной из статей «Наблюдателя», а именно в критике на Аскольдову могилу, сказано было «*звонок чугуна на Аустерлицком мосту*». «Телескоп» в ответ на это обрушился на «Наблюдателя» с критикой, о чем и сообщается в редакционной статье «Наблюдателя»: «По случаю Аустерлицкого моста и какой-то мысли, высказанной в упомянутой статье, он сделал в своем журнале убийственную выноску. Выписываем слово в слово: «...говорит о целом классе народа, будто он за углом поглаживает свою бороду и за углом рад похвастать своими кулаками, значит также мало знает этот народ, как Аустерлицкий мост, на котором нет чугуна ни звонкого, ни глухого, который весь был и есть деревянный» (курсив авторский. – Г.Р.) [3: 309]. Стиль высказывания вполне определенно указывает, что автором критической реплики был Белинский. В ответ на этот выпад редакция «Наблюдателя» предприняла некоторые «научные изыскания», о которых отчитывается перед читателями: «Вот географический словарь, изданный в Париже в 1830 году, в нем написано так: «Мост Аустерлицкий или королевского сада, оконченный совсем в 1807 году, отличается красотою размеров и смелостью пяти чугунных арок...». Откуда же взял издатель Телескопа, что он был и есть деревянный. Нет, он не был, не есть, да и не мог быть деревянный» [3: 312]. Далее автор статьи замечает: «Ошибиться можно, но если на этой ошибке основываете вы несчастье ближнего, если хотите подавить мирного Москвича под громадою могущественных впечатлений, которыми вы освежились в Европе, так не ошибайтесь уже сами, и, воротясь к нам из-за моря, не пишите уже по-русски, на авось» [3: 312].

Ответом на эту реплику стала анонимная статья «Признаки мыслительности и

жизни в Московском Наблюдателе» [4]. Впрочем, не составляло большого труда вычислить того, кто скрывался за маской анонима – это В.Г. Белинский, имевший свой неповторимый стиль. Основные положения «антикритики» порой буквально повторяют тезисы его же статьи «О критике...». Приведу несколько из них. Белинский суров в своих оценках: «Голос общего мнения обвиняет «Московского Наблюдателя» в отсутствии мысли и жизненного движения. Это обвинение не без основания: его можно доказать и а priori: «Наблюдатель» есть журнал «светский», а всем известно, что «светскость» никогда не симпатизирует с умозрением и мыслительностью, которые для нее слишком тяжелы и вульгарны» [4: 270]. Далее он говорит о том, что содержание журнала пусто и ничтожно: «Теперь вот доказательство а posteriori: перечтите все статьи «Наблюдателя», не исключая и статей о парижских модах, этих почти исключительных представительницах деятельности его редактора, имя которого всегда под ними красуется; перечтите, говорим, все статьи, оригинальные или переработанные в его духе, и найдите в них следы не только высшего умозрения, но даже просто логической последовательности, строго выдержанной: тогда сами мы откажемся от всяких притязаний на мыслительность. О жизни нечего и говорить: безжизненность есть самая резкая черта характера всех «светских» натяжек, светских литератур и «светских» журналов; это опять доказательство а priori. Что ж касается до убеждения а posteriori, то оно производится каждою строкою «Наблюдателя», связанного из гладких, надутых фраз, точно нитки поддельного жемчугу на шее «светской», бездушной кокетки. Итак, нисколько не удивительно, что в общем мнении «мысль» и «жизнь» совсем не вяжутся с понятием «Московского Наблюдателя» [4: 270].

Как видно из приведенной цитаты, основные положения статьи буквально повторяют мысли предыдущей работы критика. Колкое замечание, адресованное редактору – В. Андросову, представляется совершенно несправедливым. Действительно, заметки о парижской моде заключали каждую книжку «Наблюдателя», а в самом конце всего журнала стояла подпись редактора, но из этого вряд ли следует, что о моде писал сам Андросов. А упреки в «светскости», которая для Белинского была синонимом безжизненности, стали общим местом во всех статьях критика, посвященных «Наблюдателю».

Образно Белинский изображает жур-

нал в виде светского щеголя, кружащегося в бальной зале, при этом не скупится на иронические детали, подчеркивающие его неприязнь: «С последних книжек этого щегольского, ловкого, любезного журнала, разодетого в прах, раздушенного донельзя, журнала в башмаках и белых перчатках, с прическою а la Titus, с рукавами а l' imbecille, журнала, который во всех поступках сохраняет грациозную прелесть французской кадрили, все движения размеряет стройным тактом красивого менуэта, у которого все понятия кружатся вихрем вальса или скачут галопом, заключения образуются не по логическим фигурам силлогизмов, а по фигурам котильона – одним словом, журнала «светского» во всех отношениях – с последних книжек его обнаружили нешуточные признаки жизненного и мыслительного движения» [4: 271]. По сути дела эта, пронизанная иронией, зарисовка является развитием образа, уже созданного Белинским. Напомню эту фразу: «... он [«Московский Наблюдатель». – Г.Р.] хочет, во что бы то ни стало, одеть нашу литературу в модный фрак и белые перчатки, ввести ее в гостиную и подчинить зависимости от дам...».

Ирония – главный прием, на котором строятся многие критические статьи Белинского против его литературных врагов. «Московский Наблюдатель» вызывал у Белинского не просто раздражение, а, как становится ясно по тону его публикаций, глубокую неприязнь, которую он пытался замаскировать под насмешливую улыбку, но она зачастую превращалась в злобную гримасу. Журнал для него был не просто оппонентом, с которым можно слегка перебраниться, а настоящим врагом, которого нужно было уничтожать иронией и презрением. В чем же видит признаки «мыслительной деятельности» журнала Белинский? Он говорит о том, что: «Жизнь «Московского Наблюдателя» обнаружилась в упорной борьбе за честь и славу так называемой «Истории Поэзии» г. Шевырева; но тут еще нет мыслительного движения; тут, напротив, царствует горячее ожесточение против мысли. Образец мыслительности, самой напряженной, мыслительности из всех сил, представляет замечательная статья об «Аустерлицком Мосте» [4: 271]. Этот абзац аккумулирует негативное отношение критика как к самому Шевыреву, так и к его научному детищу. Достоинство ученого труда определено коротко, но предельно ясно. Что говорить о «так называемой Истории Поэзии», она того попросту не стоит. Унизить

автора должно было и то, что ничтожную стайку о чугуна на Аустерлицком мосту ставят на одну доску с фундаментальным трудом, главное основание соотнесения публикаций – «наличие в них обеих мыслительной деятельности». В рамках заданного стиля Белинский продолжает рассказ о полемике, развернувшейся по поводу чугуна на мосту: «Рассуждение об «Аустерлицком Мосте» есть род «светской» дуэли, шпажной игры до первой крови за оскорбление щекотливого чувства чести. Где-то, когда-то, «Наблюдатель» любовался «звоном чугуна» на означенном мосте «под казачьими конями»; ему мимоходом заметили в «Телескопе» (вероятно, сам Белинский. – Г.Р.), что чугун этот не мог звенеть, потому что «Аустерлицкий мост деревянный». Кровь бросилась в лицо благородному *инкромбю* нашей литературы: он закипел гневом, нахмурил брови, и потребовал объяснения у издателя «Телескопа», назначив ему rendez-vous на самом месте обиды, на роковом Аустерлицком мосту» [4: 272].

Образ светского щеголя избран Белинским намеренно, так проще донести до читателя свою излюбленную мысль о ничтожности «умственных способностей» оппонента: «И вот «Наблюдатель», как настоящий кавалер XVIII века, чтобы соблюсти равенство в бое, решился снизить до того оружия, которым одним только умеет владеть его противник, до плебейского оружия *мыслительности*. Он облекся в тяжелые доспехи учености, набил колчан свой цитатами, вооружился дебелым копьем логического вывода, и явился на Аустерлицком мосту настоящим рыцарем. Конечно, это тяжелое вооружение не скрыло его природной физиономии; он остался все тот же: те же манеры, та же изысканность, даже в этом, совсем не бальном костюме; те же духи и та же прическа; так что этот грозный турнир скорей можно счесть маскарадной шуткой» [4: 272 – 273]. Далее в том же тоне опровергается аргументация противника: «Он доказывает, что Аустерлицкий мост не мог быть иначе, как чугунным; потому что построен-де Наполеоном в память одной из блистательнейших его побед. Замашка чисто философская!.. Потом уже сходит он в область опыта и стреляет выписками из книг, которые самым ясным и убедительным образом подтверждают, что Аустерлицкий мост лежит на пяти чугунных арках... Затем, *по довольном штурмовании* на поприще умозрения и фактов, он трубит победу и, уже подобно Гомеровскому герою, довершает свое торжество злобными насмешками над унич-

тоженным врагом...» [4: 273]. С мнимым смирением критик «принимает» аргументацию оппонента, но только для того, чтобы с еще большим негодованием вновь обрушиться на него. Белинского, вероятно, очень задевало то, что его могли счесть некомпетентным в каких-то вопросах, он воспринимал это болезненно. Раздражение скрыто иронией, откровенным ерничаем: «Мы, люди простые, люди сговорчивые, люди, покорные истине, от кого бы ее ни слышали. «Наблюдатель» уверил нас, что Аустерлицкий мост лежит на чугунных арках; и мы совершенно с ним согласны; мы повторяем: «да! этот мост лежит на чугунных арках!» Честь и слава его исследованиям! Они рассеяли густой мрак неведения, в котором мы, и, вероятно, большая часть наших соотечественников, погружены были на счет этого важного пункта современной истории, географии и статистики... Конечно, этим все еще не уничтожается сомнение в том, каким образом чугун этого моста мог звенеть под казачьими копытами; ведь кони-то скакали не по самим аркам, а по настилке, которая лежит на этих арках, а настилка эта, право, НЕ БЫЛА И НЕ ЕСТЬ ЧУГУННАЯ!» [4: 274] (выделено Белинским. – Г.Р.).

Сколько торжества в этой фразе! Понятно, что повод для дискуссии ничтожен, но он позволяет, в который уже раз, «подцепить» противника, уличить его в чванстве и высокомерии. Белинский такого шанса не упускает. Он доводит ситуацию до абсурда, хваля соперника за его «блистательную победу» в столь «серьезном» споре. Чувствуется, что критиком была проведена кропотливая работа по изысканию сведений о злополучном мосте. Вряд ли автор реплики в «Наблюдателе» мог представить, какая буря разразится из-за его замечания. Белинский приводит все новые факты, которые, впрочем, не имеют отношения к предмету спора: «Аустерлицкий мост не есть трофей, воздвигнутый Наполеоном для увековечивания его блистательной победы. Сколько мы знаем, он построен одной компанией, который стоил до трех миллионов франков, и которая за то поныне собирает плату со всякого проходящего и проезжающего по этому мосту. Имя «Аустерлицкого» дано ему не Наполеоном, а строителями, которые чрез то хотели польстить императору. Это, конечно, доказывает, что «Наблюдатель» не умеет справиться с новым оружием, которое ему не под силу; но, повторяем, все это вещи посторонние. «Наблюдатель» *мыслит*; вот что доказать надлежало!» [4: 275]. В этой же статье

критик попутно касается статьи г. Лихонина «Вельтман и его Сочинения», которую Белинский определяет как «эстетико-критико-литературно-философскую». Здесь он дает волю своему сарказму, говоря: «Если употребить сравнение, взятое из физики, то статью об «Аустерлицком Мосте» можно назвать явлением мыслительности *лучистой*, а статью г. Лихонина игрой *свободного* самомышления» [4: 276]. Все мысли Лихонина подвергаются насмешливой критике. Сделав несколько ироничных, хлестких замечаний по поводу статьи Лихонина, Белинский заключает: «Мы взяли говорить не о чьих-либо статьях, а вообще о проявлении признаков мыслительности и жизни в «Московском Наблюдателе». Нам кажется, что мы выполнили свое дело как должно, со всем беспристрастием. Дальнейшие наблюдения над этими гальваническими сотрясениями «Наблюдателя» мы рады сообщать публике, если они будут проявляться в новых, любопытных формах. К сожалению, отличительный характер всего «светского» есть какое-то однообразие и с тем вместе скорая от всего отходчивость. Мы боимся, чтобы «Наблюдатель» не истощил всех сил этим необыкновенным напряжением, и не погрузился-бы в летаргию, глубже и непробуднее прежней» [4: 277].

Пример этой полемической перебранки дает представление о том, насколько напряженными и подчас неприязненными были отношения между периодическими изданиями того времени. Самые ничтожные поводы – оговорки, некорректные выражения становились толчком к серьезным словесным баталиям. Повод спора порой был даже не столь уж важен. Главным было то, что в критических поединках оппозиционных по отношению друг к другу журналов со всей очевидностью

выявлялись их принципиальные расхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. В.П. Андросов (1803-1841) – ученый статистик и экономист, видный деятель Московского общества сельского хозяйства, крупнейшего агрономического центра первой половины XIX века. Пост редактора «Московского наблюдателя» Андросов совмещал с должностью секретаря Общества улучшенного овцеводства и одновременно являлся редактором журнала для овцеводов». Воспитанный в традициях немецкой идеалистической философии, Андросов в 1820-е годы был близок к кружку Любомудров, сотрудничал в «Московском вестнике» и «Атенее», писал стихотворения и повести.
2. «Телескоп», 1836 год, XXXII, №№ 5-8, с. 120 - 154, 217-287. Далее в тексте указываются только страницы цитируемой статьи.
3. «Московский Наблюдатель», 1836 года, часть седьмая (май-июнь), С. 305-313. Далее в тексте указываются только страницы.
4. «Молва», 1836, № 10, С. 269-277. Далее в тексте указываются только страницы.

G. Ramazanova

IS THE CAST IRON ON THE AUSTERLITZ BRIDGE SONOROUS? (FROM THE CONTROVERSY HISTORY OF “MOSKOVSKY NABLYUDATEL”)

Abstract: The paper deals with a 19th century journal that was the hardly investigated. It is known to have been in active correspondence with the leading periodicals of that time. V. Belinskiy was one of the main opponents of the “Moskovsky Nablyudatel” (Moscow Observer). One little known article of his, called “Rumor” is a bright example of controversy illustrating his principle differences over the journal’s standpoint.

Key words: magazine, controversy, editor, critics.

УДК 82(091)

Рамазанова Г.Г.

ДУХОВНЫЕ ОЧЕРКИ Ф. ГЛИНКИ В «МОСКОВСКОМ НАБЛЮДАТЕЛЕ»*

Аннотация: В статье говорится об уникальных духовных очерках Ф. Глинки, опубликованных в журнале «Московский Наблюдатель». Писатель рассказывает о трагических судьбах бедняков, стараясь вызвать сострадание к «маленькому человеку»

у благополучных людей. Проповедь добра и христианского милосердия – главная цель очерков, пронизанных лиризмом. В очерках видны художественные приемы нарождавшейся в то время «натуральной школы».

Ключевые слова: журнал, духовные очерки, добро, христианское милосердие.

* © Рамазанова Г.Г.

В исследовательской литературе стало общим местом утверждение о том, что журнал «Московский Наблюдатель» не имел собственного направления, твердой эстетической позиции. Поскольку неофициальным редактором и ведущим критиком его фактически был С. Шевырев, то упреки были адресованы в основном ему. Мнение о размытости, неясно выраженной эстетической и нравственной позициях журнала восходит к статье Белинского «О критике и литературных мнениях «Московского Наблюдателя»». В этой обширной работе Белинский анализирует все критические статьи С. Шевырева за 1835-1836 годы, опубликованные в журнале. Белинский, в частности, говорит в ней: «...Слава Богу! Наконец-то я добрался до идеи «Наблюдателя!» Он хлопочет не о распространении современных понятий об изящном; теория изящного не входит в него, искусство у него в стороне; он старается о распространении светскости в литературе, о введении литературного приличия, литературного общежития, он хочет, во что бы то ни стало, одеть нашу литературу в модный фрак и белые перчатки, ввести ее в гостиную и подчинить зависимости от дам; цель истинно похвальная: кто не поревнует ей!» [1: 383-384]. Белинский иногда своеобразно выстраивал полемику со своими оппонентами: изъяс мысль из контекста статьи Шевырева и иронически осмыслив ее, он обеднял идею автора. Вообще отношения между Шевыревым и Белинским всегда были очень непростыми, впоследствии дошли до полного неприятия друг друга. Шевырева раздражала дерзость молодого критика, не признававшего никаких авторитетов.

Не менее критично звучит оценка позиции журнала и в работах, отделенных от эпохи Белинского и Шевырева большой временной дистанцией, например, в фундаментальной монографии В.С. Нечаевой. В.С. Нечаева пишет: «Московский Наблюдатель» был основан в марте 1835 В.П. Андросовым при ближайшем участии С.П. Шевырева и М.П. Погодина. При выходе первой его книжки такой опытный журналист, как С.Т. Аксаков, предсказывал его скорое падение... В.П. Андросов, при всех своих разнообразных знаниях и способностях, как редактор оказался лишенным важнейшего качества – умения дать журналу определенное направление, наполнить интересным для современного читателя материалом, придать изданию свою физиономию... Может быть, более других имел эту способность Шевырев, обильно поставивший в журнал свои писания и пре-

тендующий на роль ведущего критика. Но его ориентации на избранную светскую публику никак не соответствовали его собственные статьи, написанные в духе педантичной псевдоучености и лишенные всякой остроты, легкости и изящества» [2: 105].

Подобные примеры можно продолжать, однако в последнее время переосмысливаются многие явления отечественной словесности, и роль отдельных персоналий в ней. В современных монографиях о С. Шевыреве его творческая, критическая, преподавательская деятельность оцениваются сугубо положительно [3].

Представляется, что и осмысление деятельности Шевырева в качестве главного критика и идеолога «Московского Наблюдателя» нуждается в корректировке. Неверными кажутся рассуждения о том, что журнал не имел определенного направления. Напротив, оно четко прослеживается при внимательном ознакомлении со всеми книжками журнала первого периода (1835-1837 гг.). Только при чтении всего массива публикаций складывается цельная картина. Между статьями, очерками, материалами отдела «Смесь», стихотворениями и прозой возникают сложные связи, прослеживается магистральное направление, которое могло быть незаметно при чтении отдельных номеров. Главное – воспитание высокой нравственности, уважения к православной культуре. В журнале было опубликовано большое количество материалов, решавших эту задачу. Во-первых, это публикации С. Шевырева, в частности рецензия на драму Н. Карамзина «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский», статья «Московский театр. О Каратыгине в роли Ермака», [1835, №1]. Критическим отделом особо отмечались книги, связанные с христианской культурой. В декабре 1835 [№19] была помещена восторженная рецензия на книгу Н. Мельгунова «Путешествие по святым местам русским», в 1836 году [№ 8] в отделе «Смесь» была опубликована заметка «Достопамятности московские», в которой говорилось о знаменитой иконе, хранившейся в церкви св. Ермолая. В том же 1836 году был опубликован путевой очерк Н. Мельгунова «Путешествие в Травемюнде». Казалось бы, тема очерка далека от православия, но, если внимательно вчитаться в «лирические отступления», обращают на себя внимание следующие строки: «Для людей, живущих внутренней жизнью, свет дня также тягостен, как и для птицы Минервиной, и они охотнее глядят на опускающееся солнце, или

на бледный свет луны, на эту Божью лампу ночи... Они любят вечер и захождение солнца потому, что это вестники духовного дня, как старость и смерть предтечи лучшей жизни. Но не одни поэты, ученые или мечтатели, а каждый из нас ощущает невыразимое успокоение и отраду в тихий летний вечер, при закате солнца ... Да, до завтра и шум и суета, и заботы; теперь все земное забыто: кипучие страсти улеглись и уступили место тихому небесному чувству, теплой любви или дружбе; жгучий пламень души опал и превратился в мерцание теплящейся перед образом лампы» [4: 23]. В этом рассуждении видно мироощущение верующего человека, их лиризм навеивает ассоциации с элегиями В.А. Жуковского. В ряд произведений, родственных по духу к прозе Н. Мельгунова, можно включить и стихотворения И.Бороздны, А. Ростопчиной, А. Хомякова и других, размещенные в журнале. Но особенное внимание привлекает три произведения Ф. Глинки, напечатанные журналом. Жанр этой своеобразной трилогии определить сложно, очень уж она самобытна, оригинальна. Сам писатель определяет жанр своих произведений как «очерк». Он создает небольшие зарисовки из жизни, своеобразные репортажи, в которых описывает невыносимую нищету обделенных судьбою людей. Причем делает это необыкновенно скрупулезно, в очерках проглядывает многое, что будет характерным для поэтики только нарождавшейся тогда «натуральной школы». Описания жизни бедняков пронизаны лиризмом. Автор «разглядывает» картинку этой жизни вовсе не из праздного любопытства, а с благородной целью: оказать посильную помощь несчастным, пробудив сострадание у людей благополучных. Искренность сочувствия писателя не вызывает сомнения. Обратимся к замечанию авторитетного исследователя творчества Ф. Глинки В.П. Зверева: «Будучи наблюдателем за петербургскими богоугодными заведениями и тюрьмами, он оставался до того сдержанным, что, по его собственному признанию, «не мог сносить ничего страдания и страдал не менее самого страждущего», и в душе никогда не соглашался с циничной иронией М. Сперанского, пытавшегося убедить его, что «на погосте всех не оплачешь»! [5: 115]

В журнале 1836 года [часть VI] опубликована первая часть «трилогии» – очерк «Федот Исаев или Бедное семейство в клетке». Начинается повествование с описания страшных морозов, стоявших в ту пору в Москве: «Кто не помнит морозов, так неожиданно на-

помнивших старую, сердитую Русскую зиму нашей старой, доброй Москве? Это были морозы, от которых трещали стены, портились термометры, вода, взбрызнутая на воздух, превращалась в лед...» [6: 336]. При этих обстоятельствах происходит знакомство с героем: «В один из таких морозов, часу в 12-м ночи, бежал *кто-то* по опустелым улицам, в нагольном тулупчике, в истертой поярковой шапке, без рукавиц, на край Москвы. Этот *кто-то* был человек не старый, лет тридцати, но от природы дряблый и робкий, как говорится у нас, *человек смирный...*» [6: 336].

Уже в этом первом описании видна жалость автора к «маленькому», смирному герою, столь характерная для русской классической литературы. Эпитеты, «дряблый», «робкий», «смирный», употребленные автором, вызывают сострадание к бедняге. Далее в повествовании – лирическое отступление о русском морозе: «Иностранцы, не знающие России, не имеют понятия о Русском морозе. Это сущий чародей: он все превращает в хрусталь и бриллианты. Вы живете в оледенелых домах, в хрустальном городе. Наружные стены обтянуты богатым серебряным глазетом. Каждая ветка на дереве – жирандоль; каждая льдинка – алмаз... Человек любит бороться с исполинскими стихиями и часто побеждает их;... но мороз нападает на него с налету... – В таком положении был наш *кто-то*. Жутко ему! Он останавливается, дует в голые пальцы, машет, хлопает руками по бедрам и пускается опять бежать без памяти, как будто целые стаи привидений его догоняют. Бедняжка! Как ему хочется дорваться до теплого гнезда»! [6: 337]

Бедняк добирается до дому, но ворота заперты: колотить в окна не смеет – там живут почтенные жильцы, «а он человек бедный, смирный». Не в силах протиснуться в подворотню, он замерзает. Писатель описывает его муки: «Он завяз в теснине. Руки без рукавиц окостенели, одежды распахнулись, мороз охватил его во всех направлениях и крепко впился в свою добычу. ... Круги, все светлые, голубые, огненные круги носились в воздухе ... Шея несчастного выпрямилась и окостенела. Посинелое лицо исказилось. Правая рука, разгребавшая снег, скорчилась. Левая осталась распростертой в покое. На сине-багровых щеках выступили белые пятна. Брови и волосы засеребрились. Крепко стиснутые зубы оскалились. И так один, в глухую полночь, никем не услышанный, на пороге своего жилья, этот несчастный ... уснул, застыл, обеспамятел, умер!!» [6: 339].

Автор рассказывает историю своего героя – Федота Исаева, медника, который встречается со своей семьей только по выходным, неделю проводя в мастерской хозяйина. Обледеневшего Федота вносят в комнату-клетку. Дети плачут. «Детский плач есть молитва. Может быть она-то и достигла до слуха Того, кому покорны жизнь и смерть. Исаев открыл глаза» [6: 341-342]. Ф. Глинка описывает несчастья семьи: «Я видел семейство Исаева: он живет в клетке, за которую платит, однакож, 50 рублей в год! Я видел самого Исаева: он лежит в великолепной Марининской больнице... Но у него отняты четыре пальца на правой руке и один на левой ноге. Другие еще отгнивают. Вообще ноги его сильно пострадали: и до сих пор он не может ходить! Врач, сделавший искусную операцию, сказал мне, что Исаев будет здоров. Но будет ли он в состоянии работать? Итак, вот вся история бедняка, который с потерей перстов, вероятно, потерял способ прокармливать свое семейство и нанимать для него хоть теперешнюю клетку!» [6: 342-343]. Рассказывая эту страшную в своей обыденности историю, автор взывает к христианским чувствам: «Москва, как говорят старожилы, славилась с незапамятных времен гостеприимством и христианским милосердием. И вот для чего... рассказал я историю бедняка Исаева. Теперь обращаюсь... преимущественно к *прекрасному полу*». Невольно вспоминается упрек Белинского! Но не о «распространении светскости» в данном случае хлопочет «Московский Наблюдатель». Обращаясь к читательницам, автор взывает к милосердию: «Любезные читательницы! Может, вы прочтете эту статью, отправляясь на бал или возвращаясь с бала... Как хорошо на московских балах! Какие великолепные залы! Какое чудесное освещение! Везде хрусталь, бронзы, зеркала. Везде радуги, блеск, отражение ... А вы, прекрасные читательницы! В вашем бальном наряде, с вашими живыми букетами, вы носитесь, как мечты в воображении поэта, в этой очаровательной стихии – *стихии бала*! Как вам легко порхать на бале, как покойно жить в огромных покоях!... И как тяжело человеку бежать по морозу, как трудно целой семье тесниться в конурке, которая, право, не более той бронзовой, канареечной клетки, которую вы можете увидеть у купца Волкова в его меняльной лавке!» [6: 343]. Автор применяет прием контраста, показывая, что существует другое бытие, не соприкасающееся с жизнью красавиц. Ф. Глинка говорит с читательницами поэтическим языком: «Послушайтесь-

же вашего доброго сердца, займитесь своим туалетным бюджетом. Убавьте что-нибудь от лент, немножко от чепцов, немножко от шалей... и, жительницы палат! помогите бедному семейству в клетке!..» [6: 344].

Далее автор говорит о благодарности, о которой люди зачастую не задумываются: «Бог знает!»! говорят седые, наморщенные старики: «таково ли то будет на том свете как здесь?!» И, вслед за тем, начинают рассказывать о вечном огне, о страшном холоде, которые Дант так пиитически описал в своем описании ада. Но я, основываясь на самых верных источниках, могу уверить вас, прекрасные благотворительницы, что там, в стране вечных пожаров и льдов, есть дорожки лазоревые, весело бегущие к местам светлым... И когда существа, слитые из жизни и света, из любви и радости, поведут вас по этим дорожкам, и вы, в слезах любви и благодарности, воскликните: «Чем заслужили мы такое счастье?!» Голос сладкий, как утешение Веры, небесный, как истины Святого Евангелия, скажет вам: «Вы посетили заключенного в темнице; убогого в приюте нищеты; калеку на одре его страдания!» Посетите же бедное семейство – в *клетке* и бедняка калеку – в *больнице*!» [6: 344]. Даже указывая адрес, Ф. Глинка выражает свои мысли поэтично и трогательно: «Пособия могут быть адресованы и в редакцию Наблюдателя, который с удовольствием войдет в посредство между Благотворением и Нищетою».

Следующий очерк – «К благотворителям и благотворительницам бедного Федота Исаева и семейства его, *жившаго в клетке*» – опубликован в 1836 году, в девятом номере журнала. Обращает внимание словосочетание, выделенное в заголовке курсивом. Автор сразу дает понять, что в жизни семейства произошли счастливые перемены. Очерк композиционно выстроен так же, как предыдущий. Те же воспоминания о жутких морозах, то же описание привольной, прекрасной жизни богатых людей: «Да! прекрасные читательницы! Прекрасно в ваших московских покоях, где вы, смеясь над русскою зимою, сочиняете себе *домашнюю Италию*. Высокий лавр стоит над вашим письменным столиком... поместец хвалится золотистым плодом своим у большого зеркального окна, слегка подернутого дымчатым инеем мороза... Хорошо на ваших *музыкальных вечерах*, где вы сами, легкие как мысль, как звук, тонете в море звуков и гармонии... Весело являться в собрания разнаряженными ... Но отчего-ж в ваших *покоях*, вы бываете часто *беспокойны*?»

[7: 364-365]. Исподволь автор подводит читательниц к мыслям высоким. Его проповедь, а это лирическое отступление вполне можно назвать ею, призывает к добру: «Сердцу веселящемуся – лице цветет», сказал один высокий мудрец. Ну, так, хотите-ли, чтобы лицо ваше было моложавое, цветущее?... Имейте *веселое сердце!* – А как – же это сделать? – пробуйте сделать *доброе дело* – осушить слезу, унять вздох, поднять увядающую надежду... Вы увидите над собою чудо! – Тотчас какая-то искра – искра чистая, *световая*, упадет в ваше сердце... Как поцелуй весны раскрывает чашечку розы, эта искра раскроет ваше сердце, ... и вы почувствуете радость, которой нет в продаже на пестром рынке жизни, которую дает *одно* самодовольствие – *сознание добра*. Вот *материальная* сторона той радости, которая, как тень, всегда следует за *добрым делом!* Чрез *доброе дело* вы тотчас соединяетесь с тем источником – близким и далеким – откуда *радости сходят!*» [7: 366]. Автор пытается донести свои мысли всеми средствами, в том числе, выделяя знаковые словосочетания графически, так они привлекают особое внимание читателя. Красной нитью проходят слова «добро», «радость», – для Ф. Глинки это слова-синонимы, и он добивается того, чтобы его мировосприятие стало общим для всех. Далее следует рассказ о судьбе героя: «Федот Исаев и его семейство чрез руки или из рук по большей части неизвестных получили около 700 рублей. На эти деньги бедный Исаев уплатил свои долги, выкупил ... заложенные пожитки, перешел из клетки в светлицу ...» [7: 368]. Ф. Глинка счастлив, что ему удалось изменить его судьбу. Выражает свою благодарность автор оригинально, создавая зарисовки, которые композиционно выстроены так, что оттеняют друг друга: «И так от имени этого семейства благодарим и ту важную даму, которая в дорогой карете с ливрейными лакеями, со всеми затеями модной пышности, не поленилась заехать в одну из отдаленных частей города, остановилась у ворот, где живет несчастное семейство, вызвала его из клетки и подарила беднякам *два золотых*. – Благодарим и ту бедную молоденькую девушку, которая в самом скромном платьице, идя к ранней обедне, зашла на двор к Исаевым, впорхнула птичкою в их *клетку*, приласкала малютку, поговорила с бедняками, прослезилась и дала им *два* полтинника!» [7: 368-369]. Видно, насколько тщательно продуманы автором все детали этих сценок, видна их «драматургия», понятен их глубокий подтекст.

В этом же очерке автор рассказывает новую историю. – «Несколько слов о бедном семействе Р-к-тск-х». Это история семейства отставного чиновника девятого класса. В семье – больная жена, шесть дочерей-бесприданниц и слепой, душевно больной сын. Живут они на самой окраине Москвы. Эти люди достойно несут свою бедность, не жалуясь и не прося о помощи. Безыскусственность рассказа пронзает читателя глубокой печалью, писателю удается передать тягостную атмосферу жизни этих людей. Все дочери – рукодельницы, «старшая, девушка с золотыми руками, почти содержит семейство одними трудами своими» [7: 371]. Писатель проникновен, от него не укрываются детали нищенского быта. Он расспрашивает хозяйку, как они живут: «Что вы делаете в длинные, осенние вечера? – «Мы сидим, – сказала мать, кругом стола и работаем. Дочери, поочередно читают вслух вот эту книгу!» ... это были Жития Святых и Мучеников. – Ни чашек, ни самовара, никакого следа житейских прихотей не видно было в комнате. Я даже не заметил ни одного отломка зеркала, а это чудо, где есть шесть молодых девиц» [7: 371]. Но самое гнетущее впечатление на автора производит калека, полностью отгороженный от внешнего мира своей слепотой и душевной болезнью: «И как же велико должно быть несчастье семейства Р-го, когда можно без ошибки сказать, что юноша без *идей* и без *зрения* есть счастливейшее лицо в этом семействе!.. На вопрос: «весело ли тебе? – Он улыбнулся самою светлою улыбкою «Все хорошо! Все хорошо!» – Бедняк! Не видит и не понимает ни своего, ни чужого горя!» [7: 372]. Автор призывает помочь несчастным в канун Рождества: «Пусть же, по вихрю общего удовольствия пробежит, в виде вопроса, незаметная мысль: «А что в это время делают бедные?!» – Эта добрая мысль сожмет не одно жалостливое сердце и разожмет не одну руку на щедрое подаяние ближнему...» [7: 373].

Третья статья, завершающая «трилогию» [8], вновь рассказывает о семье Р-го. Автор приводит новые «горестные подробности...быта людей скромных, ненавязчивых, не хотевших жаловаться вслух, не умевших просить» [8: 443], излагает факты, оставшиеся за рамками второго очерка. Он пишет: «У шести дочерей, например, было одно праздничное платье... И это бедное платье не уцелело! За *две* горсти муки и несколько зелени, чтобы приготовить похлебку для *больной матери*, это платье заложено в мелочной соседней лавочке... После этого нужды возрастали все более...

Долго колебалась мать, и наконец решилась – заложить *окладную* Икону *Святителя Николы*. – Невольная грусть охватывает сердце, когда слушаем простосердечный рассказ об этом обстоятельстве, конечно частном, мелочном, незаметном для света, занятого великими событиями...» [8: 445]. Автор, теперь уже иронически, говорит о «проблемах» света. Он рисует картинку, героиня которой – светская красавица, вернувшаяся утром с бала. Она «раздражена справедливым неодобанием за то, что ее *личный*, субъективный блеск слишком скоро исчезал в общем *объективном* великолепии праздника... – Сколько таких красавиц, говорю я, уныло стоя перед огромными зеркалами ... бросают далеко от себя ожерелья, ленты, иногда *алмазы*, из которых каждый (малейшая искорка в большом гребне) мог бы пропитать целое большое семейство!» [8: 445–446]. Ф. Глинка вновь использует прием контраста, создавая объемную, многомерную картину бытия, в которой параллельно существуют роскошь и нищета: «И так ...в одну из таких ночей, когда в сорока домах по безбрежной Москве кипело заказное наслаждение, – в отдаленном закоулке Москвы ... бедная мать, в темном угле бедного сырого жилья, едва освещенная трескучею лампадою... стоя на коленях, подымала свои иссохшие руки к заветному Святому лику, с которым должна была расстаться с наступлением утра печального» [8: 446–447]. Какой лиризм, какое сострадание к тихому горю несчастной женщины! Эпитет «бедный» становится здесь многозначным. Но, показав кульминацию отчаяния, автор снимает напряжение, повествуя о том, что нашлись люди, которые помогли: «На клич несчастья откликнулось благотворение и понеслось из чертогов и хижин (да! даже из хижин!) отыскивать высокий чердак... несчастливцев. – Люди *добрые* нашли и одарили людей *бедных*» [8: 447]. Далее автор прилагает отчет о помощи. Трогательно, что указаны все суммы, независимо от их размера. Вот некоторые: От неизвестного – 8 рублей 40 копеек, от Г. Издателя «Наблюдателя» – 115 рублей, от княгини К-й – 11 рублей 70 копеек и так далее. Подлинность следующей истории, рассказанной Ф. Глинкой, вызывает некоторое сомнение, но в соответствии с авторской задачей, служит назидательным уроком светскому обществу. Молодая дама, посетившая героев, рассказывает: «Я была вчера ...на большом, очень большом бале... Мне грустно стало, когда я узнала, сколько потрачено на бал, о котором через несколь-

ко дней никто и говорить не будет! Десятой доли того, что истрачено, слишком достаточно было, чтобы кормить всю вашу семью по крайней мере *целый год!* – Вот почему я решилась увезти у вас одну дочь и пристроить ее к месту! Итак, заключает автор, вот *еще одно* семейство *восстановленное!* [8: 448]. В конце статьи автор приводит еще несколько адресов бедных людей, нуждавшихся в поддержке. Ф. Глинка, вероятно, рассчитывал, что редакция «Московского Наблюдателя» будет продолжать этот, как сказали бы сейчас, «благотворительный марафон», однако подобных публикаций в журнале больше не было. Неизвестно, какими это было вызвано причинами, но уникальность подобных очерков в светском журнале очевидна. Их характер свидетельствует о том, что для редакции «Московского Наблюдателя» было необыкновенно важно воспитывать добрые чувства и призывать «милость к падшим», и в этом проявлялась высокая нравственная культура этого журнала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белинский В.Г. О критике и литературных мнениях «Московского Наблюдателя» // Телескоп, 1836 год, XXXII, №№ 5-8, с. 120-154, 217-287.
2. Нечаева В.С. В.Г.Белинский. Жизнь и творчество 1836- 1841. – М., 1961.
3. Например: В.А. Мартынов. С.П. Шевырев и русская литературная критика 1820-1830-х годов. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Л., 1988.
4. Московский Наблюдатель, 1836, часть 8, №№ 9-12. С.П. Шевырев – первый профессор истории российской словесности в Московском университете. – М., 1999. С.П. Шевырев об отечественной словесности/ Составление, вступ. Статья, коммент. В.М. Марковича. – М., 2004.
5. Зверев В.П. Федор Глинка – русский духовный писатель. – М, 2002.
6. Глинка Ф. Федот Исаев или Бедное семейство в клетке // «Московский наблюдатель», 1836, часть VI, № 1-4, с. 336-344. Далее в тексте будут указываться только страницы. Авторская пунктуация и орфография приведены без изменений.
7. Глинка Ф. К благотворителям и благотворительницам бедного Федота Исаева и семейства его, жившаго в клетке // – «Московский Наблюдатель», 1836, № 9, с. 363-373.
8. Глинка Ф. К благотворителям семейства Р.к.т.с.хъ. Читателям и читательницам Московского наблюдателя. // «Московский Наблюдатель», 1837, №11, с. 443-451.

G. Ramazanovа
SPIRITUAL ESSAYS BY F.GLINKA IN
THE “MOSCOW OBSERVER”

Abstract: The article tells about the unique spiritual essays by F. Glinka, published in the “Moscow observer” magazine. The writer

tells about the tragic destinies of the poor, trying to provoke sympathy of successful people for "humble folk". The main goal of these essays which are full of lyricism is propagation of kindness and Christian charity. The artistic

methods of so-called "Natural school" which was coming into being at that time are evident in these essays.

Key words: magazine, spiritual essays, good, christian grase.

УДК 821.0

Тарасова М.Р.

ФЕНОМЕН ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И.А. ИЛЬИНА*

Аннотация: Автор статьи реконструирует понятие литературной критики в интерпретации И. А. Ильина, систематизирует задачи и требования, которые формулировались философом применительно к данному виду научно-художественной и коммуникативной деятельности, показывает, как программно-теоретические установки преломлялись в конкретной литературно-критической практике И. А. Ильина.

Ключевые слова: И. А. Ильин, литературная критика, чтение, эстетический предмет.

И.А. Ильин не дает определения критики как таковой. Однако, суммируя отдельные его высказывания, можно очертить следующий объем содержания для данного понятия в его интерпретации: критика, по Ильину, – человеко-, и тайноведение, свободное созерцание и осмысление Главного сквозь призму художественного произведения. «Главное» здесь – эстетический предмет, или просто Предмет – последняя, религиозная глубина мира и человека, их духовная сущность, истина того, что носит название вещей. Именно этой глубиной И. А. Ильин измеряет литературу и искусство, и только предметное искусство, в его представлении, имеет право быть художественным.

Подобный подход обуславливает соответствующие требования к критике и критикам. Эти требования И. А. Ильин формулирует во введении к книге «О тьме и просветлении» (написана в 1939, опубликована в 1959 году). Изначально фиксируя двуединство процесса чтения-критики (введение так и называется «О чтении и критике»), И. А. Ильин утверждает, что чтение в принципе – особое искусство, своего рода «художественное ясновиде-

ние» [1], в связи с чем любому читателю, а критику тем более, вменяется в обязанность развивать в себе эту способность.

Какое же чтение, по мнению И. А. Ильина, дает право на критику? «Читать, – пишет он, – значит: верно и чутко воспринимать ткань слов (эстетическую материю), легко и покорно усваивать творческое видение художника (его эстетический акт), точно и легко воспринимать описываемые им картины внешнего и внутреннего мира (эстетические образы) и с духовной зоркостью проникать до того главного помысла, из которого рождено все произведение (до эстетического предмета)» [2].

Исходя из того, что критик – профессиональный, или, иначе, художественно-аналитический читатель, на него возлагается двойная ответственность за полноценное восприятие произведения. Критик, по Ильину, должен пройти от слова через образ к предмету и обратно – от предмета через образ к слову, – не только интуитивно, чувством, воображением и волей, но и сознательной мыслью; он должен свести все к главному и опять развернуть все из главного, следуя за указаниями автора; «как бы *вобрать все произведение в его собственное художественное солнце*, а потом проследить, пронизывает ли оно своими лучами все свои образы и всю свою словесную ткань» [2]. Критик должен воспринимать произведение целостно, как воплощенную тайну... При этом он должен испытывать предметные обстоятельства (термин Ильина. – М. Т.) в самостоятельном личном опыте *до того*, как он станет верным и чутким читателем конкретного автора. Тогда он сможет созерцать «несказанный и вот все-таки во-ображенный и высказанный Предмет» [2]. Только тогда Предмет «сработает» как основной критерий, которым измеряется

* © Тарасова М.Р.

произведение: «Чем духовно значительнее предмет и чем художественнее его образная и словесная риза, тем более велик художник, тем глубже его искусство, тем выше его место в национальном и мировом пантеоне» [2]. Критерием истинности самого Предмета становится при этом тот духовный трепет, который охватывает человека, «как если бы он стоял перед великой тайною или перед чудом Божиим» [2]. Без такого трепета, без благоговения и тайночувствия, по Ильину, культура, в том числе литература и искусство, вырождаются [3].

Итак, критик у И. А. Ильина – профессиональный, художественно-аналитический читатель, жаждущий предметности в жизни и литературе. Отсюда вытекают определенные задачи критики. Первая из них сводится к необходимости в каждом конкретном случае решать вопрос о «совершенстве-несовершенстве» произведения. Этот вопрос не решается субъективным «нравится – не нравится». Художественное произведение не измеряется также нехудожественными мерилками – партийными, конфессиональными или иными. «Искусство имеет *свое* измерение: измерение *духовной глубины и художественного строя*. Именно это измерение обязательно для всякого художественного критика» [2]. Критик должен обнаружить (или не обнаружить) «художественный предмет», то Главное, из чего выросло и чему служит произведение; постичь Предмет, осуществляя художественную встречу с автором, – важнейшая задача критика. Вторая его задача – обосновать свое суждение: критик должен быть доказательным и убедительным. При этом, поскольку критик имеет дело «с законченным произведением, которое говорит само от себя и само за себя», он может, как считает Ильин, «не обращаться с тем автором, о котором он пишет. Ибо, в сущности говоря, он пишет не о человеке, а об его художественных произведениях» [2]. «Непозволительно умозаключать от свойств художественного акта к общему душевному состоянию или к жизни данного автора и обратно», – предупреждает И. А. Ильин [2].

Критика в целом, по Ильину, должна нести эмоционально-волевой заряд любви, обусловленный личной причастностью критика судьбам отечества, его субстанциальной близостью с единым национальным «мы»: такая критика, по мнению Ильина, ни навредить, ни разрушить не может, даже если будет гневной по своему пафосу и резкой по форме [4]. Данный принцип хорошо иллюстрирует

положительное мироощущение И. А. Ильина, волевою, творчески-активную установку его личности. Как писал В. В. Зеньковский, «приятие мира, живая и творческая обращенность к нему определяют его (Ильина. – М. Т.) основную позицию – и в этом пункте Ильин примыкает ко всей русской религиозной мысли, которая – за исключением Л. Н. Толстого – всегда была проникнута принципиальным мироутверждением» [5]. Перечисленные особенности (положительное мироощущение, воля, активная жизненная позиция) принципиальны для определения подходов И. А. Ильина к литературной критике, осуществляющей, по его мнению, «цензуру» предметной необходимости [6].

Являясь посредником между писателем и читателем, литературой и жизнью, критик, в осмыслении И. А. Ильина, призван видеть вместе с художником предметную тайну, которую тот воплощает, призван видеть саму творящую душу художника, помогая тем самым публике понять художника, воспитывая ее к серьезному и чистому восприятию искусства. «Задача настоящего критика, – уточняет И. А. Ильин, – состоит в том, чтобы вскрыть и показать строение художественного акта, характерное для данного художника вообще и далее именно для данного, разбираемого произведения. Ибо у большого художника акт гибок и многообразен. “Евгений Онегин” написан совсем из другого художественного акта, чем “Полтава”; “Пророк” и “Домовой”, “Клеветникам России” и “Заклинание” исполнены как бы на разных духовных “инструментах”. Вскрывая это, критик помогает читателю и слушателю внутренне приспособиться и раскрыться для данного поэта и данного произведения; ибо душа, настроенная слушать балалайку, бывает неспособна внимать органу» [7].

При этом имеющий в себе истинное призвание художественный критик должен уметь настроиться на любой исследуемый предмет: «Подобно великому художнику <...> истинный критик способен вместе с Овидием и Сафо любить, с Шекспиром – напрягать волю и действовать, с Тютчевым и Эйхендорфом – созерцать ночную вселенную, с Кюран Дойлем – идти по эмпирическим следам-отпечаткам преступника. В его распоряжении должно быть множество художественных очков; он должен потенциально владеть всеми языками духа, всеми душевными модуляциями художественного акта», отличая при этом «художественно превосходное от художественно неудачного» [8].

Не стоит говорить о том, что критик должен быть конгениален художнику, должен говорить «из предметного созерцания, уловив художественную необходимость в его произведении» [6]. Тот критик, который «застрял во внешностях снобизма, в условностях отвлеченной формы, в аутических выдумках», который «идет в своих разглагольствованиях *мимо* главного», достоин, по слову И. А. Ильина, пренебрежения, хотя, как известно, «именно эта болтовня нередко влияет на публику и руководит ее мнением» [6]. Критик в представлении И. А. Ильина должен быть независим от моды, авторитетов, предвзятых суждений, он должен быть честен, предметно-прозорлив и ответственен, его суд – мужественный, сильный и глубокий – имеет большое значение для судеб России.

Обобщая свои требования к литературной критике, И. А. Ильин пишет:

«Художественный критик должен быть, прежде всего, опытным созерцателем духовного предмета, мастером художественного восприятия. Он должен уверенно и творчески проникать вглубь, к замыслу, к художественному предмету, владеющему данным произведением; с тем, чтобы дважды пройти эту дорогу – первый раз от эстетической материи к образу и предмету, второй раз обратно, от художественного предмета к образу и к эстетической материи. Тогда перед ним раскроется верность и цельность разбираемого произведения, или соответственно – его неверность и нецельность, которую он и сможет убедительно и показательно установить для автора и для воспринимающей публики. Только так он может разрешить ту задачу, к которой он призван: помочь автору в его искании художественного совершенства и помочь читателю-зрителю в его искании художественного восприятия и предмета. Для этого критик должен быть мастером акта и созерцания, верным “чтецом” образа и материи, непритязательным и неподкупным учителем духовного опыта» [2]. В целом, И. А. Ильин выступает за настоящую ответственную и неподкупную, духовно зрячую и философски обоснованную художественную критику [9].

Таковы программно-теоретические требования И. А. Ильина к литературной критике. На практике, преломляясь сквозь призму конкретной личности, в конкретной культурно-исторической ситуации и среде, они приобретали неповторимое своеобразие, характеризующее творческую индивидуальность Ильина в данной сфере деятельности. Уточняя особенности литературной критики

И. А. Ильина, которую методологически он сам определяет как эстетически-художественную, отметим следующее.

Эстетически-художественная критика И. А. Ильина генетически связана с предыдущей, в частности, средневековой культурной традицией, которая, как известно, определялась религиозным мировоззрением. И хотя И. А. Ильин утверждает, что нельзя мерить художественное произведение нехудожественными мерилami, конфессиональными в том числе, вся логика его размышлений ведет к тому, что последняя духовная глубина того или иного опуса может быть доступна только верующему человеку. Мировоззренческое задание в критике И. А. Ильина налицо, с той существенной оговоркой, что если для средневекового религиозного сознания характерны исключительно внеэстетические (теологические) критерии и оценки, то в критике И. А. Ильина религиозная философия соединилась с эстетикой, а анализ и самоанализ получили в ней права методологического гражданства.

Критика И. А. Ильина синтетична, она обобщает его опыт и знания в самых разных сферах, являясь формой выражения определенных философских, политических, социальных, эстетических идей. При этом И. А. Ильин не просто информирует – он просвещает, учителствует, ведет, проповедует и даже пророчествует, что вполне соответствует пафосу традиционной русской культуры на всех этапах ее существования. Критика И. А. Ильина, по сути, нормативна: категории долженствования занимают в ней существенное место. Отмеченная нормативность порой влечет за собой некоторую однозначность, категоричность суждений, нетерпимость, резкость тона. Отсюда, видимо, и прием упрощения, «выпрямления» взглядов оппонента (известный со времен пророка Аввакума и эстетиков XVII века), которым широко пользуется И. А. Ильин.

Мировоззренческий максимализм, граничащий с монополией на истину, обуславливает максимализм литературно-критической позиции И. А. Ильина. Ф. А. Степун объясняет это так: «... Люди, чуждые христианству, часто упрекают христиан в нетолерантности и заносчивости, не понимая, что, признавая евангельскую истину за богооткровенную, невозможно одновременно считать ее относительной, ибо ни Бог не может противоречить самому себе, ни люди Ему. Для христианского сознания все истины стоят в определенном отношении к Божьей: они или пророчески подводят к Богу, или изменнически уводят от

Него; относительных же истин в смысле истин безответственных перед откровенной истиной христианство по всей своей сущности признавать не может. И тут дело не в заносчивости христиан, а в вознесенности христианской истины над миром исторических отношений» [10].

Максимализм И. А. Ильина имеет и другое объяснение. Вспомним, какой масштаб приобрели просоветские симпатии и настроения в предвоенной Европе, в том числе в Берлине, где после эмиграции обосновался И.А. Ильин [11]. Сила действия, как известно, рождает силу противодействия: «...жар нападения должен быть соразмерен степени вреда для вкуса публики, степени опасности, силе влияния, на которые вы нападаете», – писал в свое время Н.Г. Чернышевский [12]. Распространение советской идеологии И.А. Ильин воспринимал как смертельную опасность. Он не мог рассуждать и действовать иначе как на пределе всех своих возможностей, утверждая идею духовного возрождения в данной ситуации.

Эмоциональность, страстность (и пристрастность) И.А. Ильина в сочетании с рационально-логическим, аналитическим началом формируют еще одну особенность его критики. Причем обе эти составляющие, каждая по-своему, обуславливают стилистическую чрезмерность, избыточность его критики. Важнейшими особенностями критики И.А. Ильина являются также ее публичность, публицистичность, диалогизм. Не случайно И.А. Ильин тяготеет к таким жанрам, как лекция, речь, не случайно многим его публикациям предшествуют выступления «вживую» в самых разных, как правило, многочисленных аудиториях.

Литературную критику И.А. Ильина характеризуют масштабность, системность и целостность мышления. И.А. Ильин привержен той национальной традиции, точкой отсчета которой являются начальные слова Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1, 1). «Жить в пространстве “осевого словесно-центричного времени”, – пишет исследователь, – значит многое. Это значит, что по фундаментальным духовным ценностям наше время и время Кирилла одно и то же: оно сохраняет существенные ориентиры мировидения и свойства “нашей” душевной бодрости, сформировавшиеся задолго до нас» [13]. И.А. Ильин осознавал это; его критику стимулирует не столько чувство нового, сколько предчувствие вечности в ее связи с базовой

русской культурной традицией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь: Книга раздумий // Книга раздумий. – М., 2007. – С. 8.
2. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 1. – С. 191, 193, 202, 203, 191, 193, 195, 196, 180-181.
3. См.: Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. – М., 2002. – С. 205.
4. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1993. – Т. 1. – С. 199.
5. Зеньковский В. В. По поводу книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силой» // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. – М., 1996. – Т. 5. – С. 426.
6. Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1994. – Т. 3. – С. 450, 455.
7. Ильин И. А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Собр. соч.: В 10. – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 1. – С. 111.
8. Ильин И. А. Современная русская художественная литература // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1997. – Т. 6. – Кн. 3. – С. 206.
9. Ильин И. А. Творчество Мережковского // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 2. – С. 169.
10. Степун Ф. А. Портреты. – СПб., 1999. – С. 85.
11. См.: Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945). – М., 2004. – С. 248.
12. Чернышевский Н. Г. Избранные эстетические произведения. – М., 1973. – С. 390.
13. Карпенко Г. Ю. Возвращение Белинского: Литературно-художественное сознание русской критики в контексте историософских представлений. – Самара, 2001. – С. 4.

M. Tarasova

PHENOMENON OF LITERARY CRITICISM IN INTERPRETATION OF I. A. ILYIN

Abstract: The author of clause reconstructs concept of literary criticism of I. A. Ilyin's interpretation, systematizes problems and requirements which were formulated by the philosopher with reference to the given kind of scientifically-art and communicative activity, shows, how theoretical installations refracted in I. A. Ilyin's concrete literary-critical practice.

Key words: I.A. Ilyin, the literary criticism, reading, aesthetic subject.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ АЛЬФРЕДА ТЕННИСОНА «IN MEMORIAM» В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ XIX – НАЧАЛА XX В.*

Аннотация: В статье проведен анализ русских переводов отдельных стихотворений поэтического цикла А. Теннисона «In Memoriam», осуществленных Д.Л. Михаловским, Ф.А. Червинским и О.Н. Чюминой в XIX – начале XX в. Переводы Михаловского представляли собой вариации на заданную тему, служившие для выражения собственных мыслей, настроений и эмоций; выполненный Червинским перевод стихотворения «Dark house, by which once more I stand...» характеризовался гиперболизацией культа дружбы и принесением трансформировавшей авторский замысел символистской идеи двоемирия; переводы Чюминой отличались наибольшей точностью в передаче авторской мысли и формы, учетом особенностей английских оригиналов, акцентированием значимых художественных деталей.

Ключевые слова: английский романтизм, международные литературные связи, художественный перевод, литературная традиция, реминисценция.

Цикл стихотворений А. Теннисона «In Memoriam А.Н.Н.» («В память А.Х.Х.», 1833–1849) посвящен памяти друга юности Артура Генри Хэллема, с которым поэт познакомился весной 1829 г., обучаясь в колледже Святой Троицы в Кембридже, куда он поступил в 1828 г. Хотя отдельные исследователи и предполагают наличие между Альфредом и его другом интимной связи [см.: 1], большинство все же склонны относиться к чувствам Теннисона и Хэллема как к платоническим, основанным исключительно на восторженном сопереживании друзьями всего Доброго, Прекрасного, Возвышенного, на священном культе пылкой, самоотверженной дружбы, распространившемся в Англии елизаветинской эпохи и созвучном умонастроениям поэтов пушкинского круга, их дружеским посланиям, стилю поведения в определенных коммуникативных ситуациях [см.: 2]. Словесное выражение дружеских чувств во многих поэтических произведениях того времени неотличимо от традиционного обращения к возлюбленной; например, К.Н. Батюшков в стихотворении «Тень друга» (1814)

писал: «О! молви слово мне! Пускай знакомый звук / Еще мой жадный слух ласкает, / Пускай рука моя, о незабвенный друг! / Твою с любовью сжимает...» [3].

Цикл «In Memoriam» впоследствии оказался одним из вершинных достижений Теннисона, во многом продолжившего традицию сонетов Шекспира, в центре которых возникал образ друга, а не более традиционный для подобных описаний образ возлюбленной. Несомненным представляется и влияние «Сонетов на смерть мадонны Лауры» Петрарки с их характерной длительностью неизбывной скорби, пристальностью взгляда вослед навсегда улетевшей душе. Однако, в отличие от предшественников, Теннисон избегал сонетной формы, создавал однообразными катренами с опоясывающей рифмовкой стихотворения разной длины, причем сам же сравнивал используемые им строфы с «ласточкиными зигзагами» – своеобразными «метаниями мысли, томимой религиозными сомнениями, скорбью об ушедшем друге и укорами совести» [4; также см. 5].

В конце XIX – начале XX в. к переводу отдельных стихотворений поэтического цикла Теннисона «In Memoriam» на русский язык обращались Д.Л. Михаловский, Ф.А. Червинский и О.Н. Чюмина, причем каждому из переводчиков удалось по-своему представить основу творческого замысла английского поэта. Считая целью своей переводческой деятельности продвижение к русскому читателю творческого наследия наиболее значительных иноязычных писателей, Михаловский избирал в качестве главных критериев при выборе произведений для перевода оригинальность содержания переводимого текста и значительность автора для национальной литературы, причем первый критерий преобладал, по собственному признанию переводчика, над вторым [см.: 6]. Переводческие принципы Михаловского, сложившиеся еще в начале его переводческой деятельности, изложены в статье «Шекспир в переводе г. Фета», увидевшей свет в №6 журнала «Современник» за 1859 г. Критически отзываясь о переводе А.А. Фетом трагедии В. Шекспира «Юлий Цезарь», Михаловский утверждал важность сохране-

* © Чернин В.К., Жаткин Д.Н.

ния формы оригинала, близкой передачи его содержания, требовал воссоздания «жизни, которою проникнут подлинник» [7], осуждал переводческий буквализм Фета, нередко прибегая при этом к «изоляции <...> стихов, звучащих неестественно вне контекста» [8]. П.И. Вейнберг, отмечая близость художественных переводов Михаловского оригиналу в сочетании с умением сохранить поэтичность и силу подлинника, называл его в числе «переводчиков в лучшем значении этого слова» [9].

Тема духовной преемственности поколений и вера в торжество молодости, характерные для литературной деятельности Михаловского 1850–1870-х гг., сменились в начале 1880-х гг. характерными настроениями эпохи безвременья – пессимизмом, ощущением безнадежности, бессильной скорбью, осознанием абсурдной бесцельности прожитой жизни, тоской ночных кошмаров и мрачных дум. Отыскивая соответствующие мотивы у переводимых поэтов, Михаловский обратился к грустному теннисоновскому «In Memoriam» и осуществил переводы двух фрагментов цикла – XXVII стихотворения «I envy not in any moods...» («Я не завижду в любом состоянии души...») и LXVI стихотворения «When on my bed the moonlight falls...» («Когда на мою постель лунный свет падает...»).

В №12 журнала «Дело» за 1883 г. был напечатан осуществленный Михаловским перевод «Я не завижду рабам...» XXVII стихотворения теннисоновского цикла «In Memoriam». Первая строфа русской интерпретации близка оригиналу, хотя Теннисон, в отличие от Михаловского, более мягок в трактовке художественных деталей, говорит не о веселящемся в неволе рабе, а о «пленнике, лишенном прекрасной ярости» («the captive void of noble rage»), и при этом сопоставляет героя с коноплянкой, а не с птенцами: «I envy not in any moods / The captive void of noble rage, / The linnet born within the cage, / That never knew the summer woods» [10: 35] [Я не завижду в любом состоянии души / Пленнику, лишенному прекрасной ярости, / Коноплянке, рожденной в клетке, / Что никогда не знала летних лесов] – «Я не завижду рабам, / Которым весело в неволе. / И в клетке выросшим птенцам, / Что не летали в чистом поле» [11]. Как видим, в переводе символом вольной жизни становится бескрайнее «чистое поле», что соответствует традиции русского устного народного творчества, однако изменяет образную структуру оригинального текста, в котором, в духе традиций английских народных

баллад (в том числе и знаменитых произведений о Робин Гуде), вольность ассоциируется с «летними лесами» («summer woods»).

Теннисоновское стихотворение завершается фразой, ставшей крылатой: «'Tis better to have loved and lost / Than never to have loved at all» [10: 35] [Лучше любить и потерять, / Чем никогда не любить совсем]. Муки потерянной любви оказываются предпочтительнее душевного одиночества и в переводе Михаловского, однако последнему не удается лаконично передать мысль английского поэта о том, что именно в любви и состоит смысл человеческой жизни: «Нам тяжело милых хоронить, / Но эта горькая потеря / Гораздо лучше, чем прожить / Любви не зная, любви не веря...» [11].

В №29 журнала «Живописное обозрение» за 1886 г. был опубликован осуществленный Михаловским перевод «Когда постель мою луна...» LXVI стихотворения цикла «In Memoriam», пронизанного размышлениями о таинстве ночи, сне героя, прерываемом сначала лунным светом, а затем серым сумраком, поочередно вызывающими образ могилы любимого человека. Теннисон всячески акцентирует впечатление беспокойной ночи, говоря о двукратном пробуждении лирического героя под влиянием обстоятельств внешнего мира; в переводе Михаловского герой засыпает и просыпается с одним и тем же видением перед глазами: «Когда постель мою луна / В час тихой ночи озаряет / <...> / Когда свет лунный пропадет, / Проснусь я серою зарею» [12].

В журнале «Всемирная иллюстрация» (1892. – №16) увидел свет осуществленный Ф.А. Червинским перевод VII стихотворения «Dark house, by which once more I stand...» («Мрачный дом, у которого снова я стою...»). Характерное возведение дружбы на уровень культа, трепетные, страстные чувства к другу выражены Червинским намного отчетливее, нежели в английском оригинале. Теннисон подробно описывает «мрачный дом» («dark house»), принадлежавший умершему другу героя, «длинную некрасивую улицу» («long unlovely street»), на которой он расположен, однако при этом едва упоминает о волнении героя, сообщая о биении его сердца; Червинский, напротив, вскользь упоминая о доме («Мрачный дом...» [13]), раскрывает целую гамму чувств, пережитых когда-то лирическим героем – смущение, счастье, робость в ожидании и улыбки, и речей, и руки друга: «...О, как часто, смущеньем томим, / Я, счастливый и робкий, стоял перед ним, / Ожидая

улыбки и тихих речей, / И пожатыя руки трепетавшей твоей...» [13].

Говоря о потере друга, Теннисон ограничивался лаконичным и вместе с тем предельно емким «He is not here...» («Его нет здесь...»), констатируя, что повседневная жизнь потеряла яркость красок и прежнюю полноту смысла. В переводе Червинского возникали два мира – реальный («здесь») и потусторонний («там»), во многом противопоставленные друг другу, – если в реальном мире господствовали тоска, темнота, тяжкие мысли, то в потустороннем царила сама жизнь, ставшая для героя «белым призраком»: «Здесь не видно зари... здесь унынье и тень... / Здесь обрывки неясных мучительных дум... / Там, за мною, она, там движенье и шум, / Белым призраком там поднимается день...» [13]. Тем самым русский переводчик выражал одну из главных идей романтизма и во многом воспринявшего его традиции символизма – идею двоемирия, т. е. существования двух реальностей, каким-либо образом связанных между собой. Романтики воплощали эту мысль в соотношении «внешнего» и «внутреннего», «земного» и «небесного». Особенность символистского двоемирия состояла в отрицании метафизической границы между двумя реальностями и утверждении двух уровней мира – физического и психического. Червинский мог бы стать русским символистом, однако, рано прекратив занятия поэзией, остался в одном ряду со своим кумиром К.М. Фофановым, чье творчество 1880-х – середины 1890-х гг. явилось своеобразным переходом от традиционных форм к модернизму, противопоставило низкой действительности высокие идеалы, сочетало декларативность и живописную выразительность, намеренно нагнетало языковые и стилистические небрежности, воспринимавшиеся как проявления искренности. Известный литературный критик П.П. Перцов, сообщая о том, что самыми талантливыми из фофановцев «были Сафонов, Червинский и Шестаков», давал Червинскому как поэту и переводчику такую емкую характеристику: «Червинский может служить примером настоящего дарования, оставшегося почему-то на степени эмбриона <...>. В его стихах есть настоящая музыкальность...» [14].

На рубеже XIX – XX вв. О.Н. Чюмина также обратилась к поэтическому циклу «In Memoriam» и перевела из него V («I sometimes hold it half a sin...» («Я иногда понимаю как наполовину грех...»)), XXI («I sing to him that rests below...» («Я пою тому, кто покоится

внизу...»)), XLIX («Be near me when my light is low...» («Будь рядом со мной, когда мой свет гаснет...»)) и L («Do we indeed desire the dead...» («На самом ли деле мы желаем, чтобы умершие...»)) стихотворения, причем три перевода (V, XLIX, L) были помещены в 1901 г. в журнале «Мир божий», еще один (XXI) – в том же году в литературно-художественном сборнике «Васильки».

В переводе V стихотворения, известном по первой строке под названием «Мне кажется почти грехом...», Чюмина опускает теннисоновское сравнение человеческих слов, способных одновременно обнажать и скрывать душу, с Природой и вместе с тем подчеркивает невозможность посредством слова в полной мере раскрыть «печаль души» («Возможно выразить стихом / Печаль души лишь в половину» [15: 144]). Также опущено оригинальное сравнение сочинения стихов с «поражающими боль» («numbing pain») наркотиками, а оборот «heart and brain» («сердце и ум») удачно заменен лексемой «душа»: «Когда душа поражена – / Врачует боль размер певучий, / Невольно черпает она / Забвенье в музыке созвучий» [15: 144].

Известный под названием «Со мною будь в часы тоски...» перевод Чюминой XLIX стихотворения цикла «In Memoriam» близок английскому оригиналу, каждая из четырех строф которого начинается со слов «Be near me when...» («Будь рядом со мной, когда...»); Чюмина повторяет «Со мною будь в...» в начале первой и второй строф, однако в третьей и четвертой строфах ей представляется более уместной анафора «Будь здесь, когда...». При переводе словосочетания «the blood creeps» («кровь стынет, еле двигается») Чюмина существенно отклоняется от английского подлинника, передавая абсолютно противоположное состояние – «с силой кровь стучит в виски»: «Со мною будь в часы тоски, / Когда светильник догорает, / Биенье жизни замирает / И с силой кровь стучит в виски» [15: 144].

В переводе L стихотворения цикла «In Memoriam», известном по первому стиху как «Всегда ль мы искренно желаем...», Чюмина мастерски свела воедино два риторических вопроса, волнующих Теннисона: «Is there no baseness we would hide? / No inner vileness that we dread?» [10: 60] [Нет ли низости, что мы спрятали бы? / Нет внутренней подлости, что мы страшимся?] – «Ужель от них мы не скрываем / Душевной низости подчас?» [15: 145]. При интерпретации второй строфы переводчица размышляла лишь о «сиявшем

<...> одобрением» взоре ушедшего друга, полностью опуская теннисоновский стих, допуская возможность критики героя его другом: «I had such reverence for his blame» [10: 60] [У меня было такое уважение к его критике]. Теннисон, заведомо предполагая ответ, но не произнося его вслух, риторически вопрошает о возможности осуждения любви за «недостаток доверия» («want of faith»): «Shall love be blamed for want of faith?» [10: 60] [Следует ли любовь осуждать за недостаток доверия?]; в переводе Чюминой мысль выражена более определенно: «Любови прощаются сомненья» [15: 145].

В XXI стихотворении цикла «In Memoriam» «I sing to him that rests below...» («Я пою тому, кто покоится внизу...») Теннисоном были предложены три различных мнения относительно возможности воспевания поэтом утраченного: первая из позиций осуждала апелляцию к чувственной натуре человека, обнажавшую самые слабые и уязвимые места; вторая точка зрения акцентировала внимание на позерстве, выставлении напоказ чувств и переживаний, стремлении искусственно приобщиться к вечности и ее высоким ценностям; наконец, высказывалось мнение, что сожаление о былом подобно «печальной бесплодной песне» («sorrow's barren song») в условиях, когда мир политики и науки неизменно движется вперед. Во многом отвергая каждую из трех позиций, Теннисон принципиально утверждал, что воспевание боли от потери родных, печали по утраченным близким является одним из предназначений поэта, его человеческим долгом, при этом песня поэта сравнивалась в английском оригинале с песней коноплянки («linnets»); в русском переводе Чюминой значимая для теннисоновского текста анафора была утрачена, а образ поющей коноплянки заменен зябликом – символом тихих семейных радостей, скромной и размеренной жизни: «Ликует первый из певцов: / Его птенцы вокруг него; / Другой печален – оттого, / Что унесли его птенцов» [16].

Подводя итоги отметим, что переводы Д.Л. Михаловского из поэтического цикла Теннисона «In Memoriam» отличались ясностью и чистотой языка, экспрессивностью и изяществом, причем переводчику удалось избежать характерного для него во многих других случаях увеличения количества стихов. Вместе с тем, провозглашая свободу обращения с иноязычными подлинниками, Михаловский по сути создавал на основе стихотворений Теннисона свои собственные

оригинальные произведения, но при этом гипнотически заставлял читателя усматривать близость оригиналу даже в случаях кардинального отступления от него [см.: 17]. Выполненный Ф.А. Червинским перевод стихотворения «Dark house, by which once more I stand...» отличали гиперболизация культа дружбы и привнесение символистской идеи двоemiрия, в существенной мере трансформировавшей авторский замысел. Выполненные несколько позднее переводы О.Н. Чюминой характеризовались акцентированием внутренних душевных борений лирического героя, убежденного в неразрывности внутренней связи между прошлым, настоящим и будущим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ricks C. Tennyson. – London, 1972. – С. 34–37.
2. Федосеева Е.Н. Оппозиция «свой» – «чужие» в диалогах поэтов пушкинского круга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2008. – №3. – С. 187–193.
3. Батюшков К.Н. Стихотворения. – М., 1988. – С. 49.
4. Кружков Г.М. «Я слышу голос, говорящий в ветре!» Жизнь и поэзия Альфреда Теннисона // Tennyson A. The Lady of Shalott and Other Poems / Теннисон А. Волшебница Шалотт и другие стихотворения: [На англ. и рус. яз.]. – М., 2007. – С. 15.
5. Кружков Г., Лихачева С. Комментарии // Tennyson A. The Lady of Shalott and Other Poems / Теннисон А. Волшебница Шалотт и другие стихотворения: [На англ. и рус. яз.]. – М., 2007. – С. 382.
6. <Письма к Н.А. Некрасову: Письмо Д.Л. Михаловского Н.А. Некрасову от 18 марта 1866 г.> // Литературное наследство. – М., 1949. – Т. 51–52. – С. 395.
7. Лавренский М. [Михаловский Д.Л.] Шекспир в переводе г. Фета // Современник. – 1859. – №6. – С. 287.
8. Ачкасов А.В. Шекспир в переводах А.А. Фета // Русская литература. – 2003. – № 3. – С. 101.
9. Вейнберг П.И. Трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра» и «Ричард II» в переводах Д.Л. Михаловского // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. – 1890. – Т. LII. – № 6. – С. 36.
10. The Poetical Works of Alfred Tennyson. – Leipzig, 1860. – Vol. II. Здесь и далее статья цитируется с указанием страницы в квадратных скобках после номера ссылки.
11. Михаловский Д.Л. In Memoriam («Я не завидую рабам...») // Дело. – 1883. – №12. – С. 271.
12. Михаловский Д.Л. In Memoriam («Когда постель мою луна...») // Живописное обозрение. – 1886. – № 29. – С. 42.
13. Червинский Ф.А. «Мрачный дом... О, как часто, смущенным томим...» // Всемирная иллюстрация. – 1892. – Т. 48. – №16. – С. 294.
14. Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890–1902. – М.-Л., 1933. – С. 169.
15. Чюмина О.Н. In Memoriam (1. «Мне кажется поч-

- ти грехом...»; 2. «Со мною будь в часы тоски...»; 3. «Всегда ль мы искренно желаем...») // Мир божий. – 1901. – №8. – С. 144–145. Здесь и далее статья цитируется с указанием страницы в квадратных скобках после номера ссылки.
16. Чюмина О.Н. «Кто спит в земле – тому пою...» // Васильки: Литературно-художественный сборник. – СПб., 1901. – С. 414.
17. Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. – Л., 1985. – С. 253.

V. Chernin, D. Zhatkin

THE POETIC CYCLE OF ALFRED TENNYSON «IN MEMORIAM» IN EARLY RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE 19TH AND THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Abstract: The article presents the Russian translations analysis of separate poems which belong to the poetic cycle of Alfred Tennyson

«In Memoriam» accomplished by D. L. Mikhailovsky, F. A. Chervinsky and O. N. Chyumina in the 19th the beginning of the 20th century. Mikhailovsky translations represent themselves given theme variations served for expressing personal thoughts sentiments and emotions; the poem translation «Dark House, by which once more I stand...» by Chervinsky was defined by friendship cult exaggeration and importing of the idea, which transformed the author's conception of symbolic idea of two opposite worlds; Chyumina's translations were distinguished by most accuracy in the expressing of the author's idea and form, taking into account the peculiarities of English original poems and accentuating of the important artistic details.

Key words: English romanticism, international literary connections, artistic translation, literary tradition, reminiscence.

УДК 82-31

Шестопалова Г.А.

ГОГОЛЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА *

Аннотация: Статья написана в связи с 200-летием Н.В. Гоголя, посвящена вопросу, который имеет важное историко-литературное значение: определяется воздействие Гоголя на произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина. Сатирик преемственно развивает многие гоголевские типы, приемы поэтики, художественные структуры. Творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина способствовало увековечиванию достижений гения Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: традиция, архетип, фольклор, народность, демократизм, жанр, герой, образ, типология, развитие.

Творчество Николая Васильевича Гоголя (1809 – 1852) оказало решительное воздействие на литературную жизнь его эпохи, оно сформировало новый этап литературного процесса, ставший итогом всего десяти лет его писательства и названный в честь гения его именем – *гоголевский*.

Гоголевская школа в литературном процессе своим поступательным движением – восхождением к вершинам реализма будет охватывать преимущественно 1840-е годы, возбуждая интерес писательской плеяды к

«тесному сочетанию искусства с жизнью». В момент становления литературного течения Н.В. Гоголю всего 30 лет, Н.В. Гоголь стал в литературном движении отцом *натуральной школы*, ранней ветви реалистического метода, сплотившей вокруг его имени большую группу писателей, наделенных незаурядными литературными дарованиями и сильной творческой волей: Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, И.А. Гончарова, А.И. Герцена, Д.В. Григоровича, В.И. Даля (Луганского), И.И. Панаева, В.А. Соллогуба, Я.П. Буткова, И.Т. Кокорева, А.Ф. Вельтмана, А.В. Дружинина, А.Н. Плещеева и др.

Вступление Гоголя в литературный процесс имело настоящий и прочный успех. А.С. Пушкин в своем журнале «Современник» в 1836 году (книга I) публикует рецензию, открывающуюся словами: «Читатели наши, конечно, помнят впечатление, произведенное над ними появлением вечеров на хуторе»: все обрадовались (...). В.Г. Белинский восхищается ими: «Повести г. Гоголя народны в высочайшей степени (...)».

Процесс воздействия Гоголя на литера-

* Г.А. Шестопалова

турный процесс не прекратился с уходом его из жизни. Гоголь сохраняет влияние на творческие индивидуальности и в нашей современности.

Определив главенствующую роль Гоголя в формировании литературного направления, необходимо выявить особенности эстетики корифея, так как без развитого эстетического учения не может образовываться течение в литературе.

В.Г. Белинский в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835) изучает эстетику творчества Н.В. Гоголя и главные ее особенности определяет следующим образом:

«Отличительный характер повестей г. Гоголя составляет – простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Причина всех этих качеств заключается в одном источнике: г. Гоголь-поэт, поэт жизни действительной».

Проблема разработки эстетического учения г. Гоголя станет центральной в статьях Белинского о Гоголе и годовых обзорах, так как учение о натуральной школе составляет учение о гоголевских традициях. Великий критик и теоретик литература признает Гоголя первым писателем по значению в литературном процессе, возводит его творчество в систему критериев лучшего, истинного, талантливости. В.Г. Белинский в литературном процессе гоголевского направления занимает место рядом с Гоголем, он становится идеологом я теоретиком движения.

Таким образом идейные унаследования и теоретические открытия Н.В. Гоголя нашли уже при его жизни критика, который мог способствовать воплощению эстетики творчества гения, участвовать в организации процесса, в придании ему целостности, стремительности, даже материальных обоснований, обеспечив публикацию произведений в наиболее демократических журналах: «Современник» и «Отечественные записки», в альманахах: «Физиология Петербурга» (1845), «Петербургский сборник» (в 2 кн.; 1846), «Первое апреля» (1847).

Первые выступления в печати М.Е. Салтыкова-Щедрина (1826-1889) с повестями «Противоречия» (1847) и «Запутанное дело» (1848) происходят в журнале «Отечественные записки». В это время гоголевское направление переживало кульминационный момент своего развития. К этому времени достижения русской прозы, испытывающей пристальный интерес к действительности,

уже были обобщены в трудах В.Г. Белинского. Все достижения гоголевского направления были сконцентрированы в произведениях Ф.М. Достоевского, А.И. Герцена, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, А.Н. Островского и др.

Гуманизм натуральной школы проявился в борьбе за утверждение личностного достоинства *маленького человека*, мелкого чиновника или крестьянина; в борьбе за выявление самосознания у героя толпы. Основными эстетическими формами освоения действительности писателями критик считал анализ общества и суждение. В соответствии с новыми эстетическими запросами времени, указавшего после победы над французами на национальный типизм и народность, изменились герои литературных произведений. В литературу вошли и прочно заявили о себе как о людях, заслуживающих сочувствия и внимания, Акакий Акакиевич Башмачкин, а вслед за ним – Макар Девушкин, Нагибин, Иван Самойлыч Мичулин.

Эстетика Н.В. Гоголя определяет творчество Ф.М. Достоевского, взаимодействует с эстетикой творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина, отзываясь в каждом произведении сатирика.

М.Е. Салтыков-Щедрин во всех своих произведениях обращается к творчеству Гоголя, к упоминанию его имени, его произведений, к цитированию и реминисценциям, к употреблению нарицательных образов-типов, к инновациям гоголевских образов и характеристик, к использованию сюжетно-композиционных приемов, упрочение которых в литературном процессе связано с именем Гоголя, к художественным деталям, публицистическим и лирическим отступлениям, к теории общественных жанров, к пониманию того, «сколько энергии может быть в чине» и т.д.

При этом глубина гоголевских открытий и традиционное воплощение взаимодействия возрастает к 1860-м годам.

Есть факты очевидной переклички: поэма Гоголя «Мертвые души» (1842) воздействует на замысел Салтыкова-Щедрина «Книги об умирающих», проявляется в изображении «Иудушкина гнезда» в романе «Господа Головлевы» (1879), а появление публицистического цикла «Мелочи жизни» (1887) навеяно гоголевским образом из «Мертвых душ».

Многомерность и кажущаяся антиномичность творчества Гоголя заставляет думать о том, какие особенности его поэтики,

какие функции методологии, какой творческий этап воплощается в традиционном восприятии других талантов. При изучении параллели с реализмом Ф.М. Достоевского было бы необходимо обратиться к духовной прозе, к «Выбранным местам из переписки с друзьями» (1847), к «Авторской исповеди» (1847), к «Размышлениям о Божественной Литургии» (1843-44), то есть включить в обзор последний период жизни и творчества, период религиозных исканий.

Изучение традиций творчества Н.В. Гоголя в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина ведется, в первую очередь, на демократическом уровне. Истоки демократизма этих писателей кроются в их великой любви ко всей Руси, ко всему Отечеству. Такая любовь будет звать Гоголя в этом романе («Мертвые души». – Г.Ш.) показать хотя с одного боку всю Русь») из письма к А.С. Пушкину от 7 октября 1835 г.), эти же эпические тенденции имеет и творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Салтыков-Щедрин активно воспринимает демократические тенденции творчества Гоголя, проявившиеся в богатстве использования фольклора, в народной комедиографии сатиры и новаторских решений, связанных с ее воплощением, в антикрепостническом пафосе его произведений, в критике общества, в обличении власти имущих.

Особенности отношения Гоголя к фольклору определяла географическая близость Малороссии, места, где он родился и вырос, к древним мифологическим очагам в Европе. Об этом Гоголь пишет в статье «О малороссийских песнях»: «(...) самые обыкновенные предметы в песнях их облачаются невыразимое поэзией, чему еще более помогают остатки обрядов древней славянской мифологии, которые они покоряли христианству. Часто тоскующая дева умоляет Бога, чтобы он зажег ей на небе восковую свечку, пока ее милый перебредет через реку Дунай. На всем печать чистого первоначального младенчества, стало быть и высокой поэзии».

Древнейшие мифологические архетипы в поэтике раннего, романтического творчества Гоголя составляют естественную стихию бытия «племени поющего и пляшущего (...), веселости, простодушной и вместе лукавой».

Ликующий дух народности впервые восторженно прошелся по селам и ярмаркам, хуторам и стилям, предстал перед императрицей, достиг высот небесных сводов. Ощущение пространства как сферы действия становится безграничным, всеобщим, косми-

ческим. То же самое можно сказать и о времени действия произведений. Их контекст часто уходит в глубь веков. Действие сдвигается в прошлое. Хронотоп древнейшего мира, архаической культуры и современности концептно выражен в сиюминутности большого временного пространства. Это подчеркивает динамику жизненных черт сущего.

В дебютном цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасишником Рудым Паньком» (1830, 1832) Гоголь описывает вершинные праздники зимнего и летнего циклов, в народной последовательности, подчеркивая эклектизм обрядового действия, то, что в христианском мире народ не утратил интереса к обычаям языческого общества.

Предки Гоголя были духовного звания и носили фамилию Яновских, то есть Иоановских, от имени Иоанн, в религиозных родах восходящего нередко к имени Иоанна Предтечи Крестителя, мученика, Святого. Архетип в повести «Вечер накануне Ивана Купала» таким образом касается рядового комплекса Гоголя и восходит к Иоанну Крестителю. Почитание святого происходит день в день с народным праздником языческого мира Купалы. Движение архетипов в поэтике Гоголя необычно выражено, многомерно осознано. Видение мученичества Иоанна вспоминает Гоголь в художественном действии повести, образ, созданный им к разработке сюжета указывает на силу христианства, воздействующую решительно на обрядовую поэтику Купалы. По смыканию, объединению архетипических структур Гоголь в литературе не знает равных себе, он уникален.

Архетипы света и тьмы; добра и зла, священных даров приведены в движение в такой музыкальной разработке темы в повести «Ночь перед рождеством».

Высокий этнографизм и необыкновенная плотность фольклорных жанров позволяет учитывать ранние циклы «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» в ряду коллекционно значимых произведений, которые богато иллюстрируют вузовские курсы русского фольклора.

Своим творчеством Гоголь сумел выразить движение культурных сфер: древнейшая явилась подготовкой человечества ко встрече с Великим, а поэтому и древнейшее нельзя сбрасывать со счетов исторического действия, оно глубоко укоренилось в народе.

В повести народнопоэтическая стихия выражает свои чаяния и надежды, связанные с праздником Рождества. Народ жаждет чуда,

которое поможет ему в выборе жизненных обстоятельств, способствующих продолжению рода. Гоголь высоко возносит идейную ценность святочного рассказа – он показывает ожидание чуда, воплощение чудесного, приближение заветной цели.

Народность в повести достигает своего апогея и сияет, как звезда Вифлеемская. В повести отмечается что в момент рождественских праздников народность является всеохватывающей стихией: она вникает в другие сословия, возносится к царскому престолу, завоевывает дары под стать магическим Дарам древних пророков, Каспара, Мельхиора и Вальтасара, которыми они отметили Рождение Христа у Марии в пещере.

Важным в повести является то, что своей магической силы действие не утратило по прошествии восемнадцати веков, в XIX столетии старинный библейский сюжет включается в символическое действие, проступает сквозь текст, обращает к своим великим тайнам, так необходимым для всех людей, стремящихся сохранить свой гуманистический облик. Духовная миссия Рождества правильно воспринята Гоголем и мощно художественно воплощена.

Через несколько десятилетий два писателя-мудреца, Ф.М. Достоевский и М.Е. Салтыков-Щедрин, составившие антиномию в своей журнальной полемике по вопросам текущей действительности, озадачили читателей (в том числе и XXI века) странными финалами своих святочных рассказов: «Мальчик у Христа на елке» – Достоевский; «Рождественская сказка» – Салтыков-Щедрин, – дети, мальчик и Сережа Русланцев, были призваны Бегом. Финалы рассказов оставляют тревожное чувство.

В «Рождественской сказке» Салтыков-Щедрин поднимает проблемы своего времени, создает гимн Правде: «Правда извечна. Она прежде всех век восседала с Христом-человеколюбом одесную отца, вместе с ним воплотилась и возглагола на земле свой святоч» (16-1: 218). Служение Богу для Салтыкова-Щедрина – это служение Правде, Истине. Писатель подчеркивает человеколюбивые достижения религии. Он размышляет: «В чем заключается Правда, о которой я беседую с вами?» На этот вопрос отвечает нам евангельская заповедь. Прежде всего, люби Бога, и затем люби ближнего, как самого себя. Заповедь эта несмотря на свою краткость, заключает в себе мудрость, весь смысл человеческой жизни» (16-1: 219). По мнению Салтыкова-Щедрина, важной проблемой становилась пробле-

ма подготовки нового поколения, способного вместить в свою душу правду, служить истине и ощущать приток жизненных сил от радости этой осознанной деятельности.

Архетипы в поэтике Салтыкова-Щедрина будут ярко выявлены в художественном цикле «Сказки», включающем 32 сюжета. Однако гоголевской «премудрости» они лишены. Творчеством Салтыкова-Щедрина о себе заявила новая эпоха. Архетипизм сказок сатирика – это прием сближения с народом, поиски путей к тому, чтобы быть понятым простыми людьми.

Обращение к обрядам в художественно-публицистическом цикле «В среду умеренности и аккуратности» лишено романтической приподнятости, но констатирует жестокую правду о закабаленности народа:

« – Расскажи ты, мне, какие тут у вас есть нравы и обычаи?

– Каким у нас, кормилец, обычаем быть? Известно, летом работаем, весною работаем, осенью работаем, зимой работаем – вот и все наши обычаи здешние!» (12: 235).

Эстетика гоголевского направления и синхронных работ Салтыкова наиболее полно выявлена в повести «Запутанное дело». Образ главного героя Ивана Самойлыча Мичулина по своему социальному положению близок к Акакий Акакиевичу Башмачкину, бедному – чиновнику из повести Н.В. Гоголя «Шинель», к Макару Девушкину, бедному чиновнику из романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» (1846). Они одного социального круга. Однако положение провинциала в Петербурге Ивана Самойлыча Мичулина гораздо более тяжелое в силу того, что он не нашел себе работы, несмотря на все свои усилия. Безмолвному бедствованию Башмачкина, индивидуалистическому ропоту Девушкина Мичулин противопоставляет свою гражданскую смелость и желание выступать от всего обездоленного сословия бедняков. Непримируемость к несправедливости законов действительности выливается у Мичулина в открытый и гневный бунт против существующего в России классового неравенства, против всей крепостнической системы. Личная неудовлетворенность героя его общественным положением перерастает в политическое выступление, в бунт. По сравнению с другими героями литературы 1840-х годов идеи свободолюбия получили свое наивысшее развитие в образе Мичулина.

Салтыков-Щедрин своему «маленькому человеку» Ивану Самойлычу Мичулину поручал произвести суд над действительностью и

примером своей личной трагической судьбы доказать несостоятельность существующей в России социальной системы. Это ставит произведение сатирика по его идеологическому звучанию выше других произведений натуральной школы.

С точки зрения отношения к гоголевским традициям здесь очевидно указание на то, что в развитии русской сатиры Салтыков-Щедрин займет место вслед за Гоголем, став лучшим сатириком второй половины XIX века» значительно обогатив и преумножив достижения сатирического реализма.

Главным итогом творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина 1850-х годов были «Губернские очерки», включившие мрачный опыт Вятской ссылки и ревизских поездок Салтыкова; по мнению критика Н.Г. Чернышевского книга указывает на писателя, идущего по пути, проложенному Гоголем».

Вопрос о гоголевских традициях в произведениях Салтыкова-Щедрина потому отличается принципиальной важностью, что открывает путь к обоснованию первенства в ряду писателей обличительного направления, которое будет принадлежать сатирику с 1860-х годов. Ф.М. Достоевский в статье «Г-н Бов и вопрос об искусстве» (1861) утверждает: «г-н Щедрин, рождоначальник обличительной литературы».

Развитие русской сатиры в 1860-е годы достигло высшей степени своего расцвета в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина. В мастерстве гротескной типизации Н.В. Гоголь – прямой предшественник сатирика, его художественные системы значительно усовершенствовал и обогатил Салтыков-Щедрин.

Сатира как жанр в «Истории одного города» выступает новаторски переосмысленной Салтыковым-Щедринным в стремлении достичь высшей степени свободы в общении с художественной формой. «Вообще, я выработал себе такое убеждение, что никакою формой стесняться не следует, и заметил, что в сатире это не только не безобразие, но иногда даже не безэффектно!» (8: 456).

Жанровая специфика сатиры предусматривает художественный синтез форм и средств, подчиненный идее обличительного повествования. Представление о синтезе художественных средств поддерживает и проблема авторства, имеющего коллективный характер: «И еще скажу: летопись сию преемственно слагали четыре архивариуса: Мишка Тряпичкин, да Мишка Тряпичкин другой, да Митька Смирномордов, да я,

смирный Павлушка, Маслобойников сын» (8: 269). Условное авторство наивных летописцев-обывателей открыло возможность для Салтыкова-Щедрина наполнить политическую сатиру живой стихией языка народа и образностью, составляющей особенность фольклора. Преемственность по отношению к Гоголю подчеркивается инновированным образом летописца Тряпичкина («Экое дурачье! напишу-ка я обо всем в Петербург к Тряпичкину»). Социальные корни сатиры Салтыкова-Щедрина становятся очень глубокими. Гоголевский образ городничего Антона Антоновича Сквозник-Духмановского, Салтыков-Щедрин смог развить в целую галерею сатирических типов. Мир правителей – градоначальников – предстает в системе гротескных шедевров: Дементий Варламович Брудастый – Органчик (то есть в прямом смысле слова имел в голове механизм, напоминающий устройство и способный изречь лишь несколько фраз); полковник (майор) Прыщ – градоначальник с фаршированной головой; Маркиз де Санглот (от французского «санкюлот», бесштанник) летал по воздуху; Фердыщенко совершал «фантастические путешествия», не выезжая из своего города; Угрюм-Бурчеев – «чистейших тип идиота» (8: 399). Развенчание политической власти, общественного уклада жизни и детерминированной ими политической деятельности людей придает произведению действенную социальную остроту, позволяя уточнить видовую специфику жанра – политическая сатира.

Как видим, гоголевские тенденции активно развиваются. Комедиография Гоголя создает предпосылки для развития общественных жанров. Разработка общественных жанров осуществляется Салтыковым-Щедринным наиболее подробно по сравнению с другими реалистами в теоретическом аспекте. В художественно-публицистическом цикле «Господа ташкентцы» (1873) Салтыков-Щедрин делает важные в теоретическом отношении научные обобщения, касающиеся генезиса жанра романа, при этом он ссылается на Гоголя:

«(...) В этом случае я могу сослаться на величайшего их русских художников, Гоголя, который давно провидел, что роману предстоит выйти из рамок семейственности.

Роман современного человека разрешается на улице, в публичном месте – везде, только не дома; и при том разрешается самым разнообразным образом. Вы видите: драма начиналась среди уютной обстановки семей-

ства, а кончилась бог знает где; началась поцелуями двух любящих сердец, а кончилась получением прекрасного места, Сибирью и т.п. (...) Проследить эту неожиданность так, чтобы она перестала быть неожиданностью, – вот, по моему мнению, задача, которая предстоит гениальному писателю, имеющему создать новый роман.

Само собою разумеется, что я не пытаюсь даже подойти к подобной задаче; я осознаю, что она мне не по силам. Но так как я все-таки понимаю ее довольно ясно, то беру на себя роль собирателя материалов для нее. есть типы, которые объяснить не бесполезно, в особенности в тех влияниях, которые они имеют на современность» (10: 33-34).

Теория общественных жанров перспективно и научно развивается Салтыковым-Щедриным в соосветствии с теми предпосылками, которые были намечены Гоголем.

Галерея помещиков-самодуров в произведениях Салтыкова-Щедрина продолжает ряд гоголевских образов, представленных в художественной типизации образами Малинова, Ноздрева, Коробочки, Собакевича (из «Мертвых душ»), Добчинского и Бобчинского (из «Ревизора») и др. Обличение помещиков в произведениях Салтыкова-Щедрина 1870-1880-х годов пополняет галерею образов Гоголя новыми нарицательными типами. В романе «Господа Головлевы» это Порфирий Владимирович Головлев, Иудушка-кровопивушка, а его мир – «иудушкино гнездо»; в романе-хронике «Пошехонская старина» (1889) – помещица Анна Павловна Затрапезная; тетька Анфиса Порфирьевна, «Фиска-змея». Достижениями обличительного искусства сатиры Салтыкова-Щедрина стала новая галерея типов: Разуваева, Колупаева, Дерунова, Головлевых, Затрапезных и т.д.

Диалектический мир творчества Н.В. Гоголя, сила его одухотворенного искусства, художественный артистизм способствовали укреплению самобытного таланта М.Е. Салтыкова-Щедрина, сатирика по призванию его литературной судьбы.

Н.В. Гоголь и М.Е. Салтыков-Щедрин способствовали пробуждению писательских дарований М. Булгакова, Вл. Маяковского, М. Шолохова, Вл. Орлова, Б. Акунина, В. Пелевина и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белинский В.Г. Сбор. соч.: В 9 т. – М., 1976, т. 1. – С. 116.
2. Пушкин А.С. Сбор. соч.: В 10 т. – Л., 1978, т. 7. – С. 237.
3. Белинский В.Г. Сбор. соч.: В 9 т. – М., 1976, т. 1. –

С. 116.

4. Там же. С. 172.

5. Гоголь Н.В. Сбор. соч.: В 7 т. – М., 1978, т. 6. – С. 106.
6. Пушкин А.С. Сбор. соч.: В 10 т. – Л., 1978, т. 7. – С. 237.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Сбор. соч.: В 20 т. – М., 1965-1977, т. 1-20. Ссылки даются вслед за цитатами в тексте с указанием тома и страниц.
8. Впервые: «Отечественные записки», 1848, №3, отд. 1. Подпись «М.С.»
9. Чернышевский Н.Г. «Губернские очерки». Из записок надворного советника Щедрина. Собрал и издал М.Е. Салтыков. Два тома. Москва. 1857. // Русская литература XIX века. 1870-1890-е годы. Воспоминания. Литературно-критические статьи. Письма. – М., 2005. – С. 181.
10. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л., 1978, т. 18. – С. 79.
11. Гоголь Н.В. Сбор. соч.: В 5 т. – М., 1961, т. 4. – С. 83-84.

G. Shestopalova

N. GOGOL'S TRADITION LITERARY WORDS BY M. SALTNIKOV-SCHEDRIN

Abstract: The article is written in connection with bicentennial of N. Gogol and is dedicated to the issue, which is of major historical and literary value: determined by the impact on the works of Gogol M.E. Saltykov-Shchedrin. Satirist continuity Gogol develops many types, methods of poetics and artistic structure. Creativity ME Saltykov-Shchedrin helped perpetuate the achievements of genius, NV Gogol.

Key words: tradition, archetype, folklore, nationality, democracy, genre, character, typology, development.

Публикации аспирантов

УДК: 821.161.1

Ермошин Ф.А.

РЕЦЕПТИВНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: (К ПРОБЛЕМЕ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ» ОТНОШЕНИЙ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ)*

Аннотация: Работа посвящена проблеме отношений автора и читателя в «полифоническом романе» Достоевского (по терминологии М.М. Бахтина). Анализируется поэтика включения в текст различных, иногда противоборствующих идеологий, характерная для Достоевского. Этот творческий метод рассматривается как осознанная стратегия, нацеленная на привлечение различных в идеологическом плане читательских аудиторий.

Ключевые слова: Бахтин, Достоевский, автор, читатель, новая экономическая критика, полифония, диалогизм, рецептивная эстетика, рецепция, аксеология, реципиент.

Практически в каждой из заметных современных полемик по проблемам изучения творчества Ф.М. Достоевского неизбежна ссылка на классическую работу М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» (1929; 1963) [Бахтин М.М. 1979], где в литературоведческий обиход были введены такие термины, как «полифония» и «диалогизм». Под «полифонией» понимается представленная в романах Достоевского «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» героев [Бахтин М.М. 1979: 6]. По мнению Бахтина, это такой принцип построения текста, при котором авторский «голос» является лишь одним из голосов, существующих наравне с другими голосами персонажей, в отличие от традиционного для XIX века «монологического романа», где герои в творческом замысле художника лишь «объекты авторского слова» [Бахтин М.М. 1979: 7].

По мнению одного из исследователей, «диалогизм» в широком смысле – «постоянная оглядка на чужое слово и постоянный учет его смысла» [Евлампиев И.И.]. В совре-

менном литературоведении разработка принципов «диалогизма» с точки зрения рецептивной эстетики получила развитие в трудах Х.Р. Яусса и В. Изера [Яусс Х.Р.; Изер В.]. Смысл произведения осознается в данном случае как результат взаимодействия опыта читателя (реципиента) и автора.

Концепции «полифонии» и «диалогизма» как коренных черт поэтики Достоевского породили многочисленные научные споры. Сущность одного из них состоит в том, какова же роль автора (и «авторской воли»), с одной стороны, и читателя (реципиента), с другой, в «многоголосом» тексте? Если до конца следовать концепции Бахтина, в романах Достоевского автор, предоставляя героям своего рода свободную площадку для высказываний и действий, сам должен как бы «самоустраниться».

В связи с этим некоторые исследователи ставят под сомнение саму «целостность» произведений Достоевского. Наиболее радикальное прочтение романа «Идиот» (1868) в этом ключе предложил Гэри Сол Морсон [Морсон Г.С. 2001]: «Необычная тревожность этого романа отражает тот факт, что неуверенность здесь не придуманная, но настоящая: автор в той же степени не уверен, что случится с его героями, как и они сами, и читатель чувствует, что позиции, где знание превышало бы его собственное, попросту нет» [Морсон Г.С. 2001: 17].

В настоящей статье мы хотели бы предложить ещё один взгляд на «полифонический роман» сквозь призму «отношений» автора и читателя в нем. Письма Достоевского свидетельствуют, что читатель в творческом сознании писателя был своего рода «**экономической**» категорией. О теоретических предпосылках такого подхода см. [New Economic Criticism 1999; Гронас М. 2002]. На протяжении значительной части своей твор-

* © Ермошин Ф.А.

ческой биографии Достоевский напрямую соотносил «успешность» романа с финансовым успехом того или иного текста. Рецепция, т.е. читательское восприятие, не могло не волновать писателя. Этому способствовали и условия литературной ситуации, когда литературный гонорар в России впервые стал формой взаимосвязи писателей и публики [См. соотв. главу в кн.: Рейтблат А. 1991].

В целом, ориентировка на читательский «спрос» была характерна для творческого сознания многих литераторов эпохи 50-70-х гг. XIX в. – эпохи нарождающегося капитализма в России. В это время появился тип художника, живущего исключительно творческим трудом, для которого желание «предвосхитить», предугадать восприятие текста-продукта «публикой» стало естественным. Характерно в этом смысле высказывание Н.С. Лескова: «...Но ведь я *работник* и составляю то, что спрашивается и за что мне платят» [Цит. по: Зыкова Г.В. 2005: 47].

Литература в России в этот период впервые оформилась как «профессия». По замечанию В. Живова, «появление профессионального статуса литератора [в России. – Ф.Е.] датируется 1820-ми годами... позднее, в середине XIX в., на этой основе образуются корпоративные институты писателей и литературная деятельность становится профессией в полном объеме этого понятия» [Живов В.М. 1997: 24]. Таким образом, «экономическое» мышление, когда центром бытования текста, своего рода литературным «рынком», постепенно стал журнал, стремительно распространилось в писательских кругах. Вс. Соловьёв в «Русском мире» за 1876 год констатировал: «Большинство наших литературных представителей из русских писателей превратилось в писателей известных журналов. Журналы стянули к себе все силы. Вне журналов писательская деятельность представляется невозможной» [Цит. по: Волгин И. 1982: 24].

Понимание текста как «диалога» или даже «торга» с читателем чрезвычайно характерно и для Достоевского: эмпирический автор зачастую «вкладывает в уста» своим рассказчикам реплики, выдающие заинтересованность читательской реакцией. Об этом пишет, например, В. Шмид [Шмид В. 2003] с опорой на Бахтина: «Нет другого такого автора в русской литературе, у которого нарратор [т.е. фиктивный читатель. – Ф.Е.] играл бы столь активную роль, как Достоевский. В “Записках из подполья”, в “Подростке” и в “Кроткой” нарратор [повествователь. – Ф.Е.] каждое слово высказывает с “оглядкой на

чужое слово”, т.е. с установкой на активного нарратора. Нарратор, ищущий признания со стороны своего слушателя или читателя, оставляет в тексте различные признаки апелляции... и ориентировки: он желает произвести на читателя или слушателя положительное или отрицательное впечатление... учитывает его реакции... предугадывает критические реплики... предвосхищает их» [Шмид В. 2003: 101-102].

В романе Достоевского «Подросток» (1875) тоже явлен тип рассказчика-героя, который постоянно «помнит» о читателе. «Тем только себя извиняю, что не для того пишу, для чего все пишут, то есть не для похвал читателя. <...> Я – не литератор, литератором быть не хочу и тащить внутренность души моей и красивое описание чувств на их литературный рынок почёл бы неприличием и подлостью» [Цит. по: Шмид В. 2003: 103]. Идею «финансовой выгоды» он отвергает как презренную, но не свободен от дихотомии: «выгодное» – «бескорыстное» при создании текста.

Известно, что Достоевский в идеологическом смысле был достаточно подвижен, менял убеждения: не только перешёл от радикально-фурьеристской идеологии в начале своего творческого пути к «почвенничеству» в конце, но и на протяжении всей жизни примыкал к журналам различных позиций и работал для них. Например, читатель «Русского вестника» времен, когда Достоевский активно в нем печатался, – это, в первую очередь, консерватор, приверженец «правых» взглядов. То же относится и к «Гражданину» князя В.П. Мещерского (год редакторства Достоевского: 1873) – с его ещё более усиленной «охранительностью», консервативным комплексом воззрений. Мещерского как противника любых реформ называли «князем-точкой». (Подробнее об идеологии «правых» в эту эпоху см. [Макеев М.С. 1999, гл. 10, 11, 12]).

Однако после освобождения от редакторской работы следующий роман Достоевского, «Подросток», был напечатан в радикальных «Отечественных записках» – резкая перемена. Здесь судьбу публикации определил исключительно экономический фактор: Н.А. Некрасов заплатил Достоевскому больше, чем М.Н. Катков. Но идеологически подобный ход кажется очень неожиданным, ведь, по воспоминаниям жены писателя, А.Г. Достоевской, «“Отечественные записки” были журналом противоположного лагеря и ещё так недавно... вели с ним [Достоевским.

– Ф.Е.] ожесточенную борьбу» [Достоевская А.Г. 1987: 288].

Как разрешить это противоречие творческого пути Достоевского? На наш взгляд, творческий метод «полифонического романа», разработанный писателем, намеренно апеллирует к самым различным идеологическим группам читателей в пределах одного текста. Автор осознанно задает в таком тексте целый спектр позиций, и оказывается в какой-то мере свободным от «монологической» позиции издания, в котором этот текст публикуется – тем самым достигая большего «идеологического охвата» аудитории.

На наш взгляд, в немалой степени, этот художественный метод был сформирован в результате интенсивной работы Достоевского в различных журналах.

Журнальная практика печатания романов, как правило, состояла в том, что текст публиковался небольшими порциями, частями. В связи с этим использовались различные средства удержания читательского внимания. В том числе, отсюда в романах Достоевского элементы «сериальности», на которые указывают некоторые исследователи [Тодд У.М. III 2002: 39; Moser С.А. 1982: 31].

«Многоголосая» структура произведений Достоевского, на наш взгляд, тесно связана с формой журнальной публикации и присущим ей набором приемов, специфичных для поэтики журнала рассматриваемой эпохи. Среди них можно назвать скрытую провокацию, столкновение идеологий в пределах печатного целого для имитации «спора», использование специальных риторических фигур, когда автор словно бросает читателю «вызов» и т.п.

Излюбленный принцип Достоевского, «pro et contra», – столкновения идеологий – это во многом принцип журнальной полемики. Фельетонная авторская «маска» в журнале точно так же может не совпадать с «мнением автора», как и одна статья – с векторной идеологией всего журнального номера. Журналам 1850-1870-х гг. зачастую присуща «непоследовательность» позиции в риторических целях. По замечанию Г.В. Зыковой, «несмотря на требование идейного единства, само существование в журнале различных рубрик предполагало в качестве важного конструктивного принципа сосуществование различных стилей и точек зрения. Единство номера может быть обеспечено лейтмотивными темами, а не только единством позиции всех авторов» [Зыкова Г.В. 2005: 108].

Для Достоевского публикация отде-

льной части художественного текста, в пределах которой происходит развертывание одной идеологии, а в следующей она же может быть опровергнута или сильно потеснена другой – становилась таким же «журнальным» приемом, и одновременно смелым художественным поступком. Часть романа, опубликованного в отдельном выпуске, предстает, в терминах Бахтина, своеобразным «речевым жанром» [Бахтин М.М., Проблема речевых жанров 1979], таким же, как и любое другое высказывание на страницах журнала, как и любая другая «статья».

В целом, данная стратегия была успешной – начиная с середины 70-х гг. Достоевский бесспорно стал одним из ведущих писателей, а планка его литературных гонораров значительно поднялась [см. Тодд У.М. III 2002: 37, 39]. В то же время в случае Достоевского мнимая «непоследовательность» позиции автора не раз становилась причиной «коммуникативных провалов» между автором и аудиторией.

Это случилось, например, в процессе журнальной жизни «Записок из Подполья» (1864), когда проблемы с цензурой были вызваны трудностями рецепции авторской стратегии «утверждения через отрицание». Непонимание, «на чьей стороне автор», ставило в тупик многих современных писателю критиков. Как пишут исследователи, «новая художественная структура “Записок из подполья” была столь необычна, что даже искушенные в вопросах литературы современники не сразу поняли её суть и пытались отождествлять идеологию “подпольного” человека с мировосприятием автора. <...> Творческие трудности усугублялись ещё и цензурными искажениями текста, разрушавшими внутреннюю логику повествования. Так, получив первый двойной номер “Эпохи”, где было напечатано “Подполье”, и обнаружив там... вмешательство цензора, Достоевский писал 26 марта 1864 г. брату: “<...> Свиньи цензора, там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал *для виду*, – то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры и Христа, – то запрещено...” [Архипова А.В.; Буданова Н.Ф.; Кийко В.А. 1989: 764-765].

Подобные же затруднения в восприятии читательской аудитории возникали и по поводу последнего романа писателя, «Братьев Карамазовых» (1880), хотя и в меньшей мере. Исследователь У. Тодд по поводу части романа «Pro et contra» пишет, что «из спора с Любимовым и Катковым, а также с могущественным Победоносцевым Достоевский

вышел победителем, одолев редакцию и цензуру, и ему оставалось беспокоиться лишь о том, не будет ли дерзкая «Легенда о Великом Инквизиторе» истолкована читателями — в общем контексте романа либо сама по себе — как сокрушительное опровержение убеждений самого писателя» [Тодд У.М. III, 2002, 39].

Как видим, писатель, печатающийся в журнале и рассчитывающий на успех, вынужден принимать во внимание мнение подписчиков, представлять себе возможную целевую аудиторию, в тех условиях, когда ему приходится жить исключительно литературным трудом. Перед автором встает необходимость моделирования читательской рецепции, учета как можно большего количества читательских реакций и мнений одновременно, в пределах одного текста. Полагаем, что в том числе этой цели следовал Достоевский, создавая уникальную поэтику «полифонического романа».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Архипова А.В.; Буданова Н.Ф.; Кийко В.А. Примечания // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 тт. Л., 1989. — Т. 4. — С. 723-782.
- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.: «Искусство», 1979. С. 237-245.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1979. — 320 с.
- Волгин И. Достоевский-журналист («Дневник писателя и русская общественность»). — М., 1982.
- Гронас М. Вступительная заметка [о «новой экономической критике» как направлении в гуманитарной науке] // Новое Литературное Обозрение. — № 58. — 2002. — С. 7-14. [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/gron.html>
- Достоевская А.Г. Воспоминания / Вступ. Статья, подгот. текста и примеч. С.В. Белова и В.А. Туниманова. — М., 1987.
- Евлампиев И. И. Диалогизм или полифония? (Одно из противоречий подхода Бахтина к творчеству Достоевского) // [Электронный ресурс]: http://anthropology.rchgi.spb.ru/dostoev/dostoevsk_i1.htm
- Ермошин Ф.А. К проблеме «экономических» предпосылок «полифонического романа» Ф.М. Достоевского / Дипломная работа, каф. истории русс. лит. Филологический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 2006. — 77 с. [Электронный ресурс]: http://fedor-ermoshin.narod.ru/lit_ved.html
- Живов В.М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков. // Новое Литературное Обозрение. — №25. — 1997. — С. 24-83.
- Зыкова Г.В. Поэтика русского журнала 1830-х — 1870 гг. — М., 2005.
- Корман Б.О. Проблема автора в художественной прозе Ф.М. Достоевского // Славия, 1980. — Т. 16, 4. — С. 394-396.
- Макеев М.С. Спор о человеке в русской литературе 60-70 гг. XIX века. Литературный персонаж как познавательная модель человека. — М., 1999.
- Михновец Н. Механизм смыслопорождения в «Кроткой»: К проблеме «автор — читатель» // Достоевский и мировая культура. — СПб., 1999. — Т. 13. — С. 67-79.
- Морсон Г.С. «Идиот», поступательная (процессуальная) литература и темпика // Роман «Идиот»: современное состояние изучения. / Под ред. Т. Касаткиной. — М., 2001. — С. 7-27.
- Назирова Р.Г. Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (в концепции полифонического романа) // Проблемы научного наследия М.М. Бахтина. — Саранск, 1985. — С. 24-41.
- Иванчикова Е.А. Функции автора и рассказчика в повествовательной структуре «Братьев Карамазовых» // Достоевский и современность. — Новгород, 1992. — Ч. 2. — С. 63-68.
- Исупов К.Г. Автор и читатель в текстах Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Т. 16. — СПб., 2001. — С. 3-22.
- Изер В. Рецептивная эстетика. Герменевтика и переводимость // Академические тетради. — Вып. 6. — М., 1999.
- Рейтблат А. От Бовы к Бальмонту. — М., 1991.
- Тодд, Уильям М. III. «Достоевский как профессиональный писатель: профессия, занятие, критика» / Пер. с англ. Е. Иванищевой и С. Силаковой. // «Новое литературное обозрение», №58, 2002. С. 15-43. [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/uil.html>
- Шмид В. Нарратология. — М., 2003.
- Яусс Х.Р. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. №12, 1994. [Электронный ресурс]: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1228
- New Economic Criticism. Studies at the Intersection of Literature and Economics. / Ed. Martha Woodmansee, Mark Osteen. — N.Y.; London: Routledge, 1999. — 435 p.
- Moser Charles A. Dostoevsky and the aesthetics of journalism // Dostoevsky studies. Vol.3, 1982. P. 28-41. [Электронный ресурс]: <http://www.utoronto.ca/tsq/DS/03/026.shtml>

F. Ermoshin

RECEPTIVE ASPECTS OF DOSTOEVSKY'S POETICS (PROBLEM OF "ECONOMIC" RELATIONSHIP BETWEEN AUTHOR AND READER)

Abstract: The article is devoted to a problem of relationship between Author and Reader in F.Dostoevsky's "polyphonic novel" (a term used by Mikhail Bakhtin). The poetics of incorporating antagonistic ideologies in the literary text, which is rather distinctive about Dostoevsky's narrative art, analyzed as a strategy of responding to different readers' attitudes.

Key words: polyphony, new economic criticism, Bakhtin, Dostoevsky, author, narrator, reader, receptive aesthetics, reception, axiology.

«ПИСЬМА БАЛАМУТА» В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ К.С. ЛЬЮИСА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В СИМВОЛИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ*

Аннотация: «Письма Баламута» (1942) являются одним из самых значимых произведений видного английского писателя и христианского теолога К.С. Льюиса, написанного на стыке памфлета, притчи и фэнтези.

Ключевые слова: притча, памфлет, фэнтези, символ.

«Письма Баламута» (1942), которые стали началом в творческом процессе осмысления роли человека как образа и подобия Божия, являются одним из самых значимых произведений с точки зрения системы философско-религиозных взглядов К.С. Льюиса, его концепции человека как существа свободного в выборе жизненных ценностей и установок.

В «Письмах Баламута» в полной мере отразилась христианская позиция автора на проблему существования в мире Добра и Зла.

Задача настоящей статьи – показать, как христианская позиция автора отражается в художественном осмыслении важных религиозно-философских вопросов и определяет нравственную сущность героя.

В «Письмах Баламута», в произведении, напечатанном на стыке памфлета, притчи и фэнтези, проблема Добра и Зла решается как искушение человека силами зла в свете христианских идеалов.

Произведение состоит из 31 письма, написанного от лица персонажа Баламута, представляющего бесовскую силу. Христианский мир отражается в перевернутом виде, а сам Баламут оказывается «нравственным перевертышем». Цель Баламута – посеять неверие. Совратить с истинного пути христианина. Прообразом человеконенавистнического Баламута послужил сам Гитлер и замысел «Писем» зародился после случайно услышанной Льюисом по радио его речи [1].

Особенность «Писем Баламута» составляет двоemiрие – единство видимого и невидимого мира – земной жизни и бесплотных духов. Христианская позиция автора проявляется в его убежденности в конечности любого зла.

В предисловии к «Письмам» Льюис прямо говорит о том, что верит в существование

бесов, считает их врагами Бога, дает характеристику темной силе, называет ее практичной, боящейся наказания, паразитирующей на своих братьях, на людях. Льюис ссылается на произведения Данте, Мильтона, Гете, где четко представлены две противоборствующие силы.

В произведении Льюиса Баламут – старший бес – пытается ввергнуть в ад еще одну человеческую душу, «выманить» ее у Бога. Баламут учит своего племянника Гнусика, как совращать людей с пути истинного. Молодой человек, с которым «работает» Баламут со своим «воинством преисподней», – уже пришел к вере, и искушения, посылаемые ему в духовной и в социальной жизни, хитроумные и изощренные.

Что отличает «Письма Баламута» – это то, что силы зла непосредственно вмешиваются в жизнь человека, и это вмешательство опасно для его жизни: «пожрать, переварить другого, сделать так, чтобы он думал их мыслями, чувствовал их чувствами, ненавидел их ненавистью, досадовал их досадой, а они тешили через него свое себялюбие» [2]. Вспоминая о работе над книгой, писатель говорит о том, что вторжение в страну бесов потребовало от него огромных нравственных сил: «Настроить разум на бесовский лад легко, но неприятно, во всяком случае, забавляет это надолго. От напряжения у меня как бы сжало дух. Мир, в который я себя загонял, говоря устами беса, был тухлявым, иссохшим, безводным, скрежещущим, там не оставалось ни капли радости. Я чуть не задохнулся, пока не кончил книгу, а если бы писал дальше, удушил бы читателей» [3].

Главная тема книги – действия сатаны, противника Бога. Но для Баламута врагом является Бог. Если смотреть на мир с позиции Баламута, то смещаются все нравственные акценты, и мы оказываемся в перевернутом мире. На что же нападают служители зла и что пытаются навязать своему испытуемому?

Баламут, прибегая к искажению христианских преданий, пытается скомпрометировать само библейское учение о Христе как Сыне Божьем.

Баламут – нравственный перевертыш –

* © Ефимова Л.Н.

пытаясь занять место Бога в в своем мире, в перевернутом, искаженном виде представляет отношения Бога и человека: «Для нас человек преимущественно пища, наша цель — поработить его волю <...>. Враг же требует от него совершенно иного <...>. Нам нужно стадо, которое станет нам пищей. Он хочет служителей, которые станут Ему сыновьями»... Баламут: «Мы хотим поглотить. Он (Христос) оправдать. Мы пусты и хотим насытиться. Он — полнота, не истощаемый источник» [4].

Почему Церковь стала самым ненавистным объектом для темных сил? Почему столько злобы и страха вызывает она у одного из слуг сатаны — Баламута — и его неизменных помощников — Гнусика, Гада, Лестегубки, Подхалима и прочих? Митрополит Антоний (Сурожский), знавший и любивший творчество Льюиса, замечал: «Как сообщество людей, церковь по своей сути является уделом Божиим на земле..., организмом любви, живым телом, которое живет только любовью, которая хочет превратить все в царство любви и бесконечной, бездонной радости. Радость — для любящих Бога. Царство любви — для тех, кто способен отдавать, а не владеть безраздельно, не дав дышать» [5].

Нравственной дискредитации подвергается и молитвенное правило христианина. Баламут советует Гнусику: «Без сомнения, ты никак не запретишь ему молиться за свою мать, но постарайся обезвредить его молитвы». Согласно наблюдению пастырей Церкви, рассеянность — главный враг молитвы, которая провоцируется лукавым духом. Он старается ее «рассыпать, как песчаную насыпь, словно хочет сделать, как сухой песок, без связи, без влаги, без теплоты сердечной» [6].

В отношениях беса и человека сатирически представлены не только отношения между Богом и человеком, но и отношения между людьми: милосердие уступает место «наигранной самоотверженности», искренние взаимоотношения перерастают в «фамильярно-фальшивые» [7].

Не скупясь на острую обличительную сатиру, метко, а порою резко писатель характеризует изъяны греховной человеческой натуры: хвастовство, страсть к «кощунственным и непристойным анекдотам», тревоугодие, «высокомерный аскетизм», трусость, фальшь, скупость, тщеславие, гордыню [8].

Методика дегуманизации человеческой личности хорошо отработана канцелярией преисподней, и Баламут охотно пропагандирует ее для своих «братьев». Так, он им сове-

тует, разжигать «домашнюю ненависть», поощрять ссоры и раздражения.

Одним из грехов христианина является уныние, и Баламут делает все, чтобы довести человека до состояния крайнего душевного расстройства: внушать «пренебрежение к будничному и страх перед ним, заставить копаться в себе до изнеможения» [9].

Он поощряет разного рода фантазии и томления, принимающие в конечном счете форму извращений, что особенно ярко проявляется в период эмоционального подъема или спада и внутренний мир человека «скупен, холоден и пуст» [10].

Главная цель Баламута — подорвать доверие к Богу, подменить служение Богу служением своим порокам. Слова Баламута говорят сами за себя: «Твой подопечный, конечно, знает, что он должен послушно следовать Вражеской воле. В ответ на ... горести он должен сказать: «Да будет воля Твоя». Твоя задача в том, чтобы подопечный никогда не думал о своем теперешнем страхе как о возложенном на него кресте, а думал о предметах своего страха. Заставь его воспринимать их как кресты... Главное — направляй его злобу на непосредственных ближних. Всегда старайся, чтобы пациент отказался от людей, книг, блюд, которые он действительно любит, в пользу и значительных людей», «самых известных книг» и «самых лучших блюд» [11].

Для Баламута человек — не творение Божие, к которому нужно относиться с любовью, а «пациент». Писатель неслучайно вложил это слово в наставления Баламута. Болезнь — это, с одной стороны, проявление Божьего гнева на греховный мир, с другой — проявление любви к человеку.

Совсем по-другому смотрят на болезнь человека падшие духи. Для них человек, служащий Богу, верящий в Него — очень болен и нуждается в «лечении» — а именно, в деморализации его нравственной составляющей.

В отличие от христианского мира в перевернутом мире Баламута человек может существовать без имени. Имя, согласно библейскому учению, выражает деятельность и судьбу того, кто будет его носить. Для сил зла имя не имеет значения. Есть биологический объект, над которым устанавливается надзор. В этом можно увидеть отголоски эсхатологических мотивов: согласно Откровению Св. Иоанна Богослова, при пришествии антихриста у человека отнимется его имя, а вместо этого — «начертание на правую руку или на челах» [12].

Несмотря на все ухищрения бесов, мо-

лодой человек выдерживает испытания и не поддается искусу. Пройдя через все тернии, он сохраняет душевную стойкость, веру в добро, нравственную чистоту. Он не прячется от бомбежек, не избегает опасности. Он погибает, положив жизнь свою за друзей, выполнив свой воинский и христианский долг, следуя евангельскому принципу: «Нет ничего выше, чем умереть за друзей своих».

Гибель молодого человека приобретает и духовный смысл. Писатель так описывает состояние молодого человека в момент смерти: «Как будто отпали струпы со старой болячки, как будто он вышел из гнусной скорлупы» [13]. О смерти и ее нравственной сущности в христианстве писатель размышляет и в своих философско-религиозных трактатах «Страдание» (1940), «Просто Христианство» (1944-1943), эссе «Христианство и культура» (1940), «Коллектив и мистическое тело» (1945), «Человек или Кролик» (1946). Писатель воспринимает смерть как великий дар Божий, говорит о необходимости смиренного приятия смерти.

В финале «Писем Баламута» показана посмертная участь человека. Герой «Писем», оказавшийся за пределами земного бытия, становится свободным от искушения силами зла.

Финал «Писем» наглядно свидетельствует и о духовной эволюции героя: он проходит путь от новообращенного до глубоко верующего человека и именно поэтому оказывается способным совершать достойные верующего поступки. Христианская позиция проявляется в верности добру, нравственной чистоте, душевной стойкости, подвигу.

В «Письмах Баламута» просматривается реальная жизнь с ее проблемами. Как

справедливо заметил О. Барфильд, «эта книга не только о небе и аде, спасении и проклятии. В ней представлен реальный мир в XX веке, в котором ведется борьба между добром и злом» [14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бинхам Д., Клайв Льюис и его сказки. – СПб., 2001. – С. 99.
2. Льюис К.С. Письма Баламута. Собр. Соч. в 8-и тт. 8. – М., 2000. – С.13.
3. Там же. – С. 14.
4. Там же – С. 36.
5. Митрополит Антоний (Сурожский). – Труды. – М., 1993. – С. 184.
6. Пестов Н.Е. О Молитве. – М., 2003. – С. 45.
7. Льюис К.С. Письма Баламута Собр. Соч. в 8-и тт. Т. 8, – М., 2000. – С. 92.
8. Там же. – С. 42, 68, 72, 75, 86.
9. Там же. – С. 24, 61, 66
10. Там же, – С. 41, 51.
11. Там же. – С. 32-34.
12. Словарь Библейских образов. – СПб., – 2005. – С. 431-432.
13. Льюис К.С. Письма Баламута. Собр. Соч. в 8-и тт. Т. 8. – М., 2000. – С. 107.
14. Gibb, Jocelyn. Light on C.S. Lewis. Geoffrey Bles: London: Contributors include Owen Barfield, A.W. Benneff, Nevill Coghill, Austin Farrer, Stella Gibbons, Walter Hooper and others. 1965. P.29.

L. Efimova

«THE SCREWTAPE LETTERS» IN THE CREATIVE INHERITANCE OF C. S. LEWIS: MAN'S LIFE IN A SYMBOLIC MEANING

Abstract: «The Screwtape Letters» (1942) is one of the most important works of the well known English writer and theologian C.S. Lewis. This book is written in the form of lampoon with the elements of parable and fantasy.

Key words: parable, pamphlet, fantasy, symbol.

УДК 82-31

Красникова О.В.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ХРОНИК Н.С. ЛЕСКОВА «ЗАХУДАЛЫЙ РОД», «СТАРЫЕ ГОДЫ В СЕЛЕ ПЛОДОМАСОВЕ», «СОБОРЯНЕ»*

Аннотация: Статья посвящена изучению пространственно-временной организации, или хронотопа, в хрониках Н.С. Лескова «Захудалый род», «Старые годы в селе

Плодомасове», «Соборяне». Большое внимание уделяется сопоставлению исторического и художественного времени, выявлению связей между сюжетным временем и пейзажными зарисовками, описывается влияние времени на характер героев, рассматривается

* © Красникова О.В.

роль концептов «дома», «дороги», «вселенной», «монастыря», «петербургского света», «ярмарки», «театра» в художественном своеобразии хроник.

Ключевые слова: историческое время, художественное время, хронотоп.

Хроника является излюбленной жанровой формой повествования Н.С. Лескова. И.В. Столярова отмечает, что «жанр хроники позволяет писателю изображать жизнь человека так, как она идёт – «лентой», «развивающейся хартией», не заботясь о закруглённости фабулы и о сосредоточенности повествования около главного центра» [1]. Огромную роль в хрониках играет и их пространственно-временная организация, т.е. хронотоп. Именно хронотоп, понимаемый М. М. Бахтиным как «формально-содержательная категория литературы» [2], может быть ключом к пониманию смысла хроник Лескова «Захудалый род», «Старые годы в селе Плодомасове», «Соборяне».

Рассмотрим более подробно одну из ступеней хронотопа – категорию времени. В начале любой хроники автор – повествователь задаёт временные координаты, точку отсчёта, с которой начинается ход времени. Например, подробные портретные описания протоиерея Савелия Туберозова, иерея Захария Бенефактова, дьякона Ахиллы Десницына в первой главе «Соборян» и описания их жилищ во второй главе хроники являются началом хроникальных действий «Соборян».

Хроника Лескова «Захудалый род» подчеркнута «документирована». Протозановы даются как исторические личности. Семейный повествователь возводит род Протозановых к «первым владетельным князьям» [3] и указывает на то, что в «исторических рассказах о старой Руси встречается немало имён наших предков, и некоторые из них вспоминаются с большим одобрением» [3: 6, 3].

Н.И. Озерова отмечает, что «в соответствии с назначенным жанром именно по канонам древних хроник в повествовании Лескова присутствует указание не на год воцарения того или иного правителя, а на продолжительность его царствования» [4]. Почёт Протозановых зависит от тех правителей, которые озабочены тем, чтобы «придать государству большую монолитность, способствовать его просвещению и развитию, усилить его мощь» [4: 86]. Так, во время правления Ивана III (1442-1505) Протозановы «являются в числе почётных людей Московского княжества», а в эпоху Петра I (1682-1725) Яков Львович

Протозанов идёт «от чести к почести».

По наблюдениям Жан-Клода Маркадэ, «в этой хронике Лесков точнее, чем где бы то ни было, следует исторической хронологии» [5]. Исторический момент, когда происходит действие, определяется благодаря упоминанию чугуевского бунта военных поселян 1819 года.

Очень часто в своих хрониках Лесков не называет точных дат, а использует определённое сюжетное время. В хронике «Старые годы в селе Плодомасове» – это осень. Несколько осенних дней 1748 года составляют время действия первого очерка. Лесков использует следующие эпитеты: «сумрачный, неприветливый день осенний», «поздний осенний рассвет». Время действия второго очерка, как и первого, – осень. С ней связаны все несчастья Марфы Андреевны: похищение из дома, нападение разбойников. События с героями происходят «перед вечером», «в сумерки», «о полуночи», «перед ранней зарёй»: «Ветер выл и заносил в комнату брызги мелкого осеннего дождя <...>» [6].

Из всех времён года в «Захудалом роде» изображена только весна. На фоне весны с героями происходят несчастья, весной они и разрешаются. «Весенняя ростепель» предвещает известие о смерти князя, а ранняя весна «без яркой зелени и обилия цветов» успокаивает княгиню [3: 6, 176]. Лесков не случайно выбирает это сюжетное время. Ведь весна символизирует начало всех перемен в жизни человека.

В «Соборянах» сюжетным временем является лето. Особенно ярко это время проявляется в шестой главе «Соборян», где показана сцена купания богатыря Ахиллы. Эта летняя картина усиливает впечатление о богатырской силе и удали Ахиллы Десницына и помогает читателю провести параллели с античным героем – Ахиллесом. Можно сказать, что это сюжетное время символизирует расцвет жизненных сил и физической мощи. Это момент, когда герой живёт полной грудью. Время в «Соборянах» лишено конкретности: есть «летний вечер», «рассвет», «жаркий летний полдень». Однако в последней части хроники, в четырнадцатой главе, рассказывающей о поимке Ахиллой чёрта на кладбище, называется конкретное время, являющееся символическим. Г.В. Мосалёва называет это время «мистическим» [7]. Действительно главный герой хроники Ахилла вышел из дома ночью, «в одиннадцатом часу», «дошёл до погоста в начале двенадцатого часа», а когда «в городе прокричали утренние петухи»,

Ахилла подумал, что «чёрта сегодня не будет» [3: 1, 324].

Особого внимания заслуживает рассмотрение исторического и художественного времени в хрониках. Очень часто оно не совпадает. В «Захудалом роде» действие происходит в первые десятилетия XIX в. Так читатель узнаёт, что князь Протозанов и сын Червева погибают в войну 1812 года, а трубач Грайворона и пленённый французами Рогожин оказываются её участниками. «Автор «Захудалого рода» создаёт время, в контексте которого угадываются прошлое и настоящее» [8].

В «Соборьянах» своеобразным связующим звеном между прошлым и настоящим является «Демикотоновская книга протопопа Туберозова». Следуя особенностям жанра хроники, Лесков называет записи протопопа не дневником, а «книгой», иногда «календарём». Различия между дневником и книгой показывает И.В. Кудряшов в своей статье «Проблемы жанра и характерологии хроники Н.С. Лескова «Соборьяне» [9]. Он справедливо утверждает, что внешне записи протопопа Туберозова обращены к событиям личной жизни, а «внутренне, на подтекстно-смысловом уровне, «хронологически» фиксируют историю духовной жизни русского общества и развития общественного сознания» [9: 11].

Образы героев в хрониках тоже связаны с категорией времени. Портретные характеристики героев-праведников изменяются с развитием сюжета. Например, можно проследить изменения, происходящие с Марфой Андреевной Байцуровой в хронике Лескова «Старые годы в селе Плодомасове». В первом очерке она предстаёт перед читателями в виде молодой пленницы «с мокрыми чёрными кудрями». «По лицу у боярышни расстилается алый цвет, а по груди рассыпается белый пух <...>» [6: 202]. Во втором очерке происходят заметные изменения в её облике: «Ей минуло сорок пять лет; красота её отцветала в её тихом заточении, и чистая, непорочная жизнь укрепила за нею название «хрустальной вдовы» [6: 223]. А ещё через пять лет она накладывает на себя «старушечий повойник» [6: 222]. Характеристика героев отрицательного ряда с течением времени не меняется. В «Захудалом роде» Лесков отмечает, что хотя Анастасия «была очень хороша», но «в её выражении не было той милоты, которая располагала и влекла к княгине всякого человека <...>» [3: 6, 122].

Само течение времени, ход жизни, раскрывают разные стороны характеров героев.

Рассказывая ту или иную историю жизни своих героев, писатель не заботится о строгой сюжетной последовательности в своих хрониках. Для Лескова было важно показать характер героя. Таков, например, протопоп Савелий Туберозов. В.Е. Хализев утверждает, что «такой человек при всей своей «неидеальности», а порой и ограниченности, имеет твёрдый нравственный ориентир, верен себе на своём месте, способен к ровному нравственному усилию» [10].

Разносторонние характеристики присутствуют и при описании образа другого героя «Соборьян» – Ахиллы Десницына. Г.Т. Андреева так пишет о нём: «Дьякон Ахилла Десницын совмещает в себе страшную, стихийную, непомерную физическую силу, необыкновенную доброту души, кротость и далеко не изощрённый ум. Это своего рода Илья Муромец в рясе» [11].

Своеобразие хроник Лескова заключается и в основном способе передачи такой категории, как пространство. Даже пейзаж в хрониках, как правило, связан с основным сюжетным развитием, с тем или иным душевным состоянием героя. Символично изображение грозы в хронике «Соборьяне». Она воспроизводит внутреннюю бурю в душе протопопа Туберозова.

Г.Т. Андреева отмечает такое свойство лесковского пейзажа, как «кадровость» [11: 56]. Картины природы, сменяющие одна другую, оставляют яркое зрительное впечатление потому, что время от времени сопровождаются яркими кадрами, полными самых разнообразных ассоциаций. Так на фоне чарующей природы, под журчанье ручья возникают в голове дремлющего Туберозова сначала расплывчатые непонятные образы, затем легенда о витязе, окружённом врагами, будит в нём старые думы. Пейзаж усиливает тревогу, царящую в комнате Варвары Никаноровны в момент сообщения о смерти её мужа («Захудалый род»): «В комнате – то этаким свет вечерний, солнце садится, вбок всё красным обливает» [3: 6, 13].

Опорными точками, возникающими в сознании читателя при рассмотрении пространства, являются концепты – «элементарные единицы результата понимания» [12]. Ю.С. Степанов определяет концепты как «основные ячейки культуры в ментальном мире человека», подчёркивая, что в отличие от понятий в собственном смысле термина, концепты не только мыслятся, но и переживаются [13]. В хрониках Лескова можно выделить несколько концептов, с которыми связаны

герои. Это «дом», «монастырь», «дорога», «столичный мир», «ярмарка».

Один из важных концептов – «дом». Он показан как олицетворение прочности, стабильности бытия. Не мыслят жизни без «дома» Варвара Никаноровна, Ольга Федотовна, Патрикей Сударичев из хроники «Захудалый род». А для Функендорфа, Хотетовой и княжны Анастасии «дом» является промежуточной остановкой на пути к достижению их корыстных целей: карьеры, выгодной женитьбы. В хронике «Старые годы в селе Плодомасове» концепт «дома» приобретает значение непобедимой крепости – терема, в котором есть условия на любой непредвиденный случай. В VI главе показано подробное описание плодомасовского дома со своими заведёнными порядками.

Лесков не случайно тщательно описывает дома главных героев в «Соборях». Он подчёркивает прямую связь жилища с характером своих героев. Основная функциональная нагрузка этих описаний в том, чтобы подчеркнуть различие характеров. «У отца Савелия домик был очень красивый, выкрашенный светло-голубою масляною краской, с разноцветными звёздочками, квадратиками и репейками, прибитыми над каждым из трёх его окон [3: 1, 49]. Характерна деталь – ставни в доме никогда не закрывались, т.к. протопоп любил свет, лунный луч. Можно сделать вывод, что Савелий Туберозов жил открыто, не боясь никого и ничего. По описанию жилища Захария Бенефактова можно судить о смирении и кротости, семейном счастье этого человека: «У отца Захарии далеко не было ни зеркальной чистоты протопопского дома, ни его строгого порядка: на всём здесь лежали следы детских запачканных лапок <...>» [3: 1, 49].

В.А. Зарва отмечает в статье «К просветительской концепции человека», что «в могучей фигуре дьяка Ахиллы Десницына, отличающегося буйной и жизнелюбивой натурой, подчёркиваются черты вольного украинского казака» [14]. Действительно, в Старгороде у него «мазаная малороссийская хата», а прочные и крупные предметы мебели, такие как деревянный диван, «чеканенный азиатский седельный орчак», пеньковый аркан, говорят читателю о физической силе и удали этого богатыря.

Ещё одним важным концептом при описании пространства в хрониках Лескова является «дорога». Особое значение она приобретает в хронике «Захудалый род» для Доримедонта Васильевича Рогожина. О связи

«дороги» и «дома» писала Г.В. Мосалёва [7: 63-64]. «Дорога» ведёт человека в «дом» и уводит из него. В «дороге» происходят встречи и расставания. «Дорога – это стык всех человеческих судеб, жизненных линий – идей всех героев» [7: 64]. «Дорога» как неизвестный путь описана в хронике «Старые годы в селе Плодомасове». Не знал боярин Никита Юрьевич, к чему приведёт его похищение Марфы Андреевны Байцуровой, когда нёсся «во всю скачь в сторону незнакомую, неведомую и во всяком случае страшную» [6: 195]. Помощь к главной героине тоже приходит со стороны «дороги» в лице матери и отца Байцуровых, мамы-турчанки, земского пристава.

«Дорога» может изменить характер героя, открыть ему новые стороны жизни. Так происходит с дьяконом Ахиллой Десницыным, когда он расстаётся с Туберозовым (хроника «Соборяне»). Из Петербурга он привёз массу новых впечатлений, мыслей, слов. Е.П. Берёзкина назвала это «чудом изменения героя» [15].

Другим важным концептом, понимаемым шире, чем «дом», является «вселенная». Наиболее ярко он проявляется в хронике «Захудалый род». Только два героя – Червев и Рогожин – размышляют о мировом пространстве.

И.В. Кудряшов выделяет такую «пространственно-временную координату хроники, как русский космос» [9: 14-15]. Соборная поповка, по его мнению, – это некий цельный мир русской жизни и, в первую очередь, жизни духовной. Все обитатели Старгорода в той или иной мере являются носителями духа соборности. Под этим термином понимается «органическое единение духовного бытия нации посредством божественной благодати взаимной любви» [16]. Исходя из этого следует упомянуть и о таком важном концепте, как «собор» или «монастырь».

«Монастырь» является прибежищем всех людей: и праведных, и неправедных. Для Рогожина в «Захудалом роде» «монастырь» становится заменой «дома». Его жизнь с рождения связана с монастырём. В отличие от Рогожина, Функендорф и Хотетова наделены показательной религиозностью. Хотетова требует за свою веру особых наград и почестей. Под стать Хотетовой и Функендорф. Для него вера отождествляется с выгодой и тем самым теряет всякую нравственную значимость. Таким образом, мы видим, что «монастырь», принимая всех людей, не является пристанищем только праведных.

Говоря о пространстве, нельзя не кос-

наться такого концепта, как «столичный мир» или «петербургский свет» [7: 65]. Особенно ярко этот концепт проявляется в хронике «Захудалый род». Наиболее приближены к «петербургскому свету» Функендорф, Хотетова, княжна Анастасия. Их привлекает светская жизнь, обилие кружков и собраний, идей и воззрений. Однако этот мир чужд Варваре Никаноровне Протозановой и её ближнему окружению.

Можно отметить и то, что «петербургский свет», за исключением известных читателю лиц, не персонифицирован. В петербургском обществе выделяются следующие категории людей: «знать первой руки» (или «старая знать»), «аристократы «второй руки», «дисальщики», «искательные люди», «новые аристократы» (или «должники»), «козёры» (или «болтуны»), «прибыльщики» [3: 6, 114-116]. (Курсив Лескова. – О.К.) Среди этих людей всё ярче и ярче проявляются такие пороки, как пресмыкательство, раболепство, обманчивая состоятельность, хвастовство, праздность, позёрство, подлость.

И, наконец, одним из самых важных концептов для анализа хроник Лескова является «ярмарка». Она объединяет на короткое время таких героев, как Рогожин и Грайворона («Захудалый род»). «Костюмированный человек» Рогожин «офицера на ярмарке проучил» [3: 6, 87]. Грайворона, прежде чем ему в голову пришло решение прикурить от церковной свечи, оказывается на ярмарке, где он «совсем и замутился» [3: 6, 85]. «Ярмарка» обнаруживает в человеке стихийные силы, неподвластные ни разуму, ни житейскому рассудку» [8: 138]. Более узкое значение в произведениях Лескова имеют концепты «театра» и «маскарада». Особенно это проявляется в «Соборьях». Один из персонажей – Ахилла – постоянно сталкивается с театром, актёрством как способностью к постоянному перевоплощению в другие роли и образы. В театральной роли Ахилла выступает в сцене самозванчества. И не русским царем собирается стать лесковский герой, а Францем Веницыяном или Махмудом. В. Гуминский замечает, что «писатель будто не удержавшись, даёт своему герою возможность столкнуться с собственным образом в его сценическом воплощении лицом к лицу и даже оценить его с вполне «профессиональной» точки зрения» [17]. О «маскарадных поединках Ахиллы со смертью» пишет К.Кедров [18].

Итак, Лесков с первых строк своих хроник даёт пространственно-временную координату, точку отсчета, с которой начинается

повествование. Тем самым автор намекает на достоверность своих произведений, создаёт фон для дальнейшего развития сюжета. А благодаря возможности и даже необходимости воспроизводить историческое прошлое в его конкретике, образы, создаваемые Лесковым, обретают значение масштабного символа, а фигуры действующих персонажей воспринимаются читателем не только в их типичности и характерности, но и знаковости. Мастерство Лескова как психолога проявляется и в его умении сочетать сюжетное время и пейзажные зарисовки. Раскрытию художественного своеобразия хроник помогают концепты – элементарные единицы результата понимания. В хрониках выделяются концепты «дома», «дороги», «вселенной», «монастыря или собора», «петербургского света», «ярмарки», «театра или маскарада». Фактически, жанр хроники становится художественным средством, позволившем автору через поэтику выйти на проблематику, на систему нравственных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Столярова И.В. Н.С. Лесков // История русской литературы в 4-х т. – Т.3. / Под ред. Ф.Я. Приймы, Н.И.Пруцкова. – Л., 1982. – С. 765.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе «Очерки по исторической поэтике» // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234.
3. Лесков Н.С. Собр.соч.: В 12 т. –Т. 6. // Под ред. В.Ю. Троицкого. – М., 1989. – С. 3. В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием в скобках тома и страницы.
4. Озерова Н.И. Черты летописного стиля в хронике Н.С. Лескова «Захудалый род» // Литературный процесс: традиции и новаторство. Межвузовский сборник науч. трудов / Под. ред. Е.Ш. Галимовой. –Архангельск, 1992. – С. 85.
5. Маркадэ Ж.К. Творчество Н.С. Лескова. Романы и хроники / Пер. с фр. А.И.Поповой, Е.Н. Берёзиной, Л.Н. Ефимова, М.Г. Сальман. – СПб., 2006. – С.224.
6. Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. – Т. 3. – М., 1957. – С. 241. Далее ссылки на это издание даются с указанием в скобках страниц.
7. Мосалёва Г.В. Поэтика Н.С. Лескова (Системно-субъективный анализ). – Ижевск, 1993. – С. 38.
8. Мосалёва Г.В. «Захудалый род» Н.С. Лескова. Пространственно-временные отношения, вещный мир и позиция автора // Проблема автора в художественной литературе: к 70-летию Б.О. Кормана: Сб.науч.тр. / Под ред. В.И. Чулкова. – Ижевск, 1993. – С. 134.
9. Кудряшов И.В. Проблемы жанра и характеристики хроники Н.С. Лескова «Соборьяне» // Электронный вестник центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвистрановедению. Вып. 3. – 2007. – С. 11-14.
10. Хализев В.Е. «Герои времени» и праведничество в освещении русских писателей XIX в. // Русская

- литература XIX века и христианство. – М., 1997. – С. 115.
11. Андреева Г.Т. Творчество Н.С. Лескова. – Иркутск, 1992. – С. 50.
 12. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – М., 2001. – № 1. – С. 40.
 13. Степанов Ю.С. Концепты. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С. 40.
 14. Зарва В.А. К просветительской концепции человека («Соборяне» Н.С. Лескова – «Записки причетника» Марко Вовчок). Тезисы докладов межвузовской научной конференции, посвящённой 160-летию со дня рождения Н.С. Лескова. – Орёл, 1991. – С. 37.
 15. Берёзкина Е.П. «Соборяне» Н.С. Лескова (к проблеме евангельских мотивов) // Литература и религия: проблемы взаимодействия в общекультурном контексте / Под ред. Е.В. Семёновой. – Улан-Удэ, 1999. – С. 61.
 16. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск, 1995. – С. 17.
 17. Гуминский В. Органическое взаимодействие (от «Леди Макбет Мценского уезда» к «Соборянам») // В мире Лескова. Сб. статей / Сост. В. Богданов. – М., 1983. – С. 254.
 18. Кедров К. Фольклорно-мифологические мотивы

в творчестве Н.С. Лескова // Там же. – С. 66-67.

O.Krasnikova

THE SPATIO-TEMPORAL STRUCTURE OF N.S.LESKOV CHRONICLES «THE IMPOVERISHED FAMILY», «OLDEN TIMES IN THE VILLAGE OF PLODOMASOVO», «CATHEDRAL FOLK»

Abstract: The article is dedicated to the investigation of the spatio-temporal structure (or chronotop) in N.S. Leskov chronicles «The Impoverished Family», «Olden Times in the Village of Plodomasovo» and «Cathedral Folk». Great important is given to comparison of historical and fictitious time, to revealing of connections between plot time and landscape sketching, the time influence on characters' temper is described, the function of concepts like «home», «road», «universe», «monastery», «petersburge society», «fair», «theatre» in literature originality of the chronicles is considered.

Key words: historical time, fictitious time, chronotop.

УДК: 821.161.1.09

Попов В.Н.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ ПОЭТА Н.Е. СТРУЙСКОГО*

Аннотация: В работе рассматривается история репутации поэта XVIII века Н.Е. Струйского от его современников до наших дней. Полученные наблюдения позволяют сделать ряд продуктивных выводов о «механизме» создания литературной репутации: она во многом определяется доминирующим представлением о социальном статусе писателя.

Ключевые слова: Н.Е. Струйский, литературная репутация, литература XVIII века, социальная стратегия, статус писателя.

Если о поэтах XVIII века говорят обычно с интересом, снисхождением и даже участием, то имя Николая Еремеевича Струйского (1749–1796), напротив, сопровождается набором эпитетов едва ли не ругательных: «помещик-самодур» (А.Е. Зарин) и «полусумасшедший поэт-графоман» (Н.П. Смирнов-Сокольский), «мучитель и истязатель своих крепостных» (Г.А. Гуковский), «парнасский буффон» (И.М. Долгоруков), «исступленный

графоман-строчкогон» (В.С. Пикуль) и т. п. При ближайшем знакомстве выходит, что этот «парнасский буффон» был просвещенный человек, последователь и страстный защитник Сумарокова, организатор лучшей в России типографии, строитель великолепного дворца, покровитель Рокотова и т. д. Так почему же столь деятельный и неординарный человек заслужил столь однозначно дурную репутацию?

О репутации Струйского при его жизни и в первое время по смерти, когда имя его было частью текущего литературного процесса, говорят лишь отдельные реплики, но начиная с середины XIX века можно выявить все тексты, которые участвовали в создании его репутации, и оценить вклад каждого из них. Как видно по стихам Струйского, в круг его близких друзей входили поэты С.Г. Домашнев и Ф.Г. Карин, он был хорошо знаком с А.П. Сумароковым: вероятно, именно Струйский познакомил его с Ф.С. Рокотовым (с которым сам был дружен [30, 6, 13]) – автором предсмертного портрета первого рус-

* © Попов В.Н.

ского трагика. В бумагах Державина был найден черновик эпиграммы на Струйского: «По имени – струя, // А по стихам – болото» [9, 497]. Эту эпиграмму часто ставят Струйскому «на вид» [31, 43; 21, 272; 6, 19; 24, 80], но едва ли это корректно: Державин был щедр на подобные эпиграммы (ср. эпиграммы на А.П. Сумарокова, где его талант уподоблен луже [9, 247-248]). Если по ней и можно делать выводы о репутации Струйского, то разве то, что Державин знал такого поэта и читал его стихи; более определённо о репутации Струйского говорит название эпиграммы, под которым она напечатана в издании Грота: «На известного стихотворца».

В 1827 году кн. П.А. Вяземский, в рамках рецензии на драматическую поэму Д.Ю. Струйского (Трилунного) «Аннибал на развалинах Карфагена», печатает в «Московском телеграфе» обстоятельный обзор «Сочинений Николая Струйского» 1790 года [7, 45-49; 8, 52-56]. К 1820-м годам XIX века современной литературой Струйский был забыт – имя его «известно малому числу литературных антиквариетов наших» [7, 45], пишет Вяземский. И в то же время в глазах критика Струйский – не «одинокое мечтатель» (И.Н. Розанов), но поэт, чья судьба характерна для истории русской словесности: безвестность его объясняется лишь тем, что любопытство «наших писателей <...> не изыскательно» [7, 46]. Вяземский представляет Струйского как выпускника сумароковской школы: «Сумароков имел в Г-не Струйском горячего поклонника и усердного заступника» [7, 49], «магистрального» направления своего времени. Но при этом, замечает критик, поэт не сделался сумароковским эпигоном, оригинальность его поэзии «не подложная» [7, 48] и выдаёт особенные черты «попечительного и признательного помещика» [7, 46]. Эти стихи «крепостные Русские» [7, 48], добавляет Вяземский – в этом смысле они принадлежат и русской «старине» [7, 47]. А из всех времён в литературе Вяземский ценит прошлое едва ли не выше других: если старина достойна «внимательного почтения» [7, 47], то настоящее – едва ли: уже завтра оно будет разжаловано «в давнопрошедшее» [7, 47]. Таким образом, поэт «старины» для Вяземского и есть подлинный поэт: «в старых книгах наших более истории, чем в новейших: в сих последних более Метафизики» [7, 49]. Вяземский делает обширную выписку из стихотворения «На смерть верного моего Зяблова» [7, 46-48], посвященного крепостному художнику Струйских: «Все это любопытно

в отношении к духу того времени» [7, 49]. В эти годы Вяземского интересует быт русской старины, он даже думает написать свою «Россиюду» – «домашнюю, обиходную, сборник, энциклопедический словарь всех возможных руссизмов, то есть относящихся к нравам» [10, 24].

В книжке стихов 1790 года Вяземский находит «очевидные приметы романтизма; оспаривать народность этих стихов невозможно; <...> местных красот, кажется, также довольно» [7, 48]. Таким образом, издание 40-летней давности екатерининского поэта критик оценивает по гамбургскому счёту своих эстетических взглядов – то есть как современное литературное явление – и даёт ей благосклонный отзыв. Наконец, Вяземский даёт своеобразный «обет»: «...я охотно желал-бы узнать, где лежит поместье *Рузаевка* и поклониться памяти и памятникам поэта и живописца» [7, 48].

Мнение Вяземского о Струйском ещё яснее на фоне поэмы Трилунного. Пусть стихи Струйского сделаны не всегда «с искусством» [7, 49], но в «местных красотах» [7, 48] Рузаевки (поместья Струйского) более истории, чем в развалинах Карфагена, до которых исторический Аннибал не дожил: «поэту не позволено искажать события до этой степени» [7, 51]. «Ни о какой народности, ни о каком выражении ускользающей от поверхностного взгляда национальной характеристики при этом, разумеется, не может быть и речи» [10, 31]. Таким образом, стихи из чужой эпохи, написанные устаревшим языком, звучат для Вяземского свежее и актуальнее, чем подделки под историю современного эпигона.

Высказывания Вяземского о поэтическом языке Струйского отличаются отстранённостью: стихи его написаны «не всегда с искусством» [7, 49] и «не доказывают, что Г-н Струйский был великий поэт» [7, 46], проза Струйского, говорит Вяземский, «гораздо витиеватее его поэзии: она часто так кудрява, что я не взялся-бы давать истолкование каждой фразе» [7, 49], и тут же оговаривается: «но между тем всё можно понять» [7, 49]. Надо учитывать, что «Вяземский – человек новой эпохи, от прошлого его отделяет почти непроходимая грань» [10, 41], при этом язык Струйского принадлежал «давнопрошедшему» русской литературы, для человека 1820-х годов звучащему странно и непонятно. Вяземский признаёт эти языковые различия, избегая, однако, категоричной оценки поэзии Струйского.

Обещание навестить Рузаевку не было

литературной фразой. В декабре того же 1827 года Вяземский пишет И.И. Дмитриеву проездом из саратовского села: «Дорогою сделал я еще журнальное открытие: вообразите, что я был в двадцати верстах от Рузаевки, деревни поэта Струйского, о которой писал я в Телеграфе. Вдова его и два сына еще живы. Попалась-ли им моя статья? Постараюсь проведать о том; жалею, что не успел по обещанию своему, напечатанному в Телеграфе, поклониться памяти поэта и живописца его; но летом, когда буду опять в здешней стороне, с набожною точностью исполню свой сердечный и журналистический обет» [25, 1713]. Поездка в Рузаевку для Вяземского – обет не только «журналистический», но и «сердечный». Интерес критика к частностям биографии Струйского, и в том числе к его своеобразной орфографии не был случайным любопытством: «Писатель для Вяземского – это член общества <...>. Вяземский решительно отдает предпочтение документу, а не художественному тексту писателя. Его интересуют привычки и одежда Байрона, дикция Востокова и манера декламации В.Л. Пушкина, орфография Н. Струйского; он увлекается собиранием автографов» [10, 23].

Впрочем, уже к середине XIX в. просветительская статья князя Вяземского была крепко забыта. В это время о Струйском знают мало: «Известия, до него касающиеся, скудны и отрывочны» [17, 481]. М.А. Дмитриев пишет о нем так: «Решительно не знаю, где вставить, из запаса моей памяти, одного чудака из стихотворцев, о котором я думал, что никто и не знает» [11, 85]. Почти на протяжении десятка лет Струйскому приписывалось губернаторство во Владимире [1, 282; 17, 487; 9, 497; 2, 265; 28, 1176; 36, 7; 14, 565]. Это показывает, что к середине XIX в. имя Струйского превратилось в пустое место – которое мог заполнить любой миф. И в 1860-е годы такой миф явился: вышли в свет мемуары кн. И.М. Долгорукова, вскоре дополненные пером М.А. Дмитриева. Но сначала обратимся к «Воспоминаниям» Н.А. Тучковой-Огаревой.

По её словам, Струйский «был человек очень сердитый и вспыльчивый, держал верховых, которые день и ночь разъезжали и доносили ему все, что делалось, кто проезжал через Рузаевку и куда. Тогда он приказывал привести проезжающего, иногда милостиво отпускал его, а иногда, случалось, заставлял беседовать с собой, и лишь только что-нибудь ему не понравится, сделает знак людям, проезжего схватят и потащат в тюрьму» [22,

20]. Можно ли доверять воспоминаниям Н.А. Тучковой-Огаревой? Перед нами впечатления семилетней девочки, оказавшейся в Рузаевке через 40 лет по смерти её хозяина. Мемуаристка не слишком обеспокоена исторической достоверностью: во всех прижизненных изданиях называет Струйского «Николаем Петровичем», продлевает его существование до 1800 г. и проч. Вот что говорит о личности и воспоминаниях Тучковой-Огаревой комментатор С.А. Переселенков: «...она не в силах была понять Герцена не только, как мыслителя и общественного деятеля, но просто, как человека; понять так, как понимала его первая жена. Внешняя сторона исторических событий привлекала к себе ее внимание и даже временами сочувствие, но внутренний смысл их большею частью был для нее мало доступен <...>. Наталье Алексеевне, когда она начала писать свои воспоминания, было около шестидесяти лет. Память, видимо, стала ей уже изменять. Это заметно сказывается в ее записках на подробностях, которые не всегда ею верно передаются» [23, VIII, XIII-XIV].

Ключ к мемуарам Тучковой-Огаревой дает следующий отрывок: «Николай Петрович Струйский писал стихи, хотя очень плохие, восхваляя в них Екатерину II; дед мой рассказывал, что императрица прислала ему бриллиантовый перстень, с тем, чтобы он более стихов не писал» [22, 20-21]. Бриллиантами за дурные стихи не наказуют – эта фраза могла прозвучать только застольной шуткой. Но семилетняя девочка об том не ведала: так мы узнаём, что почтенный генерал-майор артиллерии А.А. Тучков (1766–1853), который должен был хорошо помнить хозяина Рузаевки, и 40 лет спустя не может простить соседу царских милостей. Вот кто рассказал мемуаристке об «очень плохих» стихах Струйского, вот в чьем доме она узнала о «страшном Николае Петровиче».

Прибегал ли Струйский к телесным наказаниям – для нас сейчас вопрос второстепенный. Важно, что именно эта его сторона – мнимая или ложная – выдвигалась такими людьми, как А.А. Тучков, на первый план и составляла один из главных пунктов их разговора хозяину Рузаевки. У А.А. Тучкова был повод для зависти: в начале 1790-х гг. у Струйского три тысячи душ, прекрасный замок, красавица жена – наконец, он обласкан императрицей. Но за какие заслуги – за верную службу, за военные победы, за предводительство дворян? Нет, всего лишь за стихи – это было непростительно.

Самые подробные воспоминания о

Струйском, которые и определили его репутацию на два столетия вперед, принадлежат перу кн. И.М. Долгорукова [17, 481-484]. В 1791 г. молодой князь вступил в должность вице-губернатора Пензенской губернии и спустя два года навестил Рузаевку. Исследуем внутреннюю логику этого рассказа. Долгоруков начинает с описания «прекрасного дома» и «приятной жены» [17, 482] Струйского: всё это производит впечатление свидетельства достоверного и благожелательного. Но далее узнаем, что вместо того, чтобы «наслаждаться жизнью благополучного человека <...> этот самый г. Струйский, влюбясь в стихотворения собственно свои, издавал их денно и ночно, покупал французской бумаги пропасть, выписывал буквы разного калибра, учредил типографию собственно свою и убивал на ее содержание лучшую часть своих доходов» [17, 482]. Мемуарист не пишет просто, что Струйский учредил собственную типографию, хотя это было совершенно неслыханное явление для помещика XVIII века. Он начинает разговор не с факта, а с его толкования («влюбясь в стихотворения собственно свои»), и когда на сцену является сам факт учреждения типографии, читатель воспринимает его уже под вполне определённым углом зрения. Что касается «убивания доходов» на типографию, то Рузаевка, согласно позднему свидетельству самого Долгорукова, при Струйском не только не разорилась, но давала «нарочитый доход» [12, 59] и спустя 20 лет по смерти типографа.

«Он имел кабинет в самом верху дома, называемый: Парнас. В сие святилище никто не хаживал, ибо, говорил он, не должно метать бисера свиньям. Меня он удостоил ласкового там приема, за который дорого заплатил однако один из моих товарищей: ибо он, читая мне одно свое произведение и натурально из хвастовства, по мнению его лучшее, сильно будучи им восхищаем, щипал его в восторге до синих пятен. Исступления подобного, когда о стихах говорили, я не видывал» [17, 482]. Если поэт заводит у себя дома кабинет и называет его Парнасом, то изберёт это место скорее для уединенных свиданий с Музами, чем для светских приемов. Но Долгоруков дает этому другое толкование, основанное якобы на прямой речи Струйского. Ещё Ахматова «так решительно возражала» [35] против прямой речи в мемуарах: проверить такое свидетельство невозможно, а поверить ему легко. Прямая речь Струйского должна показать, что он уединялся на Парнасе не потому, что был поэт, а потому что дер-

жал ближних своих за свиней и прятался от них в своём псевдопоэтическом чулане. Поэтическое исступление Струйского подается с однозначной оценкой («из хвастовства») и в комическом ключе.

«Все обращение его впрочем было дико, одевание странно. Он носил с фракком парчевой камзол, подпоясывался розовым кушаком шелковым, обувался в белые чулки, на башмаках носил бантики и длинную повязывал прусскую косу» [17, 482]. Разумеется, странность одевания ещё не великий грех — но только не в обвинительной логике мемуариста.

«Письма его ко мне, которые я все собрал, и сочинения рассмешили бы мертвого. Потешнее после Телемахиды ничего нет на свете. <...> они во всем несносны. Простим ему их, поелику он умер и других таких уже не напишет. Пожелаем однако притом искренно, чтобы подобных не возрождалось» [17, 482-483]. Невозможно опровергнуть то, что не было доказано — заметим лишь, что Долгоруков выдаёт собственные впечатления за аксиому, не требующую доказательств.

Далее Долгоруков примечает на рузаевском парнасе «пыль везде большую» и спрашивает Струйского о причине. Хозяин Рузаевки в ответ замечает: «Пыль есть мой страж, ибо по ней увижу тотчас, не был ли кто у меня и что он трогал» [17, 483]. Это могло быть обычное для светского человека *bon mot*, ср. пушкинский анекдот об ответе Крылова, когда того спрашивали, почему он не боится сидеть под тяжелой рамой, висевшей на хлипком гвозде [27, 170]. Но Долгоруков шутки не заметил: «Такая мысль меня поразила. Увидев притом, что в комнате его множество разных оружий и соображая сей наряд, столь неприличный Парнасу, с его отзывом, заключил, что он должен быть жестокий хозяин. <...> Говорили мне, будто догадка моя была справедлива, <...> отзыв его приличен был тирану, носящему с собою повсюду мрачные помыслы. Сказывали мне еще, будто он до стихотворческого пристрастия был наклонен к юридическим упражнениям, делал сам людям своим допросы, судил их, говорил, за них и против, суд и дело в своих собственных судилищах и вводил самые даже пытки потаенным образом. Вот что я слышал от посторонних» [17, 483-484]. Перед нами смесь догадок, слухов и прямой речи Струйского; что до «юридических упражнений» (если достоверно услышанное князем «от посторонних»), то, по мнению современного исследователя, они скорее положительно реко-

мендуют Струйского – это свидетельство его просвещенности, а не самодурства: по законам того времени помещик был обязан наказывать крепостных за провинности [5, 125]. Струйский не просто судит своих крестьян, но и пытается делать это по законам состязательного права: в то время это было, пожалуй, не меньшим новшеством, чем заведение типографии.

Допустим всё же, что Струйский был не более чем «жестокый хозяин». Однако Долгоруков возмущается его жестокостью наравне с его камзолом и его стихами. Если мемуарист занимается не проверкой слухов об общественно-опасных деяниях Струйского (как вице-губернатор, он имел все на то полномочия), а исчислением его слабостей и манер – не говорит ли это о его пристрастности и отсутствии серьезных обвинений? Но вот и кульминация мемория: «Ежели это было подлинно так, то чего смотрело правительство? От этого волосы вздымаются» [17, 484]. В царствование, пережившее пугачевский бунт, это звучит строчкой из доноса – да и весь мемуар смахивает на обвинительное заключение. Фактическая сторона его ничтожна, но его обвинительная логика развивается по законам «Горя от ума»: оригинальность вырастает в чудачество, чудачество – в сумасшествие, сумасшествие – в порок, порок – в преступление, а преступление – в бунт.

На достоверность долгоруковских мемуаров бросает тень не только тенденциозная логика «Записок», но и действия самого вице-губернатора. Судя по мемуарам князя, Струйский произвёл на него впечатление «парнасского буффона» и «тирана», однако за три с половиной года Долгоруков не ленится несколько раз проехать до Рузаевки двести верст в оба конца и издать там ряд своих сочинений. Вспоминается и любопытная оговорка издателя «Указа»: «По своему литературному направлению Н.Е. был почитателем Сумарокова и бичевал приказных, которые (кажется, и в том числе поэт, князь Иван Михайлович Долгорукий, бывший пензенским вице-губернатором) вымарщивались неговзятки, пользуясь его поднадзорным положением и богатым состоянием» [15, 63]. Заметим, что Долгоруков был внук князя Ивана Александровича – опального наперсника Петра II – и трудно переживал падение своего рода. Вот что говорит о нем издатель «Капища» В.И. Коровин: «Иван Михайлович Долгоруков после всех неудачных попыток его родных вновь обрести состояние и вернуть прежнее положение в обществе <...> всегда считал, что

он живет в нищете, на которую отныне был обречен его род. <...> Деньги вследствие этого становятся значительной темой «Капища» и во многом определяют отношения Долгорукова с людьми. Он никогда не забывает благодарно отметить тех, кто оказал ему услуги по части приобретения имущества или подарил ему и его семье значительные суммы, и равно не пропустит лиц, принесших ему убытки, недостаточно наградивших его и поскупившихся на подарки» [16, 318-319]. «Объективные» суждения мемуариста о своих героях – только видимость: «При явном стремлении сохранить объективность <...> собственное суждение всегда брало верх над реальным значением того или иного деятеля» [16, 348].

Это многое проясняет в отношении Долгорукова и Струйского. У Струйского было то, о чем мечтал князь – богатое поместье, которое питало не только его семью, но и его музу. Весьма вероятно, что на правах вице-губернатора князь рассчитывал получить от хозяина Рузаевки нечто более весомое, чем мадригал в честь жены, но богатый помещик, к его досаде, дарил его лишь плодами своего вдохновения. Досаду князь разумно скрывал и задаром печатал свои сочинения в лучшей русской типографии.

Долгоруковский миф был подхвачен М.А. Дмитриевым [11, 85-86]: в своих «Мелочах» он ссылается на записки кн. Долгорукова, но прибавляет несколько собственных подробностей. Видимо, для создания драматического эффекта Дмитриев выводит на сцену рузаевского Парнаса некоего «старосту»: в самом деле, на фоне Аполлона и девяти муз «приказания по хозяйству» и «суд над виноватыми» трогают воображение. Но ещё эффектнее кульминация: «и тут же, у подошвы Парнаса, происходило наказание». Последняя фраза подчёркивает комизм сцены: «Иногда profanum vulgus оказывался виновным и в том, что помешал вдохновению!».

Долгоруковско-дмитриевский миф закрепился в истории и литературе. Например, сцена «наказания старосты» переключалась в статью В.В. Шангина [36, 9] и роман «Две столы» Н. Равича [5, 40-41], а дмитриевская оценка поэзии Струйского: «Помещаю его подле Гр. Хвостова, как товарища по бездарности, хотя уступающего и ему не одною степенью, в своем искусстве» [11, 85], унаследована автором очерка о Струйском в «Русском биографическом словаре» [14, 564]. Отзывы о Струйском как об одном «из самых фантастических самодуров XVIII века, прославившимся своей маниакальной литературной де-

ятельностью» [5, 150] находим в трудах В.О. Ключевского, Г.А. Гуковского, А.В. Лебедева, В.С. Пикуля, Е.В. Кончина и др.

В начале XX в. среди исследователей появились несогласные с этим преданием: быть может, допускает один из них, такой взгляд «является несколько односторонним, в силу скудности и пристрастности тех сведений, какими они о нем располагали» [15, 63]. Н.А. Оболянинов предполагает, что Долгоруков был не слишком компетентным мемуаристом: Струйский «увлекался и другими научными вопросами, напр., оптикой, про что рассказывает кн. Долгорукий: Струйский объяснял ему в течение 2 часов разные оптические явления, но таким языком и способом, что он ничего не понял. Чья была вина в данном случае, – судить трудно, но, может быть, и кн. Долгорукий был “неспособным” учеником» [21, 271]. По мнению Оболянинова, распространенные отзывы о стихотворениях Струйского «слишком уж суровы <...>. Прочтите, например, такие “вириши” Струйского: они ничем не хуже многих стихов его учителя, Сумарокова» [21, 272]. Странности же Струйского объясняются его приверженностью поэзии: «Он старался и во внешности своей и в окружающей обстановке походить на настоящего служителя муз: носил длинные, прямые до плеч, волосы, одевался причудливо <...>. Стихи свои он писал обязательно на “Парнасе” <...>. Здесь был устроен нарочно поэтический беспорядок» [21, 272]. Таким образом, те же строки из долгоруковских записок Оболянинов читает совершенно иначе. Исследователь начала XX в. Е.А. Бобров видел в Струйском «просвещенного» [3, 1] и «очень любопытного» человека [4, 11]. «Жизнь его и деятельность составляет предмет особого труда, подготовляемого мною к печати», – писал Бобров [4, 11]: к сожалению, труд этот так и не увидел свет. За несколько лет до революции были опубликованы воспоминания Е.М. Сушковой, «последней из рода Струйских», воскрешающие рузаевский быт XVIII в. [33].

В советское время реабилитация Струйского сошла на нет: писатель с реноме «грозного крепостника» не мог ожидать снисхождения от официальной науки. Тем удивительнее выход в 1962 г. статьи И.М. Сахаровой о Струйском и его связях с Ф.С. Рокотовым [30]. И только в 1990-е гг. начинается вторая волна реабилитации поэта: появляются обширные исследования А.А. Морозова [19; 20] и Н.Л. Васильева [5], даже переиздается – впервые за два столетия – его поэтический

сборник «Эротоиды». Однако долгоруковский миф по-прежнему принимается многими исследователями за очевидность.

Почему же репутация Струйского, основанная на свидетельствах либо некомпетентных (Тучкова-Огарева, Дмитриев), либо прямо тенденциозных (Долгоруков, Тучков), оказалась при этом столь долговечной? Истоки репутации Струйского следует искать не в литературном цехе, со многими представителями которого поэт был знаком или дружен, но, скорее, в среде провинциальных помещиков, к которой принадлежали А.А. Тучков и кн. И.М. Долгоруков. Понятно, что сама по себе поэзия Струйского вызвать раздражение людей этого круга не могла – едва ли они были столь чутки к современной литературе. Многие превосходили Струйского в богатстве. И даже его типографские или юридические затеи были бы вряд ли осуждены по отдельности. Звание поэта оспаривалось у Струйского не потому, что стихи его были плохи, но потому, что на взгляд таких людей, как Тучков или Долгоруков, Струйский совмещал две несовместные, на их взгляд, социальные стратегии – помещика и поэта. Так каков же был в XVIII столетии социальный статус поэта и почему он был несовместим с положением «удельного рузаевского князя»?

Литературная ситуация XVIII века, как и вообще всё в русском обществе той эпохи, была следствием петровских реформ. В начале века зарождающаяся светская литература делается «средством перевоспитания дворянского общества. <...> Поскольку литература поставлена на службу политике, в специальных агентах она не нуждается. Изготовление литературных текстов становится одним из служебных поручений и достается то одному, то другому лицу из окружения царя – наряду с составлением указов, строительством триумфальных ворот или устройством шутовских церемоний; для такой службы достаточно грамотности» [13, 562]. «Человек в России, если он не принадлежал к податному сословию, не мог не служить» [18, 28], но «Табель о рангах» профессии сочинителя не знала. Для русского государства доекатерининского времени литератор был, по словам Пушкина, «нечто иное, как исправный чиновник, а не поэт, вдохновенный свыше» [26, 249]. Такая социальная роль вполне удалась одному Ломоносову – впрочем, поэзия не была главным его занятием. Сумароков и Тредиаковский, каждый по своему преданные поэзии, приобрели, по словам Ходасевича, репутацию «всеобщего посмешища русской литературы» [34,

463].

При Екатерине поэтов уже не бивали, составляются первые литературные кружки, но в русском обществе всё же преобладает мнение, что если дворянам и стоит заниматься литературой, то «легко и непринуждённо, а более довольствоваться услугами платных стихотворцев» [32, 119]. Итак, поэт XVIII столетия – это *поэт-подданный*, для которого занятия литературой являются либо делом служебным, либо досугом, которому он волен предаваться в свободные часы. Отдельной профессией или «отраслью промышленности» (Пушкин) литературу сделают уже «люди 1812 года», а в ранг религиозного служения возведут поэты Серебряного века.

Струйский выпадал из своего века – и в этом надо искать истоки как «отталкивания» его современников, так и «притяжения» людей Серебряного века. Подобно поэтам пушкинского круга, он считал литературу главным делом своей жизни. Более того, его повседневная жизнь проникнута литературной символикой: он строит дворец, чтобы завести у себя Парнас и устраивает типографию, чтобы печатать свои стихи; он отвечает бунтующим крестьянам литературным воззванием и приходит к императрице, чтобы вручить ей свои книги. Его судьба более всего напоминает нам социальное творчество поэтов Серебряного века.

И.Н. Розанов делит писателей на тех, что «идут по магистрали, хотя бы были второстепенны по таланту» и на «одиноким мечтателей», бредущих по проселкам [29, 19]. Жизненная стратегия писателя Струйского была не только не «магистральной» для своей эпохи – она была вызывающе «антимастральной». Но такая демонстративная «несвоевременность» оказалась для поэта спасительной: Струйский не исчез «в туманах безвестности» (Розанов), а литературный его облик и двести лет спустя сохраняет оригинальные и неповторимые черты.

На примере Н.Е. Струйского понятно, как случайно и произвольно развитие литературной репутации. Однако эта случайность и произвольность ограничена двумя константами. Первая («объективная») константа – сочинения самого автора и документальные свидетельства о его жизни. До недавнего времени эта константа в литературной судьбе Струйского роли почти не играла: стихи Струйского – заединичными исключениями – не переиздавались, а прижизненные издания составляли «большую библиографическую редкость» [17, 481]. Следовательно, писав-

шие о нём в XIX и XX вв. знали о его поэзии только понаслышке. Исторических свидетельств о жизни Струйского до недавнего времени тоже было немного.

Вторая («субъективная») константа – это «магистральные» для данной эпохи явления литературной жизни, и в том числе социальный статус поэта. Эта константа до недавнего времени и создавала репутацию Струйского. Случайность, что самые подробные мемуары о Струйском оставил человек, так болезненно переживавший его богатство; случайность, что М.Н. Лонгинов опубликовал их в 1860-е годы; случайность, что Дмитриев их заметил и творчески развил и т. д. Но едва ли случайно, что рассуждения князя Вяземского про «крепостные Русские» стихи Струйского публиковались середины XIX в. не поняла и забыла, в то время как долгоруковские анекдоты об «оригинале» и «парнасском буффоне» приняла за «сведения конечно любопытные для любителей старины и истории нашей литературы» [17, 487] и выучила наизусть; когда же М.А. Дмитриев приправил их театральными эффектами, они вошли в предание и надолго заменили подлинную историю. Признать в поэте XVIII века не униженного слугу или же чиновника, бряцающего на струнах в часы досуга, но самовластного рузаевского князя, для которого литература была высшим законом, тогдашняя публика была не готова. Кроме того, сами долгоруковские мемуары могли быть прочитаны по-разному – их и стали читать иначе на рубеже XIX–XX веков. Увидели в Струйском прежде всего человека, влюбленного в поэзию, и все его «странности» легко разъяснились. И это неудивительно – современники Волошина и Вяч. Иванова легко узнавали в Струйском знакомые черты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бартенев П.И. Заметка о сельских типографиях в России // Библиографические записки. 1858. № 9. Стб. 279–283.
2. Бартенев П.И. Дополнения, заметки и поправки // Русский архив. 1866. Стб. 265.
3. Бобров Е.А. Помещик и его крестьяне в 1774 году // ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 677. Архив Е. А. Боброва. Оп. 1. Д. 387. Л. 1–2.
4. Бобров Е.А. Из истории жизни и поэзии А.И. Полежаева // Варшавские университетские известия. 1904. № 2. С. 1–40 (отд. паг.).
5. Васильев Н.Л. Жизнь и деяния Николая Струйского, российского дворянина, поэта и верноподданного. – Саранск, 2003.
6. Воронин И.Д. А.И. Полежаев. Жизнь и творчество. – Саранск, 1979.
7. «Вяземский П.А.» Библиография // Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. 1827.

- Ч. XVII. Отд. первое. III. – С. 45-52.
8. Вяземский П.А. Новые книги // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. II: Литературные критические и биографические очерки: 1827 г. – 1851 г. – СПб., 1879. – С. 52-57.
 9. Державин Г.Р. Сочинения. С объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. III: Стихотворения. Ч. III. – СПб., 1866.
 10. Дерюгина Л.В. Эстетические взгляды П.А. Вяземского // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. – М., 1984. – С. 7-42.
 11. Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. – М., 1869.
 12. «Долгоруков И.М.» Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года князя И.М. Долгорукого // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1870. Генварь – Март. Книга первая. – М., 1870. – С. 59-61.
 13. Живов В.М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Живов В.М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. – М., 2002. – С. 557-637.
 14. Зарин А. «Е.» Струйский // Русский биографический словарь. «Т. XIX:» Смеловский – Суворина. – СПб., 1909. – С. 565.
 15. Из эпохи пугачевщины. Сообщил Б. // Минувшие годы. 1908. № 12. – С. 63-68.
 16. Коровин В.И. Князь Иван Долгоруков и «Капище моего сердца» // Долгоруков И.М. Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. – М., 1997. – С. 283-350.
 17. Лонгинов М.Н. Несколько известий о Пензенском помещике Струйском // Русский архив. 1865. № 4. Стб. 481-488.
 18. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства: XVIII – начало XIX в. – СПб., 1994.
 19. Морозов А.А. Из тьмы былого // Встречи с историей: очерки, статьи, публикации. Вып. 3. – М., 1990. – С. 137-147.
 20. Морозов А.А. «Николай Струйский, поэт российский» // Поэзия: Альманах. Вып. 58. – М., 1991. – С. 61-67.
 21. Оболянинов Н. «А.» Поэт и типограф-любитель, Николай Еремеевич Струйский // Голос минувшего. 1913. № 5. – С. 271-273.
 22. Огарева-Тучкова Н.А. Воспоминания: 1848–1870. – М., 1903.
 23. Переселенков С.А. Наталия Алексеевна Тучкова-Огарева и ее «Воспоминания» // Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. Л., 1929. С. I-XXII.
 24. Пикуль В.С. Шедевры села Рузаевки // Пикуль В.С. Из старой шкатулки: Миниатюры. – Л., 1976. – С. 74-82.
 25. Письма разных лиц к Ивану Ивановичу Дмитриеву // Русский архив. 1866. № 11-12. Стб. 1616-1730.
 26. Пушкин А.С. «Путешествие из Москвы в Петербург» // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Том XI: Критика и публицистика: 1819 – 1834. – М., 1949. – С. 243-267.
 27. Пушкин А.С. Table-talk // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. XII: Критика. Автобиография. – М., Л., 1949. – С. 156-177.
 28. Ранг М. «М.» Заметки. «№» 2 // Русский архив. 1867. № 7. Стб. 1176-1177.
 29. Розанов И.Н. Литературные репутации: Работы разных лет. – М., 1990.
 30. Сахарова И.М. Н.Е. Струйский и его связи с Ф.С. Рокотовым // Очерки по русскому и советскому искусству. – Л., 1962. – С. 3-15.
 31. Симони П.К. Н.Е. Струйской, поэт-метроман, и его сельская типография (1788 – 1796) // Старые годы. 1911. Январь. – С. 38-43.
 32. Степанов В.П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // XVIII век. Сб. 14: Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. – Л., 1983. – С. 105-120.
 33. Сушкова Е. «М.» Усадьба Струйских «Рузаевка»: Из воспоминаний последней в роде // Столица и усадьба. № 38–39. 1 августа 1915 года. – С. 3-5.
 34. Ходасевич В.Ф. Кровавая пища // Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник: Избранное. – М., 1991. – С. 463-466.
 35. Черных В.А. Мифоборчество и мифотворчество Анны Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 3. – Симферополь, 2005. – С. 3-22 [Электронный ресурс]: <http://www.akhmatova.org/articles/chernyh1.htm>
 36. Шангин В.В. Сельские типографии в последней четверти XVIII века и рузаевские издания Струйского. – СПб., 1903.

V. Popov

THE LITERARY REPUTATION OF N. STRUJSKIY

Abstract: The author reveals the history of reputation of the XVIII-th century poet Nikolay Strujskiy and tries to analyse its originality in the context of the writer's status in the Russian society. The obtained observations guide the author to several conclusions on the mechanics of the literary reputation, which occurs to be greatly determined by the dominating notion of the writer's social status.

Key words: N. Strujskiy, literary reputation, XVIII-th century literature, social stratification, writer's status.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КАК КАТЕГОРИИ КУЛЬТУРЫ США В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ АМЕРИКАНСКИХ РОМАНТИКОВ*

Аннотация: В данной статье автор принимает попытку исследовать понимание американским обществом первой половины XIX века таких категорий, как пространство и время через литературное творчество американских романтиков, что позволяет лучше понять духовный облик Америки тех лет. Общество в своем повседневном существовании находится в рамках времени и пространства. Автор статьи отмечает, что американские романтики в своем творчестве постоянно оперировали категориями прошлого, настоящего и будущего. Однако они полагали, что в вечности пространство и время не имеют реальности на духовном уровне. Вечность является нематериальной реальностью. Человек не может её воспринять своими «земными» способностями, но, возвышая душу к духовному миру, он может внутренне прочувствовать эту реальность.

Ключевые слова: пространство, время, менталитет, религиозное сознание, духовный облик страны.

Представления человека о пространстве и времени имеют давнюю историю и являются так или иначе религиозно обусловленными. Бытие Божие подтверждается множеством знамений, духовным опытом огромного числа людей, словами священных книг. Как только человек задумывается над проблемой бесконечности Времени и Пространства, он неизбежно приходит к мысли о Боге. Главным в вопросе о пространстве является вопрос о существовании (или несуществовании) трансцендентного, что лежит за пределами человеческого понимания (именно этот термин употребляет большинство современных ученых). В понимании же времени основным является вопрос о том, откуда и куда движется наш мир. Представления о пространстве и времени – это часть человеческого наследия, они представляют собой важные составляющие ментальности общества.

В большинстве энциклопедий пространство характеризуется через заполняющие его объекты, их свойства и взаимоотношения.

Вера в Бога в американском обществе

первой половины XIX века предполагала существование трансцендентного, а «рационализм и решительность» Америки этого периода, в свою очередь, утверждает: существует только мир эмпирической реальности. Однако в сознании романтиков могут существовать параллельно как земной мир, так и множество других запредельных миров. Создается такое впечатление, словно американские романтики экспериментируют со «средами», пытаясь понять: можно ли при помощи языка создать иную реальность, можно ли в ней жить?

Ученые выделяют следующие миры: мир физической современности, мир религиозных догматов, мир национального фольклора.

Существует, прежде всего, мир физической современности – земной мир. Мир физической современности или «объективная действительность» – это мир, где живёт человек. Это материальный мир, «здесь и сейчас», современность (всё то, что принято и возможно сейчас). Объективная действительность – это эмпирическая действительность или то, что называется «миром». С одной стороны, «мир физической современности» играет роль буфера между другими «мирами».

С другой стороны, то, что «бывает на самом деле», обычно невысоко ценится романтиками. В доказательство этого момента хотелось бы привести фразу французского писателя того времени Шарля Нодье: «Если вы требуете правдоподобности, вы никогда не найдёте правды» [1: 32]. Всякий романтик, в том числе и американский, выше внешнего мира ценит область душевной жизни, фантазию. Границы мира физической современности открыты, и в него может проникнуть другая реальность, другой мир. «Романтизм невозможен без веры в существование трансцендентного, без веры в чудо. Романтик составляет жизнь предоставлять доказательства истинности этой веры», [13: 89] то есть сознание романтика первой половины XIX века было открыто для иных миров, было открыто для «вторжения» другой жизни, чуда.

Романтик, стремящийся замечать в мире все загадочное и таинственное, предпочитает оценивать увиденное как чудо. Пример

* © Седова Н.А.

ром здесь может служить история, описанная в рассказе «Сфинкс» Э. По. Герой повествования «увидел» в насекомом ужасное чудовище.

Чудесное связано с появлением существ, чуждых миру «физической современности». Такое «вторжение» отражено в творчестве Э. По. Писатель как бы «заигрывает» с дьяволом, принимает диалектику «добра и зла» в своих произведениях.

В доказательство того, что сверхъестественные существа являются из разных миров, можно привести историю рассказа Э. По «Маска красной смерти»: «Гость был высок ростом, изможден и с головы до ног закутан в саван. Маска, скрывавшая его лицо, столь точно воспроизводила застывшие черты трупа, что даже самый пристальный и придирчивый взгляд с трудом обнаружил бы обман.

Принц бежал с обнаженным кинжалом в руке, и, когда на пороге черной комнаты почти уже наступил отступающего врага, тот вдруг обернулся и вперил в него взор. Раздался пронзительный крик, и кинжал, блеснув, упал на траурный ковер, на котором спустя мгновение распростерлось мертвое тело принца. Тогда, призвав на помощь все мужество отчаяния, толпа пирующих кинулась в черную комнату. Но едва они схватили зловещную фигуру, застывшую во весь рост в тени часов, как почувствовали, к невыразимому своему ужасу, что под саваном и жуткой маской, которые они в исступлении пытались сорвать, ничего нет. Теперь уже никто не сомневался, что это Красная смерть» [9: 45].

В этом произведении Э. По **смерть**, обитатель, а может быть, и сама хозяйка «иного мира», приходит в мир живых, приняв облик жителя уже «этого мира». По мысли американского романтика, «иная» жизнь существует, – обитатели потустороннего мира живут другой жизнью, но могут являться в земной мир, перемещаясь из одного мира в другой.

Или другое произведение Э. По – «Лигейя». У главной героини рассказа было настолько сильно желание жажды жизни, что после смерти она возвратилась в «мир живых», но уже в чужом теле, второй умершей жены главного героя: «И тогда медленно раскрылись глаза стоявшей передо мной фигуры.

– В этом..... – пронзительно воскликнул я, – да, в этом я не могу усомниться! Это они – огромные, и черные, и пылающие глаза моей потерянной возлюбленной... леди... ЛЕДИ ЛИГЕЙИ!» [10: 72].

Из этого примера, казалось бы, напрашивается следующий вывод: для романтиков, в том числе и американских, существование других миров было такой же действительностью, как и существование реального мира в общепринятом понимании. Однако вспомним знаменитое высказывание Э. По: «В моей душе (разуме) нет никакой веры в сверхъестественное» [16: 63]. По нашему мнению, вывод из вышесказанного можно сделать такой: литературный гений в том и проявляет себя, что, преобразуя устоявшиеся стереотипы «нереального», создает иллюзию новизны и «настоящей реальности» – «других» миров. Эти миры периодически сталкиваются между собой, между ними происходит общение.

Мир религиозных догматов. К Америке это приложимо в том плане, что религиозные аллюзии на главные события Библии были исключительно характерны для литературы периода первой половины XIX века. Наглядный тому пример – произведение Н. Готорна «Молодой Браун», где главный герой встречается с самим Дьяволом. Нужно отметить, что в американской литературе того времени образ Дьявола весьма подвижен. Он меняет не только свой облик, но и имя, возможно, потому, как мы думаем, что имя сатаны произошло от древнеегипетского Сет-Ан, которое означает «Юг-Север», то есть постоянное противоречие. Здесь, как нам кажется, можно усмотреть некую аллюзию на противоречия духовного облика Америки тех лет.

Мир национального фольклора. Здесь собраны образы народных поверий и их подобию, порожденные фантазией романтика. Большинство американских писателей тех лет было убеждено, что народной массе были доступны те бессознательные, инстинктивные, туманные, странные знания, которые, опередив науку на целые столетия, живут, перемешиваясь с разного рода поверьями, в сознании общества и передаются через национальный фольклор из поколения в поколение. «Только по причине слабости наших органов, – писал еще в XVIII веке один из самых крупных представителей немецкого романтизма Новалис, – мы не переносимся в мир фей» [4: 335]. А вот в рассказе «Остров фей» Э. По «сталкивает» своего героя с настоящей феей.

Мы видим, что романтики, в частности американские, не случайно обращаются к народному творчеству своей страны.

В этот период времени Америка активно начинает искать пути своего самоопределения. Американское общество изучает свое

внутреннее «Я» и поэтому не случаен интерес американских романтиков к фольклору Нового Света, то есть к сказкам, мифам, поверьям, легендам, к разным народным суевериям, которые к XIX веку, по нашему мнению, уже приобретали черты национального характера.

Фольклор, как отмечает большинство исследователей, используется как средство для понимания менталитета, характера народа. Чтобы понять, выявить духовный облик народа Америки первой половины XIX века, американские писатели и обращались к различным формам народного творчества.

Как отмечает А. Л. Налепин в статье «Изучение проблем историзма в американской фольклористике»: «...невозможность выявить следы «ментальности», «духовного облика нации» в официальных исторических документах и заставила историков обратиться к новым для историографии темам «время, пространство, брак, семья, сексуальные отношения, женщина, детство, личность, смерть, аккультурация, истина, народная культура, народная религиозность, устная традиция» [6: 67].

Поиски новых источников вели западных историков к фольклору. До сравнительно недавнего времени преимущественно в американской науке за источник признавались только зафиксированные на бумаге факты. В той же статье А. Л. Налепин продолжает: «Осознание того, что официальный документ (хроника, летопись, отчет, газетный текст и т. д.) может носить легендарный характер или даже являться чистым вымыслом и что, напротив, фольклор (в самом широком толковании этого термина) может быть надежным историческим источником, пришло в историческую науку уже в наши дни, когда пересмотру была подвергнута вся концепция истории США» [8: 46].

История США, «духовный облик» нации и американский фольклор представляют собой единое целое и могут быть поняты лишь друг через друга. Однако здесь существует «опасность тезиса «фольклор – зеркало национального характера», так как отраженный образ будет определяться не трезвыми фактами, а региональными, этническими, социальными или же религиозными склонностями и пристрастиями людей, которые держат это зеркало» [3: 125]. В нашем исследовании духовного облика Америки первой половины XIX века мы постараемся придерживаться объективной точки зрения относительно данного вопроса.

Большинство исследователей, пишущих о фольклоре, сходятся в том, что фольклор есть «сумма знаний (верований, обычаев, афоризмов, песен, историй, преданий и т. п.), созданных игрой наивного воображения на основе повседневного человеческого опыта, которые сохраняются без помощи письменных или печатных средств [8: 76]. И хотя в том понимании, который принят у большинства европейских народов, население США, казалось бы, нельзя назвать единой нацией (поскольку население США составляют выходцы из разных стран), отрицать существование фольклора у американцев, «(как это делали традиционные фольклористы, сводящие его к сумме заимствований из фольклорного наследия англичан, шотландцев, французов и иных переселенцев на американский континент) — значит оставлять без внимания запечатленную в культуре память о богатом историческом опыте, присущем американскому народу» [2: 12].

Американский романтик предполагает возможность существования как реальных существ (в общепринятом понимании), так и «нереальных духовных существ вообще». «Общение» у романтиков очень разнообразно: люди могут вступать в контакт через разные миры с другими обитателями «иных миров».

Почему же романтики обращаются в своем творчестве к «другим мирам»? Можно согласиться с М. Штирнером и Л. Фейербахом, труды которых очень ценили в США, в том, что это была попытка спасти религиозную веру: «Что лежит в основе тёплой веры в привидения, как не вера в существование “духовных существ вообще”, и ведь эта вера должна роковым образом пошатнуться, если допустить, чтобы дерзкие люди колебали веру в привидения. Какой удар получила бы самая вера в Бога, когда исчезла вера в привидения, это романтики почувствовали совершенно ясно, поэтому они старались отвратить роковые последствия не только попытками воскресить сказочный мир, но затем в особенности посредством “вторжения высшего мира”, своими сомнамбулами, ясновидящими и т.д.» [15: 33]. Пока религиозная вера жива, в людях живёт вера как в Бога, так и в героев народных поверий.

Соприкосновение с темой запредельного заставляло американских романтиков задуматься о том, как мы познаем мир. Традиционный «просветительский» подход, который романтики не приняли безоговорочно, «работал» в то время – это логика, поиск закономерностей, выстраивание логических

рядов, составление классификаций. (Собственно, вся наука до сих пор создавалась именно так).

В XVIII веке Просвещение пыталось уничтожить все «предрассудки», старалось найти ответы на все вопросы бытия, однако эта борьба с невежеством со временем сменяется желанием воскресить все то НЕОРДИНАРНОЕ, что живо в духовном облике общества.

Обращение к «духовным существам вообще» показывало романтикам США, что очень многое не укладывается в привычные рамки, что каждая картина – это новая вселенная, новый мир, новое Пространство человека. Это переход из одного пространства жизни в другое.

К «народным фантазиям» относится, как уже упоминалось нами, национальный фольклор – это миф, легенда, сказка. Населенные их персонажами романтические миры открыты. «Наш мир», сам человек, по мнению многих романтиков Нового Света, является «дверью» в Инобытие. Наглядный пример – рассказ «Элеонора» Э. По. Умирая, возлюбленная главного героя, пообещала ему после своей кончины являться зримо и незримо, охраняя его покой: «И раз – но только раз! – в ночной тиши сквозь решетку окна слышались давно замолкшие тихие вздохи, и милый, такой знакомый голос сказал:...» [12: 174].

Из посещающих людей обитателей других миров особенно «популярными» кажутся мертвецы, пришедшие «оттуда», которые так или иначе дают о себе знать. Наглядный тому пример – произведение Натаниэля Готорна «Опыт доктора Хайдеггера»: «Но было известно, что эта книга волшебная; однажды служанка приподняла ее, желая стереть пыль, – и тотчас же скелет застучал костями в своем ящике, молодая леди с портрета ступила одной ногой на пол, из зеркала высунулось несколько страшных рож, а бронзовая голова Гиппократы нахмурилась и сказала: «Берегись!»» [5: 310].

Следует отметить, что сам американский писатель-романтик в своем мире «физической современности» обычно очень хорошо осознает, где он находится. Об этом факте нам красноречиво говорят заметки «Американских записных книжек» Н. Готорна, в которых писатель дает четкое объяснение, почему так, а не иначе он «строит» тот или иной свой рассказ. Романтик сожалеет об ограниченности «нашего мира», об ограниченности человеческого сознания. Л. Уланд

пишет: «Лучшие силы души тянутся с бесконечной тоской в бесконечную даль. Но дух человека, хорошо чувствуя, что он никогда не сможет постичь бесконечность во всей полноте и устав от неопределённо-блуждающего томления, соединит вскоре свои страстные желания с земными картинами, в которых ему всё же чудится отблеск сверхъестественного» [14: 159]. Материализм кажется романтикам США примитивным учением, освещающим лишь видимую сторону жизни. Романтики всегда стремятся иметь личный опыт соприкосновения с теми явлениями, которые лежат вне области разумного. Достигают они этого через чтение книг мистического содержания, занятия спиритизмом, употребление алкоголя или наркотиков. Все это мы находим в произведениях Э. По, например, в рассказах «Черный кот», «Лигейя» и многих других. «Но в любом случае, даже если романтик берётся непосредственно описать опыт подобного рода, это не просто то, что «привиделось». Это то, что имело реальную власть над сознанием, было осмыслено и прошло литературную обработку» [7: 145]. Известно, что сам писатель употреблял алкоголь и наркотики.

В следующем отрывке из рассказа Э. По «Черт на колокольне» четко можно увидеть то, как воспринимали ВРЕМЯ американские романтики, а вместе с ними и все американское общество первой половины XIX века:

– Раз! – сказали часы.

– Расс! – отозвался каждый маленький старичок с каждого обитого кожей кресла в Школькофремене. «Расс!» – сказали его часы; «расс!» – сказали часы его супруги, и «расс!» – сказали часы мальчиков и позолоченные часики с репетиром на хвостах у кошки и у свиньи.

– Два! – продолжал большой колокол; и

– Тфа! – повторили все за ним.

– Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь! Восемь! Девять! Десять! – сказал колокол.

– Три! Тшетире! Пиать! Шшесть! Зем! Фосем! Тефять! Тесять! – ответили остальные.

– Одиннадцать! – сказал большой.

– Отиннатсать! – подтвердили маленькие.

– Двенадцать! – сказал колокол.

– Тфенатсать! – согласились все, удовлетворенно понизив голос.

– Унд тфенатсать тшасофф и есть! – сказали все старички, поднимая часы.

Но большой колокол еще с ними не закончил.

– Тринадцать! – сказал он.

– Дер Тейфель! – ахнули старички, бледнея, роняя трубки в снимая правые ноги с левых колен.

– Дер Тейфель! – стонали они. – Дряннатсать! Дряннатсать! Майн Готт, сейтшас, сейтшас дряннатсать тшасофф!

К чему пытаться описать последовавшую ужасную сцену? Всем Школькофременом овладело прискорбное смятение [11: 79].

В этом рассказе американский писатель высмеивает шаблонную жизнь обитателей немецкого городка, перенося эту модель на американское общество первой половины XIX века.

Обычно часы символическим образом воплощают в себе упорядоченность, стабильность человеческой жизни. Но в произведениях Э. По мы наблюдаем иную картину: странный пришелец ломает часы на городской башне в самые важные минуты, в вечернее время часы на Пьянце обозначили **роковое** событие («Свидание»), в ожидании **мести** дьявола именно часы занимают все мысли героя новеллы «Ангел Необъяснимого». Ход часов все ближе приближает человека к неизбежной встрече с неизведанным: «На сей раз часам предстояло пробить двенадцать ударов, и, может быть, поэтому чем дольше они били, тем сильнее закрадывалась тревога в души самых рассудительных. И, может быть, поэтому не успел стихнуть в отдалении последний отзвук последнего удара, как многие из присутствующих вдруг увидели маску, которую до сих пор никто не замечал» [9: 125].

Или другой пример – из рассказа «Лигейя»:

*По кругу мечется толпа
За призраком вослед* [12: 174].

Интересно, но по большей части категория времени в творчестве Э. По имеет значение трагического исхода, конца земной жизни. Умирающая природа, вечер уходящего дня, качание маятника – все это образы «конечности» человеческой жизни. Время одновременно дает жизнь и снова ее забирает.

В символическом смысле река определяет моменты жизни, главные для человека. Берег реки является своего рода переходом между двумя мирами – запредельным и земным. Например, осенним вечером Морелла сообщает своему возлюбленному, что умирает («Морелла» Э. По); ночью, к концу сентября, леди Ровена говорит о своем предчувствии скорой смерти («Лигейя»); на берегу реки

встречаются герои произведения «Элеонора»: «...ужас могилы для нее лишь в одном; она поведала мне об этом однажды в сумерках на берегу Реки Молчания» [12: 170].

Таким образом, американские романтики воспринимали категорию времени как философское понятие. Они полагали, что во вселенной времени не существует. Это изобретение человечества. Все живое связано с друг другом на глубинном, внутреннем уровне, а не отделено друг от друга, как предполагает «наш мир». Разум человека «защищается» от столкновений с невероятным поиском объяснений того, что объяснить невозможно. Романтики Америки старались показать, выявить контраст между сиюминутным, повседневным и вечным. И нередко именно с помощью сверхъестественной силы американские писатели первой половины XIX века в своем творчестве сопрягали американское «мещанское время» и **время** как категорию человеческого бытия.

Американские романтики, так же как и романтики в Европе, верили в реальность «со многими слоями». Миры между жизнью и смертью, где можно было потерять живых и найти мертвых, имели для них важное значение. Наличие альтернативных связующих нитей между мирами, между различными аспектами мироздания, хорошо показывает нам, насколько сложными и противоречивыми были представления романтиков о мироздании и нашей вселенной.

Американские романтики первой половины XIX века полагали, что человек принадлежит одновременно к нескольким мирам, и он есть как бы место их встречи и пересечения. Через тело и через душевную жизнь человек входит в ПРИРОДУ и мир современности. С другой стороны, человек входит в совсем иной мир. Жизнь человека в физическом теле – это урок, этап духовного развития. XIX век в Америке – это попытка подтверждения главной истины, что все – живое, а Смерть лишь **переход** одной формы жизни в другую. Человек не утратил тех качеств души, которые позволяют ему путешествовать сквозь Время и Пространство – так полагали американские романтики. Назначение человека писатели Америки первой половины XIX века видели в осуществлении связи между мирами: плотным, материальным и духовным.

Главное назначение человека, которое отражено практически во всей литературе США XIX века, – это совершенствование. А пути к нему, предложенные романтиками, разнятся: они зависят от индивидуальной

картины мира, созданной каждым из писателей. Производя переоценку ценностей былых времен, они не отреклись от главной истины «праотцев»: вера, с которой христианин идет по жизни, по мнению писателей, приводит его в высший духовный мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Брандес Г. Романтическая школа во Франции // Брандес Г. Собр. соч. в 12-и тт. – Киев, 1902. – Т. 7. – С. 32.
2. Ващенко А.В. Горькие уроки Дикого Запада. Каньон. Американская проза о Дальнем Западе. – М., 1983. – С. 12.
3. Вилсон В.А. Теория американского фольклора Ричарда Дорсона: финский аналог. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 125.
4. Гайм Р. Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума. – М., 2006. – С. 335.
5. Готорн Н. Опыт доктора Хайдеггера // Алая буква. – М., 2006. – С. 310.
6. Гуревич А.Я. Этнология и история в современной французской медиэвистике // Этнография. – М., 1984. – С. 67.
7. Карельский А.В. Драма немецкого романтизма. – М., 1992. – С. 145.
8. Налепин А.Л. Изучение проблем историзма в американской фольклористике // Фольклор. Проблема историзма. – М., 1988. – С. 46.
9. По Э. Маска красной смерти // Золотой жук. – М., 1989. – С. 45.
10. По Э. Лигейя. // Убийство на улице Морг. – М., 1987. – С. 72.
11. По Э. Черт на колокольне. // Убийство на улице Морг. – М.: Московский рабочий, 1987. – С. 79.
12. По Э. Элеонора. // Убийство на улице Морг. – М., 1987. – С. 174.
13. Тарнас Р. История западного мышления. – М., 1995. – С. 89.
14. Уланд Л. О романтическом. // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. – М., 1980. – С. 159.
15. Штирнер М. Единственный и его собственность. – Харьков, 1994. – С. 33.
16. Яхонько М. И. Проблема соотношения морали и религии в творчестве Э. По. – Киев, 1991. – С. 63.

N. Sedova

SPACE AND TIME AS A CATEGORY OF CULTURE IN AMERICAN ROMANCE LITERARY

Abstract: In this article the author attempts to explore the understanding such categories as space and time by American society in the first half of the nineteenth century through the literary works by American Romantists. That allows to understand better the spiritual image of America of those years. We know that everyday life of people is restricted by time and space. The author notes that the American writers in their works constantly operated with categories of past, present and future. However, they believed that space and time in terms of eternity have no reality on the spiritual level. Eternity is an intangible reality. Human objective abilities can not perceive it, though people can feel internally elevating their souls towards spiritual world.

Key words: space, time, mentality, religious consciousness, the spiritual image of the country.

УДК 821 (091)

Седова Н.А.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ*

Аннотация: Нет ни одного народа, который не знал бы религии, и, следовательно, возникновение и развитие религиозных представлений связано с определенной «картиной мира» человека, которая так или иначе лежит в различных вариантах конкретных религий. В этом смысле и принято говорить о религиозном сознании. Религиозное сознание подчеркивает, что наличие религиозных представлений соответствует духовным потребностям человека – это с одной стороны, а с другой, ре-

лигия является отражением реального бытия общества. В данной статье автор предпринимает попытку исследовать религиозное сознание США первой половины XIX века через литературное творчество американских романтиков. Автор статьи отмечает, что Америка того периода – это попытка преодоления рокового раздора между двумя верами – верой в Бога и верой в человека. Американские романтики в своем творчестве искали решение этой проблемы, которая проходит через всю историю США с самого их возникновения.

* © Седова Н.А.

Ключевые слова: менталитет, национальный характер, религиозное сознание, трансцендентализм.

В Америке становление национального характера, духовного облика Американской Республики обусловлено религией. Безусловно, понимание Бога неразрывно связано с историей человечества. Духовный облик Америки первой половины XIX века во многом определяется проблемой противоречия между идеей Бога и идеей человека. По нашему мнению, Америка того периода – это отражение рокового раздора между двумя верами – верой в Бога и верой в человека, что и являлось одним из главных источников ее трагизма. В статье мы остановимся на тех аспектах религиозного сознания американского общества первой половины XIX века, которые не утратили актуальности сегодня. В качестве основы мы избрали творчество Н. Готорна и Э. По. По утверждению ряда ученых, взгляды этих американских романтиков по вопросам Бога и Человека были диаметрально противоположны.

Существует мнение, что с самого начала американское пуританство в какой-то степени возложило задачу расшифровки Библии на каждого отдельного пастора, а в дальнейшем и вовсе переложила эту задачу на плечи каждого отдельно взятого американца – «простого человека».

Известно, что вся история США – это, так или иначе, вера в возможности ЧЕЛОВЕКА. Так, в рассказе «Великий карбункул. (Тайна Белых гор)» Н. Готорн пишет: «Однако все признали, что рассказы эти вряд ли заслуживают доверия, и предпочли объяснить неудачи отсутствием упорства и находчивости у тех, кто пустился на поиски таинственного камня, а также множеством естественных препятствий, преграждающих путь к цели в этом лабиринте лесов, долин и гор»[2: 128].

По мнению американского ученого В. Сакса, именно отсюда такое парадоксальное слияние в американском характере первой половины XIX века религиозности и прагматизма (об этом работа В. Сакса «Мир Америки. Очерки о структуре литературного воображения», 1973). Этому обстоятельству во многом способствовало Просвещение. Безусловно, просветительские идеи до некоторой степени создали Америку. Надо, однако, учитывать то, что, как сказал Иван Васильевич Киреевский (1806-1856) в своей книге «Духовные основы русской жизни», русских и американцев объединяет то, что они берут у

Европы «плоды просвещения» как бы «украденного» у первоисточника. Действительно, своеобразие исторического развития США проявилось и в том, что, не успев вступить в новую для себя эпоху, они тут же испытывают сильное воздействие просветительских идей. Американский народ видел свое особое предназначение в том, что новой нации суждено заложить новые основы духовного просвещения, опирающегося на ВЕРУ В БОГА. Именно в ИСТИННОЙ ВЕРЕ (пуританстве) возможно проявление высших возможностей человека – любви, свободной стихии духа, устремленности к творчеству. Потенции духовного развития американского народа противопоставлялись духовному упадку Европы. Американское общество первой половины XIX века считало, что тогдашнее положение в Европе привело ее к потере веры, социальной разобщенности. Свое главное предназначение американцы видели в том, чтобы спасти мир от духовной катастрофы, их молодая «чистая» нация должна встать в центре мировой цивилизации и на основе ИСТИННОЙ ВЕРЫ принести свет истины всему миру, ибо, как полагали духовные праотцы Нового Света, кто познает истину, тот познает Бога. Однако, по их мнению, это могло произойти только тогда, когда сам американский народ проявит свои духовные силы, построит в своей стране жизнь по учению Нового Завета. Американцы полагали, что европейское христианство к тому времени стало сильно окостеневшей догматизированной религией с разветвленной системой предписаний и запретов, что, по мнению молодого американского общества того времени, мешало познать Бога, ибо Всевышний каждому указывает нужное направление, нужно только увидеть этот путь среди лабиринтов заблуждений и ненужных религиозных правил и норм. Выступив с беспощадной критикой Европейской веры, первые переселенцы на Новой Земле принялись за строительство Новой истинной веры. Справедливо полагая, что настоящее вытекает из прошлого, будущее строится из настоящего, новые хозяева Американского Континента считали, что для того, чтобы заслужить спасение, человек должен быть СВОБОДНЫМ, ему нужно избавиться от всего «грешного старого», оставив его на своей прежней родине. Свобода, по мнению американцев XVIII-XIX веков, дана для того, чтобы человек принял выбор между материей и духом и оценил их соотношение верно, не умаляя ни одного из них. О таком выборе, по нашему мнению, говорится в таких произведениях американ-

ского романтика Н. Готорна, как «Великий карбункул», «Дочь Раппачини», «Мастер красоты», и других новеллах писателя.

Такому положению дел во многом способствовал фронтир, чисто американское явление истории этой страны. Так, в своей статье «Америка далекая и близкая» Юрий Каграманов говорит следующее: «Согласно с концепцией Тёрнера (Тёрнер Джэксон – американский историк, выдвинул идею, что вся история США – в первую очередь история колонизации «великого Запада», что особенности развития страны объясняются наличием «свободных» земель и продвижением границы американских поселений), по мере удаления от Атлантического побережья американец сбрасывал с себя «груз» истории и культуры, который оказывался ненужным в условиях «пустыни»; здесь интуиция и здравый смысл заменяли все остальное. И от христианства он уносил с собою главным образом его практический «остаток» — мораль. Так в условиях фронта «естественным» путем складывалась демократия, признающая только горизонтальный принцип — принцип равенства «простых людей», «свободных» от чьей бы то ни было опеки» [6: 134].

Все это напрямую относится к американскому христианству. В условиях фронта американец пришел к выводу, что он сам решает (а во многом он просто был вынужден это делать), что правильно, а что нет. Те, кто осваивал «Дикий Запад», считали, что у каждого человека своя тропинка к Богу, поэтому, осваивая Новую Землю, американцы полагали, что не стоит нагружать себя лишними эмоциями, так как любую ситуацию создает Бог. Дело человека состоит лишь в том, чтобы понять ситуацию, сделать правильный выбор. Если обратиться к художественной литературе того периода за подтверждением этой идеи, то в качестве доказательства хотелось бы привести произведение Н. Готорна «Великий карбункул». По мысли автора, главные герои рассказа – Метью и Хана – сделали правильный выбор, отказавшись от Великого карбункула, так как они не захотели обладать сокровищем, которое не могут разделить с ними другие люди.

В американском обществе того времени оформлялась идея о том, что всякий верующий американец – сам себе священник, так как жизнь дана человеку для того, чтобы ЕМУ самому неустанно идти в стремлении к Богу, человеческая жизнь дана на укрепление духа, что в свою очередь, по мнению молодой нации, способствовало укреплению воли.

Поэтому всякое преодоление трудностей есть еще один шаг на пути к Богу. Говоря словами известной нам пословицы: «Страшен сон, но милостив Бог», общество Нового Света в то время считало, что подлинные ценности есть результат человеческого труда, именно труд рождает истинные духовные ценности. В сознании американцев первой половины XIX века именно нравственность являлась хранительницей всех поколений. По мнению американского общества рассматриваемого периода, ответственность перед Богом дана была человеку на века. Каждый в отдельности человек будет держать ответ перед Всевышним, поэтому дело спасения души – это дело каждой конкретной личности в отдельности и здесь никто не сможет помочь ни церковь, ни церковные догматы.

Таким образом, американское пуританское христианство задачу спасения человеческой души возложило на плечи рядовых американцев, которые в силу определенных исторических условий, привыкли доверять только себе, полагались на свое внутреннее «Я» и на тексты Книги книг, в которых говорится, что Бог не оставит человека, если человек не оставит Бога. В подтверждение данной мысли снова обратимся к произведению «Великий карбункул». Писатель приводит своих героев к Великому карбункулу, но увидеть его способны лишь Метью и его жена, так как, по мысли автора, в их сердцах живет любовь и Бог – лишь они, отправляясь на поиски камня, «на минуту задержались, чтобы прочитать молитву, умыться студеной водой Амонусака и перекусить, прежде чем начать восхождение» [2: 130].

Философия американского трансцендентализма с его основополагающей идеей о том, что Абсолют, Сверх-душа скрыты в человеческой повседневности, несомненно, тоже оказала влияние на духовный облик Америки первой половины XIX века. В книге Г. И. Ващенко «История американской литературы в терминах» дается следующая характеристика трансцендентализма: «Это движение имело в своей основе веру в единство мира и Бога. Душа каждого индивида считалась тождественной всему миру и представляла собой этот мир в миниатюре. Учение о «доверии к самому себе» и индивидуализм развивались путем убеждения читателя в том, что душа человека связана с Богом и отождествлялась с ним» [1: 254].

Известно, что американский трансцендентализм широко освещен в литературе многими исследователями. Так, литературовед В.

Паррингтон назвал Торо «апостолом древней мудрости», а Ральфа Эмерсона – «бакалавром природы» [12].

Ю. В. Ковалев в своей книге «Эдгар Аллан По: новеллист и поэт» дает следующее определение трансцендентализму: «Трансцендентализм представляет собой не что иное, как философскую формулу романтического гуманизма, его теоретическое воплощение» [7: 157].

Торо и Эмерсон, основные представители трансцендентализма, настаивали на том, что все люди обладают своей индивидуальностью и эта индивидуальность неповторима. Большинство как отечественных, так и зарубежных ученых сходятся на том, что американские трансценденталисты довели радикальный индивидуализм до крайности. Так, относительно религии Эмерсон нередко говорил: «Дабы быть хорошим священником, необходимо покинуть церковь».

В его эссе «Природа» (1836 г.) мы находим следующие строки: «Наш век обращен в прошлое. Он строит склепы своим предкам. Он пишет биографии, истории, критические статьи. Прошлые поколения созерцали Бога и Природу; они смотрели в глаза друг другу. Мы же смотрим на все теперь их взглядом. Почему мы не способны наслаждаться нашей изначальной связью со Вселенной? Почему мы не можем иметь поэзию интуитивную, поэзию внутреннего видения, а довольствуемся поэзией традиционной? Где та религия, которая стала бы для нас откровением, а не только историей религий? Нас окружает могущественная природа, на смену одним временам года приходят другие. Потоки жизни бурлят и проносятся сквозь нас; своей силой они зовут нас к действию, соразмерному с силой природы. Так почему мы должны бродить на ощупь среди истлевших костей прошлого? Вот сегодня тоже ярко светит солнце, в полях все больше колосьев. Есть новые страны, новые люди, новые мысли. Так давайте займемся нашей собственной работой, нашими собственными законами, нашим собственным служением Богу» [13: 117-123]. Согласно этим идеям человек должен иметь прямой выход к Богу. Человек сам идет к Всевышнему, минуя всяких посредников. Американец в этих посредниках зачастую видит носителей сложных христианских догматов и противоречивых религиозных учений.

Так, в работе Ральфа Эмерсона «Природа», по нашему мнению, познание величия Бога совершается через восхищение величием сотворенного мира. Автор познает

Всевышнего через познание Его отражения в окружающей среде человека (природе). И через познание себя самого как отражения этой среды.

Христианские мотивы проходят через все эссе Эмерсона «Природа». Как говорит М. Н. Фомина в своей статье «Диалог о природе во времени и пространстве: поиск этических альтернатив»: «Если для пантеизма человек и природа растворяются в Боге, для материализма — Бог и человек растворяются в природе, то для Эмерсона Бог и природа растворяются в человеке. Возвышая природу до уровня божественного, Эмерсон тем самым дает возможность человеку ощутить это чувство и в себе» [12]. Они едины: Природа, человек, Бог, вечный цикл сотворения и гибели — вот она, тайна.

В связи с заданной темой, нам хотелось бы остановить внимание на знаменитой доктрине «доверия к себе» Эмерсона. Об этом написано уже немало. По нашему мнению, истинный смысл ее состоит в следующем: писатель именует человека «богом», вовсе не противопоставляя его, не приравнивая Создателю, так как ставит человека в зависимость от истинного Бога.

Американские трансценденталисты, а вместе с ними и большинство американских романтиков, преклонялись перед величием и красотой природы. Для них природа была бесконечна и разнообразна. По мнению многих американских писателей первой половины XIX века, природа — это источник духовного начала в жизни человека, это вселенский разум, дыхание самой жизни. Это поток любви ко всему живущему. Это сострадание, сочувствие, неиссякаемый источник вдохновения, добра и понимания, источник знания.

Р. Эмерсон и Г. Торо в природных, повседневных явлениях видели символы Истинного Духа: «Природа — символ духа» [14: 254]; «Чувственно воспринимаемые предметы согласуются с велениями Разума и отражают сознание. Все вещи наделены моралью и в своих нескончаемых изменениях все более сближаются с явлениями духовного порядка» [10: 44]. Представление трансценденталистов об эмблематичности природы, по нашему мнению, безусловно, вело их к желанию увидеть в «обычной» вещи, в повседневной жизни своего современника инобытие.

Не случайно в 1845-47 гг. Генри Дэвид Торо осуществляет эксперимент добровольного одиночества. Как он сам говорил, он не убегал от действительности и от ее проблем. Он ушел от «мира людей», чтобы познать себя

и найти путь спасения.

В своей книге «Уолден, или Жизнь в лесу» Торо подробно рассказывает и размышляет об этом этапе его жизненного пути. По мнению американского философа, мир представлен не фрагментарно, а в целостном восприятии. Г. Торо показывает, что невозможно проконтролировать то, что делает природа. В Природе есть некий таинственный творческий процесс, однако этот процесс нельзя постичь сиюминутно – он открывается в терпеливом ожидании. Как отмечает в своей статье М. Н. Фомина, «Торо ощущает необходимость не только единения, но и проникновения в природу. Он стремится к тому, чтобы ощутить себя частью целого, частью Абсолюта. И ощутив это единение, Торо видит, что «каждая сосновая игла наливалась симпатией и предлагала мне свою дружбу». Таинство состоялось!» [12].

Для многих романтиков США первой половины XIX века природа их страны, как мы отмечали выше, прекрасна. Подтверждением могут служить строчки из произведения Э. По «Лось. (Утро на Виссахиконе)»: «Наиболее известные из английских путешественников, пытавшихся проводить такое сравнение, очевидно, принимают наше северное и восточное побережье за всю Америку или, по крайней мере, за все Соединенные Штаты, заслуживающие внимания. Они почти не упоминают – ибо еще меньше знают – великолепную природу некоторых внутренних областей нашего Запада и Юга, например, обширной долины Луизианы, этого истинного воплощения самых смелых видений рая» [9: 345]. И буквально следом мы читаем другие строчки, воспевающие красоту Американской Республики: «Однако это еще не все, чем мы можем похвастаться; и я даже осмеливаюсь утверждать, что в пределах Соединенных Штатов имеются бесчисленные уединенные и почти не исследованные места, которые подлинный художник или просвещенный любитель величавых и прекрасных творений Всевышнего предпочтет всем и каждому из упомянутых мною давно описанных и широко известных пейзажей» [9: 345]. Или еще одно описание природы Нового Света: «Я только что упомянул долину Луизианы. Из всех красивых местностей это, быть может, самая прекрасная. Никакой вымысел не сможет с нею сравниться. Самое богатое воображение сумеет нечто почерпнуть из ее пышной красоты. Ибо именно красота является ее определяющим признаком» [9: 346]. В произведении Э. По одни хвалебные слова во

славу Природы буквально тут же сменяются другими, не менее прекрасными: «Разительным примером может служить Виссахикон – ручей (ибо рекой его, пожалуй, не назовешь), впадающий в реку Скул-кил примерно в шести милях к западу от Филадельфии. Виссахикон отличается такой красотой, что, если бы он протекал в Англии, его воспевали бы все барды и расхваливали все языки» [9: 347]. Во всех этих фрагментах, на наш взгляд, прослеживается переключка с идеями Торо и Эмерсона о том, что воля Всевышнего реализуется через Природу.

Однако вместе с восхищением у Э. По в его произведении чувствуется страх за будущее Природы, а следом – и страх за будущее Америки: «Но скорее всего его берега были бы разбиты на баснословно дорогие участки, а затем застроены виллами богачей» [9: 347]. По мнению писателя, в отношении человека к природе раскрывается его внутренний духовный мир. Человек предстает не таким, каким он хочет показаться, а именно таким, каков он есть, так как, согласно Э. По, отношение к природе – это, прежде всего, результат духовной активности человека. Эволюционный процесс становления человека повлиял на природу, и она испытала на себе его негативное воздействие, констатирует писатель. Автор с горечью отмечает, что американский практицизм, нацеленный лишь на использование ПРИРОДЫ лишь в практических целях, обрек природу на безразличное и весьма негативное отношение к ней. Однако – Э. По развивает свою мысль – приобретя уверенность, американец первой половины XIX века в итоге столкнулся с преградой, которой явился он сам. Строя здесь, на Новой Земле, свой «Рай земной», американец не заметил, как изменилась внутренняя природа его личности.

О внутренней «природе личности» американца говорится и в творчестве Н. Готорна. Известно, что писатель считал, что природа человека изначально поражена грехом и остается неизменной, следовательно, нравственная эволюция сомнительна: «Поставьте людей лицом к лицу, с оружием в руках, и они так же готовы убивать друг друга сегодня, после стольких лет игры в мир и благоволение, как и в самые грубые времена, когда не было благотворительных обществ» [5: 340]. Н. Готорн убежден, что пока не очищено человеческое сердце – внутренняя природа человека останется прежней. Однако все же, по мысли писателя, надежда существует, чрезвычайно малая, но она существует: «Ни одно

человеческое усилие, по большому счету, не приводило к намеченной цели. Достижения всегда случайны... Мы обычно не достигаем блага, к которому стремились, но делаем добро, о котором и не помышляли» [16: 256]. По нашему мнению, Н. Готорн хочет верить, что в человеческой природе, так или иначе, все же заложено стремление к добру и любви.

Порвав со своей старой родиной, после провозглашения независимости в 1776 году Америка отвергла европейское христианство, полагая, что Вера на «Старой родине» деградировала. С верой всегда все было не просто, и сейчас, в XXI веке ничего не изменилось. Многие ученые, занимающиеся историей США, историей ее духовной жизни, сходятся на том, что американское общество, отбросив очень многие фундаментальные законы христианской морали, запуталось в сложном и противоречивом «мире религии». Об этом факте американской истории Владимир Легойда в статье «Религиозность по-американски» пишет: «На этой почве расцвело такое первоначально чисто американское явление как путешествующие евангелисты-проповедники, со временем превратившееся в шоу телепроповедников. Оно – плоть от плоти «газетной религии»: евангелисты путешествуют из города в город, проводя публичные проповеди, традиционно заканчивающиеся покаянием ряда грешников из числа присутствующих. Но дальше этого евангелист не идет. Он вынужден спешить в очередной город, где его ждут жаждущие (или сомневающиеся), которых он потом вновь оставит безо всякого руководства или, как сказали бы православные, «окормления» [8]. По мнению Владимира Легойды, все это привело американцев к моральной и эмоциональной незрелости и всеметаниям, отсюда проистекающим. Когда восприятие добра и зла происходит на уровне физиологии – тепло, холод – путаницы не избежать. Это очень хорошо прослеживается в американском обществе уже сегодня. Как отмечал в своей книге «Архетип и символ» К.-Г. Юнг, протестантское христианство превратилось в «дом с рухнувшими стенами, в который ворвались все ветры и все невзгоды мира» [15: 256].

В связи с вышесказанным нам хотелось бы привести цитату известного русского философа протоиерея Григория Флоровского (1893-1979): «В отделении и отдалении от Бога человеческая природа распатывается, разлагивается, разлагается. Самый состав человеческий оказывается нестойким и непрочным» [11: 191]. По мнению философа,

человек должен верить, верить в Бога, в добро, без всякой веры человек пустой. Подтверждение наших слов мы находим в произведении «Великий карбункул» Н. Готорна: «Они обернулись и увидели циника, который, поправив на носу свои огромные очки, глядел то на озеро и скалы, то на далекие гряды тумана, то прямо на Великий карбункул, но, казалось, не замечал его блеска, как будто все дотолерассеянные тучи вдруг сгустились, чтобы скрыть камень от его глаз. И даже когда этот неверующий повернулся спиной к скале и у ног его от яркого блеска сокровища пролегла густая тень, он и тогда не пожелал признать, что видит хоть слабый проблеск света» [2: 135]. Для циника Великий карбункул остался невидимым, так как он не верил в его существование. Нам представляется, что писателю хотелось донести до читателя мысль о том, что человек не может познать то, во что сам не верит.

В другом произведении, «Всесожжение земли», Н. Готорн напрямую говорит о том, что человечество, что бы ни случилось, никогда не должно забывать Бога, ВЕРА должна всегда озарять человеческие сердца. Писатель рисует такую картину: общество предпринимает попытку избавиться от всего «старого» и «грешного». В пламя бросается все, но Библия, брошенная в костер, однако, не поглощается огнем. По мысли писателя, именно в Библии американцу нужно искать ответы на все свои вопросы.

Первые колонисты, прибывшие на американский континент еще в XVII веке, были полны решимости построить на «новой земле» Рай земной. Не считавшее себя связанным со своим прошлым, новое американское общество не считало себя и связанным с первородным грехом, основополагающим фактом всей истории христианства. Уже к середине XVIII века в сознании американцев укоренилась вера в их «первородную невинность», так как новая нация, как считали американцы, порвала все нити со своим историческим прошлым, а значит, все грехи остались позади. Молодая американская нация считала, что на новую землю, в новый мир она пришла уже Без Греха по воле самого Творца. Американское общество первой половины XIX века верило, что божественное начало уже само заключено в человеке, то есть в самих американцах, так как в Библии написано, что человек был создан по образу и подобию Всевышнего. Этот образ «невинности» рядового американца представляет всю американскую нацию.

Нужно отметить, однако, что подобным утверждением был не согласен Н. Готорн. Его сомнения о возможности построения земного рая человеческими силами отражены в литературном творчестве писателя, в частности, в произведениях «Роман о Блайтдейле» и «Всесожжение земли». В «Романе о Блайтдейле» герой говорит: «Наша героическая попытка казалась какой-то фантазмагорией, маскарадом, пасторалью, поддельной Аркадией, в которую вздумали играть взрослые мужчины и женщины, устроив себе каникулы в отведенный им на земле век» [4: 249]. Через некоторое время Кавердейл – герой романа – покидает общину и спустя годы с горечью говорит о своем разочаровании в утопической вере: «Что касается прогресса человечества, то... пусть в него верит кто может и спешествует ему кто хочет. Если бы я был способен на первое или второе, у меня было бы куда легче на душе» [4: 261]. Как и Кавердейл, Н. Готорн не верит в возможность построения Земного рая человеческими силами. Причина этого, по нашему мнению, кроется в строках притчи «Всесожжение земли» писателя: «Если это правда, – заключает рассказчик, – то как прискорбен вывод, что извечное стремление человека к совершенствованию сделало его посмешищем для сил зла, потому что допустил человек роковую ошибку в самой сути борьбы. Сердце, сердце, пространство столь малое, но не знающее пределов, в котором гнездится порок, а все преступления и все страдания мира всего лишь проявления его. Пусть очистится это пространство внутри нас, и многие из зол, терзающих людей и кажущиеся им единственной реальностью, обратятся в туманные фантомы и исчезнут сами по себе, но если мы, не погружаясь в глубины сердца, станем пытаться понять и исправить наши ошибки только немощными средствами разума, то все достигнутое нами будет призрачным сном...» [3: 274]. По мысли писателя, источник всех зол лежит не где-то во внешних условиях человеческого бытия, а гораздо ближе и глубже – в самом сердце человека.

Немаловажен, по нашему мнению, и тот факт, что в первой половине XIX века американцы верили и в то, что богопознание лежит в смирении, однако, как указывает в статье «Америка далекая и близкая» Юрий Каграманов, «американцам, по крайней мере основного, то есть пуританского, корня, искони тоже было знакомо чувство смирения, но проявлялось оно иначе – так, как это предписано Кальвином в его учении о предопреде-

лении. Вопрос спасения или гибели каждого отдельного человека заранее решен Высшим судом, и ему лишь остается выслушать приговор, когда придет срок. Но пока каждый обязан трудиться в поте лица – вроде бы на себя и в то же время в буквальном смысле самозабвенно. Успех в этой жизни подает определенную надежду на спасение, но славить Бога должен и тот, кто заведомо осужден!» [6: 136]. Подтверждение тому мы находим в романе «Дом о семи фронтонах» Н. Готорна.

Делая вывод из всего вышесказанного, хотелось бы отметить, что именно в духовном облике Америки прошлого, как мы думаем, нужно искать истоки христианского персонализма, так ярко выраженного сегодня в США. Справедливо утверждение, что преобладание на Западе материальных интересов жизни над духовными неизбежно ведет к потере веры, социальной разобщенности, индивидуализму, противостоянию человека человеку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ващенко Г.И. История американской литературы в терминах. – М., 2000. – С. 254.
2. Готорн Н. Великий карбункул // Натаниель Готорн. Избранные сочинения. – Л., 1982. – С. 128.
3. Готорн Н. Всесожжение земли. // Натаниель Готорн. Избранные сочинения. – Л.: Художественная литература, 1982. – С. 214.
4. Готорн Н. Роман о Блайтдейле // Натаниель Готорн. Избранные сочинения. – Л., 1982. – С. 328.
5. Готорн Н. Преимущественно о военных вопросах. // Натаниель Готорн. Избранные сочинения. – Л., 1980 – С. 224.
6. Каграманов Ю. Америка далекая и близкая. // Новый Мир. – М., 1999, №12. – С. 136.
7. Ковалев Ю.В. Эдгар Аллан По: новеллист и поэт. – М., 1989. – С. 157.
8. Легойда В. Религиозность по-американски [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aquarun.ru/psih/relig/relig9.html> (дата обращения: 12.04.09).
9. По Э. Лось // Убийство на Улице Морг. – М., 1987. – С. 345.
10. Торро Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. – М., 1986. – С. 44.
11. Флоровский Г.В. Догмат и история. – М., 1998. – С. 191.
12. Фомина М.Н. Диалог о природе во времени и пространстве: поиск этических альтернатив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 86.110.96.3/faculty/unesco/konf1/essayas/FominaMN.doc (дата обращения: 12.04.09).
13. Эмерсон Р. Природа. – М., 2004. – С. 117-123.
14. Эмерсон Р.У. Эссе. – М., 1985. – С. 254.
15. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М., 1991. – С. 256.
16. Явилев К.В. Натаниель Готорн. Биография Франклина Пирса. // Диалог об американской литературе. – М., 2000. – С. 256.

N. Sedova

RELIGIOUS CONSCIOUSNESS OF AMERICAN SOCIETY IN THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY AND ITS REFLECTION IN THE LITERATURE

Abstract: There are no people who would not know religion, and hence, the emergence and development of religious ideas are connected with a human definite picture of the world that somehow reflects various options of specific religions. In this sense, one says about the consciousness of religion that emphasizes the following idea: On the one hand, the existence of religious ideas corresponds to the spiritual needs of human beings and on the other hand, religion is a reflection of society real sides of

life.

In this article the author attempts to explore the religious consciousness of the U.S. in the first half of the nineteenth century, through the literary works of American Romanticism. The author notes that the America of that period – is to overcome the fatal discord between the two faiths – belief in God and faith in man. American romantics in their works tried to find a solution of this problem, that runs through the whole history of the United States.

Key words: mentality, national character, religious consciousness, transcendentalism.

УДК 821.111.0

Татейшвили В.М.

ШЕКСПИРОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА: ТЕД ХЬЮЗ*

Аннотация: Тед Хьюз (1930-1998), один из самых ярких, значительных английских поэтов XX в., считал Шекспира «своим учителем». В книге «Уильям Шекспир и богиня целостного бытия» (1992), в стихотворении «Просперо и Сикоракса» Хьюз толкует его творчество с точки зрения мифа о великой Богине – Природе. Его суть – конфликт между Природой и разумом человека, провозгласившего себя центром вселенной, – выражена в поэме Шекспира «Венера и Адонис» и поэтической драме «Буря». Продолжение Хьюзом «линии» Шекспира выявляет принадлежность поэта к «мейнстриму» английской поэзии.

Ключевые слова: английская поэзия, традиция, миф, природа, разум.

Тед Хьюз (1930 – 1998) – одна из самых ярких и значительных фигур в английской поэзии второй половины XX в. Избрание его поэтом-лауреатом (это пожизненное звание введено в Англии в XVII в., этого звания были удостоены Дж. Драйден, У. Вордсворт, А. Теннисон) свидетельствует не только об общественном признании и художественной одаренности поэта, но и об его общенациональной значимости; соотечественники ви-

дят в Хьюзе не только крупного, но и наиболее английского поэта.

За рубежом (о нем вышло, как минимум, дюжина книг и более ста статей) и в России (В. Скороденко, М. Коренева, М. Цветкова, Е. Ветрова) о Хьюзе пишут как о поэте-натурфилософе, экзистенциалисте-стоике. Он вошел в историю английской поэзии как «поэт Природы», вписавшийся в один ряд с поэтами, которым близка тема природы, – Дж. М. Хопкинсом, Д. Г. Лоуренсом, Диланом Томасом, Р.С. Томасом. Однако Хьюзу, автору около двадцати поэтических сборников (наиболее значительные среди них – «Ястреб под дождем», 1957, «Луперкалии», 1960, «Вудву», 1967, «Ворон», 1970, «Песни времен года», 1976, «Гаудет», 1977, «Пещерные птицы», 1978, «Руины Элмета» и «Муртаун», 1979, «Река», 1983, «Письма ко дню рождения», 1998), свойственно своё видение этой темы, во многом переворачивающее представление об английской традиционной «поэзии природы»: его интересует противостояние человека и природы.

Известный и как литературный критик, эссеист, Хьюз замечает, что существуют два типа поэтов – традиционалисты (У. Шекспир, У.Б. Йейтс, Т.С. Элиот и Р. Грейвз) и новаторы, восстающие против «традиции» (Милтон, Блейк). Тяготее к традиционалис-

* © Татейшвили В.М.

там, он, однако, относился к литературной традиции двойственно. Порой она казалась ему тяжёлым грузом прошлого, мешающим поэту сказать свое слово. Вместе с тем поэзия виделась ему как процесс «переодевания»: поэты используют одни и те же базовые мифы, хранящиеся в коллективной бессознательной памяти, каждый в свое время «наряжает» их в свои «одежды», «сотканые» из метафор и образов и создает на их основе новые «узоры».

Толкуя понятие традиции в духе Т.С. Элиота, Хьюз полагал, что все поэты существуют не во временном, а в пространственном измерении. В Шекспире он видит величайшего поэта, в чьем творчестве в «квинт-эссенном» виде содержалась вся последующая английская поэзия. Он ощущал себя наследником Шекспира, в чем неоднократно признавался.

В книге эссе «Уильям Шекспир и богиня целостного бытия» (1992) Хьюз рассматривает творчество английского классика с точки зрения основного, по его мнению, мифа западной культуры – о Великой богине-Природе, суть которого в концентрированной форме сосредоточена в поэме Шекспира – «Венера и Адонис» (опубл. 1593).

В греческом мифе Афродита передала Адониса еще младенцем на воспитание цариче подземного царства Персефоне; позднее та не захотела его вернуть. Спор богинь решает Зевс: треть года Адонис живет у Персефоны, треть – у Афродиты, остальное время – сам по себе. Однажды на охоте его смертельно ранит вепрь. Согласно принятому толкованию мифа, Адонис – символ пробуждения природы весной и увядания осенью (нисхождение в подземное царство). В поэзии римлян миф о нем утратил религиозно-ритуальный смысл и обрел смысл эротический, например, в обработке Овидия в его «Метаморфозах» (10-я книга). Шекспир, шедший по стопам Овидия, изложил предание в духе философии эпохи Возрождения. Античный мир у него заразительно чувственный и красочный. Прельщенная красотой Адониса, Венера преследует его. В ней, как пишет А.А. Аникст, «говорит голос Природы. <...> Любовь – закон Природы. Она – та радость, которая дается человеку в награду за то, что он, продлевая свою жизнь в потомстве, делает Жизнь бесконечной» [5: 175]. Адонис отвергает любовь Венеры, ибо видит в ней похоть; ее чувственной любви он противопоставляет любовь как идеальное, божественное чувство. Эротическая поэма превращается в философский диспут о при-

роде любви. Кто победитель в этом диспуте? Адонис убегает от богини и погибает на охоте: перед смертью бессильны боги и люди; убив Адониса, она торжествует над Природой. Но на месте его гибели вырастает прекрасный цветок – воплощение идеала красоты и духовности. У Шекспира и Адонис, и Венера по-своему правы, «но союз духовного и телесного <...> не осуществляется. В этом трагизм жизни, ибо любовь, какой она является в действительности, бесконечно далека от прекрасного идеала» [5: 177].

Хьюз вносит свои коннотации в толкование смысла поэмы. Он находит в «Венере и Адонисе» конфликт чувственной, животворящей Природы и рационалистического знания: благочестивый, рационалистичный Адонис отвергает Природу в лице Венеры и его настигает ее возмездие в образе дикого вепря. Отказ Адониса от любви Венеры Хьюз расценивает как трагическую ошибку. Адонис, с его точки зрения, – прототип «главных героев» последующей английской литературы, именуемых им «героями-жертвами» провозглашенного в эпоху Возрождения равенства Природы и человека. Хьюз относится к Возрождению как философ консервативного направления (типа Т.С. Элиота, Ф.Р. Ливиса): Возрождение для него – трагическая страница в истории западной цивилизации: время, когда восторжествовал «дух рацио», природное начало было подавлено рациональным, апогей этого процесса – XX век, что позволяет Хьюзу назвать себя и Шекспира «современниками», находящимися на разных отрезках исторического времени, но под одним и тем же «покровом ночи души» западной цивилизации, отсюда у обоих ощущение духовного кризиса.

Для Хьюза величие Шекспира заключается в способности выражения энергии основного, с его точки зрения, мифа западной культуры (о Великой богине – Природе). Образ вепря, убивающего Адониса, Хьюз толкует не только как возмездие богини, но и как бессознательную сторону души самого героя. Пурпурно-белый цветок, выросший на могиле Адониса для поэта – символ гармонии и воссоединения двух частей души Адониса, его единения с миром Природы, «метафора возрождения» – теофания, т.е. проявление божественного начала, знамение разрешения «трагического уравнения» [3: 329]. По убеждению Хьюза, все твари – животные, растения, насекомые гармоничны, ибо неотъемлемы от Природы; лишь отделивший себя от нее человек лишен гармонии. Теофания для

Хьюза – обретение человеком согласия, гармонии с Природой, что сравнимо с вторым крещением.

Конфликт, характерный для «Венеры и Адониса», Хьюз находит и в пьесах Шекспира, прежде всего в «венце» его творческого пути, его «духовном завещании» – поэтической драме «Буря», именуемой Хьюзом «шекспировским иероглифом» [3: 404]. Его «расшифровка» отличается от традиционных, принятых толкований «Бури», хотя и перекликается с некоторыми из них. Ему не близка «оптимистическая» интерпретация «Бури»: Просперо – гуманист, идеальный герой, властитель «бури», Калибан олицетворяет собою зло в человеке, Шекспир в конце своего творческого пути мечтает «об идеальном обществе и новом человеке» (в отечественном шекспироведении это точка зрения А.А. Аникста, 5; М. и Д. Урновых, 10: 183). По мнению Л. Пинского, «Буря» – «драма-эпилог всего шекспировского театра» – прорыв в будущее «человечества с героем, укротившим Природу и Время» [8: 598]. Хьюзу ближе амбивалентный взгляд на Просперо: он не только бессилён изменить человеческую природу в лице Калибана, но и сам оказался в сомнительной ситуации [9]: научив Калибана говорить, выведав у него «секреты острова» (местоположение родников, угодий), он превратил его в своего раба. Конечно, понимание мира Шекспиром шире и глубже мировосприятия Просперо. Явно, что порой Шекспир сочувствует Калибану. Для Хьюза линия Просперо – Калибан главная в «Буре». На первый взгляд может показаться, что он не прав: действие пьесы сконцентрировано на отношениях бывшего миланского герцога с теми, кто его сверг, и перед нами – типичный шекспировский сюжет: интриги, измена, подлость, борьба за власть, изгнание, но именно в находящихся вроде бы не на первом плане отношениях Просперо и Калибана и сконцентрирован идейно-художественный смысл произведения: трагедия Просперо – результат его поражения в борьбе с Калибаном [7: 223].

Хьюзу созвучны толкования «Бури», в которых «стержень» драмы – линия Просперо – Калибан рассматривается как высшая и последняя ступень в восхождении «Шекспира по крестному пути размышлений о мире и человеке» [7: 229]. Ренессансный идеал распадается в самом Просперо на Ариэля и Калибана. Из-под лика чародея Просперо выглядывает «звериная морда»: нравственное чутье подсказывает Шекспиру, что истинно

человеческое несовместимо с произволом и насилием. Таким образом, Просперо – богочеловек, носитель идеала, не идеален, а его антипод – Калибан не однозначен. Не случайно, как заметил переводчик «Бури» на русский язык Михаил Донской, Калибан почти все время говорит стихами, а его собеседники – «вульгарной прозой» [6: 236]. Тема свободы возвышает, одухотворяет Калибана, и гармония, музыка – Ариэль покидает Просперо и уходит к нему. И дело не в том, что Просперо не смог переделать Калибана, а в том, что под сомнение поставлена моральная работа Просперо, казалось бы соответствующего представлению гуманистов о человеке как «венце вселенной». В «Буре», отмечает В.Б. Земсков, потерпели поражение не только «гуманистические утопии и мировоззренческие стереотипы того времени, но произошел глубинный надлом всей антропоцентристской системы философского мышления. Шекспир подошел к невероятному для того времени рубежу. Еще предстояли времена Руссо и Вольтера, краха иллюзий Великой французской революции, а интуиция художника уже отвергала все утопические представления о человеке» [7: 238].

Хьюз рассматривает противостояние Просперо и Калибана (сына колдуньи Сикораксы и злого духа) и как противоборство начал: рационального, мужского, и женского, природного. Просперо силой знания подчинил дикую природу острова (Калибан) своим целям, превратил Калибана в своего слугу, фактически раба, лишил его свободы, сделал несчастным. Калибан упрекает Просперо:

*«Я этот остров получил по праву
От матери, а ты меня ограбил.
<...> Теперь я раб. Меня в нору загнали.
А остров отняли!»* (Акт I, сц.2. Здесь и далее перевод Мих. Донского).

Но полностью подчинить себе Калибана Просперо не удаётся: «Нет, Калибана мне не приручить!» (Акт IV, сц.1). В конце концов, Просперо отрекается от своей роли «господина Природы» и «всезнания»:

*«<...> сломаю свой волшебный жезл
И схороню его в земле. А книги
Я утоплю на дне морской пучины.»* (Акт V, сц. I.), а в эпилоге признаёт:
«Я слабый, грешный человек <...>».

Метафору бури в пьесе Шекспира Хьюз толкует как драматический эквивалент образа вепря, т.е. проявление гнева Великой богини.

Примечательно, что Хьюз написал сти-

хотворение «Просперо и Сикоракса» (цикл «Семь подземных песен», 1979). Он увидел глубокий смысл в образе матери Калибана – Сикораксы, не упомянутой в списке действующих лиц «Бури»: к моменту действия ее нет в живых, но дух этой бывшей хозяйки острова незримо присутствует в пьесе. Просперо в разговоре с Ариелем называет ее «ужасной колдуньей», «проклятой ведьмой» (акт V, сц. I). У Хьюза иной взгляд на нее: он видит в ней провидицу, трагический персонаж, сопоставимый, с шекспировскими Офелией («Гамлет») и Корделией («Король Лир») или с мифологической Иокастой, женой фиванского царя Лая, матерью Эдипа, ставшей, не ведая того, женой сына – убийцы своего отца (узнав об этом, Эдип, как известно, ослепил себя). В стихотворении «Просперо и Сикоракса» Хьюз пишет:

*She knows, like Ophelia,
The task has swallowed him.
She knows, like George's dragon?
Her screams have closed his helmet.*

*She knows, like Jocasta,
It is over.
He prefers
Blindness. <...>*

His death, her death.

*«Она знает, подобно Офелии,
Это дело его погубит.
Она знает, как дракон, павший от копья
Святого Георгия,
Её ждёт гибель, её крики никто не услышит.*

*Она знает, как Иокаста,
Все кончено.
Он предпочтет
Слепоту. <...>*

Его смерть, её смерть» (Перевод наш. – В.Т., 2, 226)

В столкновении Сикораксы и Просперо, женского и мужского образов, поэт видит конфликт природы и разума. Тот же глубинный конфликт, на его взгляд, в основе «Гамлета», «Короля Лира», «Бури». Женские образы (Сикоракса, Офелия, Корделия) – воплощение Природы, её женственного начала. Отвергая их, герои Шекспира, по мнению Хьюза, отвергают Природу и совершают преступление против самих себя: Гамлет отвергает Офелию, Лир не верит в искренность Корделии, Просперо пытается подчинить себе природу в лице Сикораксы и Калибана. И разыгрыва-

ется драматическая коллизия («Буря») или трагедия («Гамлет», «Король Лир»).

В «Гамлете» и «Короле Лире» герои через страдание обретают новый взгляд на мир. Шекспир «спускает» своих героев «с небес на землю», повелители и господа (Лир, Глостер, его сын Эдгар) превращаются в гонимых, в жертв. Хьюз идет по стопам Шекспира: он изображает «повелителей» и жертв, его персонажи и сам поэт, в конце концов, обретают новое понимание жизни.

Хьюз – поэт, его цель – найти в прошлом, в данном случае в творчестве Шекспира – обоснование своих эстетических целей, вот он и выявляет то, что близко ему, по сути полемизируя с гуманистическими прочтениями, прежде всего, «Бури» Шекспира».

Хьюзовская концепция творчества Шекспира не бесспорна. Для него важен антропоцентризм Шекспира, конфликт природы и разума и попытка его преодоления. В творчестве Шекспира Хьюз находит подтверждение своей теории: великие поэты стремятся восстановить нарушенное равновесие мира.

Как заметил о Хьюзе поэт Даглас Данн: «Он – один из очень немногих поэтов, которых не оскорбительно, естественно поставить рядом с Шекспиром» (Цит. по: 4, 8). Простоту и живость языка поэзии Хьюза часто сравнивают с шекспировской. Как отмечают литературоведы Терри Джифорд и Нейл Робертс, «Хьюз – великий поэт, своим творчеством напомнивший англичанам об уникальности их языка, заставивший их вспомнить о том, что они говорят друг с другом на живом языке великого Шекспира, экспрессивном, простом и в то же время достаточно сложном, чтобы отразить все многообразие реальности вокруг и внутри нас [1: 11].

Действительно в поэзии Хьюза кипение чувств, инстинктов, страстей переданы стихом, построенным на прихотливых свободных ассоциациях, резких интонационных сдвигах, на сопряжении контрастных образов, столкновении «телесной», «плотской» лексики, чувственной, подчас до вульгарности, и слов «высокого ряда», архаизмов, обозначений абстрактных понятий и форм духовной активности: «вопиет освежаванный заяц», «к себе прислушивается мышь» («Папоротник», пер. С. Бычкова) или «у доблестных помыслов отгнивают корни» («Оскопленные фабричные трубы»). В то же время поэту свойственна неуклонная логика и последовательность в движении метафоры, графическая выпуклость словесного рисунка, соразмерность высказывания и ритма

строки, строфы, стихотворения. Одной из основных заслуг Хьюза критики считают то, что и является основной заслугой поэта – обновление языка поэзии. В стихах Хьюза преобладает напоминающий елизаветинскую поэзию «раскованный» и вместе с тем ритмизированный белый стих. «Мастерский мускулистый язык» Хьюза вдохнул новую жизнь в «мертвого гиганта поэзии».

Понимание и ярко, выразительно переданное в поэзии ощущение, возможно, «последнего кризиса» человечества, «корневого» конфликта современной цивилизации, а также продолжение Хьюзом «линии» Шекспира, которого он считал своим главным учителем, выявляет органическую связь поэта с национальной поэтической традицией и принадлежность его к «мейнстриму», т.е. «основному руслу» английской поэзии, и выдвигает его в первый ряд в англоязычной поэзии второй половины XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Gifford T., Roberts N. Ted Hughes: A critical study. L.: Faber & Faber, 1981. 188 p.
2. Hughes T. Selected poetry 1957 – 1981. L.: Faber & Faber, 1982. 238 p.
3. Hughes T. Shakespeare & the Goddess of Complete Being. L.: Faber & Faber, 1992. 517 p.
4. Viewpoint [Ph. Larkin, D. Dunn]: Ted Hughes // The Week. L., 1998. Nov.7, issue 178. P.8.
5. Аникст А.А. Творчество Шекспира. – М., 1963.
6. Донской Мих. Шекспир для русской сцены // Мастерство перевода. Сб. 10. – М., 1975.
7. Земсков В.Б. Какое завещание оставил нам Шекспир? // Вопросы литературы. – М., 1978. – № 6. – С. 218 – 240.
8. Пинский Л.Е. Шекспир. Основные начала драматургии. – М., 1971.
9. Рацкий И.А. «Буря» Шекспира // Классическое искусство Запада. – М., 1973. – С. 142 – 158.
10. Урнов М.В., Урнов Д.М. Шекспир. Его герой и время. – М., 1964.

V. Tateyshvili

TED HUGHES AND SHAKESPEARE

Abstract: Ted Hughes (1930-1998), one of the most well known English poets of the XX century, considered Shakespeare «his Teacher». In a book «Shakespeare & the Goddess of Complete Being», in a poem «Prospero and Sycorax» he interprets works of Shakespeare in the context of the myth of great Goddess – Nature. Its essence – conflict between Nature and a human being, who declares himself the center of universe, is expressed in Shakespeare's poem «Venus and Adonis» and poetical drama «Tempest». Continuation by Hughes of Shakespeare's tradition reveals his belonging to the mainstream of English poetry.

Key words: English poetry, tradition, myth, nature, mind.

РЕЦЕНЗИЯ

на учебник «Современный русский язык»
под ред. доктора филологических наук профессора
С.М. Колесниковой. (М.: Высшая школа», 2008. – 559 с.)

Учебник «Современный русский язык» / под ред. С.М. Колесниковой, вышедший в свет в 2008 году в издательстве «Высшая школа», адресован студентам-филологам, обучающимся по специальности «Русский язык и литература», а также студентам национальных отделений по специальности «Родной язык и литература с дополнительной специальностью». Учебник написан в соответствии с Программой курса «Современный русский литературный язык» и составлен с учетом стандартов ГОС ВПО второго поколения. Учебник носит базовый характер, в нем рассматриваются все основные разделы современного русского языка: Фонетика и Фонология, Орфоэпия, Графика, Орфография, Лексикология, Фразеология, Лексикография, Морфемика, Словообразование, Морфология и Синтаксис. Каждый раздел включает перечень основных понятий; языковые единицы подвергаются детальному, многоаспектному анализу; теоретические положения иллюстрируются яркими и убедительными примерами из произведений русской классики и современной литературы. Учебник раскрывает авторское видение проблемы развития лингвистической компетенции студентов-филологов, цель которой – формирование личности, обладающей глубокими знаниями в области современного русского языка.

Важным является обращение авторов к системе специальных средств развивающего обучения (ключевые слова, опорные таблицы, схемы анализа языковых единиц и т.п.).

В разделах «Фонетика», «Фонология» и «Интонация» описан звуковой состав русского языка (акустический, артикуляционный, лингвистический, перцептивный аспекты звуков речи); предложены правила транскрибирования, классификации звуков и фонем русского языка. Однако хотелось бы видеть в этих разделах не только общепринятые, традиционные точки зрения, но описание явлений с учетом современных методов инструментального анализа речи.

В разделах «Лексикология» и «Фразеология», учитывая современное состояние языка, классифицируются типы лексических и фразеологических единиц. В разделе «Лексикография» описываются основные типы словарей.

Концепция грамматического раздела учебника основывается на традиционном для русского языкознания *структурно-семантическом методе*, состоящем в рассмотрении единиц языка в единстве их формы и содержания (значения). Этот метод позволяет раскрыть системные связи и отношения в языке. Как известно, данный метод, разработанный В.В. Виноградовым, используется многими современными лингвистами в качестве ведущего научно-исследовательского метода, а также в практике школьного и вузовского преподавания русского языка.

В процессе изложения теоретического материала авторы рецензируемого издания опираются на ставшие классическими авторитетные источники (работы А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, В.В. Бабайцевой, П.А. Леканта, А.В. Бондарко и др.). Не остаются без внимания и последние достижения в области грамматики современного русского языка (работы Е.В. Алтабаевой, М.В. Дегтяревой, С.М. Колесниковой, А.Б. Копелиовича, В.В. Леденевой, Н.А. Николиной, Ю.С. Степанова, Т.Е. Шаповаловой, А.Л. Шарандина и др.), благодаря чему в учебник вводятся новые понятия и термины, освещаются активные процессы в современном русском языке.

Начиная раздел «Морфология», авторы отмечают, что вопрос о системе частей речи в русской грамматике до сих пор однозначно не решен. Части речи понимаются в учебнике как «большая или меньшая группа слов, которая характеризуется общим лексико-грамматическим значением, формально-морфологическими признаками, преимущественной синтаксической ролью в предложении и своими особенностями в словообразовании». Авторы делят части речи на знаменательные и служебные и отмечают особое положение модальных слов и междометий, что соответствует традиции. Отмечается, что любая классификация частей речи условна. Анализ каждой части речи начинается с четкого определения, сложные теоретические вопросы излагаются в доступной форме.

Достоинством этого раздела, отличающими данный учебник от изданий других авторов, можно, на наш взгляд, считать использование понятия «градуальность» при

изучении степеней сравнения имен прилагательных; рассмотрение морфологических категорий наклонения, времени и лица глагола как ядерных средств выражения функционально-семантических категорий модальности, темпоральности и персональности соответственно; дифференциацию категорий морфологического и синтаксического лица.

В синтаксической части учебника представлены разделы, освещающие вопросы, связанные с классификациями словосочетаний и предложений, со структурно-семантической организацией простого предложения, с типологией главных членов двусоставного предложения – подлежащего и сказуемого. При рассмотрении вопроса о функциональных типах предложения наряду с традиционно выделяемыми повествовательными, побудительными и вопросительными типами вводится новое понятие – «оптативные предложения», обосновывается функциональная самостоятельность этого типа в русском языке. Уточняются основания типологии подлежащего и сказуемого (в соответствии с классификацией П.А. Леканта): выделяются два типа подлежащего: номинативное и инфинитивное, - и два типа сказуемого: простое и составное. Большое внимание уделено теме «Односоставные предложения», обосновывается их самостоятельность в грамматической системе русского языка, проводится отграничение их от двусоставных и неполных, подробно описываются структурно-семантические разновидности. Вместо терминов «подлежащее» и «сказуемое» предлагается термин «главный член односоставного предложения» (П.А. Лекант).

Сложное предложение понимается авторами как синтаксическая единица, представляющая собой объединение двух или более предикативных частей, характеризующаяся структурным и семантическим единством, функционирующая как одна коммуникативная единица. Предикативные части, входящие в нее, аналогичны по форме простому предложению, однако в составе сложной конструкции утрачивают интонационную и смысловую самостоятельность. Взаимодействуя друг с другом, они выражают развернутое сообщение, целостное по своему характеру.

При рассмотрении сложного предложения используется многоступенчатая структурно-семантическая классификация (Н.С. Поспелов, Л.Ю. Максимов, В. А. Белошапкова). На первой ступени выделяется структурный тип предложения, на второй –

структурно-семантический разряд, на третьей – семантические разновидности (при их наличии).

В качестве самостоятельного раздела представлен синтаксис текста, описывающий сложное синтаксическое целое и диалогическое единство как различные способы реализации текста в языке и речи.

Актуальность данного учебника не вызывает сомнения, поскольку, как показывает практика, высшая школа на современном этапе испытывает острую необходимость в учебниках и учебных пособиях нового поколения по современному русскому языку. Учебник представляет собой полезное и весьма своевременное издание не только для студентов-филологов, но и для преподавателей, аспирантов и магистрантов, учащихся колледжей, гимназий и лицеев.

Н.А. Герасименко, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка МГОУ

Международная научная конференция во Владимирском государственном гуманитарном университете

24-26 сентября 2009 года состоялась VIII международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект». В качестве организатора конференции выступила кафедра русского языка филологического факультета Владимирского государственного гуманитарного университета. В мероприятии приняли участие ученые разных стран: России, Украины, Польши, Болгарии, Венгрии, Японии.

Конференция открылась 24 сентября пленарным заседанием, на котором с приветственным словом к участникам обратилась проректор по научной работе, международным и общественным связям ВГГУ д.ф.н. проф. Н.В. Юдина. В рамках пленарного заседания были сделаны доклады, посвященные актуальным вопросам состояния современной грамматической системы.

П.А. Лекант, д.ф.н., проф., зав. кафедрой современного русского языка МГОУ, академик МАНПО, академик-секретарь отделения русского языка, вице-президент МАНПО, обратился в своем докладе к проблеме интенсификации как особой синтаксической формы субъективности.

П.В. Чесноков, д.ф.н., проф. (Таганрог), описал синтагматику простого предложения в аспекте синтаксических отношений между его компонентами – подчинения и сочинения.

Л.Г. Зубкова, д.ф.н., проф. (Москва), посвятила свой доклад обоснованию принципа знака, его категориально-иерархической организации и системной грамматической мотивированности.

С.М. Колесникова, д.ф.н., проф. (Москва), выявила систему средств выражения ядра и периферии функционально-семантического поля градуальности.

Л.А. Чернова, д.ф.н., проф. (Коломна), рассказала о модальной синтагматике причастных аналитических конструкций в простых предложениях с ирреальным модальным значением.

А.Б. Копелиович, д.ф.н., проф. (Владимир), именные части речи как систему лексико-грамматических классов, характеризующихся как общностью, так и различием морфолого-семантических признаков.

В.И. Фурашов, д.ф.н., проф., зав. ка-

федрой русского языка ВГГУ, осветил проблему местоименности как особой субъективно-объективной категории, пронизывающей весь строй языка.

Т.С. Моница, д.ф.н., проф. (Электросталь), обратилась к вопросу о диалектических отношениях синтагматики и парадигматики как основе структурной типологии.

М.В. Пименова, д.ф.н., проф. (Владимир), зав. кафедрой русского языка ВГГУ, выявила черты устойчивых сравнений и смежных видов семантических сближений в древнерусском тексте.

В рамках конференции ученые объединились по интересам и работали по направлениям: «Общее языкознание. Когнитивистика», «Синтаксис в вузе и школе», «Синтагматика текста: лексика и грамматика», «История языка. Лексикология. Диалектология». Работа секций прошла в обстановке творчества и заинтересованности. Представленные доклады вызвали большой интерес и активно обсуждались.

Материалы конференции включены в сборник «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (Владимир, 2009) и дают представление о современном состоянии исследований в сфере рассматриваемого комплекса языковых проблем.

*Кандидат филологических наук,
докторант кафедры современного
русского языка МГОУ
Е.Н. Топтыгина*

Наши авторы

Астахина Людмила Юрьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института Русского языка академии наук; тел. 8-916-950-90-83

Бэбэльска Катажина, аспирант Московского государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; e-mail: mindliny@mail.ru

Балагова-Кандур Любовь Хазретаалиевна, докторант Института мировой литературы им. М. Горького; e-mail: mindliny@mail.ru

Баранова Ксения Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Московского городского педагогического университета; e-mail: Ksenia_Bar@tochka.ru

Герасименко Наталья Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: kafedralekant@yandex.ru

Гладилин Никита Валерьевич, кандидат филологических наук, доцент Литературного института им. А.М. Горького (г. Москва), докторант кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета; e-mail: 25208@starnet.ru

Горланов Геннадий Елизарович, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, член Союза писателей России; тел. 8-960-319-80-19.

Гребенкова Юлия Михайловна, аспирант Московского городского педагогического университета; e-mail: Grebenkova-j@mail.ru

Григоренко Марина Юрьевна, аспирант кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета; e-mail: MarishaG1@yandex.ru

Девятова Надежда Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры Московского городского педагогического университета; e-mail: Deviatovan@mail.ru

Дубовик Елена Игоревна, аспирант кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета; e-mail: dubovik05@yandex.ru

Дудин Алексей Александрович, аспирант кафедры современного русского языка Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина; e-mail: dudin@post.rzn.ru; dudinrzn@gmail.com

Ермошин Федор Андреевич, аспирант филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: fermoshin@mail.ru

Ефимова Людмила Николаевна, старший преподаватель общеуниверситетской кафедры иностранных языков Московского городского педагогического университета; тел. 959-65-13

Жаткин Дмитрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии, академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования РФ; e-mail: ivb40@yandex.ru

Жучкова Надежда Валентиновна, аспирант кафедры современного русского языка Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара; редактор редакционно-издательского отдела; e-mail: zhuchkovIB@yandex.ru

Казанцева Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков Тверского государственного университета; e-mail: irina10768@mail.ru;

Карасик Ольга Борисовна, кандидат филологических наук, доцент Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета; e-mail: karassik1@yandex.ru

Козлинская Ольга Александровна, соискатель степени кандидата филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: mindliny@mail.ru

Коломиец Елена Васильевна, соискатель кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; тел. 521-93-87

Красникова Ольга Владимировна, аспирант заочного отделения кафедры русской литературы и фольклора Московского городского педагогического университета; тел. 417-14-78, 8-917-528-83-53.

Краюшкина Наталья Николаевна, аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: zetta18@mail.ru

Мамечков Степан Геннадьевич, аспирант кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: mamechkov@

mail.ru.

Николашвили Марина Николаевна, соискатель кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; 8-916-862-74-65

Никульцева Виктория Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка, культуры речи и риторики Московского государственного областного университета; тел. 8-916-735-07-88

Новикова Альбина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры истории литературы и мировой культуры Уссурийского государственного педагогического института; e-mail: novikalex.49@mail.ru

Одинцова Елена Сергеевна, аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина; e-mail: kramakha@yandex.ru

Озерова Елена Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета; тел. 8 (4722) 27-79-19

Павлов Роман Валериевич, аспирант кафедры современного русского языка Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина; тел. 8-920-635-54-20

Папуша Ирина Сергеевна, кандидат педагогических наук, Российский государственный университет туризма и сервиса; тел. 8-903-141-77-42

Папян Леон Юрьевич, аспирант кафедры русского языка Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского; e-mail: uraryan@mail.ru

Полякова Светлана Витальевна, соискатель кафедры русского языка филологического факультета МГГУ им. Шолохова, e-mail: mindliny@mail.ru

Попов Владимир Николаевич, аспирант филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; v-n-popov@yandex.ru

Попова Нина Семеновна, кандидат филологических наук, доцент Российского государственного социального университета (филиал в г. Воронеже); e-mail: popovans08@mail.ru

Рамазанова Гюльназ Гилемдаровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы; тел. 8 (3472) 73-69-25

Родионова Инесса Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского; e-mail: Inessa96@bk.ru

Рослова Е.Ю., аспирант филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: contact@philol.onsu.ru

Седова Наталья Александровна, соискатель кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета; e-mail: tasha0502@rambler.ru

Сорокина Светлана Николаевна, аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания Нижневартковского государственного гуманитарного университета; тел. 8-922-655-30-43

Тарасова Марина Романовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета; e-mail: baginskay56@mail.ru

Татейшвили Виктория Михайловна, соискатель степени кандидата филологических наук Московского государственного областного университета, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук; e-mail: victoria_tatej@mail.ru

Топтыгина Елена Николаевна, кандидат филологических наук, докторант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: kafedralekant@yandex.ru

Чернин Владимир Константинович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики начального образования Ульяновского государственного педагогического университета; e-mail: ivb40@yandex.ru

Шеватлохова Елена Дмитриевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка Адыгейского государственного университета; тел. 8-918-42-89-132

Шестопалова Галина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; тел. 8(905)544-29-20

Щербина С.И., доктор филологических наук, Нижневартковский государственный гуманитарный университет; тел. 8(3466)44-39-50

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О «ВЕСТНИКЕ МГОУ»

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году.

Многосерийное издание университета – «Вестник МГОУ» – включено в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением президиума ВАК России 6.07.2007г. (См. Список на сайте ВАК, редакция апреля 2008 г.).

В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», каждая из серий будет выходить 4 раза в год, все 10 – в рекомендательном списке ВАК (см.: **прикреплённый файл** на сайте www.mgou.ru).

Первый номер по всем сериям подписывается в печать 5 февраля, второй - 5 мая, третий - 5 августа, четвертый - 5 ноября; с этой даты статью можно указывать в авторефератах.

Подписка на Журнал осуществляется на почте через каталог Агентства «Роспечать» или непосредственно в Издательстве МГОУ.

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ»
в каталоге «Газеты и журналы», 2009, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» (всех его сериях), публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. **Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов.**

Для публикации статей в сериях «Вестника МГОУ» необходимо по электронному адресу baska-bella@mail.ru прислать в едином файле (в формате Word) следующую информацию:

- а) авторскую анкету:
 - фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках;
 - ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства (полное название, а не аббревиатура) на русском и английском языках;
 - адрес (с индексом) для доставки Ваших номеров журналов согласно подписке;
 - номер контактных телефонов (желательно и мобильного);
 - номер факса с кодом города;
 - адрес электронной почты (личный или учреждения);
 - желаемый месяц публикации;
- б) аннотацию на русском и английском языках (примерно по 400 знаков с пробелами);
- в) ключевые слова на русском и английском языках;
- г) текст статьи;
- д) список использованной литературы.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на ее публикацию.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно 1) раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов, 2) отмечается научная и практическая значимость статьи, 3) указывается на соответствие ее оформления требованиям «Вестника МГОУ». Замечания и предложения рецензента, если они носят частный характер, при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой). Авторы получают рецензии с мотивированным отказом в публикации. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Объединенную редакцию «Вестника МГОУ»: aytor@yandex.ru, конт. тел. (495) 723-56-31. Наш адрес: ул. Радио, д.10а, комн.98. Потапова Ирина Александровна.

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, перерыв с 13 до 14 часов. Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» профессор Волобуев Олег Владимирович.

Более подробную информацию можно получить на сайте www.mgou.ru

Требования к оформлению статей

- документ MS Word (с расширением doc);
- файл в формате rtf;
- текстовый файл в DOS или Windows-кодировке (с расширением txt).

В начале публикуемой статьи приводится индекс УДК, который должен проставить автор, руководствуясь сведениями, полученными в библиографических отделах библиотек, которые располагают изданиями «Универсальной десятичной классификации» (УДК).

Файл должен содержать построчно:

на русском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Фамилия, имя, отчество (полностью) Полное наименование организации (в скобках - сокращенное), город (указывается, если не следует из названия организации) Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Аннотация»
на английском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Имя, фамилия (полностью) Полное наименование организации, город Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Abstract»
на русском и английском языках	Перечень ключевых слов в количестве 5-7
на русском языке	Для докторантов минимальный объем статьи 16000 символов, включая пробелы Список литературы

Формат страницы - А4, книжная ориентация. Шрифт не менее 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный.

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах
- **допускается** выделение слов полужирным, шрифтом подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;
- **наличие рисунков, формул и таблиц** допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем – не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. **Все формулы** должны быть созданы с использованием компонента **Microsoft Equation** или в виде четких картинок

- **запрещено уплотнение интервалов;**

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках. Например: [Александров А.Ф. 1993, 15] или [1, 15]. В первом случае в скобках приводятся фамилии и инициалы авторов использованных работ и год издания, во втором случае делается ссылка на порядковый номер использованной работы в пристатейном списке литературы. После запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затекстовые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещают после основного текста статьи и перед списком литературы.

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла в электронном и бумажном варианте!

Ответственный редактор серии «Русская филология» – доктор филологических наук профессор Лекант Павел Александрович, зам. отв. редактора – доктор филологических наук профессор Шаповалова Татьяна Егоровна.

Адрес редколлегии серии «Русская филология» «Вестника МГОУ»: 107005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 21-а, МГОУ, комн. 105. Телефон (495) 265-08-07.

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
«Русская филология»

№ 4

Подписано в печать: 05.11.2009.
Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBookC».
Уч.-изд. л. 22,5. Усл. п. л. 14,25. Тираж 275 экз. Заказ № 197.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, Радио, д. 10а.